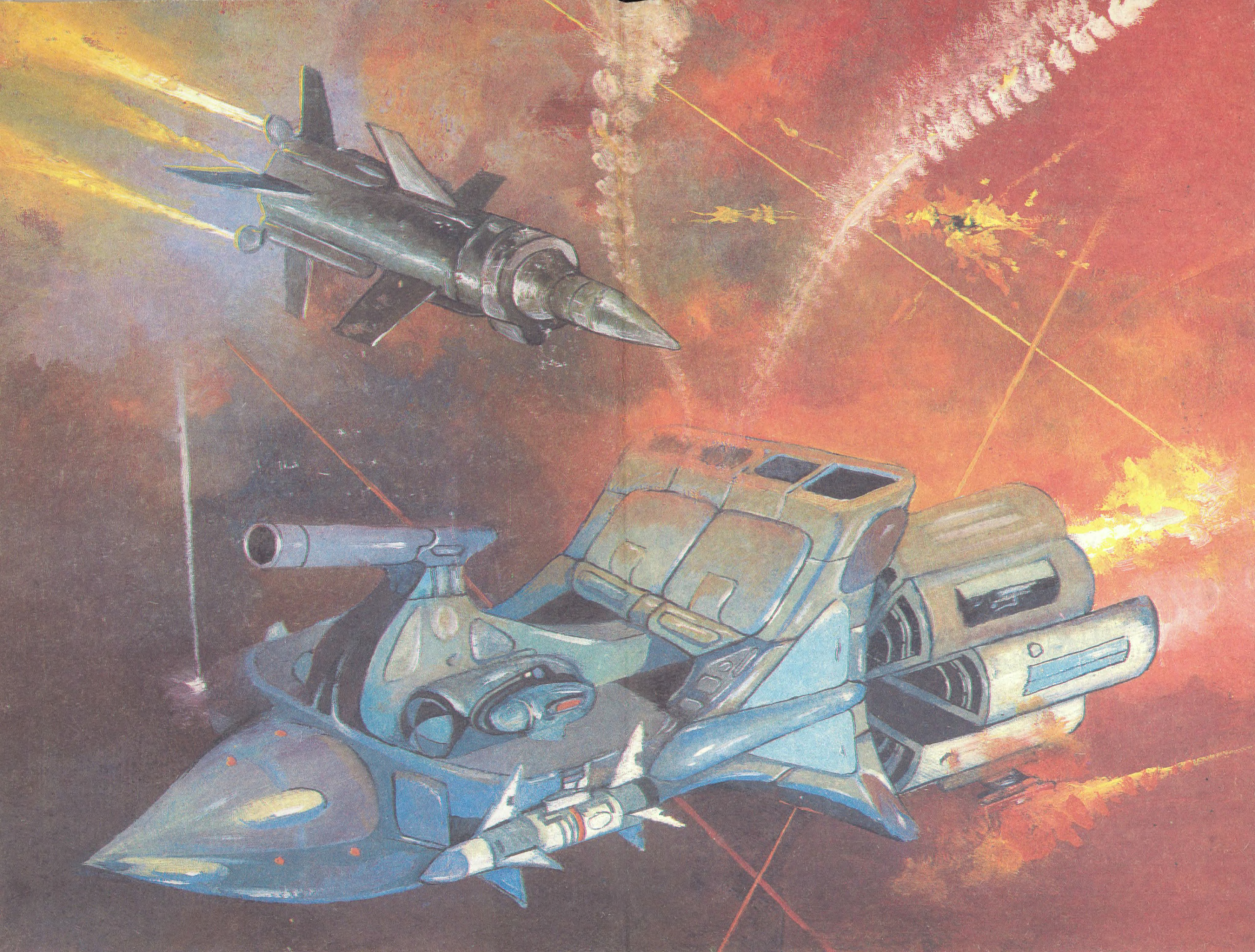

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

3

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume three

**TUNNEL IN THE SKY
STARSHIP TROOPERS**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга третья

ТУННель В НЕБЕ ЗВЕЗДНАЯ ПЕХОТА

Издательская фирма «Полярис»
1994

ББК 84.7США
Х15

Tunnel in the Sky
Copyright © 1955 by Robert A. Heinlein

Starship Troopers
Copyright © 1959 by Robert A. Heinlein

Туннель в небе
© 1990 А. Корженевский,
перевод на русский язык

Звездная пехота
© 1990 А. Дмитриев,
перевод на русский язык

© 1992 А. Кириллов, *иллюстрации*

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Книга выпущена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

Х 4703040100—047 Без объявл.
94

ISBN 5-88132-097-2

ТУННель В НЕБЕ

Марширующие орды

На доске объявлений у аудитории 1712-А средней школы имени Патрика Генри мигал красный сигнал. Род Уокер попытался протиснуться через толпу учащихся, чтобы взглянуть, что там за объявление, но ему тут же двинули локтем в живот и посоветовали не толкаться.

— Извини, Джимми, я не нарочно. — Род зажал локоть в борцовском захвате, но давить не стал и, вытягивая шею над головой Джимми Трокстона, спросил: — Что там такое?

— Сегодня занятий не будет.

— Почему?

Ответил ему кто-то стоящий у доски:

— А потому что завтра начнется «Идущие на смерть приветствуют тебя, о Цезарь!»

— Серьезно? — Род почувствовал, что внутри у него все сжимается в тугой узел, как это обычно бывает перед экзаменами. Затем кто-то отодвинулся в сторону, и он наконец прочел объявление:

СРЕДНЯЯ ШКОЛА имени ПАТРИКА ГЕНРИ Отделение общественных наук

ВНИМАНИЮ всех слушателей курса 410 (факультативный семинар для учащихся старших классов)

«Выживание: дополнительные сведения».

Инстр. — доктор Мэтсон. 1712-А.

1. В пятницу 14 числа занятия отменяются.

2. Настоящим объявляется *двадцатичетырехчасовая готовность* к финальным экзаменам по одиночному выживанию. Слушатели курса должны явиться на медицинское освидетельствование в 9.00 в амбулаторию при терминале «Темплтон» и в 10.00 с трехминутным интервалом начнут проходить ворота.

3. УСЛОВИЯ ИСПЫТАНИЙ:

а) *любая планета, любой климат, любой рельеф местности.*

б) *никаких правил, оружие любое, снаряжение любое.*

в) *разрешается объединяться в группы, но члены групп будут проходить ворота по отдельности.*

г) *продолжительность экзамена* — не менее сорока восьми часов и не более десяти суток.

4. Доктор Мэтсон консультирует в пятницу до 17.00.

5. Испытание может быть перенесено только по рекомендации врача, однако любой из учащихся имеет право отказаться от участия без всяких административных последствий до 10.00 субботы.

6. Удачи и долгих лет жизни вас всем!

Подп. — Б. П. Мэтсон, д.н.

Согласовано: Дж. Р. Рорих, член совета директоров.

Пытаясь унять волнение, Род Уокер медленно перечитал объявление. Еще раз прочел условия. Впрочем, какие тут условия? Это, скорее, «вообще никаких условий», полное отсутствие каких-либо ограничений! Тебя могут швырнуть через ворота, а в следующее мгновение ты нос к носу столкнешься с белым медведем при температуре минус сорок или сцепишься в теплой соленой воде с осьминогом.

Или же, подумал он, окажешься перед каким-либо трехголовым чудовищем, причем на планете, о которой никогда раньше не слышал.

Чей-то дискант в стороне пожаловался:

— *Двадцатичетырехчасовая готовность!* Да уже меньше двадцати часов осталось. Это просто нечестно!

— *Какая разница?* — откликнулась вторая девушка. — *Лучше бы они, начинали прямо сейчас. Я все равно сегодня не засну.*

— Но если нам полагается двадцать четыре часа на подготовку, должны быть двадцать четыре часа. Чтобы все было справедливо.

Еще одна участница будущих испытаний, высокая зулусская девушка, мягко усмехнулась.

— А ты пойдй скажи об этом Мастеру.

Род выбрался из толпы и вытянул за собой Джимми Трокстона. Похоже, он и так знал, что «Мастер» Мэтсон может ответить на подобные претензии. Справедливость, мол, не имеет к выживанию никакого отношения. Однако пункт пятый заставил на какое-то время задуматься. Никто его не упрекнет, если он решит бросить этот курс. В конце концов, «Выживание: дополнительные сведения» — курс институтский; школьный аттестат выдадут и без него.

Но он знал: если струсит сейчас, то уже никогда не наберется смелости на второй заход.

— И как тебе все это нравится, Род? — нервно спросил Джимми.

— Я полагаю, ничего страшного. Узнать бы только, стоит ли надевать подштанники с ворсом. Как думаешь, может, Мастер намекнет?

— Жди! У него с юмором туговато. И вообще, этот тип родную бабку съест — не поморщится, причем без соли.

— Ну это ты загнул. Без соли он есть не станет... Послушай, Джим... Ты видел, что там написано насчет групп?

— Да... А что? — Взгляд Джимми ушел в сторону.

Род почувствовал мимолетный всплеск раздражения. Ведь он пытался сделать предложение, ничуть не менее ответственное, чем, скажем, когда предлагаешь девушке руку и сердце. Он предлагал ему объединиться и бороться за жизнь вместе. Самая большая опасность одиночного испытания заключается в том, что его участник, хочет он того или нет, а должен хоть иногда спать. С напарником же можно поделить вахты и дежурить по очереди.

Джимми прекрасно знал, что Род подготовлен лучше — как с оружием, так и без него. Предложение было явно в его пользу. И все же он колебался, словно думал, что без Рода ему будет легче.

— В чем дело, Джим? — спросил Род настороженно. — Ты полагаешь, в одиночку будет безопасней?

— Нет, не в этом дело...

— Хочешь сказать, что лучше договоришься с кем-то еще?

— Нет, что ты! Я совсем не это имел в виду.

— А тогда что?

— Я хочу сказать... Слушай, Род, я тебе в самом деле очень благодарен и никогда этого не забуду. Но в объявлении было и еще кое-что...

— Что именно?

— Там сказано, что можно бросить этот курс и все равно закончить школу. А я как раз вспомнил, что для торговли одеждой он совсем не нужен.

— Как это? Ведь ты собирался стать юристом широкого профиля.

— Выходит, эта экзотическая область юриспруденции потеряет свою ярчайшую звезду... И бог с ней. Мой старик будет очень рад, когда узнает, что я решил продолжить семейное дело.

— Короче, ты испугался.

— Можно и так сказать. А ты?

Род сделал глубокий вздох.

— Я тоже боюсь.

— Блеск! Давай вместе продемонстрируем классический пример выживания и подпишем отказные листы?

— М-м-м... нет. Но ты иди.

— Будешь сдавать?

— Видимо.

— Послушай, Род, а ты видел статистику по выпуску прошлого года?

— Нет. Я не хочу ничего видеть. Пока. — Род резко повернулся и двинулся к двери аудитории. Джимми остался на месте, провожая его встревоженным взглядом.

В аудитории разместилось более десятка слушателей курса. Доктор Мэтсон по прозвищу Мастер сидел, скрестив ноги по-турецки, на краю своего стола и вещал в довольно легкомысленной манере. Роста он был небольшого, жилистый, с худым лицом. Один глаз закрывала черная повязка, а на левой руке не хватало трех пальцев. На груди инструктора поблескивали ми-

ниатюрные орденские планки за участие в трех очень известных первых экспедициях; одну из них украшало крошечное бриллиантовое созвездие, означавшее, что он — единственный, кто остался после этой экспедиции в живых.

Род проскользнул во второй ряд. Мастер повел взглядом в его сторону, но не стал прерываться.

— ...не понимаю, на что вы жалуетесь, — добродушно говорил он. — В условиях сказано «любое оружие», так что вы можете брать для защиты что угодно — от рогатки до кобальтовой бомбы. Я лично считаю, что финальную проверку нужно проводить с голыми руками. Чтобы даже пилки для ногтей не было. Но Совет по образованию не согласен, и поэтому экзамен будет проходить в таких вот тепличных условиях.

— Э-э-э... Доктор, значит, Совет знает, что мы столкнемся с опасными животными?

— А? Обязательно столкнетесь с самым опасным животным на свете.

— Если это не просто оборот речи...

— Разумеется, нет!

— Тогда нас или посылают на Митру, где водятся снежные обезьяны, или выбросят где-нибудь здесь, на Земле, где мы столкнемся с леопардами. Я прав?

Мастер разочарованно покачал головой.

— Мальчик мой, я думаю, тебе лучше отказаться от экзамена и пройти курс заново. Эти тупые твари совсем не опасны.

— Но у Джаспера в «Хищниках и жертвах» сказано, что два наиболее коварных и опасных вида...

— Черт с ним, с Джаспером! Я же говорю о настоящем царе зверей, о единственном животном, которое опасно всегда, даже когда не голодно. О двуногих хищниках! Посмотрите вокруг! — Инструктор наклонился вперед и продолжал: — Я вам сто раз повторял, но вы все равно никак не усвоите. Человек — это единственное животное, которое нельзя приручить. Когда его это устраивает, он годами может вести себя тихо, как корова. А когда не устраивает, даже леопард по сравнению с ним выглядит кошкой. Это вдвойне касается женских особей. Посмотрите вокруг еще раз. Тут все друзья. Мы вместе проходили проверки на группо-

вое выживание и, казалось бы, можем друг на друга положиться. Так? Но почитайте об экспедиции Доннера или о Первой Венерианской! Кроме того, на вашей территории будет еще несколько групп, люди, которых вы совершенно не знаете. — Доктор Мэтсон вперил в Рода свой единственный глаз. — Мне, право, жаль, что некоторые из вас решились на этот экзамен, честное слово. Есть люди, по природе городские жители. Боюсь, мне так и не удалось вдолбить вам, что там, куда вы собираетесь, нет полисменов. И меня тоже не будет рядом, если вы совершите какую-нибудь глупую ошибку.

Взгляд инструктора ушел в сторону, и Род задумался, не его ли тот имел в виду. Иногда ему казалось, что Мастер просто наслаждался, устраивая ему тяжелую жизнь. Однако он знал, что этот курс обязателен для всех, кто собирался работать во Внеземелье, ибо во Внеземелье полно таких мест, где ты или сообразителен, или мертв. Род решил пройти курс еще до колледжа — в надежде, что это поможет ему получить стипендию, — но он прекрасно понимал, что это не пустая формальность.

Оглядывая аудиторию, Род задумался: теперь, когда Джимми выбыл, ему надо сговориться с кем-то еще. Впереди сидели Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. Их он отмел сразу: эти наверняка отправятся вдвоем. Они собирались стать медицинскими миссионерами и планировали пожениться, как только смогут.

Может быть, Иоганн Браун? Из него получился бы отличный напарник: силен, быстр и сообразителен. Однако Род не доверял ему и, кроме того, просто не был уверен, что тот захочет отправиться с ним. Похоже, он совершил ошибку, не подружившись ни с кем, кроме Джимми.

Эта зулусская девушка, Каролина, с совершенно непроизносимой фамилией... Сильна как бык и абсолютно бесстрашна. Но брать в напарники девушек... Они часто принимают строгие деловые отношения за романтические гамбиты. Взгляд Рода скользнул по рядам, но в конце концов он был вынужден признать, что в аудитории нет никого, кому он хотел бы предложить стать его напарником.

— Проф, может, вы хоть намекнете? Брать с собой масло для загара или как?

Мэтсон усмехнулся.

— Сынок, я рассказал вам все, что знаю. Место для проведения экзамена выбрано преподавателем из Европы, а я выбирал место для его класса. Но где это, я знаю не больше вашего. Так что можете прислать мне оттуда открытку.

— Но... — задавший вопрос парень вдруг замолк, потом резко встал. — Проф, эта несправедливая проверка. Я выбываю.

— Мы, конечно, думали о справедливости в последнюю очередь, но я не понимаю, почему все-таки испытания кажутся вам несправедливыми.

— Нас могут забросить куда угодно...

— Верно.

— ...на обратную сторону Луны, в вакуум. Или на планету с хлорной атмосферой. Или куда-нибудь посреди океана. Я даже не знаю, что с собой брать — скафандр или каноэ. Так что черт с ним, с этим экзаменом. В реальной жизни так не бывает.

— Не бывает, значит? — вкрадчиво переспросил Мэтсон. — То же самое сказал Иона, когда его проглотил кит. Однако я могу дать вам кое-какие наводки. Испытания, по нашему мнению, может выдержать любой, у кого хватит сообразительности и сноровки. То есть мы не выбросим вас в ядовитую атмосферу или в вакуум без дыхательных аппаратов, а если вы окажетесь в воде, то берег будет близко. В таком вот духе. Я не знаю, куда именно вас отправят, но я видел список экзаменационных территорий для выпускников этого года. Любой достаточно сообразительный человек может там выжить. Ты должен понимать, сынок, что Совет по образованию отнюдь не стремится прикончить всех претендентов на ключевые профессии.

Парень сел так же резко, как вскочил.

— Уже передумал? — спросил инструктор.

— Э-э-э... Да, сэр. Если испытания справедливые, я участвую.

Мэтсон покачал головой.

— Ты уже провалил экзамен. Свободен. В канцелярию можешь не заходить, я им сам сообщу.

Парень начал было протестовать, но Мэтсон только мотнул головой в сторону двери и коротко произнес:

— Вон.

В аудитории повисло неловкое молчание, и, лишь когда за неудачником закрылись двери, Мэтсон оживленно продолжал:

— Это курс прикладной философии, и здесь я решаю, кто готов к экзамену, а кто нет. Каждый, чье представление о мире складывается из понятий о том, каков он должен бы быть, а не каков он есть на самом деле, просто не готов к последнему экзамену. Научитесь расслабляться и проще относиться к ударам судьбы. Совсем ни к чему трепать себе нервы и тратить адреналин при каждом ее фортеле. Вопросы еще будут?

Вопросы еще были, но вскоре стало понятно, что Мэтсон или в самом деле не знает, где именно будут проходить испытания, или твердо хранит эту информацию в тайне. Он также отказался давать советы по выбору оружия, сказав просто, что школьный оружейник будет готов выдать у ворот любое стандартное оружие, а все «нестандартное» — на усмотрение испытуемых.

— Помните, однако, что самое лучшее оружие у вас между ушей, под скальпом. Разумеется, если оно заряжено.

Группа начала расходиться. Род тоже встал, собираясь идти. Мэтсон поймал его взглядом и сказал:

— Уокер, вы собираетесь сдавать экзамен?

— Да, сэр, конечно. А что?

— Зайдите, пожалуйста, ко мне. — Он завел его в кабинет, закрыл дверь и сел за стол. Затем взглянул на Рода, передвинул зачем-то пресс-папье и наконец произнес: — Ты неплохой парень, Род... Но иногда бывает, этого недостаточно.

Род промолчал.

— Скажи, пожалуйста, зачем ты сдаешь этот экзамен?

— Сэр?!

— Что «сэр»? — проворчал Мэтсон. — Отвечай на вопрос.

Некоторое время Род глядел на него в недоумении, потому что они уже говорили на эту тему при зачисле-

нии на курс, но потом снова принялся рассказывать о своих планах получить профессию для работы во Внеземелье.

— Мне обязательно нужно сдать «Выживание». Без этого я не смогу получить ученую степень даже по колониальному администрированию, не говоря уже о планетографии и планетологии.

— Значит, хочешь стать исследователем?

— Да, сэр.

— Как я?

— Да, сэр. Как вы.

— Хм-м... Поверишь ли ты, если я скажу, что это самая большая ошибка в моей жизни?

— А? Нет, сэр.

— Я в общем-то и не надеялся. Однако на свете нет ничего лучше, чем знать в молодости то, что осознано в зрелые годы. Разумеется, это невозможно. Но поверь мне, ты родился не в том веке.

— Как это, сэр?

— Мне кажется, ты романтик. А время сейчас чересчур романтическое, так что на самом деле для романтиков теперь просто нет места. Теперь нужны практические люди. Сто лет назад ты мог бы стать адвокатом, банкиром или профессором, а свои романтические порывы удовлетворять чтением приключенческих книг или мечтами о том, кем бы ты стал, если бы тебе посчастливилось родиться не в такое скучное время. Но сейчас романтика и приключения — часть повседневной жизни, а потому в этой жизни нужны очень практичные люди.

— Но я-то чем плох? — Разговор уже начал раздражать Рода.

— Ничем. Ты мне нравишься, и я не хотел бы, чтобы жизнь обошлась с тобой сурово. Однако для настоящего «выживалы» ты слишком сентиментален и эмоционален.

Мэтсон поднял руку, опередив его возражения.

— Подожди-подожди. Я знаю, что ты можешь разжечь огонь с помощью двух сухих деревяшек. И мне лучше других известно о твоих отличных показателях практически по всем предметам. Я не сомневаюсь, что ты сумеешь сделать фильм для воды голыми руками и

знаешь, с какой стороны растет на дереве мох. Но я не думаю, что ты достаточно осторожен, чтобы не купить-ся на «медвежье перемирие».

— Медвежье перемирие?..

— Это просто оборот речи, не обращай внимания. Сынок, я думаю, тебе нужно отказаться от экзамена. Если будет необходимо, ты сможешь повторить этот курс в колледже.

Род упрямо затряс головой, и Мэтсон тяжело вздохнул.

— Я ведь имею право просто отстранить тебя. Может, именно так мне и следует поступить.

— Но почему, сэр?

— В том-то и дело, что я не могу объяснить тебе причину. По оценкам ты один из лучших моих учеников. — Он встал и протянул Роду руку. — Удачи. И помни: если жизнь загонит тебя в тупик, всегда поступай, как сочтешь нужным, и ни о чем не сожалей.

Вообще-то Роду нужно было домой. Его родители жили в пригороде Большого Нью-Йорка, расположенного на плато у Гранд-Каньона, куда вели ворота «Хобокен». Но ему требовалось сделать пересадку в «Эмигрантс-Гэп», и он не удержался от того, чтобы остаться и поглазеть.

Когда он вышел из подземки, от школы нужно было повернуть направо, подняться лифтовым колесом на следующий уровень и пройти через ворота на Аризону к движущейся полосе. Но он задумался о припасах, снаряжении и оружии для завтрашнего экзамена, и ноги сами увели его налево, к движущейся полосе до огромного комплекса планерных ворот.

Род сразу пообещал себе, что останется посмотреть только на десять минут: не хотелось опаздывать к обеду. Он проскочил через толпу и оказался в зале — на зрительной трибуне над эмиграционным ярусом. Комплекс был новый, его открыли только в 68-м. Раньше эмиграционный пункт располагался в Джерси, в нескольких километрах от питавшего его реактора, но

теперь там занимались только транспортировкой в пределах Земли и торговлей с Луной.

Трибуна была выстроена прямо напротив шести пространственных ворот и вмещала более восьми тысяч человек, но в тот день половина мест пустовала, а все зрители сбились ближе к центру. Именно там Роду и хотелось устроиться, чтобы видеть все шесть ворот сразу. Он протолкался по среднему проходу и присел у ограждения, но тут заметил, что освободилось место в первом ряду, и рванулся к нему, чуть-чуть опередив мужчину, который кинулся было туда же из соседнего прохода, однако, поняв, что опоздал, остановился и уставился на Рода сердитыми глазами.

Род опустил в щель на подлокотнике несколько монет, и кресло раскрылось. Он сел и огляделся. Место оказалось напротив копии статуи Свободы, родной сестры той, что более века стояла на месте теперешнего кратера Бедлоу. Факел ее почти доставал до потолка, а слева и справа располагалось по трое ворот, ведущих к дальним мирам.

Однако на статую Род не глядел: все его внимание приковывали сами ворота. На восточном побережье Северной Америки день близился к концу, и небо затянуло тяжелыми тучами, но ворота номер один открывались в какой-то другой мир, где вовсю светило солнце. Род даже разглядел за ними мужчин, одетых лишь в шорты и солнцезащитные шлемы. У ворот номер два вплотную стоял шлюз, на дверях которого были изображены череп с костями и обозначение хлора. Над шлюзом горел красный сигнал, но спустя минуту он погас и сменился голубым. Двери медленно открылись, и оттуда выползла герметичная капсула с дышащим хлором существом. Встречали его восемь землян в парадном дипломатическом облачении, один — даже с золотым жезлом.

Род уже собрался потратить еще одну монету в полплутона, чтобы узнать, кто этот важный гость, но тут его внимание привлекли ворота номер пять. Напротив них, почти под трибуной, установили промежуточные ворота и соединили их высоким забором из проволочной сетки — получилось нечто вроде коридора от ворот: пятнадцать метров в ширину и двадцать пять в

длину. Загон тут же заполнился людьми, идущими от промежуточных ворот к планетарным и дальше, на какую-то планету за много светолет от Земли. Они словно вытекали из ниоткуда, поскольку позади промежуточных ворот ничего не было, пробегали по загону, как стадо, подгоняемое пастухом, вливались в ворота номер пять и вновь исчезали. Вдоль каждой стены загона растянулся взвод темнолицых монгольских полисменов, с палками чуть ли не в рост человека, которыми они то и дело подгоняли эмигрантов, причем от души. Почти под самым креслом Рода один из них так сильно ткнул палкой старого кули, что тот споткнулся и упал. Все свои пожитки — имущество, с которым он собирался вступить в новый мир, — старик нес на правом плече, в привязанных к палке двух узлах.

Кули упал на костлявые колени, попытался встать, но его тут же сбили, и он распластался на полу. Род испугался, что его затопчут, но старик как-то умудрился встать — уже без вещей. Он хотел устоять в людском потоке и отыскать свои узлы, но охранник снова ткнул его палкой, и старика, оставшегося с пустыми руками, просто унесло толпой. Он не прошел и пяти метров, как Род потерял его из виду.

Местные полицейские стояли снаружи, но не вмешивались: узкое пространство от ворот до ворот стало на время экстерриториальным, и местная полиция не имела там власти. Правда, одного из них жестокое обращение со стариком, очевидно, возмутило, и он, прижавшись лицом к сетке, сказал что-то на общеземном языке. Монгольский полисмен резко ответил ему на том же языке, послав подальше, отвернулся и принялся орать, толкать переселенцев и лупить их палкой с еще большим остервенением.

Через загон текла толпа — японцы, индонезийцы, сиамцы, выходцы из Восточной Индии, совсем немного евразийцев, но в основном жители Южного Китая. Роду они казались почти одинаковыми — маленькие женщины с младенцами на боку или на спине, а часто с одним на спине и одним на руках, бесконечный поток сопливых бритоголовых детей, отцы семейств с пожитками в огромных тюках или на тачках. Время от времени появлялись заезженные пони, тянущие за собой боль-

шие и явно перегруженные повозки на двух колесах, но у большинства переселенцев было с собой лишь то, что можно унести.

Род слышал когда-то, что если всех живущих на Земле китайцев выстроить в четыре ряда и заставить колонну двигаться, она так никогда и не кончится, потому что население будет расти быстрее, чем проходит колонна. Род не поленился проверить, посчитал, и оказалось, что это чушь: даже если не учитывать смертность и считать только прирост населения, последний китаец прошел бы в колонне меньше чем через четыре года. Тем не менее, глядя, как людей гонят, словно скот на бойню, Род подумал, что в старой байке есть доля правды, хотя математика ее и не подтверждала.казалось, им не будет конца.

Спустя несколько минут Род все-таки решил потратить еще полплутона — узнать, что происходит — и опустил монету в щель динамика, встроенного в кресло. В ушах тут же зазвучал голос комментатора:

— ...посещение министра. Наследного принца встречали представители Земной Корпорации во главе с самим генеральным директором, а теперь они сопровождают его до шлюзовой камеры анклава планеты Ратун. После телевизионного приема сегодня вечером начнутся переговоры на уровне делегаций. По мнению лиц, близких к генеральному директору, ввиду невозможности конфликта интересов между существами, потребляющими кислород, как мы, и ратунцами, любой исход переговоров будет нам на пользу, вопрос только, в какой степени.

Если вы снова обратите внимание на ворота номер пять, мы готовы повторить сообщенные ранее сведения. Ворота номер пять переданы на сорок восемь часов в распоряжение Австралазиатской республики. Временные ворота, которые вы можете видеть внизу, гипершунтированы на определенную точку в центральной Австралии, в пустыне Арунта, где в большом лагере в течение нескольких недель подряд накапливалась эта волна эмигрантов. Его Светлое Величество Председатель Австралазиатской республики Фунг Чи Му информировал Корпорацию, что его правительство планирует осуществить за сорок восемь часов переброску более

двух миллионов человек — воистину впечатляющая цифра, более сорока тысяч эмигрантов в час. Общее число переселенцев, запланированное в этом году, для всех планетарных ворот — «Эмигрантс-Гэп», «Петр Великий» и «Уитуотерстрэнд» — составляет всего семьдесят миллионов, или в среднем около восьми тысяч человек в час. Это же перемещение предполагает темпы в пять раз более высокие, причем только через одни ворота!

Однако то, что мы наблюдаем — скорость, эффективность и э-э-э... решительность, присущая этой операции, — похоже, не оставляет сомнений в успехе. Наши данные за первые девять часов свидетельствуют, что эмигранты даже опережают запланированные темпы. За эти девять часов восемьдесят два эмигранта умерли и сто семь детей появилось в отбывающих семьях. Столь высокая цифра смертности объясняется, разумеется, трудностями, связанными с эмиграционной операцией такого типа.

Планета назначения, GO-8703-IV, отныне будет называться Райской Горой. По словам Председателя Фунга, это прекрасная богатейшая планета, и до сих пор попыток колонизировать ее никто не предпринимал. Корпорацию заверили, что все будущие колонисты являются добровольцами. — Тут Роду показалось, что в голосе комментатора прозвучала ироническая нотка. — Это и понятно, если принять во внимание феноменальное демографическое давление в Австралазиатской республике. Здесь, впрочем, не помешает краткая историческая справка. После высылки остатков прежнего населения Австралии в Новую Зеландию по Бэйпинскому мирному договору первым же удивительным актом нового правительства было создание огромного внутриконтинентального моря в...

Род приглушил звук и снова посмотрел вниз. Слушать школьную лекцию о том, как австралийскую пустыню превратили в цветущий сад, ему вовсе не хотелось. Тем более что позже сад все равно загадили и превратили в трущобы, где жило больше населения, чем во всей Северной Америке. У ворот номер четыре разворачивались новые события...

Когда он пришел, пространство у ворот номер четыре было занято грузовым конвейером. Теперь же конвейерная лента отползла назад и скрылась в недрах терминала, а у ворот начала выстраиваться эмиграционная группа.

Здесь уже не было никаких нищих беглецов, подготавливаемых полисменами. Здесь каждая семья переезжала в собственном фургоне. Широкие, длинные, классические фургоны с прочным верхом из стеклоткани и шестеркой лошадей. Угловатые прочные повозки со стальными кузовами и высокими тонкими колесами, запряженные одной или двумя парами. Животные в упряжках — как на подбор: «морганы», величественные «клайдсдейлы» и миссурийские мулы с сильными заплечьями, хитрыми недоверчивыми глазами и похожими на кувшин мордами. Между колесами сновали собаки, фургоны были доверху нагружены домашней утварью, снаряжением и детьми. Громко жаловались на несправедливость судьбы куры, гуси и прочая домашняя птица в клетках, привязанных позади фургонов. У одного из них стоял рослый шотландский пони, оседланный, но без седока.

Роду показалось странным, что не видно скота, и он снова прибавил звук, но комментатор по-прежнему бубнил о плодovitости граждан Австралазиатской республики. Приглушив динамик, Род продолжал смотреть. Фургоны, готовые двигаться вперед, выстроились перед воротами в плотную колонну, конец которой исчезал где-то под трибуной. Однако время еще не подошло, и кучеры собирались небольшими группками у палатки Армии спасения под складками туники богини Свободы попить кофе и поболтать. Возможно, подумалось Роду, там, куда они направляются, нет никакого кофе и не будет еще долгие годы, поскольку Земля никогда не экспортировала продовольствие — напротив, продукты питания и радиоактивное топливо служили единственными предметами разрешенного импорта, и пока колония во Внеземелье не окрепнет настолько, чтобы производить излишки того или другого, она едва ли может рассчитывать на какую-то помощь Земли.

Из-за высокого расхода урана держать межпланетные ворота открытыми выходило слишком дорого, и эти

люди, отправляющиеся караваном фургонов осваивать новую колонию, прекрасно понимали, что скорее всего потеряют коммерческие связи с Землей до тех пор, пока у них не появятся излишки ресурсов, которые позволят открывать ворота на регулярной основе. А до того времени они могут полагаться только на самих себя и рассчитывать только на то снаряжение, что берут с собой. Следовательно, лошади в данном случае лучше вертолетов, а кирки и лопаты надежнее бульдозеров. Машины, случается, выходят из строя и требуют сложного оборудования для ремонта, тогда как старые добрые «пожиратели сена» продолжают плодиться сами по себе, едят траву и таскают повозки как ни в чем не бывало.

Мастер Мэтсон как-то сказал на лекции по выживанию, что больше всего в примитивном Внеземелье жизнь осложняет не отсутствие канализации, отопления, энергии или света и не плохие климатические условия — хуже всего бывает, когда нет самых простых вещей вроде кофе и табака.

Род никогда не пробовал курить и к кофе тоже относился безразлично, поэтому плохо понимал, как это можно переживать из-за таких мелочей. Наклонившись в кресле, он пытался угадать, в чем причина задержки. Изогнутый дугой брезентовый верх первого «корабля прерий» загораживал ворота, Род почти ничего не видел, но похоже было, оператор ошибся при настройке фазы, и небо с землей поменялись местами. Внепространственная коррекция, необходимая, чтобы совместить две точки на различных планетах, отстоящих на многие световые годы друг от друга, требовала не только колоссальных затрат энергии, но и невероятной точности, а это уже область высшей математики и высокого искусства. С математикой прекрасно справлялись машины, но окончательную настройку всегда осуществляли операторы — как говорится, при помощи молитвы и интуиции.

Помимо тех движений в пространстве, что совершает каждая из связываемых планет — векторов, которые можно легко складывать и вычитать, — необходимо учитывать еще и вращение планет вокруг оси. Главная проблема заключается в том, чтобы последняя

гиперпространственная складка обеспечивала касание планет во внутренней стороне окружности большей из них точками, где установлены ворота, причем планеты должны вращаться в одну сторону и оси их должны быть параллельными. Теоретически возможно совместить точки и при вращении в противоположные стороны — для этого достаточно лишь искривить бесплотную ткань пространства-времени, чтобы «реальные» движения планет совпали, — однако на практике это не только слишком расточительно в плане энергии, но и совершенно непрактично: земля за воротами ускользает в сторону, словно лента движущейся дороги, и то и дело наклоняется под немислимыми углами.

Впрочем, математики, которую Род уже освоил, все равно не хватало, чтобы по-настоящему оценить всю сложность проблемы. Он только заканчивал среднюю школу и не продвинулся дальше тензорного исчисления, статической механики и общей геометрии шестимерного пространства, а в прикладных дисциплинах остановился на основах электроники, введении в кибернетику и роботостроение и начальном курсе конструирования аналоговых компьютеров. Настоящая математика ждала его впереди. Поэтому он даже не подозревал о своем невежестве и просто решил, что оператор, должно быть, работал «левой ногой».

Кучеры все еще толпились у палатки, пили кофе и жевали бублики. Большинство мужчин отпустили бороды, и, судя по их длине, партия эмигрантов готовилась к переправе уже несколько месяцев. Капитан группы отрастил маленькую эспаньолку, усы и довольно длинные волосы, но все равно Роду казалось, что тот едва ли старше его. Разумеется, это был профессионал, прошедший целый курс необходимых во Внемезелье дисциплин — охота, разведка, элементарные ремесла, оружейное дело, фермерство, оказание первой помощи, групповая психология, тактика группового выживания, закон и еще более десятка различных вещей, без которых не обойтись, когда остаешься один на один с дикой природой.

Одет он был в старинный калифорнийский костюм — может быть, просто для того, чтобы одежда соответствовала скауну, прекрасной, как рассвет, гнедой кобы-

ле. Когда над воротами вспыхнул предупреждающий сигнал, капитан группы вскочил в седло и, продолжая жевать бублик, двинулся вдоль колонны фургонов с последней проверкой. Сидел он прямо, осанисто и очень уверенно. На причудливом низком ремне болтались два пистолета-резака, каждый в украшенной кобуре с такой же отделкой, как на уздечке и седле.

Род невольно задержал дыхание, пока капитан не скрылся под трибуной, затем вздохнул и подумал, а не стоит ли ему самому вместо какой-то более интеллектуальной профессии Внеземелья заняться чем-нибудь таким, что поможет ему стать похожим на этого человека. Он вообще-то и не знал пока, кем ему хочется работать — главное, покинуть Землю как можно скорее и очутиться там, далеко, где жизнь бьет ключом.

Эти размышления напомнили ему, что завтра у него важное испытание: через несколько дней он или сможет поступать, куда ему захочется, или... Но об этом лучше не думать. Род понял вдруг, что время уходит, а он даже не решил еще, какое оружие и снаряжение возьмет с собой. У капитана группы, готовящегося к отправке, были пистолеты-резаки... Может быть, и ему стоит взять такой же? Хотя нет, если им придется защищаться, они будут сражаться группой. И такое оружие у их лидера скорее для поднятия авторитета, чем для выживания в одиночку. Что же тогда взять?..

Зазвучала сирена, и кучеры вернулись к своим фургонам. На полном скаку вернулся к голове каравана и капитан.

— По места-а-а-ам! Приготовиться! — прокричал он и занял место у самых ворот, лицом к каравану. Кобыла вздрагивала и то и дело переступала ногами.

Из-за стойки в палатке Армии спасения появилась девушка с маленькой девочкой на руках. Она крикнула что-то капитану, но голос ее до трибуны не долетел.

Однако у капитана голос оказался гораздо громче:

— Номер четыре! Дойл! Ну-ка заberi своего ребенка!

Рыжий мужчина с похожей на лопату бородой вскочил из четвертого фургона, со смущенным выражением лица принял ребенка и понес назад под крики, смех и улюлюканье из других фургонов. Затем отдал девочку жене, которая тут же задрала ей платье и

хорошенько отшлепала. Дойл забрался на место и взял в руки вожжи.

— Рассчитайся! — протяжно крикнул капитан.

— Первый!

— Второй!

— Третий!

— Четвертый!

— Пятый!

Голоса ушли под трибуну и дальше, откуда их совсем не было слышно. Однако спустя какое-то время переключка вернулась в обратном порядке и закончилась громким «Первый!». Капитан поднял правую руку и замер, не сводя глаз с цветowych сигналов над воротами.

Наконец загорелся зеленый. Он резко опустил руку и крикнул:

— Тронулись! Хэй-хэй!

Его кобыла рванулась с места, словно на скачках, проскочила перед носом левой ведущей лошади в упряжке первого фургона и очутилась за воротами.

Защелкали бичи. Снизу то и дело доносилось: «Вперед, Молли!», «Вперед, Нед!» или «Но, башкастые!» Караван покатился. К тому времени, когда стоявшие на виду под трибуной фургоны скрылись за воротами и показались остальные, ждавшие в подъездном туннеле, колонна неслась уже галопом. Кучеры сидели, уперевшись ногами вперед, а их жены держали руки на тормозах. Род пытался сосчитать их и добрался до шестидесяти трех, когда последний фургон проехал в ворота... и скрылся, оказавшись на полгалактики от Земли.

Вздохнув, Род откинулся на спинку с каким-то теплым чувством в душе, окрашенным необъяснимой грустью, затем прибавил звук.

— ...на Нью-Канаан, первоклассную планету, которую великий Лэнгфорд называл «розой без шипов». За привилегию строить новую жизнь на этой планете ради будущего своих детей колонисты заплатили высшую ставку в шестнадцать тысяч четыреста плутонов за каждого человека — разумеется, без учета освобожденных от уплаты кооптированных членов группы. Компьютерные центры предсказывают, что высшая ставка будет возрастать в течение еще двадцати восьми лет, и,

если вы хотите подарить своим детям бесценное гражданство на Нью-Канаане, действовать надо сейчас. Всего за один плутон, высланный по адресу: «Информация, а/я 1, "Эмигрантс-Гэп", округ Нью-Джерси, Большой Нью-Йорк», вы сможете получить прекрасную кассету с видами планеты. Если же вас интересует полный список открыток для колонизации планет плюс отдельный список тех, что будут открыты в ближайшем будущем, добавьте еще полплутона. Те, кто наблюдают сейчас за событиями, о которых рассказывает наша передача, могут получить кассету и дополнительные материалы в фойе большого зала.

Род не прислушивался. Он давно выписал себе все бесплатные и большинство платных материалов, что распространялись Комиссией по эмиграции и торговле. Сейчас его больше занимало, почему ворота на Нью-Канаан не закрылись.

Но загадка прояснилась почти сразу же. От ворот номер четыре до самого туннеля поднялись из пола металлические ограждения, образовавшие длинный коридор, и спустя секунду из ворот вырвался поток ревущего, фыркающего скота — откормленные херефордширские бычки, которые в скором времени должны были превратиться в нежные бифштексы и восхитительное жаркое для богатой, но слегка голодной Земли. За ними и среди них ехали нью-канаанские погонщики с длинными палками, которыми они подгоняли животных, заставляя их двигаться быстрее, несмотря на то что они теряли при этом в весе: ворота были по-прежнему открыты, и стоимость этой услуги автоматически вычиталась из стоимости скота.

Тут Род обнаружил, что комментатор умолк. Тридцать минут трансляции, за которые он заплатил, истекли. У него сейчас же возникло чувство вины, и он понял, что надо торопиться, иначе можно опоздать к обеду. Род бросился бегом, наступая на ноги и извиняясь направо и налево, и наконец добрался до движущейся полосы к воротам «Хобокен». Эти ворота, поскольку они предназначались только для перемещения по поверхности Земли, были постоянно открыты и не требовали внимания оператора: две точки, которые они соединяли, располагались на одной и той же жесткой

основе, на твердой Земле. Род предъявил постоянный билет электронному контролеру и в компании знакомых и незнакомых людей шагнул в Аризону.

Поправка: «на почти твердой Земле». Компьютер, управляющий работой у ворот, учитывал приливные искажения поверхности, но не мог предвидеть мелкие сейсмические явления. Сделав шаг в Аризону, Род почувствовал, что ноги у него дрогнули словно при крошечном землетрясении, но спустя мгновение terra снова стала firma. Однако он все еще был в шлюзовой камере с давлением воздуха, как на уровне моря. Уловив тепло человеческих тел, механизм закрыл шлюз, и давление снизилось. Род протяжно зевнул, приспосабливаясь к давлению на северном плато Гранд-Каньона, где оно было на четверть меньше, чем в Нью-Джерси. Но даже при том, что ему приходилось путешествовать туда и обратно почти ежедневно, уши каждый раз закладывало, и Род принялся тереть ладонью правое ухо, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

Наконец шлюз открылся, и он вышел наружу. Преодолев две тысячи миль за долю секунды, он теперь должен был потратить десять минут на движущийся туннель и еще пятнадцать пройти пешком до дома. Род решил, что трусцой он все-таки доберется домой вовремя. И видимо, добрался бы — если бы тем же маршрутом не хотели воспользоваться еще несколько тысяч человек.

2

Пятый путь

Ракетные корабли отнюдь не покорили космос, они лишь бросили ему вызов. Ракета, покидающая Землю со скоростью семь миль в секунду, слишком тихоходна для огромных пространств, что лежат за пределами планеты. Одна лишь Луна более-менее рядом, и то до нее около четырех дней. До Марса при такой скорости — тридцать семь недель, до Сатурна — бесконечные шесть

лет, а до Плутона — почти невозможные полвека. Все — по эллиптическим орбитам, доступным ракетам.

Факельные корабли Ортеги значительно приблизили к нам Солнечную систему. Эти корабли, работающие за счет преобразования массы в энергию по бессмертному эйнштейновскому $E = MC^2$, уже могли разгоняться на протяжении всего полета, причем с любым ускорением, которое только выдержит пилот. При вполне приемлемом ускорении в одну земную силу тяжести ближайшие планеты оказались всего в нескольких часах лета, а дорога до далекого Плутона занимала лишь восемнадцать часов. Человечество словно пересело с лошади в реактивный лайнер.

Люди заполучили дивную новую игрушку, вот только лететь было особенно некуда. С точки зрения человека, Солнечная система — на удивление непривлекательное место. Разумеется, кроме прекрасной, зеленой, щедрой Земли. Жители Юпитера с их стальными мышцами прекрасно чувствуют себя при силе тяжести в 2,5 раза больше нашей и в совершенно ядовитой атмосфере с немыслимым давлением. Марсиане отлично живут почти что в вакууме, а лунные ящерицы так и вообще не дышат. Но все эти планеты — не для людей.

Людям нужна кислородная планета недалеко от звезды класса G и чтобы температура не очень сильно отклонялась от точки замерзания воды. Короче, такая, как Земля.

Однако, если вы уже здесь, зачем лететь еще куда-то? Затем, что у людей рождаются дети, много-много детей. Мальтус об этом писал уже давно: производство растет в арифметической прогрессии, в то время как численность человечества — в геометрической. К первой мировой войне половина планеты уже жила на грани голода. Ко второй мировой войне численность населения Земли увеличивалась на 55 000 человек каждый день. А уже в 1954 году этот прирост составил 100 000 ртов и животных в день. 35 миллионов новых людей каждый год... И вскоре население Земли превысило то количество, которое способны прокормить пашни планеты.

Термоядерные бомбы, бактериологическое оружие, нервно-паралитические газы и прочие ужасы, обрушив-

шиеся на человечество позднее, в общем-то объяснялись не политическими причинами. Истинная картина происходящего напоминала скорее нищих, дерущихся из-за корки хлеба.

Автор «Путешествия Гулливера» когда-то мрачно пошутил, предложив откармливать ирландских детишек для английских столов, другие проповедовали менее радикальные меры обуздания роста человечества, но ни одна из них никак не изменила положение на Земле. Жизнь — любая жизнь — имеет два побуждения: выжить и продолжить род. Разум — всего лишь побочный продукт эволюции, если он не служит этим двум целям.

Однако разум можно заставить работать на эти слепые императивы жизни. В нашей Галактике имеется более ста тысяч планет земного типа, и каждая может быть по-матерински добра к человечеству, как родная Земля. Факельные корабли Ортеги уже позволяли достичь звезд. Хотя голодные миллионы Европы по-прежнему пересекали Атлантику и вновь растили детей в Новом Свете, человечество уже могло колонизировать космос.

Некоторые так и поступили. Сотни тысяч людей. Но даже все человечество целиком, работая как одна команда, не могло строить и запускать по сотне кораблей в день, каждый на тысячу колонистов, день за днем, год за годом и так до бесконечности. Даже когда есть хорошие руки и решимость (а последнего человечеству всегда недоставало), не хватит стали, алюминия и урана во всей земной коре. Не хватит и на одну сотую нужного числа кораблей.

Но разум способен находить решения там, где их, казалось бы, нет. Однажды психологи заперли обезьяну в комнате, оставив ей только четыре возможных пути для побега, а затем уселись наблюдать, какой из четырех она выберет.

Обезьяна нашла пятый путь.

Доктор Джесс Эвелин Рамсботхэм вовсе не пытался решить проблему высокой рождаемости. Нет, он хотел

построить машину времени. И причин для этого у него было две: во-первых, машину времени создать невозможно, во-вторых, в присутствии девушек, достигших брачного возраста, он всегда заикался и всегда мучился от того, что у него потеют ладони. Впрочем, сам он даже не подозревал, что первая причина лишь дополняет вторую. Строго говоря, он вообще не подозревал о существовании второй причины — этой темы его сознание старательно избегало.

Бессмысленно строить предположения о том, как повернулась бы история человечества, если бы родители Джесса Эвелина Рамсботхэма назвали своего сына Биллом, а не наградили его двумя девичьими именами. Возможно, он стал бы тогда выдающимся полузащитником и, прославившись на всю Америку, занялся бы в конце концов продажей ценных бумаг, добавляя, как все, детишек к катастрофически растущему населению Земли. Но он стал физиком-теоретиком.

В физике прогресс достигается отрицанием очевидного и принятием на веру невозможного. Любой ученый девятнадцатого века мог бы убедительно объяснить, почему невозможны атомные бомбы — если бы его, конечно, не оскорбил подобный бессмысленный вопрос. Любой физик двадцатого столетия легко убедил бы вас, что путешествия во времени просто не вписываются в реальную пространственно-временную картину мира. Но Рамсботхэм начал как раз с трех величайших уравнений Эйнштейна — двух уравнений для релятивистского сокращения длины и замедления времени и уравнения, связывавшего массу с энергией. В каждом из них фигурирует скорость света, а скорость есть не что иное, как производная первого порядка функции пройденного расстояния от времени. Он переписал уравнения в дифференциальной форме и принялся за математические игры, скормив эти соотношения «Ракитиаку», дальнему потомку «Унивака», «Эниака» и «Маниака». Работая с уравнениями, Рамсботхэм никогда не заикался, и у него никогда не потели при этом ладони — разве что когда ему приходилось общаться с молодой особой, служившей главным программистом гигантского компьютера.

Его первая рабочая модель дала статисное, или низкоэнтропийное, поле размерами не больше футбольного мяча: при включении на полную мощность помещенная внутрь сигарета продолжала гореть целую неделю. Через семь дней после начала эксперимента Рамсботхэм достал сигарету, докурил и надолго задумался.

В следующий раз он опробовал машину на однодневном цыпленке, причем в присутствии коллег. Спустя три месяца цыпленок ничуть не вырос и даже не проголодался, во всяком случае не больше, чем любой другой в таком возрасте. Рамсботхэм поменял фазовое соотношение и настроил аппарат на самый короткий временной интервал, какой только позволяла изготовленная в домашних условиях установка.

В долю секунды недавно вылупившийся цыпленок умер от голода и разложился.

Рамсботхэм понимал, что в данном случае лишь изменил наклон графика, но по-прежнему верил, что вскоре откроет способ перемещения во времени. Долгожданного открытия не произошло, хотя однажды был момент, когда он думал, что это ему все-таки удалось. Как-то раз Рамсботхэм по просьбе коллег повторил эксперимент с цыпленком. Ночью двое из них подобрали ключи к лаборатории, выпустили цыпленка и поместили в статисное поле яйцо. Возможно, Рамсботхэм навсегда уверовал бы в возможность путешествий во времени и до конца своей жизни исследовал бы тупиковый маршрут, но коллеги сжалились и на его глазах раскололи яйцо — оказалось, что оно сварено вкрутую.

Однако Рамсботхэм не сдавался. Он построил модель еще больших размеров, после чего задался целью получить поле особой конфигурации, с некоей воронкой, аномалией (термин «ворота» он, конечно, не употреблял), позволяющей ему самому заходить внутрь и выбираться наружу.

Когда он включил питание, вместо голой стены за двумя изогнутыми магнетами установки перед ним вдруг предстали удушливые джунгли. Рамсботхэм сразу решил, что это лес каменноугольного периода. Ему нередко приходило в голову, что разница между пространством и временем — лишь свойственный людям

предрассудок, но в этот раз он ни о чем таком не задумывался: он просто верил в то, во что ему хотелось верить.

Рамсботхэм схватил пистолет и храбро, но безрассудно полез между магнетодами.

Спустя десять минут его арестовали за ношение оружия в ботаническом саду Рио-де-Жанейро. Незнание португальского только усугубило проблему и продолжило его пребывание в душной тюремной камере тропической страны, но через три дня он при помощи американского консула все-таки отправился на родину. Всю дорогу до дома Рамсботхэм напряженно думал, исписав при этом несколько блокнотов уравнениями и вопросительными знаками.

Однако короткий путь к звездам был уже найден.

Открытия Рамсботхэма устранили основную причину войн и подсказали, что делать со всеми этими милыми детишками. Сотни тысяч планет оказались вдруг не дальше противоположной стороны улицы. Неосвоенные континенты, нетронутые дикие чащи, пышные джунгли, убийственные пустыни, замерзшие тундры, суровые горы — все это лежало теперь прямо за воротами городов, и человечество вновь устремилось туда, где не сияет уличное освещение, где на углу не стоит готовый прийти на помощь полисмен, где и углов-то еще никаких нет. Нет ни хорошо прожаренных нежных бифштексов, ни ветчины без костей, ни упакованной, готовой к употреблению пищи для изысканных умов и изнеженных тел. Двухногому хищнику вновь понадобилось его кусающие, рвущие, звериные зубы: человечество выплеснулось в большой мир (как это уже случилось раньше), где действуют законы «убей или будешь убит», «съешь или будешь съеден».

Однако человечество обладает огромным талантом выживать. Человечество, как всегда, приспособилось к новым условиям, и наиболее урбанизированная, механизированная и цивилизованная культура за всю его долгую историю начала учить своих лучших детей, своих потенциальных лидеров, выживать в примитив-

ных условиях, когда обнаженный человек выходит один на один с дикой природой.

Разумеется, Род Уокер знал о докторе Дж. Э. Рамсботхэме так же, как знал он имена Эйнштейна, Ньютона или Колумба, но вспоминал о нем не чаще, чем, скажем, о том же Колумбе. Для него они были просто образами из книг, историческими личностями, грандиозными фигурами прошлого. Совершенно не задумываясь, он каждый день проходил ворота Рамсботхэма между Джерси и движущейся полосой в Аризоне — так же, как его предшественники пользовались лифтами, не вспоминая человека по имени Отис. И если он когда вспоминал об этом чуде, то с некоторой долей раздражения, потому что выход ворот «Хобокен» в Аризоне был слишком далеко от родительского дома. Здешние ворота назывались «Кайбаб» и располагались они в семи милях от жилища Уокеров.

В то время, когда строился их дом, местность эта была на дальнем конце коммуникационной линии пневмодоставки и прочих городских удобств. Строили его давно, и поэтому гостиная Уокеров стояла на поверхности, тогда как спальня, кладовая и бомбоубежище скрывались под землей. Раньше гостиная торчала на участке голым однослойным эллипсоидом, но позже, когда Большой Нью-Йорк стал разрушаться, строительство наземных сооружений, нарушающих целостную картину дикого леса в этом регионе, запретили.

Родители Рода решили подчиниться — до определенной степени — и засыпали купол землей, насадив сверху характерной для здешних мест растительности, но категорически отказались закрывать панорамное окно с видом на Большой каньон, придававшее дому все его очарование. Окружной административный совет пытался заставить их убрать окно, предлагая за свой счет заменить его телеокном, как в других подземных жилищах, но отец Рода слыл упрямым человеком. Он утверждал, что погоду, женщину и вино невозможно заменить чем-то «почти таким же». Одним словом, окно осталось на месте.

Вернувшись домой, Род обнаружил, что все семейство сидит как раз перед этим самым окном, наблюдая, как движется через каньон грозовой фронт, — мать,

отец и, к его удивлению, сестра Элен. Она была на десять лет старше Рода, служила капитаном в корпусе Амазонок и редко показывалась дома.

— Привет, сестренка! Здорово, что ты здесь! Я думал, ты на Тулии... — обрадованно заговорил Род, хотя и понимал, что даже ее приезд не спасет его от распекаания за опоздание.

— Я там и была. Всего несколько часов назад.

Род хотел пожать ей руку, но она сгребла его в объятия, как медведь, и смачно поцеловала в губы, прижав к рельефному орнаменту на хромированных латах. Элен даже не сняла еще форму, и Род подумал, что она, очевидно, только-только прибыла: во время редких посещений сестра обычно расхаживала по дому в халате и шлепанцах. Сейчас она все еще была в бронежилете и форменном кителе, а на полу лежали металлизированные перчатки, шлем и пояс с оружием.

— Боже, как ты вырос! — с гордостью произнесла сестра. — Почти догнал меня.

— Уже перегнал.

— Спорим?.. Ну-ка не дергайся, а то руку выверну. Снимай ботинки и давай померяемся спиной к спине...

— Сядьте, дети, — спокойным тоном сказал отец. — Род, ты почему опоздал?

— Э-э-э... — он уже придумал, как отвлечь внимание родителей рассказом о предстоящем экзамене, но тут вмешалась Элен.

— Ну что ты его спрашиваешь, патер? Если тебе так хочется оправданий, ты их обязательно получишь. Я это поняла, еще когда была младшим лейтенантом.

— Помолчи, дочь. Я вполне способен воспитать его без твоей помощи.

Рода удивила резкая реплика отца и еще больше удивил ответ Элен:

— Ой ли? — произнесла она каким-то странным тоном.

Род заметил, что мама всплеснула руками, собираясь что-то сказать, затем передумала. Выглядела она расстроенной. Отец и сестра молча смотрели друг на друга. Род недоуменно взглянул на них, потом спросил:

— Слушайте, что тут произошло?

— Ничего, — ответил отец, переводя взгляд на него. — Давайте-ка сейчас не будем об этом. Обед ждет. Пойдем, дорогая. — Он повернулся к жене, помог ей встать и предложил руку, собираясь идти.

— Пойдите, — нетерпеливо сказал Род, — Я опоздал, потому что проторчал в «Гэп».

— Ладно. Ты прекрасно знаешь, я не люблю, когда ты опаздываешь, но сейчас мы эту тему оставим. — Отец повернулся к лифту.

— Но я еще не все рассказал, пап. Меня не будет дома больше недели.

— Ладно... Что? Что ты сказал?

— Меня какое-то время не будет дома, сэр. Дней десять или больше.

Отец справился с удивлением и покачал головой.

— Каковы бы ни были твои планы, их придется изменить. Сейчас я не могу тебя отпустить.

— Но, пап...

— Извини, но это окончательное решение.

— Но я просто должен, пап!

Род был близок к отчаянию. Но тут неожиданно вступила в разговор сестра.

— Патер, может быть, стоит все-таки узнать, почему он собирается отсутствовать?

— Знаешь что, дочь...

— Пап, завтра у меня экзамен по одиночному выживанию!

Миссис Уокер судорожно вздохнула и заплакала. Отец попытался успокоить ее, потом повернулся к Роду и сказал суровым тоном:

— Ты расстроил маму.

— Но, пап, я... — Род обиженно замолчал. Никого, похоже, не волновало, что думает об этом он сам. А ведь завтра его экзамен, ему завтра «либо выплыть, либо утонуть». Много они понимают...

— Вот видишь, патер, — сказала сестра. — Он действительно должен. У него нет выбора, потому что...

— Ничего такого я не вижу! Род, я давно собирался поговорить с тобой, но не думал, что экзамен начнется так скоро. Должен признать, у меня были сомнения, когда я подписывал тебе разрешение на этот курс. Я считал, что в будущем знания могут пригодиться тебе...

когда и если ты будешь проходить этот курс в колледже. Но я ни в коем случае не думал позволять тебе сдавать экзамен в рамках школьной программы. Ты еще слишком молод.

От обиды и негодования Род даже не знал, что сказать. И опять за него высказалась сестра:

— Чушь!

— А? Знаешь, что, дочь, тебе, пожалуй, следует помнить, где...

— Повторяю: чушь! Любой из девушек моей роты приходилось сталкиваться по крайней мере с такими же трудностями, а многие из них не бог весть на сколько старше братишки. Чего ты добиваешься, патер? Хочешь сломать его?

— У тебя нет оснований... Ладно. Лучше будет, если мы обсудим все это позже.

— Вот и отлично. — Капитан Уокер взяла брата под руку, и они последовали за родителями вниз, в столовую. Обед в доставочных контейнерах уже ждал на столе и еще не остыл. Все встали у своих мест, и миссис Уокер торжественно зажгла Лампу Мира. Семья по традиции исповедовала евангелический монизм, поскольку деды Рода по обеим линиям обратились в эту веру еще во времена второй великой войны прозелитизма, накатившей из Персии в последние десятилетия прошлого века, а отец Рода всегда относился к обязанностям семейного священника весьма серьезно.

По ходу ритуала Род автоматически произносил нужные слова, но мысли его занимали совсем другие проблемы. Сестра вторила отцу от души, но голос матери был едва слышен.

Однако теплый символизм церемонии возымел действие, и Род почувствовал, что немного успокоился. Когда его отец повторил последнее «...единый Господь, единая семья, единая плоть!», ему уже захотелось есть. Он наконец сел и снял крышку со своей тарелки.

Белковая котлета в форме куска жареного мяса, немного настоящего бекона, большая печеная картошка, жареная зеленая фасоль и несколько кочанчиков брюссельской капусты... У него сразу потекли слюнки, и он потянулся за кетчупом.

Род заметил, что мама ест мало, и это его удивило. Отец тоже едва притронулся к тарелке, но с ним такое случалось часто. Род вдруг понял с каким-то теплым, даже жалостливым чувством, что отец здорово исхудал и поседел. Сколько же ему уже?

Но вскоре его внимание привлек рассказ сестры.

— ...а комендант мне заявляет, что я должна подтянуть дисциплину. Я ей говорю: «Мадам, девушки есть девушки. Если мне придется понижать старшин каждый раз, когда кто-нибудь из них выкинет что-то подобное, у меня скоро останутся только рядовые. А сержант Дворак — мой лучший бортстрелок...»

— Подожди-ка, — перебил ее отец. — Мне кажется, ты говорила Келли, а не Дворак.

— Ну да. Я намеренно сделала вид, что не понимаю, какого сержанта она имеет в виду. Дворак я уже поймала один раз на том же самом, а Крошка Дворак — она ростом выше меня — это наша главная надежда на армейских соревнованиях. Если бы ее понизили в звании, и она, и мы потеряли бы право на участие. Короче, я сделала широкие глаза и решила действовать, как будто ничего не понимаю. Старуха разволновалась, только что ногти не грызет, а я ей говорю, что, мол, обе нарушительницы будут заперты в казарме до тех пор, пока парни из колледжа не установят новую следящую систему. Потом напела ей о милосердии: это, мол, и нам не чуждо, это как мягкий благодатный дождь... Пообещала лично проследить, чтобы ей не пришлось больше краснеть за подобные скандальные — это ее выражение — выходы, особенно когда она водит по части командование сектора. Старуха немного еще поворчала — как командир роты, она, мол, ответственна за ее успехи и в случае чего спустит с меня шкуру, — но потом выгнала, сказав, что ей нужно подготовить квартальный отчет по обучению личного состава. Я тут же отсалютовала, как на параде, и вылетела оттуда пулей.

— Право, не знаю, — произнес мистер Уокер рассудительно, — стоит ли тебе возражать командиру в подобных случаях. В конце концов, она старше и, очевидно, мудрее тебя.

Элен сложила последние шарики брюссельской капусты маленькой горкой, подцепила вилкой и проглотила одним махом.

— Чепуха! Извини, патер, но, если бы ты проходил воинскую службу, ты бы и сам так думал. Я своих девчонок держу в ежовых рукавицах — отчего они только хвастают, что им достался страшный огнеед на двадцати ближайших планетах. Но когда у них неприятности с начальством, я должна их защищать. Всегда может случиться, что мы влипнем в такую ситуацию, когда мне останется только встать во весь рост и идти вперед. Но я этого не боюсь, потому что справа у меня будет Келли, а слева Дворак, и каждая будет защищать «мамашу Уокер» уже по своей инициативе. Я знаю, что делаю. «Уокерские оборотни» — все друг за друга.

— Боже милостивый, дорогая моя. Зачем вы выбрали такое... м-м-м... опасное название?

Элен пожала плечами.

— Уровень смертности у нас такой же, как у всех других: один человек — одна смерть, раньше или позже. А что ты хотела, мам? Чтобы я сидела дома, вязала шарфики и ждала своего принца? Когда на одном только этом континенте женщин на восемнадцать миллионов больше, чем мужчин? В районе боевых действий мужчин всегда больше, и при случае я одного себе заарканю — такого же старого и страшного, как я.

— А ты в самом деле оставишь службу, чтобы выйти замуж? — с любопытством спросил Род.

— Ха! Я даже не останавлиюсь пересчитать, все ли у него руки и ноги! Если он еще тепленький и способен кивнуть головой, он обречен. Моя цель — шестеро детей и ферма.

Род окинул ее взглядом.

— Пожалуй, у тебя неплохие шансы. Ты здорово выглядишь, вот только лодыжки толстоваты.

— Ну спасибо, братец. Успокоил. А что у нас на десерт, мам?

— Я не смотрела. Открой, пожалуйста.

Оказалось, на десерт холодные мангорины, что Рода опять-таки обрадовало. Сестра продолжала рассказывать:

— Во время активных действий все не так уж плохо. Вот гарнизонная жизнь и в самом деле выматывает. Девчонки толстеют, становятся небрежны и цепляются друг к другу просто от скуки. На мой взгляд, эти потери страшнее боевых, и я надеюсь, нашу роту переведут для наведения порядка на планету Байера.

Мистер Уокер взглянул на жену, потом на дочь.

— Мама опять расстроилась, дорогая. Кое-какие темы, что мы сегодня затрагиваем, едва ли годятся для беседы под Лампой Мира.

— Меня спросили — я ответила.

— Может быть, может быть...

— А может быть, пора ее выключить. Все уже поели.

— Если хочешь. Хотя поспешность тут вряд ли уместна.

— Ничего. Господь прекрасно знает, что мы не вечны. — Она повернулась к Роду. — Слабо тебе исчезнуть на какое-то время, братец? Мне нужно поговорить с родителями.

— Ты себя ведешь как...

— Сгинь. Увидимся позже.

Род ушел, чувствуя себя обиженным, и, выходя из комнаты, заметил, как сестра задула Лампу Мира.

Когда Элен заглянула в его комнату, он все еще составлял список.

— Привет.

— Привет, Элен.

— Чем занимаешься? Думаешь, что взять с собой на «выживание»?

— Вроде как.

— Не возражаешь, если я здесь у тебя устроюсь? — Она скинула с кровати разложенные там вещи и расположилась поудобнее. — Этим мы займемся позже.

Род обдумал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что отец не будет больше возражать?

— Точно. Я долбила свое, пока он не узрел наконец свет истины. Но об этом опять же после. Сначала я хочу кое-что тебе сообщить, братец.

— Например?

— Во-первых, наши родители отнюдь не так глупы, как тебе представляется. Собственно говоря, они совсем не глупы.

— А я ничего такого никогда не говорил! — возразил Род, сознавая с чувством вины, что именно так он совсем недавно думал.

— Нет, конечно. Но я слышала, что происходило перед обедом, и ты тоже слышал. Отец пытался употребить свою власть и ничего не желал слушать. Я не знаю, приходило ли тебе в голову, какая это тяжелая работа — родитель. Может быть, самая тяжелая на свете, особенно если у тебя нет таланта. К отцу это в какой-то мере относится. Он знает свою работу, старается и делает ее добросовестно. По большей части справляется, хотя иногда делает ошибки вроде сегодняшней. Но одного ты еще не знаешь: папа может скоро умереть.

— Что? Как? — Рода словно ударили. — Я не знал, что он болен.

— Так и было задумано. Но не сходи с ума, выход еще есть. Папа сильно болен и может умереть через несколько недель — если только не предпринять решительных шагов. Что они и сделали. Так что успокойся.

Коротко, прямо она обрисовала ему ситуацию: мистер Уокер действительно страдал функциональным расстройством организма, от которого медленно умирал. Болезнь оказалась не под силу современному медицинскому искусству. Он мог притянуть еще несколько недель или месяцев, но в конце концов должен был умереть.

Род уронил голову на руки, проклиная себя за невнимательность. Отец умирал, а он даже ничего не заметил. От него скрыли это, как от малого ребенка, а он оказался слишком глуп, чтобы заметить самому.

Элен тронула его за плечо.

— Не надо. Нет ничего глупее, чем ругать себя, когда от тебя ничего не зависит. В любом случае мы уже предприняли необходимые шаги.

— Но какие? Ты сама сказала, что медицина бессильна.

— Успокойся и помолчи. Родители отправляются в прыжок Рамсботхэма с соотношением пятьсот к одно-

му — двадцать лет за две недели. Они уже подписали контракт с «Энтропи инкорпорейтед». Папа оставил работу в «Дженерал синтетикс» и сворачивает все остальные дела. В следующую среду они должны распрощаться с сегодняшним миром, поэтому отец и возражал против твоих планов. Он в тебе души не чает. Бог знает почему.

Род пытался разобраться во всех свалившихся на него новостях. Временной прыжок... ну конечно же! Отец останется жив еще двадцать лет. Но...

— Послушай, Элен, но ведь это ничего не даст! Я понимаю, двадцать лет, но для них пройдет всего две недели... и отец останется таким же больным. Я знаю такой случай: для прадеда Хэнка Роббинса сделали то же самое, но он все равно умер сразу после того, как его достали из статисного поля. Мне сам Хэнк рассказывал.

Сестра пожала плечами.

— Может быть, это и в самом деле безнадежный случай. Но лечащий врач отца, доктор Хэнсли, сказал, что надежда есть... только через двадцать лет. Я ничего не понимаю в медкоррекции метаболизма, но Хэнсли уверяет, что медики уже сейчас на грани открытия, а через двадцать лет они залатают отца так же легко, как сейчас людям отращивают новую ногу.

— Ты думаешь, так и будет?

— Откуда мне знать? В таких случаях остается лишь нанять самого лучшего специалиста, а затем поступить, как он посоветует. Если мы этого не сделаем, папа умрет. Поэтому мы и согласились.

— Да-да, конечно. Мы просто обязаны...

Сестра пристально посмотрела на него и добавила:

— Ладно. Хочешь поговорить с ними?

— Что? — Неожиданный вопрос сбил Рода с толку. — Зачем? Они меня ждут?

— Нет. Я убедила их ничего не рассказывать тебе. А затем пришла сюда и рассказала все сама. Теперь ты можешь поступить как захочешь — можешь сделать вид, что ничего не знаешь, а можешь признаться, после чего мама будет весь вечер плакать, а отец наставлять тебя последними «мужскими» советами, которым ты все равно не последуешь. В конце концов около полу-

ночи вернешься сюда с совершенно истерзанными нервами и начнешь собираться. Сам решай. Я сделала все, чтобы избавить тебя от этой сцены. Так всем будет легче. По мне, так лучше уходить по-кошачьи.

Род совсем растерялся. Не попрощаться, думал он, будет неестественно, неблагодарно, как-то не по-семейному, но и само прощание казалось невыносимо тягостным.

— Что значит «по-кошачьи»?

— Когда кошка приходит, она устраивает целое представление — тычется носом в ноги, трется вокруг тебя и урчит, как трактор. Но, уходя, она просто уходит и даже не оглядывается. Кошки — животные умные.

— И что...

— Помни еще, — добавила Элен, — что они делают это ради себя. Ты тут ни при чем.

— Но отец просто должен...

— Разумеется, должен, если хочет выздороветь. — Она никак не могла решить, стоит ли упоминать, что стоимость временного прыжка оставит Рода практически без средств, но в конце концов пришла к выводу, что это лишнее. — Однако мама ничего такого не должна.

— Как же? Она должна быть с отцом.

— Да? Сам посчитай. Она предпочла оставить тебя одного на двадцать лет, чтобы провести с отцом две недели. Или можно еще так сказать: она предпочитает оставить тебя сиротой вместо того, чтобы овдоветь на двадцать лет.

— Я думаю, ты к ней несправедлива, — медленно произнес Род.

— Я же не критикую. Мама правильно решила. Однако оба они чувствуют себя здорово виноватыми перед тобой и...

— Передо мной?

— Да, перед тобой. Я уже давно сама по себе. Если ты захочешь все же попрощаться, это чувство вины может проявиться и как самооправдание, и как самовластие; они могут выместить свое чувство вины на тебе, и всем от этого будет только плохо. Мне бы не хотелось, чтобы так вышло. Ты теперь — вся моя семья.

— Может быть, ты права.

— Ну не за красивые же глаза мне поставили в свое время высший бал по логике эмоций и военному руководству. Человек — существо не рациональное, а скорее рационализирующее. Ладно, давай посмотрим, что ты собираешься брать с собой.

Элен пробежала глазами его список и взглянула на снаряжение.

— Боже, Род, сколько же ты набрал барахла! Прямо как Твиддам, который собрался на войну, или Белый Рыцарь!

— Вообще-то я собирался сократить список, — ответил Род смущенно.

— Надеюсь!

— Послушай, Элен, а какое мне лучше взять ружье или пистолет?

— Что? На кой черт тебе ружье?

— Ну как же? Я ведь неизвестно с чем там могу столкнуться. Дикие звери и все такое. Мастер Мэтсон подтвердил, что мы должны опасаться диких животных.

— Я сомневаюсь, что он посоветовал бы тебе брать с собой ружье. Судя по его репутации, Мэтсон — человек практичный. В этом путешествии, дитя ты малое, тебе отводится роль кролика, пытающегося убежать от лисы. Запомни, ты — не лиса.

— В смысле?

— Твоя единственная задача — остаться в живых. Не проявлять чудеса храбрости, не сражаться, не покорять планету, а только остаться в живых. В одном случае из ста ружье может спасти тебе жизнь, в остальных девяносто девяти оно лишь затянет тебя в какую-нибудь историю. Мэтсон, без сомнения, взял бы ружье, да и я тоже. Но мы-то уже стреляные воробьи, мы знаем, когда не надо им пользоваться. И еще учти. В зоне проведения испытаний будет полно молодых сопляков, которым не терпится пострелять. Если тебя кто-нибудь подстрелит, уже не будет иметь никакого значения, есть у тебя ружье или нет — ты будешь мертв. Но если оно будет у тебя, ты почувствуешь себя таким суперменом и когда-нибудь просто забудешь про маскировку. Когда у тебя нет ружья, ты знаешь, что ты — кролик, и всегда осторожен.

— А ты сама брала ружье, когда сдавала выживание?

— Брала. И потеряла его в первый же день. Чем спасла себе жизнь.

— Как это?

— Я просто убежала от бессмеровского гриффина, а было бы у меня ружье, наверняка попыталась бы его пристрелить. Слышал про бессмеровских гриффинов?

— Э-э-э... Спика-V?

— Спика-IV. Я не знаю, как много экзозоологии вам сейчас преподают, но, глядя на наших рекрутов-недоучек, можно подумать, что в рамках этой новомодной системы «функционального образования» вообще запретили учиться и занимаются только развитием нежной трепетной личности. Ко мне однажды попала девушка, которая хотела... Впрочем, ладно. Про гриффинов я тебе скажу самое главное: у них попросту нет ни одного жизненно важного органа. Нервная система у этих тварей децентрализована и система ассимиляции тоже. Есть только один способ быстро убить гриффина — пропустить его через мясорубку, а стрельба для него — как щекотка. Но я тогда этого не знала и, будь у меня ружье, наверняка узнала бы, только вряд ли кому уже рассказала. Он преследовал меня трое суток, что пошло на пользу моей фигуре и дало мне время поразмыслить о философии, этике и практических принципах самосохранения.

Род не стал спорить, но по-прежнему считал, что огнестрельное оружие — штука удобная и полезная. Когда на бедре висит пистолет, он всегда чувствовал себя выше, сильнее, увереннее — одним словом, хорошо себя чувствовал. И вовсе не обязательно его применять, кроме, может быть, самых крайних случаев. Род прекрасно знал, как важно уметь маскироваться и прятаться; никто в группе не умел подкрадываться так же незаметно, как он. Сестра, конечно, отличный солдат, но и она знает не все...

Однако Элен продолжала:

— Я знаю, какое это приятное чувство, когда на боку пистолет. Сразу чувствуешь, что глаза у тебя мечут молнии, роста в тебе три метра, хвост трубой и весь ты покрыт волосами, как пещерный человек. Ты готов ко

всему, и тебе даже хочется приключений. Вот тут-то и кроется опасность, потому что все это тебе только кажется. Ты — слабый, голый эмбрион, которого на удивление легко убить. Ты можешь таскать с собой штурмовое ружье с прецизионным прицелом на два километра, но у тебя все равно нет глаз на затылке, как у птицы-яруса, и в темноте ты все равно не видишь, как пигмеи Тетиса. Пока ты целишься во что-нибудь впереди, смерть запросто может подкрасться сзади.

— Да, однако вся твоя рота ходит с ружьями, сестренка.

— С ружьями, радарам, гранатами, приборами ночного видения, газами, помехопостановщиками и еще всякими штуками, которые мы без особой в том уверенности считаем секретными. Ну и что? Тебе же не крепость штурмовать. Иногда мне приходится посылать девчонок на разведку. Задача: попасть туда, заполучить информацию и вернуться живой. Как, ты думаешь, я их снаряжаю?

— Э-э-э...

— А вот как. Прежде всего, я никогда не выбираю ретивых молодых рекрутов. Я посылаю кого-нибудь из закаленных ветеранов, которых очень трудно убить. Она раздевается до исподнего, красит кожу в темный цвет — если кожа уже не темная — и отправляется на разведку с голыми руками, иногда босиком, безо всего вообще. Я не потеряла так ни одного разведчика. Когда ты беспомощен и незащищен, у тебя действительно отрастают глаза на затылке, а нервные окончания сами тянутся во все стороны и буквально ощупывают местность. Мне эту науку преподала, еще когда я была хвастливыми зеленым рекрутом, сержант, очень опытная женщина, которая по возрасту годилась мне в матери.

На Рода это произвело впечатление, и он медленно произнес:

— Мастер Мэтсон сказал, что, будь его воля, он отправил бы нас на испытания с голыми руками.

— Доктор Мэтсон — разумный человек.

— Хорошо, а что бы взяла ты сама?

— Повтори мне условия.

Род перечислил пункты объявления об экзамене. Элен сдвинула брови.

— Не так уж много данных... От двух до десяти дней означает, скорее всего, пять. Надеюсь, у тебя есть термостойкость.

— Нет, но у меня есть военный комбинезон. Я подумал, что возьму его с собой, а затем, если зона испытаний окажется не очень холодной, оставляю у ворот. Жалко будет его потерять: он всего полкило весит, да и стоит недешево.

— На этот счет не беспокойся. В чистилище хорошая одежда все равно ни к чему. О'кей, кроме комбинезона я бы взяла еще четыре килограмма продовольствия, пять литров воды, два килограмма всякой всячины вроде таблеток, спичек и прочих мелочей — все в жилете с карманами — и нож.

— Это не так много на пять дней, тем более на десять.

У Рода было несколько ножей, но один он считал действительно «своим» — изящный, на все случаи жизни, с лезвием из молибденовой стали в 21 сантиметр длиной и отличным балансом. Он передал нож сестре, и она качнула его на ладони.

— Неплохо, — сказала Элен и огляделась.

— Вон там, у вытяжки, — подсказал Род.

— Вижу. — Она метнула нож, и лезвие, воткнувшись в мишень, вздрогнуло и зазвенело. Элен протянула руку вниз и достала из сапога еще один.

— Этот тоже не плох. — Второй нож воткнулся в мишень на расстоянии ширины лезвия от первого. Элен выдернула их и, взяв в каждую руку по ножу, остановилась посреди комнаты, оценивая балансировку каждого, затем перевернула свой рукоятью вперед и протянула Роду.

— Это мой любимый нож, «Леди Макбет». Я брала его с собой, когда сдавала выживание. Возьми, он тебе пригодится.

— Ты хочешь поменяться ножами? Ладно. — Роду было немножко жаль расставаться с «Полковником Боуи», и он опасался, что другой нож может его подвести, но от такого предложения не отказываются. Во всяком случае, когда предлагает родная сестра.

— Бог с тобой! Разве я могу лишить тебя твоего собственного ножа, да еще перед самым «выживанием»? Возьми оба, малыш. Ты не умрешь с голоду или от жажды, но запасной нож, может статься, окажется для тебя дороже, чем его вес в тории.

— Спасибо, сестренка. Но я тоже не могу взять твой нож: ты говорил, что вас ждут скоро активные действия. Возьму запасной из своих.

— Мне он не понадобится. Девчонки годами уже не дают мне случая воспользоваться ножом. Так что пусть «Леди Макбет» будет на экзамене с тобой. — Она вытащила из сапога ножны, вложила туда нож и вручила его Роду. — Носи на здоровье, брат.

3

Через туннель

На следующее утро Род прибыл к воротам «Темплтон», чувствуя себя далеко не в лучшей форме. Он собирался хорошенько выспаться перед испытанием, но приезд сестры и ошеломляющие семейные перемены эти планы нарушили. Как большинство детей, Род воспринимал семью и дом как нечто незыблемое. Он не особенно много думал об этом и на сознательном уровне не особенно ценил то, что у него есть — не больше, скажем, чем рыба думает о воде. Семья, дом — они просто всегда были.

А теперь вдруг исчезли.

Они с Элен проговорили допоздна, и у сестры в конце концов появились серьезные сомнения насчет того, стоило ли сообщать Роду о переменах накануне экзамена. Незадолго до того она все взвесила и решила, что так «правильно», а чуть позже действительность в который раз продемонстрировала ей горькую древнюю истину: «правильное» и «неправильное» иногда познаются лишь задним умом. Просто нечестно, подумалось ей, забивать Роду голову сомнениями и переживаниями перед самым экзаменом. Но и отпустить его,

ничего не сказав, чтобы он вернулся потом в опустевший дом, тоже казалось нечестным.

А решать надлежало ей. Еще в первой половине того дня она стала его опекуном. Необходимые бумаги были уже подписаны и скреплены печатями; суд это решение утвердил. И теперь Элен вдруг обнаружила, что жизнь «родителя» состоит отнюдь не из одних лишь удовольствий. Гораздо больше это напоминало душевные переживания, выпавшие на ее долю, когда ей впервые пришлось участвовать в заседании трибунала.

Поняв, что ее ребенок никак не успокоится, она настояла, чтобы он лег в постель, и долго гладила по спине, повторяя гипнотические инструкции: «Спать, спать, спать...» Затем, когда ей показалось, что Род уснул, Элен тихо вышла из комнаты.

Однако Род не уснул: ему просто захотелось побыть одному. И наверно, еще целый час мысли его метались от бесполезных предположений о болезни отца к таким же бесполезным попыткам представить, что ждет его утром... Как, интересно, встретятся они через двадцать лет? Ведь ему будет почти столько же, сколько маме...

Он наконец осознал, что ему надо спать, и принялся внушать себе, что пора успокоиться, изгнать тревожные мысли и уйти в гипнотический транс. Времени на это ушло гораздо больше, чем обычно, но в конце концов Род провалился в большое золотистое облако сна.

Проснулся он лишь от второго сигнала будильника, но даже после холодного колючего душа глаза слипались и очень хотелось спать. Род посмотрел на себя в зеркало и решил, что там, куда он отправляется, можно ходить небритым, да и времени оставалось мало. Потом все-таки решил побриться, болезненно переживая из-за редкой мальчишеской поросли на щеках.

Мама еще не встала, но она никогда и не просыпалась так рано. Отец последнее время почти не завтракал, и Рода вдруг кольнуло воспоминание, отчего это. Но он ожидал, что сестренка все-таки выйдет попрощаться. В довольно мрачном настроении он прошел в столовую, снял крышку со своего подноса и обнаружил, что мама забыла заказать завтрак, а такое на его памяти случалось, может быть, всего раз или два. Род

сделал заказ сам и сел ждать — еще десять минут потерянного времени.

Элен — на удивление, в халате — появилась, когда он уже собирался уходить.

— Доброе утро.

— Привет, сестренка. Тебе, видимо, придется заказывать утреннюю кормежку самой. Мама забыла, а я не знал, что ты захочешь.

— Я уже давно позавтракала. Ждала, когда ты соберешься. Хотела проводить.

— Ладно. Пока. Я уже опаздываю. Надо бежать.

— Я тебя не задержу. — Она подошла и обняла Рода. — Не дрейфь, парень. Это самое главное. От волнения умирают больше, чем от ран. И если придется бить, бей ниже пояса.

— Хорошо. Запомню.

— Запомни.

— Я продлю свой отпуск, чтобы встретить тебя, когда ты вернешься. — Она поцеловала его и добавила: — А теперь беги.

Доктор Мэтсон сидел за столом рядом с помещением, где выдавали снаряжение, и отмечал в своем списке прибывших. Когда появился Род, он оторвал взгляд от бумаг и сказал:

— Привет, Уокер. Я думал, ты все-таки решил поступить разумно.

— Извините, сэр, что я опоздал. Дома много всякого произошло.

— Не беспокойся. Я однажды знал человека, которого не расстреляли на рассвете, потому что он проспал.

— В самом деле? Кто это?

— Один молодой парень, которого я знал. Я сам.

— Не может быть, сэр. Вы хотите сказать, что вас...

— Увы, я все это придумал. Хорошие истории редко бывают правдивы. Давай беги в амбулаторию и проходи обследование, пока они там совсем не разошлись.

Рода простукивали, просвечивали, затем снимали какие-то волнистые графики мозговой активности и под-

вергали всяким другим издевательствам, какие обычно придумывают врачи. Старший из них прослушал его сердце и потрогал влажную ладонь.

— Боишься, сынок?

— Конечно, боюсь, — буркнул Род.

— Ну и хорошо. Если бы ты не боялся, я бы не допустил тебя до экзамена. Что за повязка у тебя на ноге?

— Э-э-э... — бинтовая повязка скрывала подаренный Элен нож, «Леди Макбет», в чем Род и признался с глуповатым видом.

— Сними.

— Сэр?

— Мне приходилось иметь дело с кандидатами, которые выкидывали подобные фокусы, чтобы что-то скрыть. Так что давай посмотрим.

Род принялся разматывать повязку. Врач молчал, пока не убедился, что Род действительно прячет там нож, а не заживающую рану.

— Можешь одеваться и идти к своему инструктору.

Род надел жилет с карманами, туго набитыми пайками и всякой всячиной, затем пристегнул к ремню флягу — гибкий пояс из пластиковых контейнеров, каждый на пол-литра жидкости. Вес распределялся на два плечевых ремня, и по одному из них, слева, шла трубка, через которую можно было пить, не снимая пояса. Он планировал растянуть этот скудный запас воды на все время испытания, чтобы избежать риска, связанного с грязными водоемами, и еще большей опасности, которая может подстергать у водопоя. Если, конечно, там, куда их отправят, вообще можно будет найти воду.

Вокруг пояса Род обмотал двадцать метров тонкой, легкой, но очень прочной веревки. Трусы, рубаха с длинными рукавами — вот и вся экипировка. «Полковник Боуи» висел на поясе. В полном снаряжении Род выглядел несколько полнее, чем на самом деле, но снаружи было видно только нож. Комбинезон он нес на левой руке: очень удобная и полезная штука — капюшон, пристроченные ботинки и перчатки, которые, однако, можно было отстегнуть, если надо делать что-то голыми руками, — но слишком уж теплая, чтобы наде-

вать до тех пор, пока он действительно не понадобится. Род прекрасно понимал, что даже эскимосы боятся потеть.

Доктор Мэтсон ждал у входа на склад.

— Опоздавший мистер Уокер, — прокомментировал он, затем взглянул внимательно на раздутый торс Рода. — Бронежилет, сынок?

— Нет, сэр. Жилет с припасами.

— И сколько ты на себя нагрузил?

— Одиннадцать килограммов. В основном вода и сухие пайки.

— Хм-м, неплохо. Но снаряжение покажется тебе тяжелее гораздо раньше, чем оно станет легче. Никаких скаутских наборов для первопроходцев? Никаких надувных вигвамов?

— Нет, сэр, — щеки у Рода налились краской.

— Можешь оставить теплый комбинезон. Я отправлю его тебе домой почтой.

— Спасибо, сэр, — Род передал ему комбинезон и добавил: — Я не был уверен, что он понадобится, но на всякий случай прихватил его с собой.

— Он тебе уже понадобился.

— Сэр...

— Сегодня утром я выгнал пятерых, что явились без теплого снаряжения, и еще четверых, что явились со скафандрами. И тех и других за глупость. Им следовало понимать, что школьный совет просто не выбросит их в вакуум, в хлорную атмосферу или еще куда-нибудь в таком же духе без предупреждения об условиях экзамена. Нам нужны выпускники, а не жертвы. А вот холодный климат — это как раз в пределах условий.

Род снова взглянул на свой комбинезон.

— Вы уверены, что он мне не понадобится, сэр?

— Абсолютно. Но если бы ты его не взял, я бы тебя не допустил. А теперь иди получи огнестрельное. Оружейнику не терпится закрыть лавочку. Что ты решил взять?

Род с трудом слотнул.

— Я решил не брать с собой огнестрельного, Мастер... виноват, доктор.

— Ты можешь смело называть меня по прозвищу, но только после экзамена. Однако твое решение меня заинтересовало. Как ты до него додумался?

— М-м-м... видите ли, сэр... Короче, так посоветовала мне сестра.

— В самом деле? Мне непременно нужно встретиться с твоей сестрой. Как ее зовут?

— Штурмовой капитан Элен Уокер, — гордо ответил Род. — Корпус Амазонок.

Мэтсон записал.

— Ладно, иди. Сейчас будут разыгрывать очередь.

Род замялся.

— Простите, сэр, — у него вдруг возникло какое-то недоброе предчувствие, — но, если бы я брал с собой огнестрельное оружие, что бы вы мне посоветовали?

Мэтсон тут же скорчил недовольную мину.

— Я целый год скармливал вам с ложечки, что узнал на собственной шкуре. А теперь подходит экзамен и ты спрашиваешь у меня совет, который должен знать сам. Я так же не вправе отвечать на твой вопрос, как не вправе был давать вчера советы насчет теплой одежды.

— Извините, сэр.

— Ты можешь, конечно, спросить. Только я на такой вопрос не отвечу. Давай-ка переменяем тему. Эта твоя сестра, должно быть, очень славная девушка...

— Да, сэр, так оно и есть.

— М-да. Если бы я встретил такую девушку раньше, возможно, я не был бы сейчас старым чокнутым холостяком... Ладно, иди твоя номер. Первый отбывает через шесть минут.

— Да, доктор.

По дороге к воротам Род миновал палатку, что поставил у дверей школьный оружейник, в этот момент он как раз протирал бесшумный «Саммерфилд». Род поймал его взгляд.

— Привет, Пушкарь!

— Привет, парень. По-моему, ты опаздываешь. Что будем брать?

Род пробежал глазами по рядам сияющих смертоносных игрушек. Может быть, какой-нибудь маленький

игломет с ядовитой бомбой... Ведь вовсе не обязательно его использовать...

Тут он вдруг понял, что доктор Мэтсон все-таки ответил на его вопрос или, во всяком случае, намекнул.

— Нет, спасибо, Пушкарь. У меня уже есть все, что нужно.

— О'кей. Удачи тебе, и возвращайся скорей.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил Род и вошел в зал, где размещались ворота.

Факультативный курс слушали более пятидесяти человек; дожидаясь экзамена, по залу расхаживали человек двадцать. Не успел Род оглянуться, как его позвал дежурный.

— Идите сюда! Тяните номер!

Номера тянули из большой чаши с капсулами. Род сунул туда руку, достал капсулу и раскрыл.

— Номер семь.

— Счастливый номер. Поздравляю! Ваше имя и фамилия?

Род назвал и повернулся к залу, ища, куда бы присесть, поскольку ждать ему оставалось еще минут двадцать. Потом принялся с интересом разглядывать однокашников: кто что посчитал необходимым взять с собой для выживания «в любых условиях».

Иоганн Браун сидел меж двух пустых сидений, а причина, почему никто не пожелал занять эти места, устроилась на полу у его ног — здоровый, крепкий боксер с недобрый взглядом. Через плечо у Брауна висела «Молния» модели «Дженерал электрик», тяжелый разрядник с телескопическим прицелом и фокусировкой огневого конуса. Энергоблок Браун надел на спину вместо рюкзака. На пояс он прицепил бинокль, нож, аптечку и три портативные сумки.

Род остановился, с восхищением разглядывая ружье и одновременно прикидывая, сколько же эта замечательная игрушка может стоить. Собака подняла голову и зарычала.

Браун успокаивающе положил руку ей на затылок.

— Держись подальше, — предупредил он. — Тор признает только меня одного.

Род сделал шаг назад.

— А ты неплохо вооружился, Иоганн.

Тот самодовольно улыбнулся.

— Мы с Тором собираемся жить охотой.

— С такой пушкой он тебе просто не нужен.

— Еще как нужен. Он у меня вместо сигнализации. Рядом с ним я могу спать спокойно. Рассказать, что он умеет, так ты не поверишь! Тор ничуть не глупее большинства людей.

— Ничего удивительного.

— Мастер было развыступался, что мы вдвоем, мол, уже группа и должны проходить ворота по отдельности. Ну я ему объяснил, что, если нас попытаются разделить, он тут всех разорвет в клочья. — Браун погладил собаку по ушам. — Так что один Тор стоит целого взвода пехоты.

— Слушай, а дашь попробовать стрельнуть из этой штуковины? Я имею в виду, когда мы вернемся.

— Ради бога. Отличная игрушка. Воробья в воздухе берет так же легко, как лося за километр... Знаешь, что-то Тор нервничает. Позже поговорим.

Род понял намек, прошел дальше и сел, оглядываясь по сторонам и все еще надеясь найти напарника. Около закрытых ворот стоял священник, на коленях перед ним получал благословение кто-то из экзаменующихся. Еще четверо ждали поодаль.

Затем парень, что был перед священником, поднялся на ноги, и Род торопливо вскочил.

— Эй! Джимми!

Джимми Трокстон обернулся, поискал его глазами и, улыбнувшись, бросился к нему.

— Привет, Род! Я уж думал, что ты увильнул и оставил меня одного. Ты еще ни с кем не договорился?

— Нет.

— Предложение еще в силе?

— А? Конечно.

— Блеск! Я, когда пойду через ворота, могу объявить, что мы в паре, если только у тебя не второй номер. У тебя не второй?

— Нет.

— Отлично. Потому что у меня...

— **НОМЕР ОДИН!** — выкрикнул дежурный у ворот. — Трокстон, Джеймс.

Джимми Трокстон даже вздрогнул от неожиданности.

— Вот видишь!

Он поддернул пояс с пистолетом, повернулся к раскрытым воротам и, бросив через плечо: «Увидимся на той стороне!», шагнул вперед.

Род успел крикнуть: «Джимми, как мы найдем...», но было уже поздно. Ладно, подумал он, если Джимми хоть что-нибудь соображает, у него хватит ума проследить, куда перемещаются ворота.

— Номер два! Мшийени, Каролина.

В противоположном конце зала поднялась высокая зулусская девушка, о которой Род думал раньше как о возможном напарнике, и направилась к воротам. Одета она была в рубашку и шорты — ни обуви, ни перчаток. Оружия тоже не было видно, но в руках Каролина держала небольшую сумку.

— Эй, Кэрл! — крикнул кто-то. — Что у тебя в сумочке?

— Камни, — ответила она с улыбкой.

— Да брось ты! Наверное, сандвичи с ветчиной. Сбереги один для меня!

— Я сберегу для тебя камень, милый.

Совсем незаметно пролетели минуты, и дежурный выкрикнул:

— Номер семь! Уокер, Родерик.

Род торопливо подошел к воротам. Дежурный сунул ему какую-то бумагу, потом пожал руку.

— Удачи, парень! Не зевай! — С этими словами он хлопнул Рода по спине и подтолкнул ко входу.

Оказавшись по ту сторону ворот, Род, к своему удивлению, обнаружил, что по-прежнему находится в помещении. Но еще более неожиданными оказались тошнота и головокружение: сила тяжести была явно меньше земной.

С трудом удерживая завтрак внутри, он лихорадочно соображал, что происходит. Где он? На Луне? На одном из спутников Юпитера? Или где-то еще?

Скорее всего, конечно, на Луне. Большинство дальних прыжков совершались через Луну, чтобы избежать ошибок в настройке и не отправить путешественников ненароком куда-нибудь на светило, особенно, если в систему входит две звезды. Но не оставят же его здесь! Мэтсон обещал, что безвоздушных планет не будет.

На полу лежала пустая бумага, и Род догадался, что это, должно быть, сумка Каролины. Наконец он вспомнил про бумагу, что вручили ему при входе, и взглянул на листок.

ЭКЗАМЕН НА ВЫЖИВАНИЕ В ОДИНОЧКУ

Инструкция по возвращению

1. Вы должны пройти через дверь впереди в течение отпущенных вам трех минут — прежде чем появится следующий экзаменуемый. Задержка свыше трех минут означает полную дисквалификацию.

2. Возврат будет объявлен традиционными звуковыми и световыми сигналами. Предупреждение: местность остается опасной и после подачи сигнала.

3. Выходные ворота не будут совпадать со входными. Выход может находиться в пределах двадцати километров в направлении восхода.

4. За воротами нет подготовленной зоны. Испытания начинаются сразу же! Остерегайтесь столбов. Удачи!

Б.П.М.

Все еще борясь с поднимающейся тошнотой, Род продолжал разглядывать инструкцию, но тут в противоположном конце длинной узкой комнаты, где он находился, открылась дверь и оттуда донесся мужской голос: — Быстрее! А то потеряешь право на участие.

Род торопливо бросился вперед, споткнулся, затем, пытаясь сохранить равновесие, перестарался и снова упал. Ему уже доводилось бывать в условиях пониженной гравитации во время экскурсий, и один раз родители брали его с собой в отпуск на Луну, но он все равно не привык к малой силе тяжести и с трудом доскользил до двери.

За ней оказалось еще одно помещение с воротами. Дежурный взглянул на таймер на стене и сказал:

— Двадцать секунд. Инструкцию надо вернуть.

Род вцепился в лист бумаги. «Двадцать секунд, но мои»... *в пределах двадцати километров в направлении восхода...* Условно — на востоке. Пусть будет «восток». Но что это за чертовщина такая — столб?

— Время! Время! — дежурный выхватил у него инструкцию, створки откатились сторону, и Рода толкнули через раскрытые ворота.

Упал он на четвереньки: сила тяжести за воротами оказалась почти земная, и неожиданная перемена застала Рода врасплох. Однако он остался лежать — молча, неподвижно, — потом быстро огляделся. Вокруг раскинулась широкая равнина с высокой травой, кое-где торчали над морем травы деревья и кусты, а дальше начинался густой лес.

Род выгнул шею и посмотрел назад. Планета земного типа; почти нормальная сила тяжести; возможно, звезда класса G в качестве центрального светила; обильная растительность, но пока никаких признаков фауны — впрочем, это ничего не значит, в пределах слышимости могут бродить сотни зверей. Даже этот чертов стобор.

Ворота остались позади — темно-зеленые створки, что на самом деле далеко-далеко. Они висели над высокой травой, ни на чем не держась, и явно не вписывались в примитивный пейзаж. Зная об их одностороннем контакте с этим миром, Род подумал было отползти за ворота, чтобы, оставаясь невидимым, видеть через занятое ими пространство, кто появится следующим. Эта идея напомнила ему, что сейчас его самого прекрасно видно с той стороны, и он решил двигаться.

Где, интересно, Джимми? Ему следовало остаться неподалеку и подождать, когда появится Род. Или же спрятаться где-нибудь поблизости. Единственный верный способ найти друг друга в такой ситуации, это первому подождать второго. Род просто не знал, где искать Джимми.

Он снова огляделся, на этот раз внимательнее, и попытался представить себе, куда мог спрятаться Джимми. Ничего. Никакого намека... Но когда его взгляд вернулся к исходной точке, ворот на месте не оказалось.

Род почувствовал, как пробежал у него по позвоночнику, по кончикам пальцев холодок страха. Он заставил себя успокоиться, решив, что так, возможно, даже

лучше. Исчезновение ворот на самом деле вполне объяснимо: должно быть, их фокусируют заново после каждого испытуемого, чтобы разбросать «выживателей» на расстояние в несколько километров друг от друга.

Хотя нет, как же тогда «в пределах двадцати километров к восходу»? Это ведь совсем маленькая зона.

Или... Может быть, все получили разные инструкции? В конце концов он признал, что ничего не знает наверняка, и от этого стало даже как-то спокойнее. Род не знал, где он сам, где Джимми или кто-нибудь еще из его группы. Не знал, что его здесь ждет. В одном лишь он не сомневался: человек может выжить, если будет достаточно сообразителен. И удачлив.

Сейчас перед ним стояла только одна задача: выжить в течение — пусть будет по максимуму — десяти земных дней. Он выбросил мысль о Джимми Трокстоне из головы, выбросил вообще все лишние мысли, оставив только необходимость постоянно быть настороже. Заметив по склоненным венчикам травы направление ветра, он — где ползком, где на четвереньках — двинулся в ту же сторону.

Решение далось нелегко. Первой мыслью было пойти против ветра, потому что это казалось естественным направлением для хищника. Но очень кстати пришелся совет сестры: без ружья или пистолета он чувствовал себя обнаженным и беспомощным, и это напоминало ему, что он сейчас не охотник. Его запах все равно разнесется ветром, и, двигаясь в ту же сторону, он по крайней мере мог рассчитывать заранее увидеть подкрадывающегося хищника, тогда как незащищенный тыл будет в относительной безопасности.

Что это такое там дальше, в траве?

Род замер, напряженно вглядываясь вперед. Едва заметное движение все же привлекло его внимание, насторожило, и он продолжал ждать. Вот опять что-то движется впереди, справа налево.словно темный стебель с пучком растительности на конце — возможно, задранный хвост.

Он так и не узнал, что за зверь бродил в траве с таким хвостом — если это и в самом деле был хвост. Существо остановилось точно напротив него по ветру,

а затем рванулось в сторону и скрылось из виду. Род выждал несколько минут и пополз дальше.

Жара стояла невыносимая, рубашка и штаны вскоре пропотели насквозь. Очень хотелось пить, но Род держался, напоминая себе, что пяти литров не хватит надолго, если он начнет расходовать воду в первый же час. Небо затянуло пеленой перистых облаков, но светило — или «солнце», как он решил его называть — палило нещадно даже через облачный покров. Солнце висело позади, низко над горизонтом, и Род невольно представил себе, какое будет пекло, когда оно окажется в зените. Утешало лишь то, что до леса было не так уж далеко, а лес сулил прохладу. Или во всяком случае шанс избежать солнечного удара.

Прямо по ходу травяное поле плавно спускалось в небольшую низину, и над этой низиной без конца кружили похожие на ястребов птицы. Не двигаясь с места, Род продолжал наблюдать. «Да, братцы, — пробормотал он вполголоса, — если вы ведете себя так же, как наши земные стервятники, значит, там впереди кто-то мертвый и вы, прежде чем начать свое пиршество, хотите убедиться, что он действительно мертв. Если так, я, пожалуй, проползу стороной и подальше. Неровен час, нагрянет еще кто-нибудь, а мне что-то с кем не хочется встречаться...»

Он двинулся вправо, немного наперекор легкому ветерку, и в конце концов оказался рядом с каменистой осыпью на гребне невысокого холма. Род перебрался, прячась за камнями, ближе к краю осыпи и затаился под торчащим обломком.

Издалека казалось, что на земле лежит взрослый человек, а рядом с ним ребенок. Покопавшись в своих многочисленных карманах, Род извлек маленькую подзорную трубу с восьмикратным увеличением и пригляделся получше. «Взрослый» оказался Иоганном Брауном, а «ребенок» — его собакой.

Оба, без сомнения, были мертвы. Браун лежал как тряпичная кукла, которую небрежно швырнули на пол: голова неестественно повернута почти на сто восемьдесят градусов, одна нога загнута назад. Горло и пол-лица — сплошное темно-красное пятно.

Пока Род наблюдал, откуда-то появилось похожее на собаку существо, обнюхало боксера и вцепилось в труп зубами, а следом за ним, присоединяясь к пиршеству, спустился на землю и первый стервятник. Чувствуя подкатившую тошноту, Род опустил трубку. Да, бедняга Иоганн протянул недолго — может быть, на него напал тот самый стобор, — и даже его умный пес не смог ему помочь. Жаль. Но это доказывало, что в округе водятся крупные хищники, и лишний раз напоминало Роду, как осторожно надо себя вести, если он не хочет, чтобы шакалы и стервятники дрались из-за его останков.

Затем он вспомнил еще кое-что и вновь прильнул к окуляру. Великолепной «Молнии» Иоганна нигде не было видно, как и энергоблока к ружью. Род тихо присвистнул и задумался. Хищник, которому могло пригодиться ружье, без сомнения, передвигался на двух ногах. Род тут же вспомнил, что «Молния» бьет наповал почти на любом расстоянии в пределах прямой видимости, и теперь эта опасная игрушка оказалась в руках человека, который решил воспользоваться отсутствием закона в зоне проверки на выживание.

В данной ситуации единственное, что ему оставалось, это не маячить в пределах прямой видимости. Род сполз по рассыпанным камням и спрятался в кустах.

До леса оставалось меньше двух километров, и Род двинулся дальше. Оказавшись совсем рядом, он вдруг осознал, что солнце вот-вот сядет. Беспокойство гнало его вперед, заставляя торопиться и пренебрегать осторожностью. Ведь он собирался провести ночь на дереве, а забираться лучше всего засветло. Ночевать на земле, в незнакомом лесу, казалось еще опаснее, чем прятаться в траве.

Разумеется, он не потратил весь день только на то, чтобы добраться до леса. Хотя они прошли ворота «Темплтон» еще утром, но суточное время не имело никакого отношения к времени здешнему. Сюда его выбросили ближе к концу дня, и, когда Род достиг первых высоких деревьев, уже почти смеркалось. Вернее, было уже темно, и он решил рискнуть, потому что ничего другого не оставалось. Остановившись на границе леса, все еще в высокой траве, Род извлек из

кармана складные «кошки». Сестра убедила его оставить множество всяких приборчиков и приспособлений, но против «кошек» она не возражала. Это нехитрое приспособление для лазания по столбам придумали уже давно, но Род выбрал улучшенную, уменьшенную и облегченную конструкцию — вместе с креплениями пара «кошек» из титанового сплава весила не больше ста граммов. Кроме того, они очень компактно складывались.

Род разложил их и, защелкнув вокруг лодыжек и под стопами, затянул ремни потуже. Затем еще раз оглядел выбранное дерево — высокое, с развесистой кроной и стоящее достаточно далеко в глубине леса, чтобы в случае чего можно было воспользоваться «черным ходом», то есть перелезть на соседнее. Высокий, но не очень толстый ствол — он вполне мог обхватить его руками.

Прикинув маршрут, Род выпрямился и затрусил к ближайшему дереву, обогнул его, потом налево к следующему, тоже мимо и наконец чуть правее, к тому, что выбрал. Но когда до дерева оставалось метров пятнадцать, что-то рванулось из темноты прямо на него.

Оставшееся расстояние он преодолел почти мгновенно — возможно, даже быстрее, чем сработала бы гиперпространственная машина Рамсботхэма — и добрался до первого сука в десяти метрах от земли, буквально взлетев. Дальше Род карабкался более привычным способом — всаживая когти в гладкую кору дерева или опираясь ногами на сучья, когда они стали попадаться достаточно часто.

Метрах в тридцати от земли он наконец остановился и взглянул вниз. Сучья мешали, и под деревьями было гораздо темнее, чем на открытой местности, однако Род все же углядел расхаживающего там обитателя леса, что почтил его своим присутствием.

Он попытался найти точку, с которой будет лучше видно, но света с каждой минутой становилось все меньше. Хищник здорово напоминал... Одним словом, если бы Род не был уверен, что его забросили на неосвоенную планету бог знает как далеко от дома, он бы сказал, что это лев.

Только в несколько раз больше, чем обычно бывают львы.

Оставалось надеяться, что зверюга не лазает по деревьям. Впрочем, напомнил себе Род, будь это ей под силу, он бы уже минут пять назад начал перевариваться. Понимая, что нужно устроить место для ночлега до полной темноты, он полез выше, выискивая удобные сучья.

В конце концов, когда уже казалось, что придется спускаться ниже, Род нашел то, что искал, — два крепких сука как раз на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было повесить гамак, — и принялся за дело наперегонки с наступающей темнотой: достал из кармана жилета гамак-паутину из прочных, как паучий шелк, волокон и почти такой же легкий и тонкий, затем разматал веревку на поясе, привязал гамак к сучьям и попробовал туда влезть.

Не тут-то было. Для хорошего акробата с цепкими пальцами это не составило бы труда. Эквилибрист, привыкший ходить по канату, просто прошел бы по суку и сел в гамак. Но Род едва не свалился с дерева: нужно было за что-то держаться.

Гамак — штука практичная, и Роду уже приходилось спать в гамаке. Сестра тоже одобрила его выбор, заметив, что у него он даже лучше, чем те, которые выдавали им.

— Главное, не садись, когда проснешься, — добавила она.

— Не буду, — заверил ее Род. — Кроме того, я всегда пристегиваю нагрудный ремень.

Но никогда раньше ему не приходилось забираться в гамак в таких условиях: встать под гамаком не на что, а верхние сучья слишком высоко. После нескольких неуклюжих попыток, от которых сердце то и дело уходило в пятки, он уже начал думать, что придется провести всю ночь на суку, как птица, или оседлать его, прислонившись спиной к стволу. Спускаться вниз, когда там бродит эта тварь, было просто невыносимо.

Высоко над гамаком торчал еще один сук. Может быть, если перекинуть через него веревку, а затем, держась за нее...

Попробовал. Но уже совсем стемнело, и веревку он не потерял только потому, что другой ее конец крепил гамак к сучьям. Род наконец сдался и решил попытаться в последний раз. Держась изо всех сил руками по обе стороны от веревки у изголовья, он медленно, осторожно опустил в гамак ноги и стал сползать сам. Вот он уже наполовину в гамаке... Дальше требовалось лишь следить, чтобы центр тяжести тела оставался низко, и не делать никаких резких движений, пока он сползает в свой паутинчатый кокон.

Почувствовав, что он устроился надежно, Род глубоко вздохнул и позволил себе расслабиться. В первый раз за весь день ему было и удобно, и спокойно.

После минуты восхитительного отдыха Род отыскал губами ниппель трубки от канистры с водой и, сделав два осторожных глотка, занялся приготовлением ужина. Для этого нужно было лишь извлечь из кармана четвертькилограммовый брусок походного концентрата: тысяча сто калорий в белках, жирах, углеводах и глюкозе плюс необходимые добавки. Этикетка на обертке, уже не различимая в темноте, сообщала, что концентрат «хорош на вкус, возбуждает аппетит и имеет приятную консистенцию», хотя на самом деле, положить перед настоящим гурманом этот концентрат и старую подметку, так еще неизвестно, что тот выберет.

Но, как говорится, голод — лучшая приправа. Род не уронил ни крошки и, когда доел, даже облизал обертку. Очень хотелось вскрыть еще один пакет, но он подавил в себе это предательское желание и лишь отпил еще один глоток воды, а затем натянул над головой москитную сетку и пристегнул ее к ремню на груди. Его иммунная система могла справиться с большинством земных болезней, что переносят насекомые, а инфекционные заболевания Внеземелья почти никогда не причиняли человеку вреда, но все равно не хотелось, чтобы местные ночные кровососы рассаживались на лице и устраивали себе кормежку.

Даже в легкой одежде было слишком жарко, и Род уже начал подумывать, а не раздеться ли ему до трусов: планета — или во всяком случае эта ее часть — здорово напоминала тропики. Но снимать рубашку, жилет с припасами и брюки, лежа в гамаке, казалось почти

невыполнимой задачей, и он решил, что лучше проведет первую ночь как есть, пусть даже придется попотеть и потратить лишний литр воды.

Интересно, что это за планета, подумал Род, пытаясь разглядеть небо сквозь пышную крону в надежде отыскать знакомые звезды. Но или крона была слишком густой, или небо затянуло облаками — он ничего не увидел. Выбросив из головы все лишние мысли, Род попытался уснуть.

Спустя десять минут сон по-прежнему не шел, и он лежал, вслушиваясь в ночь еще более настороженно. Занимаясь своим гамаком, а затем ужином, Род почти не обращал внимания на далекие звуки; теперь же все ночные голоса словно приблизились. Насекомые жужжали, гудели и пели, шелестела листва, а внизу кашлял какой-то зверь. В ответ на этот кашель послышался безумный хохот — он становился все громче, потом вдруг снова стих, перейдя в сдавленный астматический хрип.

Роду очень хотелось верить, что это всего лишь какая-нибудь птица.

Затаив дыхание, он невольно продолжал вслушиваться в близкие и далекие звуки, затем, спохватившись, приказал себе успокоиться. По крайней мере девять десятых потенциальных врагов ничем не могли ему угрожать. Даже змея, если такие тут водятся, вряд ли заползет в гамак, и уж совсем маловероятно, что она нападет, если он будет лежать неподвижно. Змеи с их крошечными мозгами редко интересуются чем-то большим, чем они способны проглотить. И едва ли в этой кроне прячется какое-нибудь существо, достаточно крупное, чтобы представлять опасность, или достаточно заинтересованное в нем как в жертве. «Так что, приятель, — сказал Род себе, — не обращай внимания на все эти странные звуки и спи. В конце концов, шум от транспорта в городах бывает и хуже».

Вспомнилась лекция Мастера о вреде лишних тревог, об опасностях, подстерегающих человека, когда тот слишком быстро приходит в возбуждение и слишком долго ждет в напряжении. Как сказала сестра, от волнения умирают больше, чем от ран. Род снова попытался заснуть.

И это ему почти удалось. Из сладкой полудремы его вырвал новый донесшийся издали звук, и он невольно приподнялся, чтобы слышать лучше. Казалось, это человеческий голос — нет, и в самом деле человеческий... Истощенный плач взрослого человека, глубокое, надрывное рыдание.

Род просто не знал, что делать. С одной стороны, это его не касается, здесь каждый сам за себя, но слышать эту жуткую агонию и ничего не предпринимать... Может, надо слезть и отыскать в темноте этого бедолагу? Спотыкаясь о корни, напомнил он себе, проваливаясь в ямы и, возможно, двигаясь прямо в пасть какой-нибудь большой и голодной твари...

Что же делать? Имеет ли он право не помочь?

Вопрос решился сам собой. На плач вдруг ответили плачем — теперь гораздо ближе и громче. Этот голос уже не походил на человеческий, хотя чем-то напоминал первый, и от неожиданности Род чуть не вывалился из гамака. Спас ремень.

Затем ко второму голосу присоединился третий, снова далекий, и спустя несколько секунд ночную тишину заполнили всхлипы и дикий вой — казалось, ужас, агония, непереносимое горе охватили всю равнину. Теперь уже Род понял, что это не люди, но ничего подобного он за всю жизнь никогда не слышал. И не припоминал, чтобы кто-то о таком рассказывал. Наверно, это и есть те самые стоборы, о которых предупреждали, неожиданно решил он.

Но что они из себя представляют? Как избегать встречи с ними? Ближайший голос, казалось, доносился даже откуда-то сверху, может быть, с соседнего дерева. Или с этого?

Что делать, если столкнешься со стобором в темноте? Плюнуть ему в глаза? Или попытаться заговорить зубы?

В одном только Род не сомневался: тварь, которая так разоряется ночью в джунглях, скорее всего, ничего не боится. Следовательно, бояться должен он. Но делать было нечего, и Род по-прежнему лежал неподвижно. Его страх проявлялся лишь напряжением мышц, гусиной кожей и холодным потом. Адский концерт продол-

жался, и ближайший стобор вопил чуть ли не над самым ухом. Во всяком случае, так Роду казалось.

Еще немного, и он, наверно, отрастил бы крылья и взлетел. До этого ночевать одному в лесу ему доводилось лишь на Земле, на Североамериканском континенте. Там опасности известны, да и не так велики: вполне предсказуемые медведи, изредка ленивая гремучая змея — встречи с ними избежать не трудно.

Но как можно обезопасить себя от чего-то совершенно неизвестного? Стобор — Род решил, что так и будет называть этого ночного зверя, — возможно, прямо сейчас подбирается к нему все ближе и ближе, разглядывает в темноте и думает, утащить ли его в берлогу или сожрать на месте.

Может, надо куда-то перебраться?.. Но вдруг он попадет прямо в когти стобору? Что ж, беспомощно ждать, когда зверь ударит его лапой? Может быть, стоборы не нападают на деревьях... Но ведь, может, и наоборот, они только здесь и охотятся, а его единственная надежда — спуститься как можно скорее вниз и провести ночь на земле...

Что за зверь стобор? Как он охотится? Где и когда он опасен? Очевидно, Мастер предполагал, что вся группа знает ответы на вопросы. Может, они проходили стоборов как раз в те дни после Нового года, когда его не было в школе? Или он просто забыл, а теперь поплатился за это своей жизнью. Род неплохо разбирался в зоологии Внеземелья, но это слишком большая область знаний, чтобы усвоить их все. Да что там говорить: даже одна только земная зоология нередко преподносила ученым прошлого загадки. А тут десятки планет — кто в состоянии запомнить так много?

Это просто несправедливо!

Когда у него в мыслях всплыл этот древний и бесполезный протест, Роду вдруг привиделся Мастер с его доброй, насмешливой улыбкой, и он услышал его сухое ворчание: «Справедливость? Неужели ты еще ожидал справедливости, сынок? Это не игра. Я ведь пытался убедить тебя, что твое место в городе, что ты слишком мягок и неразумен для такой жизни. Но ты меня не послушал».

Род почувствовал, что зол на своего инструктора, и страх уступил место раздражению. Джимми прав: этот съест родную бабу и не поморщится. Холодная, бесчувственная рыба!

Однако ладно. Как бы на его месте поступил Мастер?

И снова ему послышался голос Мэтсона, когда тот отвечал на вопрос, заданный кем-то из класса: «Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть».

Род немного поворочался и, положив руку на рукоять «Полковника Боуи», снова попытался уснуть. Из-за сумасшедшего гвалта это было почти невозможно, но в конце концов он решил, что стобор на его дереве — или на соседнем? — вроде бы не приближается. Впрочем, и без того казалось, что, подползи зверь чуть-чуть ближе, Род уже почувствует его дыхание. Но нападать он, похоже, не собирался, и на том спасибо.

Спустя какое-то время Род и в самом деле заснул, хотя легче от этого не стало. Ему снилось, что хныкающие, улюлюкающие стоборы окружили его плотным кольцом и, глядя из темноты, ждут, когда он шевельнется. Однако Род был связан по рукам и ногам и не мог двинуться с места.

Когда же он поворачивал голову, чтобы узнать, как все-таки выглядит стобор, они отступали в темноту, и он каждый раз успевал заметить только красные глаза и длинные зубы. Это было хуже всего.

Проснулся он неизвестно от чего, весь в холодном поту. Попытался подняться, но ремень удержал его на месте, и Род заставил себя лечь. Что произошло? Что его разбудило?

Со сна он не сразу понял, что случилось. Прекратился гвалт. Ни одного стобора — ни близкого, ни далекого — не было слышно. Это насторожило Рода еще больше: воющий стобор выдает себя голосом, а вот молчащий мог скрываться где угодно. Возможно, ближайший к нему сидит на суку прямо у него над головой. Род выгнул шею и, чтобы лучше видеть, убрал москит-

ную сетку, но все равно было слишком темно. Кто их знает, может, они сидят там уже по трое в ряд...

Впрочем, наступившая тишина вскоре подействовала на Рода успокаивающе, и он стал прислушиваться к другим ночным звукам, казавшимся почти безобидными после адской какофонии. Род решил, что вот-вот наступит утро и лучше будет больше не засыпать.

Потом уснул.

Во второй раз он проснулся от ощущения, что на него кто-то смотрит. Вспомнив, где он находится, и поняв, что еще темно, Род подумал, что ему опять приснилась какая-то муть. Он поворочался, повертел головой и снова попытался заснуть.

Нет, кто-то и в самом деле на него смотрит!

Глаза привыкли наконец к темноте, и он разглядел на суку у ног какой-то темный ком. Черное на черном — он даже не мог сказать с уверенностью, как существо выглядит. Но два чуть светящихся глаза, не мигая, глядели на него в упор.

«Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть». Роду это было не под силу. Казалось, целую вечность они с неизвестным существом смотрели друг на друга, не отводя взгляда. Род сжал пальцы на рукояти ножа и замер, борясь с оглушительным стуком сердца и пытаясь сообразить, как он будет отражать нападение, лежа в гамаке. Зверь тоже не шевелился и не издавал ни звука. Просто глядел и, похоже было, собирался просидеть так всю ночь.

Испытание нервов тянулось невыносимо долго, и Род уже готов был закричать, чтобы прекратить это издевательство, но тут зверь, едва слышно царапая когтями, двинулся к стволу и исчез. Род почувствовал, как спружинил сук, и понял, что существо весит по крайней мере столько же, сколько он сам.

Он решил снова не засыпать. Небо вроде бы стало чуть светлее. Род пытался убедить себя в этом, но все равно не видел даже своих рук. Оставалось считать до десяти тысяч — и тогда придет заря.

Неожиданно вниз по стволу дерева скользнуло что-то большое, за ним еще одно такое же существо и еще. Не останавливаясь у гамака Рода, они бесшумно спускались вниз. Род с облегчением сунул нож обратно в

ножны и пробормотал: «Ну и соседи попались! Носятся тут...» Он подождал еще немного, но наверх торопливая процессия так и не вернулась.

В третий раз его разбудил яркий солнечный луч. Род чихнул и открыл глаза. Попытался встать, и снова его удержал на месте ремень безопасности. Наконец он совсем проснулся и тут же об этом пожалел: нос забит, глаза слезились, во рту стоял отвратительный привкус, на зубах какая-то гадость, и в довершение всего болела спина. Он попробовал изменить позу и обнаружил, что ноги болят тоже. И руки, и голова. Шея просто не поворачивалась.

Тем не менее Род был просто счастлив, что долгая ночь закончилась. Мир вокруг уже не казался угрожающим — скорее, идиллическим. Забрался Род так высоко, что за ветками даже не видел земли внизу, но все равно оставался под плотной лиственной крышей джунглей, за которой не проглядывало ни кусочка неба — он словно плавал в зеленом облаке. Настолько плотно закрывали деревья небо, что утренний луч, коснувшийся его лица, оказался единственным, проникшим так глубоко вниз.

Это подсказало Роду, что надо бы запомнить, где восходит солнце. Оказалось, это не так просто. Солнце едва ли можно будет увидеть с земли... Может быть, пока оно не поднялось слишком высоко, есть смысл быстро слезть и выбежать посмотреть на равнину?.. Потом он заметил, что яркий луч светит как раз из развилки в кроне еще одного лесного гиганта, стоящего в пятнадцати метрах от его дерева. Отлично, решил Род, будем считать, что это дерево «стоит к востоку»; позже, на земле, можно будет заметить направление.

Выбираться из гамака оказалось не легче, чем влезть в него, да и разболевшиеся мускулы отчаянно протестовали против такого насилия. Но в конце концов Род выбрался, с трудом удерживая равновесие, уселся на сук и пополз к стволу. Там он выпрямился, преодолевая боль в мышцах, и держась за ствол, сделал несколько приседаний, чтобы хоть немного размяться.

Постепенно боль унялась, и только шея по-прежнему ныла — видимо, он слишком сильно вертел головой, пытаясь разглядеть в темноте стоборов.

Сидя спиной к стволу, Род позавтракал и выпил немного воды. На этот раз он даже не особенно прислушивался к тому, что происходило вокруг, рассудив, что ночные охотники уже спят, а дневные вряд ли гоняются за жертвами по верхушкам деревьев — во всяком случае, крупные, которым положено охотиться на земле, ловить травоядных. Да и выглядело это зеленое укрытие слишком мирно, чтобы таить какую-то угрозу.

Род закончил завтрак, но продолжал сидеть, раздумывая, не выпить ли еще воды и не забраться ли опять в гамак. Предыдущая ночь показалась ему самой длинной в его жизни, но он смертельно устал, а дневная духота и жара уже давали себя знать. Хотелось лечь и уснуть. Да и почему нет? Ведь у него одна задача — выжить, а проспав еще несколько часов, он даже сэкономит воду и пищу.

Возможно, Род так бы и поступил, но он не знал, сколько времени. Часы показывали без пяти двенадцать, но как узнать, полдень ли это воскресенья или полночь наступающего понедельника? Он не сомневался, что планета вращается медленнее Земли: ночь тянулась, наверное, целые земные сутки.

Значит, испытания продолжались уже по крайней мере двадцать шесть часов; возможно, даже все тридцать восемь, а сигнал к возвращению могут дать в любое время через сорок восемь часов после начала экзамена. Не исключено, что сигнал будет уже сегодня, до заката, а он пока жив и прекрасно себя чувствует, еды достаточно и еще вдоволь чистой воды.

От этих мыслей настроение у него заметно улучшилось. Что такое какой-то стобор по сравнению с человеком? Разве что голос громкий.

Однако до выходных ворот может быть километров двадцать к «востоку» от точки выброски. Значит, нужно пройти километров десять, и, когда появятся ворота, он наверняка окажется в километре или двух от них. Надо двигаться, а затем окопаться и ждать. Может быть, он уже сегодня будет спать дома — разумеется, после горячей ванны.

Род принялся отвязывать гамак, напомнив себе, что нужно заметить время от восхода до заката, чтобы определить продолжительность здешних суток. Потом эта мысль забылась, потому что ему никак не удавалось сложить гамак, а сложить его нужно было очень аккуратно, иначе он просто не поместился бы в карман. Лучше всего, конечно, в таком случае расстелить его на столе, но здесь самой большой ровной поверхностью служила его ладонь.

Наконец Род справился, с грехом пополам упишал гамак на место и полез вниз. На самом нижнем суку он остановился и внимательно огляделся: огромной голодной твари, что погналась за ним вечером, нигде не было видно, но кто его знает — кустарник внизу здорово разросся. Род заметил себе, что здесь ни в коем случае нельзя уходить слишком далеко от деревьев, куда можно в случае чего взобраться. А то замечтаешься, и привет... Ладно, теперь сориентироваться... Где там дерево, которое отмечает «восток»? Это? Или вот то? Род понял, что запутался, и отругал себя за то, что не воспользовался компасом сразу. По правде сказать, он просто забыл наверху про компас. Теперь же от него никакого толку, поскольку восток по компасу вовсе не означает ту сторону, откуда на этой планете восходит солнце, а вниз, под кроны деревьев, лучи солнца не проникали — весь лес стоял окутанный призрачным мистическим светом, не дававшим теней.

Впрочем, открытая равнина не так далеко. Нужно будет выбраться и проверить. Род спустился к земле, прыгнул в мягкий пружинистый мох и двинулся, как ему показалось, к равнине, считая шаги и настороженно глядя по сторонам.

Через сто шагов он остановился и пошел обратно. Отыскал «свое» дерево и внимательно осмотрел. Вот здесь он слезал: внизу отпечатались следы. А с какой же стороны он поднимался? От «кошек» должны остаться отметины...

Вскоре Род нашел их и был немало удивлен своим собственным достижением: царапины начинались примерно на уровне его головы. Однако царапины указывали направление, откуда он бежал, и через пять минут Род вышел к равнине, которую он пересек днем раньше.

Здесь лежали четкие тени, и Род сверился с компасом. По чистой случайности восток совпадал с «востоком», и теперь оставалось только следовать указаниям стрелки. Дорога вела через лес.

По лесу Род просто шел. Ползти, как днем раньше, уже не было необходимости, но он старался идти бесшумно и поменьше торчать на виду, постоянно оглядываясь, сворачивая то вправо, то влево, чтобы быть поближе к деревьям, на которые легко взобраться, и часто сверялся с компасом. Не забывал он и считать шаги. Полторы тысячи шагов по пересеченной местности это примерно километр, и Род решил, что пятнадцать тысяч выведут его в район появления ворот, где он планировал устроиться понадежнее и дожждаться возвращения.

Но даже считая шаги, следя за компасом, высматривая хищников, змей и прочие опасности, Род успевал наслаждаться природой и погодой. Ночные страхи полностью оставили его, настроение поднялось, и казалось, все ему теперь нипочем. Он, конечно, двигался осторожно, старался не терять бдительности, но местность и в самом деле уже не казалась опасной, что бы там ни говорили о стоборах.

Лес, решил он, относится скорее к джунглям субтропиков: растительность была не настолько густая, чтобы приходилось прорубать дорогу. То и дело встречались протоптанные зверьем тропинки, но Род старательно обходил их стороной, опасаясь, что где-нибудь у такой тропинки может притаиться хищник, поджидающий, когда появится его завтрак — Рода такая роль совсем не прельщала.

Травоядных всяческих форм и размеров тоже хватало. Многие очень напоминали антилоп, но увидеть их было довольно трудно: защитная окраска почти сливалась с растительным фоном. Однако даже те, которых Род видел мельком, убедили его, что в лесах полно жизни. Этих он тоже обходил стороной — ведь он явился сюда не охотиться и прекрасно понимал, что даже травоядные с их копытами и рогами могут быть опасны — и сами по себе, и в стаде.

Мир над головой был заселен не менее обильно — и птицами, и различными животными, живущими на

деревьях. Несколько раз Род замечал семейство похожих на обезьян существ, и у него возникла мысль, что и на этой планете, возможно, развились гуманоиды. «Что же это все-таки за планета?» — подумал он в который раз. Почти Земля с точностью до нескольких знаков после запятой — кроме непривычно долгого дня. Видимо, ее открыли совсем недавно, иначе тут было бы полно колонистов. Без сомнения, планета высшей категории. Выжечь траву на той большой равнине, где он полз вчера, и получится отличное место для фермы с полями и пастбищами. Может быть, он даже вернется сюда когда-нибудь, чтобы помочь очистить планету от стоборов...

А пока надо смотреть, куда идешь, ни в коем случае не проходить под низкими ветками, не проверив заранее, кто там может прятаться, и вслушиваться в окружающий лесной мир, как пугливый заяц. Теперь Род по-настоящему понял слова сестры, когда та говорила, что человек без оружия сразу становится осторожным: у него вряд ли возникнет возможность применить оружие, если он позволит хищнику застать себя врасплох.

Именно эта повышенная осторожность заставила Рода понять, что кто-то идет за ним следом.

Поначалу возникло просто легкое предчувствие, но затем оно переросло в уверенность. Род несколько раз останавливался за деревом и, замирая, прислушивался. Дважды он прокрадывался кустами назад и возвращался по своим следам. Но кто бы это ни был, преследователь двигался так же бесшумно и маскировался ничуть не хуже его. Пожалуй, даже лучше. Род подумал, что, возможно, есть смысл спрятаться на дереве и переждать преследователя, но желание поскорей достичь цели перевесило осторожность. Он убедил себя, что, двигаясь вперед, будет в большей безопасности, и, то и дело оглядываясь, пошел дальше, а спустя какое-то время и вовсе решил, что преследователь отстал.

Пройдя, по своим прикидкам, километра четыре, Род уловил запах воды, а еще через несколько минут вышел к оврагу, тянувшемуся как раз поперек дороги. Следы животных на тропе, выходящей по краю оврага, убедили Рода, что она ведет к водопою, а таких опасных мест, он понимал, надо избегать. Поэтому Род быстро спу-

стился вниз, двинулся по склону оврага в сторону и вскоре оказался у высокого дерева, откуда уже был слышен плеск воды.

Подавшись в кусты, Род ползком двинулся к краю. Крутой берег возносился над речкой метров на десять и резко обрывался вниз справа и впереди, где выходил к реке овраг. Там и образовался небольшой затон с водоворотами, облюбованный зверьем для водопоя. Животных не было видно, но на глинистом берегу осталось множество следов копыт.

Нет, он не собирался пить в таком месте: там, где легко пить, слишком легко умереть. Но его беспокоило, что место сбора оказалось на той стороне и придется перебираться через поток. Маленькая речка, скорее даже большой ручей — можно легко переплыть или перейти вброд, если найти подходящее место, — но это только на крайний случай, и то сначала нужно будет проверить, бросив в воду приманку, например только что убитое животное... В родных краях такие речушки вполне безопасны, но здесь тропики, и логично будет предположить, что в речке водятся местные разновидности аллигаторов, пираний или еще что-нибудь похуже.

По верхушкам деревьев тоже не перейдешь: слишком далеко берега друг от друга... Лежа в кустах, Род размышлял над неожиданной проблемой, затем решил идти вверх по течению в надежде, что где-нибудь найдется узкое место или поток разделится на маленькие ручейки, перебраться через которые будет легче...

И это была его последняя мысль.

Очнулся он быстро, без раскачки: рядом стояло и пригнувалось похожее на шакала существо. Род отмахнулся левой рукой, правой потянулся за ножом. Тварь отскочила назад, зарычала, но потом скрылась в листве.

Нож исчез! Это открытие сразу привело Рода в чувство. Он сел, но голова отозвалась дикой болью, и его качнуло. Род осторожно прикоснулся к затылку — пальцы оказались в крови. Потрогал еще и выяснил, что на затылке огромная, распухшая и очень болезненная

шишка, но из-за плотной корки волос, спекшихся от крови, он не мог понять, цел череп или нет. Род даже поблагодарил судьбу за то, что остался жив: он не сомневался, что этим ударом его хотели убить.

Однако пропал не только нож. Он остался в одних трусах. Пропал драгоценный запас воды, жилет с пайками и десятки других незаменимых вещей: антибиотики, соль, компас, «кошки», спички, гамак — все пропало.

Первый приступ отчаяния тут же сменился злостью. То, что пропало продовольствие и снаряжение, это вполне понятно: сам виноват, зазевался и забыл, что сзади могут напасть. Но часы, которые подарил ему отец! Тут уже чистый разбой, и кто-то за это поплатится!

От злости Род даже почувствовал себя лучше. И только сейчас заметил, что бинтовая повязка на ноге осталась нетронутой.

Коснулся рукой — нож на месте! Напавший на него мерзавец, видимо, решил, что бинт ему ни к чему. Род размотал повязку и извлек из ножен «Леди Макбет».

Кто бы ни был этот человек, он ему дорого заплатит!

4

Дикарь

Род Уокер сидел на толстом нижнем суку, прячась в листе. Сидел уже два часа, неподвижно, и, если понадобится, собирался просидеть еще столько же. На поляне перед ним щипали траву несколько годовалых оленей — во всяком случае, они походили на самцов оленей. Род ждал, когда один из них подойдет поближе: он был голоден.

И очень хотелось воды, потому что за этот день он не пил ни разу. Кроме того, у него поднялась температура — из-за трех длинных, плохо заживших царапин на левой руке. Но на царапины и температуру Род уже не обращал внимания: он все еще был жив и собирался жить дальше.

Один из оленей переместился ближе, и Род напрягся в ожидании удобного момента. Однако олень вскинул

голову, бросил на дерево короткий взгляд и отошел в сторону. Похоже, он не заметил Рода, но, очевидно, еще в младенчестве мать научила его остерегаться нависающих ветвей, или сотни тысяч поколений, борясь за выживание, отпечатали этот навык в его генах.

Род выругался про себя и снова замер. Рано или поздно один из них сделает ошибку, и тогда он наконец поест. Уже несколько дней Род думал только об одном — о еде, о том, как сохранить свою шкуру, о том, как напиться воды, не подвергаясь нападению из засады, о том, как устроиться на ночь, чтобы не проснуться в брюхе другого лесного хищника.

Заживающие раны свидетельствовали о том, как дорого обошелся один из уроков этой науки: однажды он позволил себе отойти слишком далеко от дерева, и в момент нападения даже не успел выхватить нож. Спасло его лишь то, что он успел каким-то образом допрыгнуть до ветки и подтянуться, несмотря на раненую руку. Зверь, который располосовал ему руку когтями, был, как Роду показалось, той же породы, что гнался за ним в первую ночь. Более того, Род подозревал, что это и в самом деле лев. У него возникла по этому поводу теория, но пока он не решался действовать на основе своих догадок.

За прошедшие дни Род сильно похудел и совсем потерял счет времени. Он понимал, что предельный срок окончания экзамена, скорее всего — нет, почти наверняка, — уже прошел, но не помнил точно, сколько дней провел на развилке дерева, ожидая, пока хоть немного заживет рука, или сколько времени прошло с тех пор, как он, гонимый жаждой и голодом, слез. Возможно, думал Род, сигнал к возвращению дали, когда он лежал без сознания. Но сейчас у него были совсем другие заботы, и он почти не вспоминал об этом. Его больше не интересовал экзамен по выживанию — только само выживание.

И несмотря на слабость, шансов у него стало теперь гораздо больше, чем в первый день. Он во многом разобрался, перестал бояться каких-то вещей, что пугали его раньше, и наоборот, научился относиться с осторожностью к тем, что прежде казались безобидными. Существа с дикими голосами, которых он окрестил

стоборами, уже не вызывали у него страха: как-то днем он случайно спугнул такую тварь, и она подала голос. Размером не больше ладони, существо напоминало рогатую ящерицу, только с повадками древесной лягушки. Единственным ее талантом был голос: ящерица раздувала мембрану у шеи чуть ли не в три раза больше собственного объема, а затем выпускала те пугающие вопли.

Больше она ничего не умела.

Род догадался, что это брачная песня, и на том успокоился, хотя по-прежнему называл горластых тварей стоборами.

Узнал он и о свойствах лианы, очень похожей на земную эпомею: ее листья жгли как крапива, только гораздо сильнее и на какое-то время оставляли жертву парализованной. Еще на одной лиане росли большие, напоминающие виноград ягоды, очень симпатичные на вид и приятные на вкус — Род на собственном опыте узнал, что это сильнейшее слабительное.

Из двух своих собственных столкновений, едва не закончившихся трагично, и из съеденных остатков жертв, встречающихся в лесу, он знал, что в округе водятся свирепые хищники, хотя ни разу не видел ни одного толком. Судя по всему, хищных зверей, достаточно крупных, чтобы справиться с человеком, и способных лазать по деревьям, тут не было, но Род не мог знать этого наверняка и всегда спал, как говорится, только одним глазом.

По поведению стада он заключил, что есть хищники, которые охотятся таким же, как и он, способом, но пока судьба миловала, и он с ними не сталкивался... Совсем молодой олень бродил по всей поляне, даже останавливался под небольшими деревьями, но пока никто из них даже не польстился на траву под деревом Рода.

Так... Вот, кажется, один приближается... Спокойно... Род ухватил рукоять «Леди Макбет» крепче и приготовился прыгнуть на спину маленькому грациозному существу, когда оно пройдет под веткой. Но в метрах пяти олененок остановился, понял, похоже, что удалился от стада, и собрался повернуть.

Род метнул нож.

Он услышал хлесткий удар и увидел, что из лопатки животного торчит лишь рукоять, прыгнул в то же мгновение на землю и бросился к оленю, чтобы его прикончить.

Тот вскинул голову, повернулся и побежал. Род прыгнул, но не дотянулся, а когда он перекатился и вскочил на ноги, поляна уже опустела. Род почувствовал горечь и раздражение: он обещал себе никогда не бросать нож, если есть хоть малейший шанс, что он не сможет его вернуть. Но в тот момент он не дал воли чувствам и сразу же принялся искать следы.

Когда-то давно он запомнил первый закон спортивной охоты: раненого зверя обязательно надо выследить и добить; нельзя оставлять его умирать мучительно и долго. Но сейчас ничего спортивного в охоте не было, и Род собрался в погоню, чтобы съесть добычу и — что гораздо важнее — чтобы вернуть свой нож, последнюю надежду на выживание.

Поначалу крови на земле не было видно, да и следы раненого оленя перепутались с сотнями других. Род три раза возвращался к поляне, начиная снова, и только после этого обнаружил первый кровавый след. Дальше стало легче, но Род сильно отстал, и, кроме того, напуганный олень двигался гораздо быстрее, чем он мог идти по следу. Жертва оставалась со стадом до следующей остановки за полкилометра от первой. Разглядывая оленей, Род притаился в кустах по краю поляны, но раненого животного среди них не было.

Странно. Ведь окровавленные следы вели сюда вместе со всеми остальными. Род возобновил преследование, и стадо бросилось бежать. Здесь он ненадолго потерял след и, когда снова нашел, обнаружил, что цепочка кровавых пятен ведет в сторону, в кусты. Это делало его работу одновременно и проще, и сложнее: проще, потому что уже не приходилось искать след среди сотен других, и сложнее, потому что продираться сквозь кустарник было трудно и опасно — ведь он сам не только охотник, но и возможная жертва. Кроме того, след в зарослях то и дело терялся. Однако Род не унывал, зная, что только ослабевшее животное покидает стадо, чтобы спрятаться. Скоро, скоро он его отыщет...

Но олень не останавливался. Похоже, он хотел жить не меньше человека. Преследование продолжалось бесконечно, и Род уже начал задумываться, что же делать, если наступит ночь, а олень так и не сдастся. Нож-то, по крайней мере, нужно вернуть во что бы то ни стало.

Неожиданно он увидел второй след.

Кто-то наступил рядом с раздвоенной чашечкой копыта раненого животного прямо на каплю крови. Дрожа от возбуждения и всеми своими чувствами прощупывая лес как радаром, Род бесшумно двинулся вперед. Снова след. Человеческий!

След ботинка. Однако Род одичал настолько, что открытие его даже не обрадовало, а скорее, заставило насторожиться. Спустя двадцать минут он их достиг — и оленя, и человека. Олень лежал на земле — или умер, или его добил второй охотник. Молодой парень — немного моложе его и мельче, оценил Род — стоял на коленях и вспарывал оленю брюхо. Укрывшись в кустах, Род наблюдал и думал. Второй охотник слишком увлечен добычей, а сук вот того дерева как раз нависает над прогалиной...

Несколькими минутами позже Род уже притаился на дереве, без ножа, но с длинным острым шипом в зубах. Он взглянул вниз: соперник оказался прямо под ним. Род перехватил шип в правую руку и приготовился.

Охотник положил нож на землю, собираясь перевернуть тушу. Род прыгнул.

Он сразу почувствовал бронежилет, скрытый под рубашкой противника, и, мгновенно среагировав, приставил шип к его незащищенной шее.

— Не дергаться, или тебе конец!

Противник тут же прекратил попытки освободиться.

— Вот так-то лучше, — одобрительно произнес Род. — Мир?

Ответа не последовало, и Род прижал шип сильнее.

— Я не шучу, — сказал он строго. — У тебя есть только один шанс остаться в живых. Или ты обещаешь мир идержишь свое слово — тогда мы едим вместе, — или ты никогда больше не ешь. Чувствуешь разницу?

Несколько секунд противник не мог решиться, затем сдавленным голосом произнес:

— Мир.

Все еще прижимая шип к шее противника, Род протянул руку и схватил нож, которым тот разделявал оленя — его «Леди Макбет».

Спрятав его в ножны, он ощупал незнакомца и нашел еще один, на поясе. Достал, бросил шип в сторону и только тогда поднялся.

— Можешь вставать.

Парень поднялся с земли и смерил его хмурым взглядом.

— Отдай мне мой нож.

— Позже... если ты будешь хорошо себя вести.

— Я же обещал мир.

— Обещал. Повернись спиной, я хочу удостовериться, что у тебя нет пистолета.

— Я все оставил... У меня ничего нет, кроме ножа. Отдай.

— Где оставил?

Парень промолчал.

— Ладно, поворачивайся, — сказал Род, угрожающе выставив вперед нож.

На этот раз он послушался, и Род быстро ощупал все места, где можно спрятать пистолет, убедившись заодно, что от пояса и выше у незнакомца сплошной бронежилет. Облачение самого Рода состояло из рваных трусов.

— А тебе не жарко таскать на себе столько брони? — спросил он добродушно. — Можешь повернуться. Только не подходи близко.

Парень повернулся, все еще храня мрачное выражение лица.

— Как тебя зовут, приятель? — спросил Род.

— Джек.

— А дальше? Меня зовут Род Уокер.

— Джек Доде.

— Ты из какой школы, Джек?

— «Понс де Леон».

— А я из школы имени Патрика Генри.

— Из класса Мэтсона?

— Точно. У нас сам Мэтсон преподает.

— Я о нем слышал, — сказал Джек. Заметно было, что это произвело на него впечатление.

— Все слышали. Слушай, хватит болтать, а то скоро тут весь лес соберется. Давай поедим. Ты следи за моей стороной, а я буду следить за твоей.

— Тогда отдай мне мой нож. Как я буду есть?

— Не так быстро. Я тебе отрежу пару кусков. Все будет как в лучших домах.

Род продолжил надрез, начатый Джеком, затем полоснул вверх и, оттянув шкуру с правой лопатки оленя, вырезал два больших куска мяса. Один кинул Джеку, сел на корточки и вцепился зубами в свой, не забывая, однако, глядеть по сторонам.

— Ты следишь? — спросил он.

— Разумеется.

Род оторвал упругий кус теплого мяса.

— Послушай, Джек, как они допустили до экзамена такого зеленого мальчишку? Тебе лет-то сколько?

— Ну уж не меньше, чем тебе!

— Сомневаюсь.

— Твое дело. Главное, допустили.

— Но тебе и на вид-то столько не дашь.

— Я здесь. И я жив.

Род улыбнулся.

— Убедил. Молчу.

Когда первая порция мяса удобно улеглась в желудке, он встал, разбил оленю череп и достал мозг.

— Хочешь половину?

— Спрашиваешь!

Род разделил десерт на две части и отдал одну Джеку. Тот принял свой кусок, задумался на секунду, потом буркнул:

— Соли хочешь?

— Соли? У тебя есть соль?!

Джек, похоже, тут же пожалел о своей несдержанности.

— Немного. Не очень нажимай.

Род подставил свой кусок мяса.

— Посыпь чуть-чуть. Сколько не жалко.

Джек сунул руку куда-то между жилетом и рубашкой, извлек походную солонку, посыпал порцию Рода, затем пожал плечами и сыпанул еще.

— Ты что, не взял с собой соли?

— Я? — От такого аппетитного зрелища у него даже глаза заслезились. — Взял, конечно. Но... Короче, не повезло. — Род решил, что лучше будет не признаваться, как его застали врасплох.

Джек решительно убрал солонку. Они сидели, жевали и внимательно следили за лесом. Спустя какое-то время Род тихо сказал:

— Джек, позади тебя шакал.

— Только шакал?

— Но пора рубить мясо и сматываться. Мы привлекаем внимание. Сколько тебе нужно?

— Заднюю ногу и кусок печени.

— Больше все равно съесть не успеешь. Испортится.

Род принялся рубить ножом задние ноги. Затем вырезал с живота полоску кожи и повесил свою долю на шею.

— Ладно, парень, пока. Держи свой нож. И спасибо за соль.

— Не за что.

Род продолжал стоять на месте. Затем почти против воли спросил:

— Джек, а ты не хотел бы объединиться, а?

Он тут же пожалел о своем вопросе, вспомнив, как легко ему удалось справиться с этим парнем. Джек прикусил губу, задумался.

— Я... я не знаю.

Род почувствовал себя обиженным: неужели Джек не понимает, что ему оказывают услугу?

— А в чем дело? Ты меня боишься?

— Нет! Я думаю, ты свой человек.

У Рода возникло неприятное подозрение.

— Ты думаешь, я пытаюсь оттяпать у тебя соль?

— А? Бог с тобой. Хочешь, я поделюсь?

— Не надо. Я просто подумал... — Род умолк. Он подумал, что они оба прозевали сигнал к возвращению, и ждать предстояло теперь, возможно, очень долго.

— Я не хотел тебя рассердить, Род. Ты прав. Нам нужно объединиться.

— Да ладно. Я как-нибудь выживу.

— Не сомневаюсь. Но давай все-таки объединимся. Договорились?

— М-м-м... Держи.

Скрепив договор рукопожатием, Род сразу взял командование на себя. Никаких дискуссий не было. Он просто сделал это, и Джек согласился.

— Иди первым, — сказал Род, — а я буду прикрывать сзади.

— О'кей. Куда мы идем?

— К тому холму ниже по течению. Там деревья удобные, и ночью там будет лучше, чем здесь. Нужно устроиться засветло, так что идем быстро и без разговоров.

Джек задумался, потом неуверенно спросил:

— О'кей. Но ты решил непременно ночевать на дереве?

Род выпятил губы.

— А ты собираешься провести ночь на земле? Как ты до сих пор выжил?

— Первые две ночи я действительно спал на деревьях, — неторопливо ответил Джек. — Но теперь у меня есть место получше.

— Да? Что за место?

— Что-то вроде пещеры.

Род задумался. Пещера, конечно, может превратиться в ловушку... Но возможность растянуться на ровной земле перевесила все остальные аргументы.

— Взглянуть не помешает, если это не далеко.

— Не далеко.

5

Новая звезда

Пещера Джека располагалась в одной из отвесных скал, вознесшихся над той самой речкой, где Рода ограбили. В этом месте холмы отгораживали небольшую долину, где в аллювиальных лугах прорезала себе мелкое устье петляющая речка. Вода вымыла в глинистом сланце карман, а сверху его закрывал огромный, нависающий над входом обломок известняка. Прямо под пещерой берег был слишком крут, чтобы забраться снизу, сверху мешала глыба известняка, а поток огибал

пещеру почти по самому основанию скалы. Чтобы попасть внутрь, приходилось спускаться к воде по соседнему холму выше по течению, затем идти через луг вдоль речки, а дальше по наклонному глинистому берегу, тоже достаточно крутому. Они взобрались по глиняной горке, протиснулись под нависающим обломком и очутились на твердом сланцевом полу пещеры. Одной стороной она открывалась к реке и уходила далеко в тело скалы, но стоять во весь рост можно было только у самого входа. Дальше приходилось ползти на четвереньках. Джек швырнул внутрь пригоршню гальки и с ножом наготове встал у входа.

— Похоже, никого нет.

Они спустились на четвереньки и поползли.

— Как тебе тут?

— Блеск. Только нужно будет дежурить по очереди. Кто-нибудь может заползти так же, как мы. Пока тебе везло.

— Может быть, — Джек нащупал в полутьме сухие ветки шипастого кустарника и загородил ими вход, уперев концами в потолок. — Это моя сторожевая система.

— Если какая-нибудь тварь тебя учует, это ее не остановит.

— Конечно. Но я проснусь и дам ей отведать камней. У меня тут большой запас. И две сигнальные вспышки.

— Я думал... Ты говорил, у тебя есть ружье.

— Я не говорил, но есть. Однако стрелять в темноте — сам понимаешь...

— А здесь нормально. Даже отлично. Похоже, я вовремя с тобой объединился. — Род огляделся. — Ого, у тебя тут и очаг есть!

— Да, пару раз разжигал, но только днем. Сырое мясо так надоедает.

Род глубоко вздохнул.

— Знаю. Как ты полагаешь...

— Уже почти стемнело. Я ни разу не разжигал огонь, когда его могут заметить. Может, лучше поджарим печень на завтрак? С солью.

У Рода потекли слюнки.

— Да, ты прав, Джек. Но очень хочется пить, и пока не стемнело... Может, сходим вместе, чтобы один охранял другого?

— Ни к чему. У меня есть бурдюк с водой. Пей.

Род снова поблагодарил судьбу за то, что она свела его с таким запасливым хозяином. Раздувшийся от воды бурдюк был шит из шкуры какого-то небольшого зверька, хотя, что это за зверек, Род определить не сумел. Джек выскреб шкурку, но не выдубил, отчего вода пахла не особенно приятно. Однако Род не замечал этого, он напился вдоволь, вытер губы рукой и почувствовал себя совершенно умиротворенным.

Спать они легли не сразу: долго сидели в темноте и сравнивали свои наблюдения. Класс Джека забросили на день раньше, но с такими же инструкциями, и Джек согласился, что срок для сигнала к возвращению давно уже прошел.

— Должно быть, я его пропустил, когда лежал без сознания, — сказал Род. — Я даже не знаю, как долго у меня была высокая температура. Наверно, я чуть не умер.

— Нет, не в этом дело, Род.

— Почему?

— Со мной было все в порядке, и я следил за временем. Никакого сигнала не подавали.

— Ты уверен?

— А как я его мог пропустить? Сирену слышно за двадцать километров. Днем они используют дымовые ракеты, а ночью прожектора, и по закону, если все не вернется, это должно продолжаться неделю. Ничего такого и в помине не было.

— Может, мы слишком далеко? Честно говоря... Не знаю, как ты, но я в конце концов заблудился, чего уж тут скрывать.

— Нет. Мы примерно в четырех километрах от того места, где выбросили мой класс. Я даже могу показать тебе, где это. Так что, Род, нужно смотреть правде в глаза: что-то случилось, и теперь неизвестно, как долго мы тут проторчим, — сказал Джек, потом тихо добавил: — Поэтому-то я и решил, что будет лучше объединиться.

Род обдумал сказанное и решил, что пора рассказать о своей теории.

— Я тоже.

— Да. На несколько дней в одиночку безопаснее, но если мы застряли тут надолго...

— Я так не думаю, Джек.

— Что?

— Ты знаешь, какая это планета?

— Нет. Хотя я думал, конечно. Должно быть, она из совсем новых и очень похожа...

— Я знаю, где мы.

— Да ну? И где же?

— На Земле. На самой Земле.

Джек немного помолчал, потом спросил:

— Ты себя как чувствуешь, Род? У тебя нет температуры?

— Все у меня в порядке. Во всяком случае теперь, когда я наелся досыта и напился. Послушай, Джек, я понимаю, это неожиданно, но тут все сходится. Мы на Земле, и я, кажется, даже догадываюсь, где именно. По-моему, они и не собирались подавать сигнал к возвращению; просто они ждут, когда мы сообразим, где нас выбросили, и выберемся сами. Такой трюк как раз в духе Мастера Мэтсона.

— Но...

— Подожди. Что ты все лезешь, как девчонка? Планета земного типа, так?

— Да, но...

— Дай мне договорить. Звезда класса G. Суточное вращение планеты такое же, как у Земли.

— Нет!

— Я сделал ту же ошибку. Первая ночь мне вообще показалась длинной в неделю. Но на самом деле я просто испугался до посинения, и поэтому ночь тянулась для меня бесконечно. Но теперь-то я уже не сомневаюсь, что суточное вращение то же самое.

— Не то же. По моему хронометру в сутках здесь примерно двадцать шесть часов.

— Когда вернемся домой, лучше отдай свои часы в починку. Ты, должно быть, ударил их об дерево или еще что.

— Но... Ладно, продолжай. Пленка за твой счет.

— Вот смотри. Флора такая же. Фауна такая же. Я знаю, как они это провернули, почему и куда нас засунули.

— Как это?

— А так. Люди постоянно жалуются, что школьные налоги слишком высоки. Разумеется, держать планетарные ворота открытыми стоит немало, а уран на деревьях не растет. Я их даже понимаю. Но Мастер Мэтсон всегда говорил, что экономить здесь глупо. Да, мол, дорого, но дорожке отлично подготовленного исследователя или лидера поселенцев бывает только плохо подготовленный мертвый исследователь или лидер. Как-то раз после занятий он нам сказал, что эти жмоты, сторонники экономии, не раз предлагали проводить экзамены в специально отведенных для этого зонах на Земле. Но Мастер утверждает, что суть выживания во Внеземелье заключается в способности подчинить себе неведомое. Если бы испытания проводились на Земле, кандидаты просто изучили бы земные условия, и только. По его словам, любой бойскаут способен выучить шесть основных климатических зон Земли и запомнить из книг, как и что там следует делать, но было бы преступно называть это «обучением выживанию», а потом забрасывать человека во внеземные условия с его первым же профессиональным заданием. Как он говорит, это то же самое, что научить подростка играть в шахматы, а затем отправлять его драться на дуэли.

— И он прав, — согласился Джек. — Капитан Бенбоу говорил примерно так же.

— Конечно, прав. Мастер даже пообещал, что, если такая политика будет принята за основу подготовки, он заканчивает год и уходит. Но я думаю, его перехитрили.

— Каким образом?

— А очень просто. Мастер забыл, что любое окружение кажется неведомым, когда не знаешь, где находишься. И они сделали так, чтобы мы ничего не узнали. Первым делом послали нас на Луну — там ворота открыты постоянно, так что ничего лишнего никто не тратил. А мы, разумеется, решили, что нас отправляют куда-то далеко. Кроме того — это опять же подействовало, — никто не ожидал, что нас выбросят при той же самой силе тяжести, а они именно это и сделали:

вернули нас на Землю. Если ты спросишь куда, то я думаю, в Африку. Видимо, через лунные ворота нас связали с «Уитоутерстрэндом» под Йоганнесбургом, а там уже все было готово, чтобы перебросить нас в буш. Может быть, это мемориальный парк Чаки или еще какой-нибудь заповедник. Все сходится. Множество травоядных, похожих на антилоп и оленей, хищники — я даже видел два раза львов и...

— Ты их видел?

— Во всяком случае, они очень похожи, а точно я скажу, когда у меня будет возможность снять с такого зверя шкуру. Но это не все. Небо могло их выдать, особенно Луна, и они организовали плотный облачный покров. Готов спорить, где-нибудь не очень далеко работают климатические генераторы. И напоследок нам подбросили еще одну хитрость. Тебе предупреждали насчет стоборов?

— Да.

— А ты их видел?

— Я, признаться, даже не знаю, что такое стобор.

— Вот и я не знаю. И думаю, никто не знает. Спорить готов, что стобор это выдуманное «пугало» — специально, чтобы нам было чем занять мысли. На Земле нет никаких стоборов, значит, мы где-то еще. Такой трюк подействовал бы даже на такого недоверчивого типа, как я. Собственно говоря, и подействовал. Я, признаться, выбрал какую-то неизвестную мне тварь и окрестил ее стобором — как они и планировали.

— Выглядит логично, Род.

— Еще бы! Когда понимаешь, наконец, что это Земля, — Род похлопал ладонью по полу, — и что они хотели скрыть это от нас, все сразу становится на свои места. Теперь нам нужно сделать вот что... Я собирался в одиночку, но с такой рукой не очень-то попутешествуешь, а теперь мы можем идти вдвоем, пока с тобой тоже чего-нибудь не случилось. План у меня такой. Я думаю, мы в Африке или, может быть, в Южной Америке — короче, где-нибудь в тропиках. Это в общем-то неважно. Нам надо просто идти вниз по течению, ну и разумеется, держаться настороже: здесь можно умереть так же легко, как во Внеземелье. Не знаю, сколько

времени нам потребуется — неделя, месяц, — но рано или поздно мы дойдем до какого-нибудь моста. А дальше пойдем по дороге, пока не найдем людей. Добравшись до поселения, свяжемся с властями, и нас отправят домой. Заодно получим зачеты по выживанию. Все очень просто.

— Слишком просто, — медленно проговорил Джек.

— Не беспокойся, всяких неприятностей по дороге будет достаточно. Но теперь мы знаем, что делать, и нам это по силам. Я не хотел спрашивать сразу, но у тебя хватит соли, чтобы приготовить несколько килограммов копченого мяса? Если нам не придется охотиться каждый день, мы сможем двигаться очень быстро. А может, ты прихватил немного приправы для быстрого копчения?

— Прихватил, но...

— Отлично!

— Подожди, Род. Ничего не выйдет.

— Почему? Мы ведь партнеры?

— Успокойся. Все, что ты говорил, логично, но...

— Какие тогда «но»?

— Все логично, но все неверно.

— В смысле? Послушай, Джек...

— Нет, это ты теперь послушай. Я тебе дал высказаться.

— Но... Ладно, что ты имеешь в виду?

— Ты сказал, что небо их могло выдать и поэтому они, мол, напускают облака.

— Ну да. Так они, очевидно, и делают. Во всяком случае, по ночам. Естественные погодные условия их сразу выдают...

— Я тебе хочу сказать, что «они» себя уже выдали. Облачно было не каждую ночь, хотя ты, возможно, ночевал в глухом лесу и просто не заметил. Но я видел небо, Род. Видел звезды.

— И что?

— Это не наши звезды, Род. Извини.

Род закусил губу.

— Может, ты плохо знаешь созвездия? — предположил он.

— Южные созвездия я запомнил раньше, чем научился читать. Это чужие звезды, Род. Я знаю, что

говоря. В той стороне, где садится солнце, ночью появляется пятиугольник из очень ярких звезд — ничего подобного с Земли не увидишь. Да и Луну, если бы она появилась, узнал бы любой.

Род попытался вспомнить, в какой фазе должна быть Луна, но бросил это дело, потому что не знал точно, сколько прошло времени.

— Может, она еще не взошла?

— Не может. Я не видел нашу Луну, но зато видел луны... Две луны, маленькие и очень быстрые, как спутники Марса.

— Надеюсь, ты не станешь утверждать, что это Марс, — неодобрительно произнес Род.

— Что я, по-твоему, рехнулся? Кроме того, звезды выглядят с Марса так же, как и с Земли. Боже, Род, о чем мы говорим? Когда садилось солнце, небо почти очистилось — давай выползем и посмотрим. Уж своим-то глазам ты поверишь?

Род не стал спорить и последовал за Джеком. Из пещеры не было видно вообще ничего, кроме темных силуэтов деревьев на противоположном берегу, но с края каменного уступа просматривался кусочек неба. Род посмотрел вверх и моргнул.

— Осторожней. Не свались в воду, — предостерег Джек.

Род промолчал. Между нависающей глыбой известняка и верхушками деревьев светился рисунок из шести ярких звезд: неровный пятиугольник и одна звезда в центре. Очень заметное созвездие, которое так же невозможно спутать с чем-то другим, как видимые с Земли семь звезд Большой Медведицы. И без диплома по астрографии было понятно, что на Земле этого созвездия никто никогда не видел.

Стройные логические построения Рода рухнули. Род чувствовал себя потрясенным и одиноким. Деревья за рекой вдруг снова стали угрожающе чужими. Он повернулся к Джеку и уже безо всякого гонора сказал:

— Убедил. Что мы теперь будем делать?

Джек не отвечал.

— Что делать-то? — переспросил Род. — И что мы тут стоим?

— Род, — произнес Джек, — вот той звезды в центре пятиугольника раньше не было.

— Как это? Ты, должно быть, просто забыл.

— Нет, я уверен. Знаешь что, Род? Мы с тобой видим новую звезду.

От этого научного открытия Род не испытал никакой радости. Мысли его занимало переустройство личного видения мира, и какая-то там взорвавшаяся звезда большого впечатления на него не произвела.

— Может, это одна из твоих лун?

— Ни в коем случае. Они больше и отчетливо видны в форме диска. Я тебе говорю, новая! По-другому и быть не может. Ты только подумай, какая удача!

— Какая еще удача? — расстроено переспросил Род. — Нам от этого никакого проку. До нее, наверно, светолет сто, не меньше.

— Да, но неужели тебя это не трогает?

— Нет.

Род пригнулся и заполз в пещеру. Джек взглянул на небо еще раз и последовал за ним. Оказавшись внутри, они долго молчали. Род — явно обиженно. Наконец Джек сказал:

— Пожалуй, я ложусь.

— Просто не понимаю, где я ошибся, — откликнулся Род невпопад. — Ведь все, казалось, было так логично.

— Не морочь себе голову. — посоветовал Джек. — Мой инструктор по аналитике говорит, что логика это просто тавтология. С помощью логики, мол, ты не узнаешь чего-то такого, чего не знал раньше.

— Тогда какой в ней смысл?

— Спроси что-нибудь полегче. Ладно, партнер, я спать хочу — умираю. Давай ложиться.

— Ладно. Но, Джек, если это не Африка — а я должен признать, что это действительно так, — то что нам делать? Получается, нас здесь просто бросили?

— Что значит «что делать»? То же, что и раньше: есть, спать, оставаться в живых. Это наверняка зарегистрированная планета. Если мы продержимся, кто-нибудь обязательно здесь появится. Может, просто нару-

шилась подача энергии к воротам, и завтра нас отсюда заберут.

— В таком случае...

— В таком случае хватит болтать и давай спать.

6

«Я думаю, он мертв»

Проснулся Род от заполнившего пещеру божественного аромата. Он перекатился на живот, заморгал от льющегося под навес яркого света и с некоторым усилием вспомнил, где он и что произошло днем раньше. Джек сидел на корточках у маленького костра на краю каменного уступа. Пахло жаренной на огне печенкой.

Род встал на колени и обнаружил, что мышцы у него по-прежнему ломит от усталости: во сне он снова сражался со стоборами. На этот раз в ночных кошмарах ему явились пучеглазые чудовища, вполне уместные на планете, вдруг ставшей чужой и неизмеримо более опасной. Однако он все же выпался, а когда с утра восхитительно пахнет жареным мясом, никакие ночные кошмары не могут испортить настроение.

Джек поднял взгляд.

— Я уж думал, ты проспичь весь день. Иди почисти зубы, расчешись, прими душ и давай к столу. Завтрак готов. — Потом он снова взглянул на Рода и добавил: — Можешь еще и побриться.

Род улыбнулся и потрогал рукой подбородок.

— Ты просто завидуешь моей щетине, мальчишка. Подожди, через год или два и ты поймешь, какое это мучение. Бритье, простуда и налоги, как говорил мой отец, это три вечные проблемы, с которыми человечество, похоже, никогда не справится. — При мысли о родителях у Рода вдруг зашевелилась совесть: он даже не мог вспомнить, когда думал о них в последний раз. — Чем-нибудь помочь?

— Садись, бери соль. Этот кусок — тебе.

— Давай поделим.

— Ешь и не спорь. Я себе еще сделаю.

Род взял у Джека дымящийся, обугленный кусок печени — пришлось перекидывать его из руки в руку и дуть. Он поискал глазами соль. Джек в это время резал второй кусок. Взгляд Рода скользнул дальше и тут же вернулся.

В руках у Джека был «Полковник Боуи».

Среагировал Род мгновенно. Стремительным движением он схватил Джека за запястье.

— Ты украл мой нож!

Джек застыл.

— Род... ты с ума сошел?

— Ты меня оглушил и украл мой нож!

Джек даже не сделал попытки освободиться.

— Ты еще не проснулся, Род. Твой нож у тебя на поясе. Это другой нож... Мой.

Не опуская глаз, Род сказал:

— Тот, что у меня на поясе, это «Леди Макбет». А я имею в виду нож, которым ты режешь мясо, «Полковник Боуи», мой нож.

— Отпусти руку.

— Брось нож!

— Род... ты, наверно, сможешь заставить меня бросить нож. Ты сильнее и уже держишь меня за руку. Но вчера мы с тобой объединились. Если ты сейчас же меня не отпустишь, наш договор аннулируется. Тебе, видимо, придется убить меня... Потому что, если ты этого не сделаешь, я тебя рано или поздно выслежу. Я буду следить за тобой, пока не застану спящим. И тогда тебе конец.

Не сводя друг с друга глаз, они застыли над костром. Род тяжело дышал и пытался осмыслить, что же произошло. Улики были против Джека. Но неужели этот маленький поганец шел за ним по следу, а затем оглушил и ограбил? Выходило, что так...

Но почему-то не верилось. В конце концов Род решил, что справится с Джеком, если рассказ покажется ему неубедительным, и отпустил его руку.

— Ладно, — сказал он, — как у тебя оказался мой нож?

— Это не бог весть какая история, — ответил Джек, продолжая резать печенку, — и я по-прежнему не

уверен, что это твой нож. Собственно, он и не мой тоже — мой ты видел. А этот я использую в качестве кухонного. У него балансировка неважная.

— У «Полковника Боуи»? Балансировка? Да это самый лучший нож на свете!

— Ты будешь слушать или нет? Я нашел в зарослях одного парня — еще немного, и на него набросились бы шакалы. Не знаю, кто его прикончил — может быть, и стобор, — но он был наполовину съеден и весь изорван когтями. Однако лицо его осталось нетронутым, и я уверен, что он не из моего класса. У него была «Молния» и...

— Подожди. Ружье?

— Ну я же сказал. Видимо, он пытался им воспользоваться, но ему не повезло. Короче, я взял что можно — этот нож и еще кое-какое снаряжение. Могу тебе показать. «Молнию» я оставил: энергоблок был разряжен, а без него это просто металлолом.

— Джек, посмотри мне в глаза. Ты не лжешь?

— Я могу отвести тебя к этому месту, — сказал Джек, пожимая плечами. — От того парня, видимо, мало что осталось, но «Молния» наверняка там.

Род протянул руку.

— Извини. Я не соображал, что делаю.

Джек взглянул на него, но руки не подал.

— Я думаю, партнер из тебя неважный, так что лучше нам поставить здесь точку. Мы квиты. — Нож перевернулся в воздухе и упал рукояткой на ногу Рода. — Забирай свой тесак и проваливай.

Род оставил нож лежать на земле.

— Ну не обижайся, Джек. Я в самом деле ошибся.

— Я знаю, что это ошибка. Но ты меня заподозрил, и я вряд ли когда смогу доверять тебе. — Джек помолчал, затем добавил: — Доедай и отваливай. Так будет лучше.

— Джек, но мне право жаль, что так вышло. Я прошу прощения. Тут любой бы ошибся: ты ведь еще не слышал мой рассказ.

— Но ты даже не подождал, чтобы выслушать мой!

— Я был не прав, я же признал. — Род торопливо рассказал, как он остался совсем без снаряжения. —

... и естественно, увидев, что «Полковник Боуи» у тебя, я решил, что это твоих рук дело. Тут все логично, нет?

Джек промолчал, но Род не отставал:

— Ну скажи, разве нет?

— Опять ты со своей логикой, — неохотно произнес Джек. — Она тебе слишком часто ударяет в голову. Не лучше ли было сначала подумать, а?

Род покраснел, но промолчал.

— Если бы я стащил твой нож, — продолжил Джек, — разве б я тебе его показал? Или если уж на то пошло, согласился бы в таком случае стать твоим партнером по выживанию?

— Нет, видимо, Джек. Я действительно сделал поспешные выводы и не сдержался.

— Капитан Бенслоу всегда говорил, что поспешными выводами и несдержанностью можно заплатить за билет на кладбище, — произнес Джек строго.

— Мастер Мэтсон тоже говорил что-то в таком духе. — Род виновато улыбнулся.

— Похоже, они оба правы. Ладно, давай начнем все сначала. Даже собаке позволяется укусить хозяина один раз — но только один.

Род поднял взгляд и увидел перед собой грязную ладонь Джека.

— Ты хочешь сказать, что мы снова партнеры?

— Давай руку. Выбирать нам особенно не приходится.

Они с серьезным видом пожали друг другу руки, после чего Род подобрал «Полковника Боуи», еще раз взглянул на него и протянул рукояткой вперед Джеку.

— Видимо, он теперь твой.

— А? Нет. Пусть лучше он будет у тебя.

— Почему? Он достался тебе честно.

— Не валяй дурака, Род. У меня есть «Синяя Борода» — как раз для меня нож.

— Он — твой. У меня есть «Леди Макбет».

Джек сдвинул брови.

— Мы ведь партнеры, так?

— Да, конечно.

— Значит, у нас все общее. «Синяя Борода» принадлежит и тебе, и мне. И «Полковник Боуи». Но ты к нему приноровился, так что для нас обоих будет лучше, если

нож останется у тебя. Как, твоя логика заумная тебе что-нибудь подсказывает?

— Э-э-э...

— Ну тогда заткнись и ешь. Давай я тебе еще кусок отрежу. Этот уже остыл.

Род подобрал обгоревший кусок печени, отряхнул пыль и пепел.

— Нет, он еще ничего.

— Выкинь его в реку и возьми горячий кусок. Печень все равно долго не пролежит.

Накормленный и согретый ощущением, что у него есть друг, Род растянулся после завтрака на каменном уступе и вперил взгляд в небо. Джек загасил костер и выбросил остатки завтрака в реку. Недоеденный кусок печени еще не коснулся воды, как оттуда высунулась в стремительном броске какая-то тварь и схватила его на лету. Джек повернулся к Роду.

— Так. Чем мы сегодня займемся?

— М-м-м... Мяса у нас хватит до завтра. Так что сегодня охотиться не нужно.

— С тех пор как я нашел эту пещеру, я охочусь через день. На второй день мясо даже лучше, но на третий — фу-у!

— Согласен. А чем ты хочешь заняться?

— Не знаю. Надо подумать. Для начала можно сходь купить молочные коктейли — в больших стаканах, густые, с шоколадом. Или фруктового салата. А еще лучше и то и другое. Сначала я съем...

— Прекрати, а то у меня сердце не выдержит!

— Затем я приму ванну, разоденусь в пух и прах, смотаюсь в Голливуд и посмотрю парочку фильмов. Тот супербоевик с Дирком Мэнли в главной роли, а после что-нибудь приключенческое. Потом еще один молочный коктейль — на этот раз клубничный, а потом...

— Боже, заткнись!

— Ты сам спросил, чем я хочу заняться.

— Да, но я имел в виду в рамках возможного.

— Что ж ты сразу не сказал? Или, по-твоему, тут все «логично» и должно быть понятно сразу? Я думал, ты всегда действуешь в соответствии с логикой.

— Ну что ты ко мне пристал? Я же извинился.

— Да, извинился, — с мрачной ухмылкой признал Джек. — Однако я еще не истратил весь накопленный яд.

— Ты часом не из тех, кто любит ворошить прошлое?

— Только тогда, когда ты этого меньше всего ожидаешь. Но если серьезно, Род, я думаю, надо идти сегодня охотиться.

— Ты же сам согласился, что это подождет до завтра. Лишний раз убивать ни к чему, да и опасно.

— Я думаю, надо поохотиться на людей.

Род приставил ладонь к уху.

— Еще раз...

— Я думаю, что сегодня нам надо поохотиться на людей.

— Да? От скуки я, конечно, готов на все. Только что мы будем с ними делать? Скальпировать или просто кричать: «Готов! Мы тебя убили!»?

— В скальпировании больше проку... Род, как по-твоему, сколько мы здесь проторчим?

— А? Мы уже знаем, что с возвратом вышла наклад-ка. По твоим словам, мы здесь уже три недели... Мне казалось, что дольше, но я не делал зарубок. Следовательно...

— Что «следовательно»?

— Следовательно, ничего. Может, у них какие-нибудь технические неполадки, которые они устранят сегодня, и нас вернут домой. А может, Мастер Мэтсон и его коллеги, любители приключений, решили, что будет очень здорово удвоить срок проверки, ничего не сообщив нам. В конце концов, может, далай-лама приказал бомбить иноверцев, и вместо ворот теперь радио-активные развалины. Или прилетели трехголовые змее-люди из Малого Магелланова Облака и взяли ситуацию в свои руки — как они это понимают. Может, мы здесь навсегда.

Джек кивнул.

— Это я и имею в виду.

— Так сразу? Пока ясно только то, что про нас забыли.

— Род, группа из двух человек хороша на несколько недель. Но представь себе, что ожидание растянется на месяцы. Представь, что кто-то из нас сломал ногу. И даже если ничего такого не случится, надолго ли мы, по-твоему, в безопасности с этой сторожевой системой из сухих веток! Нам нужно перегородить тропу, чтобы забираться сюда можно было только по веревочной лестнице, которую будет сбрасывать постоянный дежурный. Нужно найти соль, подумать о том, как выдубить шкуры, и много чего еще — кстати, этот мой бурдюк уже пахнет. На долгий срок нам нужно как минимум четыре человека.

Род в задумчивости почесал свои выпирающие ребра.

— Знаю. Я об этом вчера думал, после того как ты разгромил мою оптимистическую теорию, но я ждал, когда ты сам об этом заговоришь.

— Почему?

— Это твоя пещера. У тебя тут и снаряжение, и ружье, и лекарства, и еще, наверно, много всякого, чего я не видел. У тебя есть соль. А у меня только нож — теперь, благодаря тебе, два ножа. Хорош бы я был, предложив все это на четверых.

— Мы же одна команда, Род.

— М-м-м... верно. И мы оба считаем, что команда будет сильнее, если мы завербуем парочку рекрутов... Сколько там всего народу, по-твоему? — спросил он, махнув рукой в сторону стены за рекой.

— В моей группе допущены были семнадцать парней и одиннадцать девчонок. Капитан Бенбоу сказал, что в этой зоне испытаний будет четыре группы.

— Мастер нам даже этого не сказал. Но из нашего класса прошло человек двадцать.

— Значит, тут человек сто всего, — задумчиво произнес Джек.

— Если не учитывать потери.

— Если не учитывать потери. Примерно две трети ребят и одна треть девчонок. Выбор большой, если мы сумеем их отыскать.

— Только давай обойдемся без девчонок, Джек.

— А что ты против них имеешь?

— Я? Ничего. На пикнике им цены нет или, скажем, долгими зимними вечерами. Я обеими руками за прекрасную половину. Но в таких вот переделках они — чистая отравка.

Джек промолчал, и Род продолжал:

— Сам подумай. Ну появится у нас тут такая милашка, и в пещере сразу будет больше проблем, чем там, снаружи, со всеми этими столбами и прочей нечистью. Ссоры, сцены ревности, а то, гляди, кто-нибудь из парней еще и соперника из-за нее пырнет. Нам и без того проблем хватает.

— Ну хорошо, — задумчиво произнес Джек, — предположим, мы кого-то встретили и оказалось, это девчонка. Как ты собираешься поступить? Снять шляпу и сказать: «Прекрасный день, мадам, не правда ли? Но теперь отвалите и не мешайтесь?»

Род вычертил на рассыпанном пепле пятиугольник, поставил в центре еще одну звезду, затем стер рисунок ногой.

— Не знаю, — медленно ответил он. — Будем надеяться, что наберем команду раньше, чем столкнемся с такой проблемой. Может, они сами объединятся.

— По-моему, нам надо продумать свою политику в этом вопросе заранее.

— Я — пас. А то ты опять обвинишь меня в страсти к логике. У тебя есть какие-нибудь соображения, как искать остальных?

— Пожалуй. Кто-то еще охотится выше по течению.

— Да? Ты его знаешь?

— Я видел его только издали, и он не из моего класса. На полголовы ниже тебя, светлые волосы, светлая кожа, но он здорово обгорел на солнце. Кого-нибудь напоминает?

— Трудно сказать, — ответил Род, взволнованно подумав, что описание и в самом деле кого-то напоминает. — Может, пойдем посмотрим, вдруг удастся его выследить?

— Я могу отдать его тебе со всеми потрохами. Но я не уверен, что нам нужен именно такой человек.

— Почему? Если он протянул до сих пор, он должен что-то соображать.

— Честно говоря, я не понимаю, как ему это удалось. Двигается он так, что за километр слышно, и уже неделю живет на одном и том же дереве.

— В этом тоже есть свой смысл.

— Да, но только если не кидаешь кости и объедки под своим же деревом. Меня именно шакалы на его жилище и навели.

— М-м-м... да. Но если он нам не понравится, мы можем его и не приглашать.

— Договорились.

Перед выходом Джек порылся в темном углу пещеры и извлек оттуда сложенную веревку.

— Род, может быть, это твоя?

Род внимательно осмотрел веревку.

— Во всяком случае, такая же, как у меня была. А что?

— Я ее нашел там же, где и «Полковника Боуи». Если не твоя, все равно возьми — пригодится.

Джек достал еще моток веревки и обмотал ее вокруг бронежилета. Род подумал, что он, должно быть, так и спал, но промолчал. Если Джек считает такую защиту важнее подвижности, его дело. Каждому — по его привычкам, как говаривал Мастер.

Дерево стояло на небольшой поляне, но Джек провел Рода через кусты, подходившие близко к стволу, и последние несколько десятков метров они пробирались ползком. Джек пригнул голову Рода поближе и прошептал ему на ухо:

— Если мы пролежим тут часа три или четыре, я готов спорить, он обязательно слезет с дерева или появится из леса.

— О'кей. Следи за тылом.

Они пролежали около часа, но ничего не произошло. Род старался не замечать крошечных кусачих мушек, вьющихся вокруг. Он бесшумно поменял позу, чтобы не затекали руки и ноги, и с трудом подавил чих. Наконец он решил позвать Джека.

— Что случилось?

— Вон там из дерева растут две толстые ветки. Это и есть его «гнездо»?

— Может быть.

— Видишь? Рука торчит.

— Где?.. Кажется, да. Но возможно, это просто ветка.

— По-моему, все-таки рука, и я думаю, он мертв. С тех пор как мы пришли, рука ни разу не шевельнулась.

— Спит?

— Спящий человек обычно не лежит так долго в одной позе. Хочу влезть посмотреть. Ты меня прикрой. Если рука двинется, кричи.

— Может, не стоит так рисковать, Род?

— Смотри в оба! — распорядился Род и пополз вперед.

Как Род и предположил, едва услышав рассказ Джека, рука принадлежала Джимми Трокстону. Он не умер, но был без сознания, и Роду никак не удавалось привести его в чувство.

Джимми лежал в своем наполовину искусственном гнезде, и одна рука свешивалась вниз. Род заметил, что он срезал мелкие ветки — получилась уютная колыбель между двумя сучьями и стволом дерева.

Спустить его на землю оказалось не так-то легко: весил Джимми примерно столько же, сколько сам Род. Он продел веревку у Джимми под мышками и перекинул ее через сук, чтобы она стравливалась помедленнее, но сложнее всего было вытащить его из неопрятной колыбели и при этом не уронить.

На полпути вниз живой груз застрял, и Джеку пришлось подняться по стволу, чтобы его высвободить. Но в конце концов, изрядно попотев, они справились, и, оказавшись на земле, Джимми все еще дышал.

Роду пришлось нести своего друга до самой пещеры. Джек предложил делать это по очереди, но Джимми был явно слишком тяжел для него. Род только прикрикнул на Джека, чтобы тот прикрывал их со всех сторон: если бы неровен час появился псевдолев, сам он мало чем мог помочь.

Хуже всего оказалось взбираться к пещере по крутому берегу из осыпающегося сланца. Род и без того уже выдохся — он больше километра тащил на себе

обмякшее тяжелое тело по пересеченной местности, — и перед подъемом пришлось отдохнуть.

— Не урони его в воду! А то уже нечего будет вылавливать. Я видел... — озабоченно произнес Джек.

— Сам знаю. Обойдусь без дурацких советов.

— Извини.

Наконец он пополз вверх. Страшно было и за Джима, и за себя. Род не знал, что за твари живут в реке, но не сомневался, что сожрут их мгновенно. Когда он добрался до нависающей известняковой глыбы, пришлось снова согнуться, чтобы попасть на каменный уступ, но даже так Род почувствовал, что его ноша цепляется за край и сползает назад.

Джек помог ему удержаться на месте, затем протолкнул дальше. Оказавшись в безопасности на каменном уступе, они повалились наземь. Род едва дышал и никак не мог унять дрожь в уставших мышцах.

Они уложили Джимми на спину, и Джек проверил его пульс.

— Быстрый, но слабый. Наверно, он не выкарабкается.

— Какие у тебя есть лекарства?

— Два вида неосульфатов и вердомицин. Но я не знаю, что ему давать.

— Давай все три и молись.

— А вдруг у него аллергия на какое-нибудь из них?

— У него сейчас аллергия на смерть, а это гораздо серьезнее. Температура поднялась, наверное, за сорок. Так что давай.

Род приподнял Джимми за плечи и ущипнул за мочку уха, а когда тот пришел в сознание, Джек запихал ему в рот таблетки и заставил запить водой. Теперь оставалось только ждать.

Всю ночь они дежурили около больного по очереди. К утру температура спала, Джим очнулся и попросил пить. Род снова приподнял его, а Джек поднес к пересохшим губам бурдюк. Джимми напился воды и опять уснул.

Они решили ни в коем случае не оставлять Джима одного, поэтому Джек оставался ухаживать за больным,

а Род каждый день ходил на охоту, стараясь добыть что-нибудь понежнее, чтобы с мясом мог управиться и их ослабевший подопечный. Уже на вторые сутки Джим мог говорить, не засыпая посреди фразы. Во второй половине дня Род вернулся с тушкой небольшого зверька, напоминающего гибрид кошки и кролика. Джек как раз шел ему навстречу с пустым бурдюком.

— Привет.

— Привет. Я вижу, тебе повезло. Слушай, Род, будешь его свежевать, поосторожней со шкурой. Нам нужен новый бурдюк. Там не очень много порезов?

— Совсем нет. Я убил его камнем.

— Отлично!

— Как наш пациент?

— Выздоравливает не по дням, а по часам. Я сейчас вернусь.

— Давай посторожу тебя, пока ты наберешь воды.

— Не надо, я буду осторожен. Иди к Джиму.

Род поднялся наверх, положил добычу на каменный уступ и пролез в пещеру.

— Как ты тут?

— Шикарно. Думаю, что поборю тебя в двух случаях из трех.

— На следующей неделе. Джек заботится?

— Еще как! Слушай, Род, я просто не знаю, как вас благодарить! Если бы не вы...

— Не знаешь, значит, не пытайся. И не за что меня благодарить. А Джек — мой партнер, так что все нормально.

— Джеку цены нет!

— Да, отличный парень. Лучше не бывает. Мы с ним здорово ладим.

Джим посмотрел на него с удивлением, открыл было рот и тут же закрыл.

— В чем дело? — спросил Род. — Тебя укусил кто? Или тебе опять нехорошо?

— Как ты сказал про Джека? — медленно произнес Джим.

— А? Я сказал, что лучше не бывает. Мы с ним теперь — одна команда. Отличный парень.

Джимми Трокстон посмотрел на него с сомнением и спросил:

— Род... Ты от рождения такой дурной? Или после поглупел?

— А что такое?

— Джек — *девчонка*.

7

«Надо было хоть пирог испечь»

Молчание тянулось долго.

— Закрой рот, — сказал наконец Джим, — а то кто-нибудь залетит.

— Джимми, ты, похоже, еще не в себе.

— Может, я еще болен, но не настолько, чтобы не отличить девушку от парня. Когда со мной такое случится, я буду уже не болен, а мертв.

— Но...

— Спроси ее сам. — Джимми пожал плечами.

На пол упала тень. Род обернулся и увидел, что Джек уже на каменном утесе.

— Свежая вода, Джим!

— Спасибо, — ответил Джим и посмотрел на Рода. — Давай спроси.

Джек перевел взгляд с одного на другого.

— Что за безмолвная сцена? Что ты на меня так смотришь, Род?

— Джек, — медленно произнес Род. — Как тебя зовут?

— А? Джек Доде. Я же тебе говорил.

— Нет. Полное, настоящее имя.

Джек снова перевел взгляд с Рода на ухмыляющуюся физиономию Джимми, потом обратно.

— Мое полное имя... Жаклин Мари Доде. Если тебе это так важно. А что?

Род сделал глубокий вздох.

— Жаклин, — произнес он, словно оценивая имя на слух. — Я не знал...

— Так и было задумано.

— Я... Слушай, если я сказал что-нибудь такое, обидел тебя, я не имел в виду ничего плохого...

— Успокойся, ты ничего обидного не говорил, медведь ты этакий. Разве что про свой нож.

— Я не хотел.

— Или ты имеешь в виду, что «все девчонки — чистая отравка»? А тебе не приходило в голову, что к парням это относится в такой же степени? Впрочем, в такой ситуации, очевидно, нет. Но раз ты все узнал, то, может, оно и к лучшему. Теперь нас уже трое.

— Но, Жаклин...

— И пожалуйста, зови меня «Джекки». — Она передернула плечами. — Теперь, когда вы оба знаете, мне не нужно будет носить этот чертов панцирь. Отвернитесь.

— Э-э-э... — Род отвернулся. Джимми перекинулся на бок, лицом к стене.

— О'кей, — слышалось через минуту.

Род обернулся. В рубашке и брюках, без бронежилета, ее плечи были гораздо уже, а сама она изящнее и очень неплохо сложена. Жаклин сидела на полу и отчаянно чесала грудь и спину.

— С тех пор как я тебя встретила, Род Уокер, я даже не могла по-человечески почесаться, — произнесла она с упреком. — Иногда я просто умираю.

— Никто не заставлял тебя носить эту штуковину.

— А представь, если бы я ее не носила. Ты бы захотел быть со мной в одной команде?

— Э-э-э... ну я... в общем-то... — Род умолк.

— Вот видишь. — Неожиданно на ее лице отразилось беспокойство. — Мы все еще партнеры?

— Что? Разумеется!

— Тогда давай снова пожмем друг другу руки. И с Джимом тоже. Ты согласен, Джим?

— Спрашиваешь!

Три руки сошлись в рукопожатии, Джекки накрыла их левой рукой и торжественным тоном произнесла:

— Все за одного!

Род достал левой рукой «Полковника Боуи» и положил плашмя на сцепленные руки.

— И один за всех!

— Налоги делим на троих, — добавил Джимми. — И надо бы заверить это дело в нотариальной конторе.

Глаза у Жаклин заблестели от слез.

— Джимми Трокстон, — произнесла она многообещающим тоном, — когда-нибудь я заставлю тебя воспринимать жизнь всерьез!

— Я и так воспринимаю ее всерьез, — возразил он. — Не хочется только, чтобы и она воспринимала меня так же. Когда рождаешься заново, грех не порадоваться.

— Мы все, считай, родились по второму разу, — сказал Род. — Но сейчас помолчи. Ты и так слишком много болтаешь.

— Смотри как заговорил! А сам-то что?

— Во всяком случае не стоит смеяться над тем, что говорит Жаклин. Она для меня очень много сделала.

— Кто ж с этим спорит!

— Тогда...

— Никаких «тогда»! — резко сказала Жаклин. — Меня зовут Джекки, Род. Забудь о Жаклин. Если вы начнете сейчас проявлять галантность, у нас будет полный набор всех тех проблем, о которых ты меня предупреждал. Если я правильно помню, ты сказал «чистая отравка».

— Но было бы только логично...

— Опять ты со своей логикой! Давай займемся практической стороной дела. Помог бы мне лучше сделать новый бурдюк.

На следующий день Джим уже взял на себя заботу по «дому», а Джекки и Род ушли на охоту вместе. Джим тоже хотел пойти, но наткнулся на двойной запрет. Охота втроем давала не бог весть сколько преимуществ, зато вдвоем у них получалось отлично: теперь им не приходилось выжидать в засаде по нескольку часов, и дело было лишь за тем, чтобы найти добычу. Джекки загоняла зверя, а Род его приканчивал. Они выбирали животное где-нибудь на краю стада, Джекки подкрадывалась с другой стороны и спугивала его, обычно прямо на Рода.

Охотились они по-прежнему с ножами, хотя Джекки выбрала хорошее оружие для выживания в примитивных условиях — пневматическое ружье, стреляющее ядовитыми стрелками. Поскольку стрелки можно было находить и снова заряжать ядом, ружье могло служить практически вечно. Именно по этой причине Джекки

выбрала его, а не огнестрельное или энергетическое оружие.

Роду оно очень понравилось, но тем не менее он решил не брать ружье на охоту.

— Давление может упасть, и в нужный момент оно вдруг подведет.

— Такого ни разу не случилось. Да и перезарядить его — одна секунда.

— Хорошо... Но если мы начнем пользоваться ружьем, рано или поздно мы потеряем последнюю стрелку, и может так случиться, что именно тогда оно нам особенно понадобится. Возможно, мы здесь надолго, так что давай оставим его про запас, а?

— Как скажешь, Род.

— Почему это? У нас у всех равное право голоса.

— Нет. Мы с Джимми уже говорили об этом, и он согласен: кто-то должен быть главным.

Охота занимала у них около часа каждый второй день. Остальное время уходило на поиски новых партнеров: они поделили местность на квадраты и прочесывали их очень старательно. Однажды им удалось спугнуть стервятников с добычи, которую, похоже, кто-то разделял ножом. Род и Джимми шли по следу — по человеческому следу, как они убедились, — но из-за темноты им пришлось вернуться в пещеру. Наутро они попытались отыскать след снова, но безуспешно: ночью прошел сильный дождь.

В другой раз они нашли остатки костра, но Род решил, что ему по крайней мере десять дней.

Как-то через неделю, которая прошла в бесплодных поисках, они вернулись домой не так поздно. Джимми оторвал взгляд от костра.

— Как успехи в переписи населения?

— И не спрашивай, — Род устало опустил на каменный пол. — Что у нас на обед?

— Сырое мясо, жареное мясо и горелое мясо. Я пытался запечь немного в мокрой глине, но получилась только отлично обожженная глина.

— И на том спасибо.

— Джим, — сказала Джекки, — нужно попробовать сделать глиняные горшки.

— Я уже пробовал. С первой попытки получил огромную трещину. Но я еще научусь. Послушайте-ка, дети мои, — продолжил он, — а вам не кажется, что вы ищете людей не тем способом?

— Почему не тем? — спросил Род.

— Ну, если вам хочется физических упражнений, то все нормально. Вы носитесь по всей округе, но результатов нет. Может, лучше будет, если они сами нас разыщут?

— Каким образом?

— Можно подать дымовой сигнал.

— Мы же думали об этом. Но нам не нужен кто угодно, и сообщать всем подряд, где мы живем, тоже ни к чему. Нам нужны люди, с которыми мы станем сильнее.

— Вот это как раз и есть то, что инженеры называют «ошибочным критерием». Отличный плотник может оказаться тем человеком, которого вы никогда не найдете, пытаясь выследить его в лесу. А он вас найдет запросто, пока вы ломитесь через кустарник, расшвыривая камни, ломая ветки и распутивая птиц. Он может даже проследить за вами и понять, что вам нужно, но, если ему не захочется, вы его никогда не найдете.

— Род, в этом что-то есть, — сказала Джекки.

— Тебя мы нашли достаточно легко, — заметил Род Джиму. — Может, ты сам не тот тип, что нам нужен.

— Я просто был не в форме, — ответил Джимми спокойно. — Вот подожди, я наберусь сил и покажу свою истинную природу! Ург, пещерный человек — перед вами! Наполовину неандерталец, наполовину гибкий черный леопард. — Он постучал себя в грудь и зарычал.

— Это не очень похоже на истинную пропорцию. Неандерталец тут явно доминирует.

— Не дерзи. И помни, что ты мой должник.

— Я думаю, ты просто жульничаешь. Наверно, наизусть уже выучил, как каждая карта выглядит с другой стороны. Они у тебя скоро в лохмотья превратятся.

Когда Джимми спасли, при нем обнаружили игральные карты, и позже он объяснил, что это тоже снаряжение для выживания.

— Прежде всего, — сказал Джим, — если бы я потерялся, я всегда мог сесть и разложить пасьянс. Рано или поздно кто-нибудь меня нашел бы и...

— И начал давать советы, как играть. Это мы уже слышали.

— Тихо, Род. Во-вторых, Джекки, я планировал объединиться здесь с этой вот «дубиной». Мне ничего не стоит обыграть его в крибидж, но он все время пытается отыграться. Я решил, что за время испытания сумею выудить у него все карманные деньги на будущий год. Тактика выживания!

Как бы там ни было, но карты имелись, и каждый вечер они втроем играли в тихие семейные игры по миллиону плутонов за кон. Жаклин шла более-менее ровно, зато Род задолжал Джиму уже несколько сот миллионов. В тот вечер они продолжили дискуссию за игрой. Род по-прежнему не хотел раскрывать местонахождение их убежища.

— Мы можем подавать дымовой сигнал где-нибудь в другом месте, — предложил он задумчиво. — И дежурить в безопасном укрытии. Сними, Джим.

— Да, но тут тоже риск... Пятерка, как раз то, что нужно! Если вы устроите костер достаточно далеко отсюда, чтобы никто не знал про эту пещеру, вам придется мотаться туда и обратно по крайней мере дважды в день. Я думаю, очень скоро удача вам изменит, и в один прекрасный день вы просто не вернетесь. Не то чтобы я стал сильно горевать, но играть будет не с кем.

— Чья игра?

— Джекки. Но если мы разожжем костер близко, на виду, тогда нам останется только сидеть и ждать. Я сяду спиной к стене с этой пукалкой на коленях, и, если покажется враг, шлеп — и готово! Но если они нам понравятся, тогда мы возьмем их в игру.

— Считай.

— Пятнадцать-шесть, пятнадцать-двенадцать, пара, шестерка за валетов... Это будет стоить тебе еще один миллион, мой друг.

— По-моему, один из этих валетов — дама, — с угрозой произнес Род.

— В самом деле? Знаешь, уже темно. Сдаешься?

В конце концов они согласились с планом Джима. Времени для игры в карты стало больше, и долг Рода вырос за миллиард. Сигнальный костер горел на каменном уступе ниже по течению, и обычно ветер дул так, что дым сносило в сторону. Когда же его задувало в пещеру, это было просто невыносимо, и они пулей вылетали оттуда, размазывая слезы по щекам.

За четыре дня такое случилось три раза. Их реклама ни у кого пока не вызвала интереса, и они здорово устали таскать сухие дрова для костра и собирать зеленые ветки, которые давали дым. После третьего раза Джимми не выдержал.

— Род, я сдаюсь. Твоя взяла, и я снимаю свое предложение.

— Нет!

— А? Поимей совесть! Я не могу питаться дымом — в нем совсем нет витаминов. Давай лучше вывесим флаг. Я пожертвую свою рубашку.

Род задумался.

— А это идея!

— Стой, подожди! Я же пошутил. У меня нежная кожа, и я легко обгораю.

— А ты не торчи на солнце подолгу, и со временем у тебя будет отличный загар. Мы и вправду вывесим твою рубашку вместо флага. Но огонь тоже нужно поддерживать, только не здесь, на уступе, а где-нибудь там, на лугу, может быть.

— Чтобы дым опять задувало в наш летний коттедж?

— Ну тогда еще дальше вниз по течению. Мы разведем большой костер, и дым будет видно издалека. А флаг повесим над пещерой.

— И тем самым допросимся, что нас выследят какие-нибудь лихие волосатые личности, которые никогда не слышали о праве на собственность.

— Мы уже признали, что рискуем, когда решили разжечь костер в первый раз, так что чего уж там. Давайте за дело.

Род выбрал самое высокое дерево на скале, под которой располагалась пещера, забрался на самый верх, где ствол едва его держал, и целый час работал ножом, срубая верхушку. Затем привязал рубашку Джимми за рукава и полез вниз, срезая по пути лишние ветки.

Вскоре они стали слишком толстыми, чтобы справиться с ними ножом, но и так получилась голая мачта в несколько метров высотой. Рубашку трепало на ветру и отлично было видно издалека. Усталый, но довольный своей работой, Род еще раз взглянул вверх: без сомнения, сигнальный флаг.

Джимми и Жаклин развели тем временем новый костер ниже по течению, для чего перенесли огонь с уступа. У Жаклин еще оставалось несколько спичек, а у Джимми была почти полностью заряженная зажигалка, но сознание того, что они могут остаться тут надолго, заставляло экономить. Спустившись на землю, Род присоединился к ним. Теперь места для костра хватало, да и валежник таскать стало легче, так что дым валил вовсю.

Лицо Жаклин, потное и не особенно чистое до этого, теперь совсем почернело от дыма, а на бледно-розовой коже Джимми сажу было заметно еще лучше.

— Пироманьяки, — улыбнулся Род, оглядев своих товарищей.

— Ты приказал дым, — ответил Джимми, — и я планирую такой костер, что сожжение Рима будет выглядеть по сравнению с ним детской забавой. Притащи-ка мне тогу и скрипку.

— Скрипки изобрели позже. Нерон играл на лире.

— Давай не будем мелочиться. У нас получается неплохое грибообразное облако, а?

— Гулять так гулять, Род? — подзадорила его Жаклин, вытирая лицо, отчего оно совсем не стало чище. — Весело ведь!

Она макнула огромную зеленую ветку в воду и бросила в костер — дым тут же повалил столбом.

— Еще дров, Джимми!

— Несу!

Род тоже разошелся и вскоре стал таким же черным, как и они. Ни разу с самого начала испытания не было ему так весело. Когда солнце скрылось за верхушками деревьев, они наконец оставили попытки сделать костер еще больше, лучше, дымнее и неохотно отправились к пещере. Только в этот момент Род осознал, что совсем забыл про осторожность.

Ладно, успокоил он себя, все опасные животные избегают огня.

Пока они ели, от догорающего костра еще тянулся вверх столб дыма. После Джимми достал карты и попытался перетасовать рыхлую колоду.

— Кто-нибудь желает поучаствовать? Обычные низкие ставки.

— Я слишком устал сегодня, — ответил Род. — Ты можешь просто увеличить мой долг на ту сумму, что я обычно проигрываю за день.

— Но это неспортивно. И потом, помнишь? Ты на прошлой неделе один раз выиграл. А ты, Джекки, что скажешь?

Жаклин хотела что-то ответить, но Род жестом заставил их замолчать.

— Ш-ш-ш! Я слышал какой-то звук, — прошептал он.

Джимми и Жаклин замерли, потом бесшумно достали ножи. Род сунул «Полковника Боуи» в зубы и выполз на каменный уступ. На тропе никого не было видно, и, похоже, никто не трогал загородку из сухих веток. Род высунулся еще дальше, пытаясь определить, откуда донесся звук.

— Эй, внизу! — послышался негромкий голос.

Род почувствовал, как напряглись у него мышцы. Он обернулся и увидел, что Джимми взял тропу на прищел. Жаклин достала свое ружье и тоже зарядила.

— Кто там? — крикнул Род.

Сначала наверху молчали, потом тот же голос ответил:

— Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. А вы кто?

Род облегченно вздохнул.

— Род Уокер, Джимми Трокстон и еще один человек, не из нашего класса, Джекки Доде.

Бакстер какое-то время думал.

— Можно к вам присоединиться? По крайней мере на сегодня?

— О чем речь!

— Как нам спуститься вниз? Кармен не может карабкаться по скале — у нее болит нога.

— Вы прямо над нами?

— Наверно. Я тебя не вижу.

— Оставайся на месте. Я сейчас поднимусь. — Он повернулся к своим товарищам и улыбнулся. — У нас гости к ужину, Разводи огонь, Джимми.

Джимми удрученно причмокнул языком.

— А в доме почти ничего нет. Надо было хоть пирог испечь.

К тому времени, когда Род вернулся с Бобом и Кармен, на огне уже жарилось мясо. Задержались они из-за Кармен: она всего лишь растянула лодыжку, но по крутому берегу пришлось карабкаться на руках, да и туда еще нужно было добраться, а боль и усталость давали себя знать.

Когда Кармен поняла, что третий человек, незнакомый, — девушка, она даже расплакалась. Джекки посмотрела на парней сердитым взглядом — Род так и не понял почему — и увела ее в дальний угол пещеры, где спала сама. Пока Боб Бакстер и Род с Джимми сравнивали свои наблюдения, девушки непрерывно о чем-то шептались.

У Боба и Кармен дела шли отлично до тех пор, пока она не подвернула ногу двумя днями раньше — если не считать, конечно, что их по какой-то непонятной причине забыли на этой планете.

— Когда стало понятно, что никто не собирается вызывать нас отсюда, у меня, признаться, просто опустились руки, — сказал Боб. — Но Кармен быстро привела меня в чувство. Она — человек очень практичный.

— Женщины всегда практичнее мужчин, — согласился Джимми. — Вот я, например, натура поэтическая.

— Только все у тебя белым стихом получается, — поддел его Род.

— Это от зависти, Род. Ладно, Боб, старина, может, тебе еще кусок? Сырой или хорошо обугленный?

— И тот и другой. Последние два дня мы жили впроголодь... М-м-м... вкусно-то как!

— Соус по моему рецепту, — скромно сказал Джимми. — У меня, знаешь ли, тут свой огород. Сначала надо растопить на сковородке кусок масла, а затем...

— Уймись, Джимми, ради бога! Боб, вы с Кармен хотите в нашу команду? Насколько я понимаю, мы вряд

ли можем рассчитывать на возвращение. Следовательно, надо строить планы на будущее.

— Похоже, ты прав.

— Род всегда прав, — поддакнул Джимми. — А на счет планов на будущее... Боб, вы с Кармен играете в крибидж?

— Нет.

— Ничего. Я вас научу.

8

«Придется вам выбирать»

Решение о том, что надо подавать дымовой сигнал и дальше, чтобы собрать как можно больше людей, никто на голосование не ставил, оно оформилось и утвердилось само. Род хотел обсудить этот вопрос утром, но Джимми и Боб сами развели огонь, когда пошли вниз за водой, и он никому ничего не сказал. В тот день их разыскали еще две девушки.

Точно так же никто не заключал формальных договоров о партнерстве и никто не выбирал лидера группы: Род продолжал руководить, и Боб Бакстер без разговоров принял сложившееся положение. Сам Род был слишком занят и даже не думал об этом. Проблемы безопасности, размещения и продовольствия для растущей колонии просто не оставляли времени ни на что другое.

С прибытием Боба и Кармен запас мяса иссяк мгновенно, и уже на следующий день пришлось идти на охоту. Боб Бакстер предложил поучаствовать, но Род решил взять с собой как обычно Джекки.

— Ты сегодня отдыхай. Не разрешай Кармен наступать на больную ногу и не отпускай Джимми одного к костру. Он считает, что уже совсем выздоровел, но это не так.

— Я заметил.

Джекки и Род отправились на охоту и довольно быстро убили оленя. Однако Род добил его не сразу, и, когда Жаклин подбежала помочь, бьющийся на земле

раненый зверь ткнул ее рогом в бок. Джекки уверяла, что все в порядке, но на следующее утро бок все еще болел, и Боб сказал, что у нее, возможно, сломано ребро.

Трое из прежнего состава группы оказались больны, а тем временем у них появилось два новых рта. Правда, один из них — большой и с постоянной улыбкой на губах — принадлежал Каролине Мшийени, и Род выбрал ее на роль нового помощника в охоте.

Джекки надулась. Она отвела Рода в сторону и прошептала:

— Зачем ты так? Я вполне способна охотиться. Бок у меня в порядке, совсем немного болит.

— Болит, значит? Но это может подвести тебя в нужный момент. Я не хочу рисковать, Джекки.

Она еще раз взглянула на Каролину и надула губы, храня на лице упрямое выражение.

— Джекки, ты помнишь, что я говорил насчет ревности? — принялся уговаривать ее Род. — Если ты будешь устраивать сцены, я тебя отшлепаю.

— Кишка тонка!

— Ничего, мне помогут. Однако послушай... Мы ведь партнеры?

— Мне так казалось, во всяком случае.

— Тогда води себя соответственно и не добавляй нам проблем.

Джекки пожала плечами.

— Ладно. Я и так все понимаю. Останусь дома.

— Это не все. Возьми мой старый бинт — он где-то здесь должен валяться — и пусть Боб Бакстер замотает тебе ребра.

— Нет!

— Ну тогда Кармен. Они оба вроде как знахари. — Род повернулся к Каролине и громко спросил: — Ты уже готова?

— Ощетинилась и вся дрожу от возбуждения.

Род рассказал ей, как они с Джекки охотились, и объяснил, что от нее требуется. Первые два стада, что им попались, они прошли мимо: стада оказались смешанными. Мясо у старых самцов жесткое и не особенно вкусное, а пытаться убить кого-нибудь другого кроме вожака-самца просто опасно и потому глупо. Около

полудня они отыскали стадо годовалых животных, расположившихся против ветра от них, и разошлись в стороны. Род приготовился ждать, когда Каролина погонит добычу на него.

Ждал долго и уже начал нервничать, когда из зарослей бесшумно появилась Каролина и жестом позвала его за собой. Род поднялся с места, хотя идти так же быстро и бесшумно, как она, ему удавалось с трудом. Вскоре Каролина остановилась, и, догнав ее, Род увидел, что она уже свалила оленя. Глядя на поверженное животное, Род пытался побороть в себе растущее раздражение.

— Олень молодой и мясо, я думаю, нежное, — сказала Каролина. — Устраивает, Род?

Он кивнул.

— Лучше не бывает. И сразу наповал... Кэрол!..

— Что?

— Я думаю, у тебя это получается даже лучше, чем у меня.

— Брось. Мне просто повезло. — Она застенчиво улыбнулась.

— Я не верю в везение. Так что, когда ты захочешь повести охоту, просто скажи. Но только обязательно.

Каролина заметила мрачное выражение его лица и медленно произнесла:

— Ты, я чувствую, решил меня отчитать...

— Можно и так сказать. Но я настаиваю, чтобы ты всегда предупреждала меня, когда захочешь повести охоту. Никогда не меняй планов уже после того, как мы приступим к делу. Никогда. Понятно?

— В чем дело, Род? Ты завелся оттого, что я убила оленя? Это глупо.

Род вздохнул.

— Может быть. А может быть, мне не нравится, когда девушка делает за меня мою работу. Но в одном я уверен на все сто: мне не нравится ~~напарник~~, на которого я не могу положиться до конца. Слишком опасно. Я лучше буду охотиться один.

— Может, лучше я буду охотиться одна. Мне, во всяком случае, не нужна ничья помощь.

— Не сомневаюсь. Но ладно, давай оставим эту тему и оттащим добычу в лагерь.

Пока они свеживали тушу, Каролина не проронила ни слова. А когда они срезали все лишнее и уже собрались тащить мясо к пещере, Род сказал:

— Ты иди впереди. Я буду прикрывать сзади.

— Род?

— Что?

— Извини.

— А? Забудь.

— Я не стану так больше делать. Хочешь, я скажу, что это ты убил оленя?

Род остановился и тронул ее за руку.

— Зачем вообще кому-то что-то говорить? Никого не касается, как мы охотимся до тех пор, пока мы приносим мясо.

— Ты все еще сердишься на меня.

— Я вовсе не сердился, — солгал Род. — Просто не хочу, чтобы мы переходили друг другу дорогу.

— Родди, я никогда больше этого не сделаю. Обещаю.

До конца недели девушки оставались в большинстве. В пещере, где троим было удобно, а шестерым в общем-то еще терпимо, стало просто тесно, потому что день ото дня население лагеря росло. Род решил превратить пещеру в «женское общежитие», а мужчин переместить на открытый воздух, на луг, где начиналась тропа вверх по наклонному сланцевому берегу. От непогоды и хищников там укрыться было негде, но зато их бивуак защищал единственную тропу к пещере. Впрочем, погода стояла теплая, и для защиты от хищников они ставили на ночь дежурных, в чьи обязанности входило поддерживать два костра — между рекой и скалой выше по течению и в узком проходе ниже.

Роду самому такой порядок не нравился, но выбирать не приходилось. Он отправил Боба Бакстера и Роя Килроя вниз по течению, а Каролину и Марджери Чанг в противоположном направлении, чтобы они искали другие пещеры. Но за отпущенный на поиски один день они ничего не нашли. Девушки, однако, привели с собой еще одного человека.

Спустя неделю после того, как они вывесили рубашку Джима в качестве флага, прибыла еще группа из четырех парней. Теперь их стало двадцать пять, и парней оказалось больше, чем девушек. Впрочем, к четверым новеньким скорее подходило слово «мужчины», поскольку все они были на два-три года старше. Три из четырех групп, оказавшихся в зоне проверки на выживание, состояли из выпускников средних школ, но четвертая, куда входили новенькие, была из Теллерского университета, с отделения наук Внеземелья.

«Взрослый» — понятие довольно скользкое. Разные культуры относятся к этому понятию по-разному: у одних это аж с одиннадцати лет, у других только после тридцати пяти, третьи же вообще не признают никакого возраста до тех пор, пока жив родитель. Род и не думал о вновь прибывших как о «старших». В лагере уже было несколько человек из Теллерского университета, но он вряд ли бы сказал с уверенностью, кто именно: они полностью вписались в их маленькое сообщество. Клубок проблем рос, как снежный ком, и просто не хватало времени, чтобы беспокоиться еще и о том, кто чем занимался на далекой Земле.

Эти четверо — мускулистый и очень подвижный Джок Макгован, его младший брат Брюс, Чед Амес и Дик Берк — появились ближе к вечеру, и Род не успел толком с ними познакомиться. Утром тоже не удалось, поскольку совершенно неожиданно прибыли еще четыре девушки и пятеро парней и административные проблемы выросли до необъятных размеров. Места в пещере для вновь прибывших девушек уже не осталось, и нужно было срочно искать или строить новые жилища.

Род подошел к четверым парням, разлегшимся у костра, присел на корточки и спросил:

— Кто-нибудь из вас понимает что-нибудь в строительстве?

Вопрос был задан всем, но они ждали, когда ответит Джок Макгован.

— Кое-что понимаем, — признался тот. — При желании я, пожалуй, сумею построить все, что захочу.

— Ничего сложного я не планирую, — объяснил Род. — Только каменные стены. Ты когда-нибудь клал?

— Спрашиваешь! А что?

— Идея, в общем, такова. Нам нужно срочно решать вопрос с жильем, а то людей уже — не протолкнешься. Но первым делом надо поставить стены от скалы до реки и отгородить часть луга. Позже мы построим хижины, но сначала нужен крааль, чтобы защититься от хищников.

Макгован рассмеялся.

— Ничего себе стену ты задумал! А тебе не пришлось видеть эту тварь, похожую на вытянутую пуму? Ты даже пикнуть не успеешь, а она уже перемахнет через любую стену.

— Я про них знаю, — согласился Род, потирая длинные белые шрамы на руке, — и большой любви к ним тоже не испытываю. Они, скорее всего, и в самом деле могут перебраться через любую стену, но мы приготовим им сюрприз... — Он взял сухой прут и принялся чертить на земле. — Здесь мы строим стену... Доводим ее до сих пор... А внутри метров на шесть в глубину ставим заостренные сверху колья. Любая тварь, которая перемахнет через стену, сразу распорет себе брюхо.

Джок Макгован взглянул на схему и сказал:

— По-моему, это все ерунда.

— Да, глупо, — согласился его брат.

Род покраснел, но все же спросил:

— А что, есть идея получше?

— Есть, но не с нашими возможностями.

— Тогда, если никто не придумает ничего лучше, — медленно произнес Род, — или если мы не найдем хорошую большую пещеру, нужно укреплять это поселение. А значит, надо строить стену. Я собирался отправить девушек заготавливать острые колья. Все остальные займутся стеной. Если взяться как следует, мы еще до темноты многое успеем. Вы четверо хотите работать вместе? Одна группа будет собирать камни, другая копать глину и месить раствор. Выбирайте.

Трое снова посмотрели на своего вожака. Джок Макгован откинулся на спину и заложил руки за голову.

— Извини. У меня сегодня охота.

Род почувствовал, что краснеет.

— Сегодня в этом нет необходимости, — сказал он осторожно.

— А тебя никто не спрашивает, сопляк.

Внутри Рода, как перед экзаменом, все сжалось в тугую холодный узел. Краем глаза он заметил, что вокруг них уже собралась толпа, и старательно ровным тоном сказал:

— Возможно, я ошибся. Я...

— Ошибся.

— Мне показалось, вы четверо решили объединиться с нами. Так что?

— Может быть. А может быть, и нет.

— Придется вам выбирать. Или вы с нами и тогда работаете, как все. Или нет. В таком случае можете как-нибудь заглянуть на завтрак. А сейчас проваливайтесь. Я не хочу, чтобы кто-то бездельничал, когда все остальные работают.

Джок Макгован с шумом втянул в себя воздух и причмокнул языком. Руки его все еще оставались за головой.

— Мальчик, ты, кажется, еще не понял, что никто никогда не приказывает Макговану. Никто. Верно, Брюс?

— Верно, Джок!

— Верно, Чэд? Дик?

Те тоже подтвердили. Макгован продолжал разглядывать небо.

— А это значит, — спокойно произнес он, — что я хожу, где и когда хочу, и остаюсь так долго, как меня устраивает. Вопрос не в том, хотим ли мы с вами объединяться, а в том, кого я захочу пригласить объединиться с нами. Тебя, мальчик, это не касается. У тебя еще молоко на губах не обсохло.

— Вставайте и убирайтесь!

«Полковник Боуи», как всегда, висел у Рода на поясе, но он не протянул руку к ножу и только собирался встать. Взгляд Джoka метнулся к брату. Род даже не успел распрямиться и, оказавшись на земле лицом вниз, почувствовал холодный укус острия ножа под ребрами. Он замер.

— Что с ним делать, Джок? — спросил Брюс.

Род не видел старшего Макгована, но услышал его ответ:

— Пока поддержи его.

— О'кей, Джок.

У Джокла Макгована кроме ножа было еще и ружье.

— Кто-нибудь хочет на тот свет? Всем стоять, не двигаться!

Род по-прежнему не мог видеть Джокла, но по ошарашенному, испуганному выражению на лицах стоявших вокруг он догадался, что Макгован вскочил на ноги и держит их под прицелом. В лагере все ходили с ножами, и у большинства были ружья — Род заметил, что у Роя Килроя в этот раз ружье за спиной, — но, как правило, они хранились в пещере, в арсенале, которым распоряжалась Кармен.

Сейчас это оружие помочь не могло: слишком быстро все случилось, слишком быстро словесная перепалка превратилась в угрозу жизни. Лежа на земле, Род не мог видеть своих самых близких друзей, а те люди, которых он видел, похоже, не собирались рисковать собой ради него.

— Чэд! Дик! Держите его под прицелом!

— О'кей.

— Я пока займусь этой падалью, — В поле зрения Рода появились волосатые ноги Джокла. — Он еще при оружии, Брюс?

— Да, пока.

— Сейчас я это исправлю. Ну-ка, мальчик, перевернись — я заберу твой нож. Пусть перевернется, Брюс.

Брюс Макгован чуть сполз в сторону, и Джок наклонился за ножом Рода, но в этот момент на боку у него, под ребром, расцвел крошечный стальной цветок. Род не слышал звука выстрела, не слышал даже удара стрелки. Джок резко выпрямился, закричал и схватился за бок.

— Джок! Что случилось?

— Убили... — прошептал он и свалился на землю, сложившись словно тряпка.

У Рода на спине все еще сидел человек с ножом, но тот на мгновение отвлекся, и этого оказалось достаточно. Одним стремительным движением Род перекатился на бок, схватил Брюса за руку, и ситуация сразу же изменилась: теперь правая рука Брюса попала в железных захват, а острие «Полковника Боуи» заблестело на солнце под самым его носом.

— Эй, внизу, спокойно! Вы у нас на прицеле! — донеслось со скалы глубокое контральто.

Род поднял взгляд. Каролина стояла на каменном уступе у пещеры, прижав к плечу приклад винтовки. Ближе к воде и ниже по течению устроилась Жаклин со своим маленьким пневматическим ружьем. Она перезарядила его, подняла и прицелилась в кого-то за спиной Рода.

— Не стреляйте! — крикнул Род и оглянулся. — Ну-ка вы, двое, бросить оружие!

Чэд Амес и Дик Берк послушались.

— Рой! И Грант Каупер! Заберите эти игрушки. И ножи тоже у них отберите! — Он повернулся к Брюсу и кольнул его под горло. — Выпусти нож!

Род подобрал брошенный нож и встал. Те, кто был в пещере, повалили наружу. Каролина впереди всех. Джок Макгован корчился на земле, лицо его посинело, он задыхался — симптомы очень напоминали действие яда, что используется в стрелах. Подбежал Боб Бакстер, взглянул на Рода и, сказав: «Сейчас я тобой займусь», склонился на Джоком.

— Ты что, хочешь попытаться его спасти? — возмущенно спросила Каролина.

— Конечно.

— Зачем? Давайте лучше сбросим его в реку.

Бакстер снова посмотрел на Рода. Тот с трудом подавил в себе желание внять совету Каролины и сказал:

— Сделай для него, что можно, Боб... Где Жаклин? Джекки, у тебя есть противоядие? Принеси.

— Незачем. Ничего с ним не делается.

— В смысле?

— Это просто булавочный укол. Учебная стрелка. «Бэтси» всегда заряжена учебной стрелкой. Охотничьи я держу подальше, в укромном месте — чтобы никто случайно себя не царапнул. И у меня не было времени достать их. — Она легонько пнула Джока ногой. — Яд тут ни при чем. Это у него от испуга.

Каролина прыснула и взмахнула своей винтовкой.

— А у меня вообще не заряжена! Даже дубина из нее неважная.

— Ты уверена? — спросил Бакстер у Джекки. — Симптомы похожие.

— Конечно, уверена. Видишь цветное пятно на конце? Это учебная стрелка.

Бакстер склонился над раненым и похлопал его по щекам.

— Хватит дурака валять, Макгован! Вставай. Мне нужно вытащить стрелку.

Макгован застонал, но поднялся на ноги. Бакстер зажал оперение двумя пальцами и резко дернул. Джок вскрикнул, и Бакстер снова хлопнул его по щекам.

— Не вздумай падать в обморок, — проворчал Боб. — Считаю, что тебе повезло. Пусть кровь немного стечет, и все будет в порядке. — Он повернулся к Роду. — Теперь ты.

— Что такое? У меня все в порядке.

— А на спине у тебя, надо полагать, красная краска, да? — Бакстер обернулся. — Кармен, принеси мою аптечку.

— Уже здесь.

— Молодец. Род, сядь и наклонись вперед. Будет немного больно.

Получилось действительно больно. Чтобы не показывать этого, Род даже заговорил с Кэрл:

— Слушай, я даже не представляю, как вы с Джекки так быстро договорились. Легко получилось.

— А мы и не договаривались. Просто сделали, что могли, и сделали быстро. — Она повернулась к Жаклин и хлопнула ее по плечу, от чего та едва не упала. — Ей цены нет, Родди, ей-богу!

Жаклин изо всех сил старалась не показывать, как она довольна, но это ей не очень удавалось.

— Да ладно тебе, Кэрл.

— Как бы там ни было, я вам очень благодарен, — сказал Род.

— Всегда пожалуйста. Жалко только, что эта пукалка не заряжена. А кстати, Род, что ты собираешься с ними делать?

— Не зна... У-у-у!

— Спокойно, — пробормотал Бакстер у него за спиной. — Я же сказал, что будет немного больно... Пожалуй, я лучше поставлю еще одну скобку. Нужно бы,

конечно, забинтовать рану, но нечем. Так что ты на время оставь тяжелую работу и спи на животе.

— У-у-у! — снова взвыл Род.

— Все. Это последняя. Можешь встать. Не напрягай спину, и пусть образуется корка.

— Я все-таки думаю, что нужно скинуть их в реку. Пусть добираются на ту сторону вылавь, — не унималась Кэрл. — Можно будет даже делать ставки: доплывут или не доплывут.

— Кэрл, ты же цивилизованный человек.

— Ничего подобного. И я прекрасно знаю, с какой стороны собака виляет хвостом, а с какой кусается.

Род пошел взглянуть на пленников. Рой Килрой заставил их лечь друг на друга — довольно унижительное положение, лишаящее их, помимо всего прочего, возможности сопротивляться и вообще как-то действовать.

— Пусть сядут.

Охраняли их Килрой и Грант Каупер.

— Вы слышали капитана? Сесть! — приказал Каупер.

Выбравшись друг из-под друга, пленники с мрачными, испуганными лицами расселись на земле. Род посмотрел на старшего Макгована.

— И что, по-твоему, нам с вами делать?

Макгован молчал. Он заметно побледнел, из прокола у него на боку еще сочилась кровь.

— Кое-кто у нас считает, что вас нужно сбросить в реку, — сказал Род. — Но это все равно что смертный приговор, и если мы решим привести его в исполнение, то, скорее, расстреляем вас или повесим. Бросать живых людей на съедение хищникам не в моих правилах. Ну что, может быть, вас повесить?

— Мы же ничего не сделали, — буркнул Брюс Макгован.

— Да. Но собирались. Вас опасно оставлять рядом с людьми.

Кто-то из собравшихся выкрикнул:

— Давайте пристрелим их, и дело с концом!

Род никак не отреагировал. Подошел Грант Каупер и, наклонившись поближе, тихо сказал:

— Это надо ставить на голосование. Должен быть какой-то суд.

— Нет, — ответил Род, покачав головой, и, обращаясь к пленникам, добавил: — Я не собираюсь давать волю чувствам и наказывать вас. Но и оставить вас здесь мы тоже не можем. — Он обернулся к Кауперу. — Отдай им ножи.

— Род? Ты часом не собираешься драться с ними?

— Боже упаси. — Он снова повернулся к Макговану и его команде. — Ножи можете взять. Ружья останутся у нас. Когда вас отпустят, пойдете вниз по течению и будете идти по крайней мере неделю. Если мы когда-нибудь увидим ваши физиономии, возможности объясниться у вас уже не будет. Понятно?

Джок Макгован кивнул. Дик Берк слотнул слюну и сказал:

— Но выгнать нас с одними ножами это все равно, что убить.

— Чушь! Ружей вы не получите. И помните, если вы хоть раз повернете назад, даже во время охоты, пеняйте на себя. Возможно, кто-то будет за вами следить. Кто-то с ружьем.

— И на этот раз с заряженным! — добавила Каролина. — Слушай, Родди, доверь это дело мне, а? Пожалуйста.

— Помолчи, Кэрол. Рой и ты, Грант, проводите их из лагеря.

По дороге группа изгнанников, конвоиров и просто любопытных столкнулась с Джимми Трокстоном. Тот остановился, удивленно их разглядывая, и спросил:

— Это что за процессия? Род... Что у тебя на спине? Опять расчесал?

Несколько человек сразу принялись наперебой рассказывать ему, в чем дело. Наконец он уловил суть происшедшего и расстроенно покачал головой.

— А я там, как дурак, ищу камни покрасивее для нашей садовой ограды! Ну почему каждый раз, когда люди собираются веселиться, забывают позвать меня? Дискриминация!

— Перестань, Джим. Ничего веселого тут нет.

— Вот и я говорю: дискриминация.

На все происшедшее ушло больше часа, но в конце концов Род распределил поручения, и работа над стеной началась. Вопреки врачебным рекомендациям Боба Бак-

стера, сам он тоже пытался таскать камни, но обнаружилось, что это ему не под силу: рана болела при каждом движении, и, кроме того, после всего случившегося его немного лихорадило.

Во время полуденного перерыва Рода отыскал Грант Каупер.

— Капитан! Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Род отошел с ним в сторону.

— Что ты задумал?

— М-м-м... Род, я думаю, ты понимаешь, что сегодня утром тебе в общем-то повезло. Не хочу тебя обидеть, но...

— Конечно, понимаю. А что?

— А ты понимаешь, почему все это случилось?

— Теперь понимаю. Я поверил людям, которым верить не следовало.

Каупер покачал головой.

— Вовсе не в этом дело. Род, ты что-нибудь знаешь о теории государственного управления?

Род взглянул на него с удивлением.

— Я проходил обычный курс по основам гражданского права. А что?

— Возможно, у меня не было случая упомянуть об этом, но в Теллерском университете я специализировался как раз по колониальному администрированию. И помимо всего прочего, мы изучали, что такое власть в человеческом обществе и как ее поддерживать. Я не хочу тебя критиковать... Но если откровенно, ты едва не лишился жизни, потому что никогда не изучал подобных вещей.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Род, борясь с раздражением.

— Не кипятись. Дело в том, что у тебя нет никакой власти. Макгован знал это и отказался подчиняться. Да и все знали. Когда дошло до открытого конфликта, никто не мог решить, что делать, поддерживать тебя или нет. И все потому, что реальной власти у тебя нет ни капли.

— Подожди-ка! Ты хочешь сказать, что я вовсе не капитан этого поселения?

— Ты, без сомнения, капитан, но только *de facto*. Тебя никто не выбирал на эту должность, и здесь кроется слабость твоего положения.

Род обдумал его слова.

— Пожалуй, ты прав, — медленно произнес он. — Но мы все это время были чертовски заняты.

— Понимаю. И не собираюсь критиковать. Но капитан должен быть избран по закону.

Род вздохнул.

— Я собирался провести выборы, но думал, что стена пока важнее. Ладно, давай всех соберем.

— Ну, не обязательно делать это вот так сразу.

— Почему? Чем скорее, тем лучше.

— Вечером, когда стемнеет и нельзя будет работать, самое подходящее время.

— М-м-м... Ладно.

Перед ужином Род объявил, что будет организационное собрание. Никого это не удивило, хотя он ни с кем свои планы не обсуждал. Род почувствовал раздражение, и ему пришлось напомнить себе, что никакого секрета тут нет. Тем более что с Грантом он ни о чем таком не договаривался, и тот вполне мог кому-то рассказать. Когда все поужинали, Род расставил дежурных у костров и часовых, затем вернулся в центр освещенного круга и открыл собрание.

— Тихо, все! Давайте начинать. Если тем, кто стоит на вахте, не слышно, скажите! — На мгновение он умолк, затем продолжал: — У нас должны состояться выборы. Мне тут подсказали, что меня никто не выбирал капитаном поселения. Так что, если кто чем был недоволен, я извиняюсь. Старался как мог. Однако выбирать капитана — ваше право. Давайте приступим. Предлагайте кандидатуры.

— Предлагаю Рода Уокера! — выкрикнул Джимми Трокстон.

— Поддерживаю! И предлагаю прекратить выдвижение кандидатур, — раздался голос Каролины.

— Кэрол, твое предложение не принимается, — торопливо сказал Род.

— Почему?

Прежде чем он успел ответить, слова попросил Рой Килрой.

— Род! Я хочу кое-что сказать. Важный вопрос.

Род повернулся и увидел, что Рой сидит рядом с Грантом Каупером.

— Пожалуйста.

— Я хочу остановиться на процедурном вопросе. Прежде всего полагается выбрать временного председателя собрания.

Род быстро обдумал сказанное.

— Видимо, ты прав. Джимми, твое предложение не принимается. Пожалуйста, кандидатуры на должность временного председателя собрания!

— Предлагаю Рода Уокера!

— Угумонись, Джимми. Я не хочу быть временным председателем.

В конце концов выбрали Роя Килроя. Он взмахнул воображаемым молоточком и объявил:

— Председатель приглашает Гранта Каупера с выступлением о целях и задачах сегодняшнего собрания.

Тут снова вылез Джимми Трокстон.

— На кой черт нам речи слушать? Давайте выберем Рода и ляжем спать. Я устал, а мне еще ночью два часа на вахте стоять.

— Предложение не принимается. Приглашается Грант Каупер.

Каупер встал. В отсветах костров его привлекательное лицо и короткая кучерявая борода сразу приковывали к себе взгляд. Род потрогал чухлую поросль у себя на подбородке и понял, что здесь до Каупера ему далеко. Одет тот был лишь в шорты и мягкие походные ботинки, но держался с непринужденностью хорошего оратора, выступающего перед каким-нибудь важным комитетом.

— Друзья, — начал он, — братья и сестры! Мы собрались здесь не для того, чтобы выбрать капитана поселения. Нет. Мы собрались, чтобы заложить основы новой нации.

Грант сделал паузу, предоставляя слушателям возможность прочувствовать сказанное, затем продолжил:

— Вы все представляете себе ситуацию, в которой мы оказались. Все мы надеемся на спасение, и поверьте, я не меньше других. У меня нет сомнений, что нас спасут... рано или поздно. Но нам не дано знать, когда

это случится, и оснований для хоть какого-нибудь прогноза у нас тоже нет. Возможно, это случится завтра, а может быть, спасатели отыщут наших потомков через тысячу лет. — Последнюю фразу он произнес очень торжественно. — Но когда-нибудь великая человеческая раса восстановит контакт со своей малой затерявшейся частичкой, с нами, и то, что увидят люди Земли, зависит от нас: или это будет цивилизованное общество, или замученные вшами животные без языка, без искусства, без искрящегося света разума в глазах... Или же обглоданные белые кости и ни души вокруг.

— Это не про меня! — выкрикнула Каролина.

Килрой бросил на нее короткий взгляд и призвал к порядку.

— Да, Каролина, не про тебя, — строго подтвердил Каупер. — И ни про кого из нас. Потому что сегодня мы сделали важный шаг, который позволит колонии выжить. Мы бедны ресурсами, но создадим все, что нам понадобится, потому что мы богаты знаниями. Основы знаний нашей великой расы живут во всех нас. Мы должны их сохранить, и мы их сохраним!

— Красиво говорит, а? — вставила Каролина громким шепотом, когда Грант сделал паузу. — Может, мне выйти за него замуж?

На этот раз он не отреагировал на ее реплику и продолжил:

— Что же, по-вашему, есть величайшее достижение человечества? То, без чего все остальное просто бесполезно? Что мы должны беречь и ценить превыше всего?

— Огонь, — отозвался кто-то.

Каупер покачал головой.

— Письменность!

— Десятичную систему!

— Атомную физику!

— Колесо, конечно!

— Нет-нет, все это не то. Открытия и достижения, что вы назвали, важны, но не они основа цивилизации. Важнейшее изобретение человечества — это государственное управление. Оно же и самое сложное. Люди — индивидуалисты даже в большей степени, чем кошки, и тем не менее мы научились сотрудничать более эффективно, чем муравьи, пчелы или термиты. Дикае, хищные

и опасные, как акулы, мы научились жить в мире, словно агнцы. Но это было нелегко. Именно потому то, что произойдет сегодня, определит наше будущее, а может быть, и будущее наших детей, внуков, правнуков и длинной череды потомков. Мы не выбираем сейчас временного лидера поселения, мы создаем правительство. И мы должны подходить к этой задаче со всей ответственностью. Да, нам нужно выбрать руководителя новой нации, мэра нашего города-государства. Но не только. Мы должны создать конституцию и определить, что связывает нас вместе. Мы должны быть организованны и четко планировать свое будущее!

— Правильно!

— Браво!

— У нас должен быть закон, судьи и правопорядок. Возьмите, к примеру, утренние события... — Каупер повернулся к Роду, и на лице его появилась дружеская улыбка. — У меня нет никаких претензий к тебе лично, Род. Считаю, что ты поступил мудро, и я рад, что твое решение было продиктовано милосердием. Хотя в данном случае никто не упрекнул бы тебя, если бы ты поддался чувствам и пристрелил всю четверку этих антиобщественных элементов. Тем не менее справедливость не должна подчиняться переменам настроения диктатора. Мы не можем полагаться только на характер одного человека, хорошего или плохого. Я думаю, ты тоже понимаешь это.

Род промолчал. У него было такое чувство, словно его только что назвали диктатором или тираном, а вдобавок продемонстрировали, что он просто опасен для их маленького общества. Вроде ничего конкретного, впрямую, все как будто по-дружески, и в то же время слова Каупера звучали как серьезный упрек лично ему.

— Ты ведь согласен, Род? — не отставал Каупер. — Правда же? Ты ведь не хочешь и впредь сохранять абсолютную власть над жизнью и душой каждого из нас? Правильно я понимаю? Так? — Он ждал ответа.

— А? Да, разумеется. Я имею в виду, что я с тобой согласен.

— Отлично! Я не сомневался, что ты поймешь. И должен сказать, я считаю, что ты отлично справился со

своей работой, собрав нас всех вместе. Я ни в коем случае не соглашусь с твоими критиками. Ты сделал все, что в твоих силах, и что сделано, то сделано. — Каупер вновь одарил его своей дружеской улыбкой, и Род почувствовал, что его будто душат в объятиях.

Каупер повернулся к Килрою.

— Собственно, это все, что я хотел сказать, господин председатель. — Он улыбнулся собравшимся и, садясь, добавил: — Прошу прощения, если я занял много времени. Очень уж хотелось высказаться.

Килрой хлопнул в ладоши.

— Председатель предлагает выдвигать кандидатуры на пост... Послушай, Грант если не «капитан», то как мы назовем эту должность?

— М-м-м... — задумался Каупер. — «Президент» звучит слишком помпезно. Думаю, «мэр» будет в самый раз: мэр нашего города-государства, мэр нашего поселения.

— Прошу выдвигать кандидатуры на пост мэра!

— Эй! — выкрикнул Джимми Трокстон. — А что, никому другому здесь высказаться не дадут?

— Не принимается!

— Постой, — возразил Каупер. — Я думаю, ты не прав, не разрешая выступить Джимми, Рой. Каждый, кому есть что сказать, имеет право выступить. Нам нельзя действовать поспешно.

— О'кей. Трокстон, высказывайся.

— Я не собирался выступать. Просто мне не нравится, когда зажимают остальных.

— Поправка принимается. Кто-нибудь еще желает? Если нет, я прошу выдвигать...

— Минутку, господин председатель!

Род увидел, что поднялся Артур Нилсон из группы Теллерского университета. Каким-то образом ему удалось выглядеть прилично даже в таких условиях, хотя до лагеря он добрался совсем без снаряжения, даже без ножа, и был страшно голоден.

— Ты хочешь выступить, Вакси? — спросил Килрой.

— Нилсен. Или Артур. Как тебе известно. Да, я хочу.

— О'кей. Только покороче.

— Я буду краток — насколько позволят обстоятельства. Дорогие друзья, нам представилась уникальная возможность — возможность, которой не было ни у кого за всю историю человечества. И как сказал Каупер, нам следует подходить к решению наших задач со всей ответственностью. Однако мы уже встали на неверный путь. Нашей целью должно быть создание нового сообщества, действующего на истинно научной основе. Но что я вижу? Вы хотите выбрать руководителя простым подсчетом голосов? Лидеров нельзя выбирать, исходя из популярности; они должны выявляться по строгим научным критериям. И будучи выбранными, они должны обладать всей полнотой свободы, чтобы направлять биогруппу в соответствии с законами природы, без вмешательства таких искусственных анахронизмов, как законодательство, конституция и суды. У нас здесь вполне достаточное число здоровых особей женского пола, и мы имеем возможность создать научно обоснованную новую расу, суперрасу, расу, которая, я осмелюсь ска...

В грудь его ударил ком глины, и он умолк на полуслове.

— Я видел, кто это сделал! — выкрикнул Нилсен с обидой. — Как раз такой дуб, который всегда...

— Тихо! Я призываю собрание к порядку! — перебил его Килрой. — Грязью не кидаться, а то я буду вынужден ввести в зал заседаний полицию. Ты закончил, Вакси?

— Я только начал.

— Минутку, — вмешался в разговор Каупер. — Процедурный вопрос, господин председатель. Артур имеет право быть выслушанным. Но я думаю, он выступает не перед тем собранием. У нас будет конституционный комитет, я не сомневаюсь. Вот ему-то Артур и должен будет изложить свои соображения. Если его доводы придутся нам по душе, тогда мы возьмем их на вооружение.

— Верно, Грант. Садись, Вакси.

— Как это? Я обращаюсь с запросом к собранию.

Рой Килрой, не мешкая, произнес:

— Председатель предлагает перенести это выступление на более подходящее время, но оратор настаива-

ет на решении собрания. Ставим вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Вакси заткнулся, кричит «да».

Раздалось дружное громкое «да-а-а!».

— Против!... Никого. Садись, Вакси. Кто-нибудь еще желает выступить? — Килрой оглядел собравшихся.

— Да.

— Не вижу. Кто это?

— Билл Кеннеди. Школа «Понс де Леон». Я не согласен с Нилсеном во всем, кроме одного: мы действительно взяли не то направление. Нам, безусловно, нужен капитан поселения, но, помимо пропитания, у нас должна быть только одна забота — поскорее вернуться назад. Меня интересует не научно обоснованное общество, а горячая ванна и приличная еда.

Вокруг заплодировали, но не очень дружно.

— Я тоже не возражаю против ванны... — откликнулся председатель, — и готов сразиться с любым за тарелку кукурузных хлопьев, но, Билл, что, по-твоему, мы должны делать?

— Как что? В первую очередь бросить все силы на разработку и строительство гиперпространственных ворот.

Несколько секунд собрание молчало, затем заговорили все сразу:

— Ненормальный! А уран где взять!

— Мы можем найти уран!

— У нас нет никаких инструментов! Даже простой отвертки и то нет!

— А кто знает, где мы находимся?

— Все дело за...

— Тихо! — крикнул Килрой. — Билл, ты знаешь, как построить ворота?

— Нет.

— И я сомневаюсь, что кто-нибудь из нас это знает.

— Это поражение! Наверняка кто-нибудь из Теллерского университета изучал этот вопрос. Вы должны собраться, сложить свои знания и определить нам программу работ. Понятно, это займет много времени. Но это единственный выход.

— Секунду, Рой, — снова встал Каупер. — Билл, я не стану оспаривать твоё предложение, потому что каждое предложение нужно изучить и оценить. У нас

будет и комитет по планированию. Может быть, мы сначала изберем мэра — или капитана, или как вы решите назвать эту должность, — а потом, когда у нас будет время обсудить твоё предложение в деталях, мы с ним разберемся. Я думаю, оно не лишено достоинств и нужно его обсудить. Что ты думаешь по этому поводу?

— Конечно, Грант. Давай займемся выборами. Я просто не хотел, чтобы эта чушь насчет выведения расы суперменов прозвучала как заключительное слово.

— Господин председатель! Я протестую!

— Умолкни, Вакси. Вы готовы высказывать предложения? Если нет возражений, я объявляю окончание дебатов и предлагаю выдвигать кандидатуры.

— Предлагаю кандидатуру Гранта Каупера!

— Поддерживаю!

— Поддерживаю предложение!

— О'кей, я тоже поддерживаю.

— Единогласно! На голосование!

Тут сквозь гвалт прорвался голос Джимми Трокстона:

— Я ПРЕДЛАГАЮ РОДА УОКЕРА!

— Господин председатель? — Боб Бакстер встал.

— Тихо, все! Мистер Бакстер.

— Я поддерживаю кандидатуру Рода Уокера.

— О'кей. У нас две кандидатуры. Грант Каупер и Род Уокер. Есть еще предложения?

Короткий период молчания нарушил Род:

— Секунду, Рой... — Он почувствовал, как дрожит у него голос, и два раза глубоко вздохнул. — Я не хочу этой должности. Мне и так уже хватило забот, и я хочу отдохнуть. Но в любом случае спасибо, Боб. Спасибо, Джимми.

— Еще кандидатуры?

— Рой... Я тоже имею право высказаться. — Грант Каупер встал. — Род, я понимаю, какие чувства ты испытываешь. Ни один человек в здравом уме не ищет выборных постов — разве что повинуясь чувству долга и желанию служить своему народу. Если ты снимешь свою кандидатуру, я намерен поступить так же. Мне не больше тебя нравятся головные боли.

— Подожди-ка, Грант. Ты...

— Нет, это ты подожди. Я думаю, ни один из нас не имеет права на самоотвод. Эту работу мы должны

выполнять так же, как без разговоров заступаем на ночное дежурство, когда подходит очередь. Но я считаю, что нам нужно больше кандидатур. — Он окинул собрание взглядом и продолжал: — После утренней стычки у нас парней и девушек поровну, однако оба кандидата — мужчины. Это несправедливо. Э-э-э... господин председатель, я предлагаю кандидатуру Каролины Мшийени.

— Что? Эй, Грант, не валяй дурака! Я, конечно, буду неплохо выглядеть в качестве мэра, но я все равно за Родди.

— Это твое право, Каролина. Но ты должна оставить свою кандидатуру так же, как Род и я.

— Но за меня никто не будет голосовать!

— Вот здесь ты не права. Я буду голосовать за тебя. Но нам нужны еще кандидатуры.

— Собранию предложены три кандидатуры, — объявил Рой. — Кто-нибудь еще желает выступить? Если нет, я...

— Господин председатель!

— А? О'кей, Вакси, ты хочешь кого-нибудь предложить.

— Да.

— Кого же?

— Себя.

— Ты хочешь предложить себя?

— Ну да. А что тут такого? Я баллотируюсь на платформе строго научного правления. Я хочу, чтобы рационально мыслящим членам этой группы было за кого голосовать.

Килрой растерялся.

— Я не уверен, что это в рамках правильных парламентских процедур. Боюсь, мне придется...

— Какая разница? — рассмеялась Каролина. — Я его предлагаю! Но голосовать все равно буду за Родди.

— О'кей, четыре кандидата, — вздохнул Килрой. — Похоже, нам придется голосовать открыто, не из чего сделать бюллетени.

— Возражаю, господин председатель, — встал Боб Бакстер. — Я настаиваю на тайном голосовании. Мы вполне способны что-нибудь придумать.

Разумеется, придумали. Камешками решили обозначить голоса, отданные за Рода, обломками прутиков — голоса за Каупера, зелеными листьями — за Каролину, а в качестве урны для голосования взяли одну из неудавшихся попыток Джимми слепить глиняный горшок.

— А как насчет Нилсена? — спросил Килрой.

— У меня есть предложение, — отозвался Джимми. — Я на днях сделал еще один горшок, но только он треснул. Я принесу обломки, и все, у кого голова с такой же трещиной, будут голосовать ими за Вакси.

— Господин председатель, я протестую против подобного...

— Тихо, Вакси. Куски обожженной глины — за тебя, камни — за Уокера, щепки — за Каупера, листья — за Кэрл. Выбирайте свои бюллетени и по очереди опускайте их в урну. Коротыш и ты, Марджерри, будете счетной комиссией.

В ответах костров счетная комиссия подвела итоги. Пять голосов за Рода, один за Нилсена, ни одного за Каролину и двадцать пять за Каупера. Род пожал ему руку и удалился в темноту, чтобы никто не видел его лица. Каролина взглянула на результаты и воскликнула:

— Эй, Грант! Ты же обещал голосовать за меня. В чем дело? Или ты за себя проголосовал, а?

Род промолчал. Сам он голосовал за Каупера, но был уверен, что новый мэр не ответил на его любезность тем же. Род прекрасно знал, кто эти пятеро друзей, отдавших за него свои голоса. Черт! Ведь он понимал, чем кончится дело. Почему Грант не дал ему снять свою кандидатуру?

Никак не отреагировав на вопрос Каролины, Грант занял место председательствующего и произнес:

— Спасибо! Спасибо вам всем. Я знаю, что вы уже хотите спать, и поэтому сегодня лишь назначу несколько комитетов...

Род заснул не сразу. Долго убеждал себя, что проиграть выборы — вовсе не бесчестье: в конце концов, его отец тоже провалился, когда выдвигал свою канди-

датуру в окружной административный совет. И кроме того, говорил себе Род, такая орава диких обезьян кого угодно может свести с ума, так что, может, оно и к лучшему. Ведь он в общем-то и не хотел этой должности... Однако внутри почему-то все сжималось от обиды, и поражение не давало покоя.

Казалось, он едва заснул... Рядом стоял отец и говорил: «Ты же знаешь, мы тобой гордимся, сынок. Но если бы ты предусмотрел...» Тут кто-то тронул его за плечо.

Род проснулся мгновенно, вскочил и выхватил из ножен «Полковника Боуи».

— Убери свою зубочистку, — прошептал Джимми, — а то кого-нибудь ненароком прирежешь. Меня, например.

— Что случилось?

— Ничего, просто сейчас моя очередь следить за костром. Но все равно поднимайся — у нас будет заседание тайного совета.

— Что?

— Заткнись и иди за мной. Только тихо: люди спят.

«Тайный совет», как оказалось, состоял из Джимми, Каролины, Жаклин, Боба Бакстера и Кармен Гарсиа. Они собрались вместе внутри охраняемого кострами круга, но на противоположном краю от спящих. Род огляделся и спросил:

— Что это вы надумали?

— Дело вот в чем, — с ходу начал Джимми. — Ты по-прежнему для нас капитан, и, по нашему общему мнению, эти выборы — все равно что крапленая колода.

— Верно, — согласилась Каролина. — Одни его речи чего стоили!

— Но ведь все могли выступить. И все голосовали.

— Да, — признал Бакстер. — Но тем не менее...

— Все было по правилам. У меня нет претензий.

— Я понимаю. Однако... Не знаю, много ли тебе довелось вкусить политической жизни там, на Земле... Мне и самому не часто приходилось сталкиваться с подобными ситуациями — разве что в религиозных вопросах, но у нас, квакеров, все это делается иначе. Мы просто ждем наития. Болтовни сегодня было много, но в действительности это лишь ловкий маневр. Еще утром

ты прошел бы единогласно, а уже вечером у тебя не осталось никаких шансов.

— Вопрос, короче, стоит так: согласны мы или нет? — закончил за него Джимми.

— А что мы можем сделать?

— Как что? Мы не обязаны сидеть здесь на привязи. Мы по-прежнему одна маленькая группа и можем просто уйти куда-нибудь в другое место. Найдем пещеру побольше...

— Вот именно, — согласилась Каролина. — Можно прямо сейчас.

Род задумался. Идея, конечно, была соблазнительная. Они вполне способны обойтись без остальных, особенно таких, как Нилсен. Или Каупер. Род осознал, что друзья по-настоящему преданы ему, что они выберут изгнание, но не оставят его, и от волнения у него вдруг перехватило дыхание. Он повернулся к Жаклин.

— А ты, Джекки?

— Мы ведь партнеры, Род. Навсегда.

— Боб, вы в самом деле хотите этого? И ты, и Кармен?

— Да, но...

— Что «но»?

— Род, мы, понятно, с тобой. Выборы выборами, но ты принял нас к себе в команду, когда мы оказались в беде, и мы никогда этого не забудем. Более того, я думаю, Каупер никогда не станет таким капитаном, каким мог бы стать ты. Но есть одно дело.

— Какое именно?

— Если ты решишь, что надо уходить, то давай отложим это на один день. Мы с Кармен были бы очень благодарны...

— Зачем это? — спросила Каролина. — Сейчас самое время.

— Дело вот в чем... У них тут настоящая колония, поселение со своим мэром, а всем известно, что выбранный по закону мэр может оформлять браки.

— О! — спохватилась Каролина. — Молчу, молчу.

— О религиозной стороне мы с Кармен позаботимся сами — у нас это несложно. Но на тот случай, если нас спасут, мы бы хотели, чтобы все формальности граж-

данского брака были соблюдены. Родителям так будет спокойней. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Род.

— Но если ты скажешь, что идем сейчас...

— Не скажу, — ответил Род, неожиданно решившись. — Мы останемся и поженим вас как положено. А затем...

— А затем скроемся под звуки свадебной музыки, — закончила Каролина.

— А затем посмотрим. Может быть, Каупер окажется неплохим мэром. Нам вовсе необязательно уходить только потому, что я проиграл выборы. — Род обвел своих друзей взглядом. — Но... я вам всем очень благодарен. Я...

Он не справился с охватившими его чувствами и умолк. Кармен шагнула вперед и чмокнула его в щеку.

— Спокойной ночи, Род. Спасибо.

9

«Радостное знамение»

Мэр Каупер начал неплохо. Прежде всего, он одобрил, поддержал и запустил в работу предложение выделить Кармен и Бобу отдельное жилье. Для этого все на время оставили стену и дружно принялись за строительство коттеджа для новобрачных. И только когда его помощник, Рой Килрой, напомнил ему, Каупер распорядился насчет охоты.

Сам мэр тоже работал не покладая рук — свадьбу назначили на вечер, и он объявил, что дом должен быть готов к заходу солнца. Построить они его построили, только для этого пришлось разобрать часть стены: не хватало камней. Поскольку не было ни инструментов, ни брусьев, а вместо раствора месили глину, конструкция, понятно, получилась предельно простой — прямоугольная коробка в рост человека и площадью метра в два с дырой в одной из стен. Крышу сложили из стеблей высоченной травы, что росла выше по течению. Трава здорово напоминала по виду бамбук, и это название

быстро закрепились. Стебли обрезали, уложили рядами и навалили сверху глины — крыша сильно просела, но удержалась.

Как бы то ни было, у них вышел настоящий дом и даже с закрывающейся дверью, которую сделали из травяной циновки, натянутой на бамбуковую рамку. Дверь не поворачивалась на петлях и не запиралась, но по крайней мере ее можно было поставить на место и прижать камнем. На полу в доме насыпали чистого песка и настелили свежих листьев.

Не бог весть какое жилище для человека: гораздо больше строение походило на будку для сенбернара. Но за долгую историю человечества людям приходилось жить в домах и похуже. Боба и Кармен жилище вполне устраивало.

Во время перерыва на ланч Род намеренно сел неподалеку от группы, окружившей Каупера. Ночью он долго себя убеждал и в конце концов убедил, что правильнее всего будет «сделать хорошую мину при плохой игре». Для начала не избегать Каупера.

В тот день готовила Марджери Чанг. Она отрезала Роду кусок обжаренного на огне мяса, и он, поблагодарив, впился в него зубами. Каупер вещал. Род не старался подслушивать, но никаких причин не слушать тоже не было.

— ...а это единственный способ привить нашей группе необходимую дисциплину. Я не сомневаюсь, что вы согласитесь. — Тут Каупер поднял взгляд и заметил Рода. На лице его промелькнуло раздражение, но он тут же улыбнулся. — Привет, Род.

— Привет.

— Слушай, старина, у нас тут заседание исполнительного комитета. Ты не мог бы поесть где-нибудь в другом месте?

Род покраснел и встал.

— Ради бога.

Каупер, похоже, о чем-то подумал и добавил:

— Тут никаких секретов, разумеется, но работа есть работа. А вообще-то, может быть, и тебе стоит к нам присоединиться: глядишь, что-то и посоветуешь.

— А? Нет уж! Я и не думал, что вы тут что-то обсуждаете. — Он двинулся прочь.

Настаивать Каупер не стал.

— Ладно. Надо работать. Еще полно всяких дел. Позже увидимся. В любое время. — Он снова улыбнулся и повернулся к своему комитету.

Чувствуя, что на него обращают внимание, Род пошел через лагерь. Затем его окликнули, и, увидев Джимми Трокстона, он обрадованно двинулся в его сторону.

— Пойдем за стену, — тихо сказал Джимми. — Тайная шестерка устраивает пикник. Ты не видел счастливую парочку?

— Кармен и Боба?

— А ты знаешь какую-нибудь другую счастливую парочку? О, вон они, разглядывают голодными глазами свой будущий особняк. Иди, там увидимся.

Род вышел за стену и обнаружил, что Жаклин и Каролина уже там: сидят у воды и уминают мясо. По привычке он огляделся, высматривая, где могут прятаться хищники, и прикидывая маршрут отступления к ограде, но все это почти бессознательно — на открытой местности, да еще когда рядом столько людей, опасности, пожалуй, никакой не было. Он подошел к девушкам и сел.

— Привет, девчонки.

— Привет, Род.

— Привет, Родди, — отозвалась Каролина. — Что новенького?

— Ничего, похоже. Слушай, а что, Грант назначил вчера и исполнительный комитет?

— Он назначил тысячу комитетов, но про исполнительный я ничего не слышала. Видимо, он сделал это, когда мы уже разошлись. И зачем он ему? Нам исполнительный комитет нужен как собаке пятая нога.

— Кто туда входит, Род? — спросила Жаклин.

Род по памяти перечислил сидевших вокруг Гранта. Жаклин задумалась.

— Похоже, это все его дружки из Теллерского университета.

— Видимо, да.

— Не нравится мне это.

— А что тут плохого?

— Пока, возможно, ничего. Этого даже следовало ожидать. Но мне было бы спокойнее, если бы там участвовали все классы, а не только эта великовозрастная банда. Сам понимаешь...

— Ну подожди, Джекки, надо дать ему время, а там видно будет.

— Да что тут смотреть? — сказала Каролина. — Вся эта банда, что ты назвал, как раз и есть те люди, которых его величество назначил руководителями других комитетов. Маленькая сплоченная клика. Ты, наверно, заметил, что из нашей шестерки никого в важные комитеты не назначили: меня — в комитет уборки и санитарии, Джекки — в комитет питания, а тебя вообще никуда. Ты должен быть и в конституционном, и в юридическом, и в организационном, но он назначил председателями этих комитетов себя, а тебя вообще не пригласил. Что получается?

Род промолчал, и Каролина продолжила:

— Я тебе скажу, что получается. Мы и оглянуться не успеем, как у нас появится выборный комитет. Затем окажется, что занимать ведущие должности могут только те, кто достиг определенного возраста, скажем двадцати одного года. А вскоре этот комитет превратится в сенат — только называться, может, будет как-нибудь по-другому — с правом вето, которое можно отменить лишь тремя четвертями голосов, чего нам никогда не добиться. Я думаю, мой дядя Фил так бы и сделал.

— Твой дядя Фил?

— О, вот это политик! Я его никогда не любила — за время своей карьеры он перецеловал столько детишек, что у него губы вытянулись трубочкой, — и всегда пряталась, когда он приезжал к нам в гости. Но вот натравить бы его на нашего императора, то-то была бы битва динозавров! Ты же видишь, Род, нас окрутили, как младенцев, и я думаю, надо сниматься отсюда сразу после свадьбы. — Она повернулась к Жаклин. — Верно я говорю?

— Конечно... если Род согласен.

— Нет, я не согласен, Кэрл. Мне и самому ситуация не особенно нравится. Сказать по правде... я был здорово обижен, что меня вышибли с должности капи-

тана. Но я не хочу, чтобы вы все уходили отсюда только из-за меня. Нас не так много, чтобы мы могли основать новую колонию, причем столь же безопасную.

— Бог с тобой, Родди! Там, в лесах, еще в три раза больше народу, чем здесь, в лагере, и теперь мы будем осторожнее и разборчивее. А потом, шестеро это не так уж мало. Мы выживем.

— Не шестеро, Кэрол. Четверо.

— Как это? Шестеро! Мы вчера только собирались! Род покачал головой.

— Кэрол, разве можем мы настаивать, чтобы Боб и Кармен ушли после того, как все остальные сделали им такой свадебный подарок — собственный дом?

— А черт!.. Мы построим им новый дом!

— Они пойдут с нами, Кэрол, но настаивать на этом, сама понимаешь...

— Я думаю, Род прав, Кэрол, — признала Джекки.

Спор закончился с появлением Боба, Кармен и Джимми. Джимми объяснил, что они задержались, потому что обследовали дом.

— Как будто я и без того не знаю в нем каждый камень! О, моя бедная спина!

— Джимми, мы очень ценим твои усилия, — ласково сказала Кармен. — Я тебе разотру спину.

— Заметано! — Джимми повалился на землю лицом вниз.

— Эй! — возмутилась тут же Каролина. — Я камней перетаскала не меньше его. Он-то как раз только стоял и командовал.

— У надсмотрщика всегда тяжелая работа. — самодовольно произнес Джим. — А тебе пусть Боб спину разотрет.

Однако ни Джимми, ни Кэрол обещанных процедур не дождались. На стену взобрался Рой Килрой и крикнул оттуда:

— Эй, внизу! Перерыв окончен. Пошли работать.

— Извини, Джимми. Позже. — Кармен повернулась к стене.

Джимми вскочил на ноги.

— Боб, Кармен! Подождите. Я хотел что-то сказать.

Все остановились. Род махнул Килрою рукой и крикнул:

— Сейчас будем!

Джимми никак не мог подобрать нужные слова.

— Э-э-э... Кармен и Боб... — сказал он наконец. — Будущие Бакстеры. Вы знаете, что все мы вас очень любим. И это здорово, что вы решили пожениться... У каждой семьи должна быть свадьба. Но... Короче, в магазинах тут не густо, и мы не знали, что вам подарить... Однако поговорили и решили подарить вам вот это. От всех нас. На свадьбу. — Джимми сунул руку в карман, достал затрепанную, грязную колоду карт и вручил ее Кармен.

Боб Бакстер не сразу нашелся, что сказать.

— Боже, Джимми, мы не можем принять твои карты! Это ведь *единственная* колода на все поселение.

— Я... я хочу, чтобы это были ваши карты.

— Но...

— Помолчи, Боб, — Кармен взяла из рук Джимми колоду. — Спасибо, Джимми. Огромное спасибо. Спасибо вам всем. — Она обвела их взглядом. — Я хотела сказать, что наша свадьба ничего не меняет. Мы по-прежнему одна семья... как и раньше... — Кармен умолкла и всхлипнула, уронив голову Бобу на плечо.

Боб успокаивающе погладил ее по голове. Джимми часто моргал, а Род просто не знал, что сказать от волнения, Кармен обняла одной рукой своего суженого, другой — Джимми, и они двинулись обратно в лагерь. Род и двое девушек шли чуть позади.

— Джимми вам что-нибудь говорил об этом? — прошептал Род.

— Нет, — ответила Жаклин.

— Мне тоже, — подтвердила Каролина. — Я собиралась подарить им свою сковородку, но теперь подожду день-другой.

В той самой «сумке с камнями» оказалось много всякой всячины, и среди прочего дневник с тонкими листами, губная гармошка и маленькая сковородка — весьма странный набор снаряжения для проверки на выживание. Время от времени она удивляла всех, извлекая откуда-то разные другие полезные предметы.

Никто не мог понять, почему Каролина взяла их с собой и как она умудрилась сохранить все это, выбросив сумку, но, как говорил Мастер Мэтсон: «У каждого свои методы. Выживание — не наука, а искусство». Так или иначе, появившись у входа в пещеру, Каролина была здорова, сыта и удивительно опрятна, хотя она целый месяц провела среди дикой природы.

— Они подумают, что это слишком ценный подарок, Кэрол.

— Я все равно не могу ей пользоваться, когда нас так много. И мне очень хочется сделать им подарок.

— А у меня вообще ничего нет, — расстроился Род.

— Ты можешь сделать для них бурдюк, — подсказала Жаклин, бросив на него заботливый взгляд. — Их это сильно обрадует. А чтобы он долго служил, мы истратим немного дубильного препарата из моих запасов.

Род сразу же повеселел.

— Слушай, а ты здорово придумала!

— Мы собрались сегодня, — торжественно произнес Грант Каупер, — чтобы соединить двух этих молодых людей священными узами брака. Я не буду задавать традиционных вопросов, так как все мы прекрасно знаем, что никаких препятствий этому союзу не существует. И вообще, более радостное событие для нашего маленького поселения даже представить себе трудно. Я бы сказал, это радостное знамение грядущих перемен, надежда на будущее, гарантия того, что мы твердо решили сохранить огонь цивилизации, зажженный на этой планете, и передать его следующим поколениям. А это означает...

Дальше Род не слушал. Он стоял справа от жениха в качестве шафера. Обязанности его ничего сложного из себя не представляли, но ему вдруг невыносимо захотелось тихнуть. Он долго морщил нос, яростно тер верхнюю губу и наконец справился с собой. Следя за церемонией, Род тихо вздохнул и впервые почувствовал облегчение от того, что эта работа досталась Гранту

Кауперу. Тот, похоже, знал все нужные слова, чего про себя Род сказать не мог.

Слева от невесты стояла Каролина Мшийени. Обе девушки держали в руках букеты алых цветов. Каролина, как обычно, была в шортах и рубашке, а невеста в джинсах и легкой куртке. Кармен причесалась и заплела волосы в косу, отмытое по случаю свадьбы лицо буквально светилось в отблесках костра, и вся она была в этот момент сказочно красива.

— Кто отдает эту женщину?

Джимми Трокстон шагнул вперед и хрипло ответил:

— Я!

— Кольцо, пожалуйста.

Немного замешкавшись, Род стянул кольцо с мизинца и вручил его Кауперу. За неимением другого пришлось взять у Билла Кеннеди на время выпускное кольцо школы «Понс де Леон».

— Кармен Элеонора, согласна ли ты взять в мужья этого мужчину, чтобы любить его и заботиться о нем и быть рядом в горе и радости, пока не разлучит вас смерть?

— Согласна.

— Роберт Эдвард, согласен ли ты взять в жены эту женщину? Будешь ли ты любить ее, заботиться о ней и хранить ей верность, пока не разлучит вас смерть?

— Буду. В смысле, согласен. И то и другое.

— Возьми ее руку в свою, надень ей на палец кольцо, и повторяйте за мной...

На Рода снова напал чих; он боролся изо всех сил и пропустил мимо ушей значительную часть речи.

— ...итак, властью, данной мне как законно избранному главе магистрата этого суверенного поселения, я объявляю вас мужем и женой! Теперь поцелуй жену, парень, пока никто тебя не опередил.

Кэрл и Джеки почему-то плакали, а Род никак не мог понять почему. Он пропустил свою очередь целовать молодую жену, но она сама повернулась к нему, обняла за шею и поцеловала. Затем он долго тряс руку Бобу.

— Ну вот, поздравляю. Не забудь, что ты должен внести ее через порог на руках.

- Не забуду.
— Ты просил напомнить... И благослови вас Господь!

10

«Вношу предложение»

Разговора о том, чтобы уйти, больше не возникало. Даже Каролина успокоилась.

Но разговоров на другие темы хватало. Каупер созывал общее собрание каждый вечер. Начинались они с отчетов комитетов: комитет продовольственных ресурсов и заготовок, комитеты инвентаризации, уборки и санитарии, внешней безопасности, трудовых ресурсов и распределения работ, иммиграции, сохранения искусства и науки, конституционный комитет, комитет питания, юридический, по строительству и планированию...

Каупер, похоже, наслаждался всей этой говорильней, и Род признавал, что остальным она тоже вроде бы нравится. К большому своему удивлению, он обнаружил, что и сам с нетерпением ждет вечеров, создававших некое подобие общественной жизни в поселении, а кроме того, служивших, пожалуй, их единственным развлечением. Каждый вечер разгорались настоящие словесные баталии, часто переходили на личности и весьма ядовито критиковали всех подряд — собраниям не хватало порой джентльменской официальности, присущей более зрелым конгрессам, но этот недостаток с лихвой окупался остротой и живостью. Роду просто нравилось растянуться на земле рядом с Джимми и слушать его язвительные комментарии об умственных способностях, мотивах поведения и родословной каждого из выступающих. Не меньшее удовольствие доставляли ему и критические выпады Каролины.

Правда, в последнее время она немного сбавила накал своих критических наскоков. Узнав, что у нее есть дневник и что она владеет стенографией, Каупер сразу назначил ее летописцем.

— Крайне важно, — поведал он ей в присутствии всей колонии, — чтобы мы сохранили для грядущих поколений полный отчет о героических первых днях. Ты делаешь записи каждый день?

— Разумеется. Дневник для этого и предназначен.

— Отлично! Отныне это будет официальный документ. Хотелось бы, чтобы ты записывала все важные события каждого дня.

— Как скажешь. Я и так делаю это каждый день.

— Да, но надо подробнее. И я хочу, чтобы ты фиксировала наши заседания тоже. Это будет неоценимый документ для историков, Кэрл.

— Еще бы!

Каупер на секунду задумался.

— Сколько у тебя осталось чистых листов?

— Сотни две, пожалуй.

— Отлично! Это сразу решает проблему, которая мучила меня уже давно. Нам э-э-э... придется конфи-сковать половину бумаги на официальные нужды — объявления, протоколы комитетов и тому подобное.

— Это довольно много бумаги, — с сделанным удивлением произнесла Каролина. — Ты лучше пошли за ней двоих-троих крепких парней.

— Ты шутишь... — озадаченно сказал Каупер.

— А еще лучше — четверых. С тремя я, пожалуй, справлюсь, и кому-то из них придется несладко.

— Но послушай, Каролина, это только временная мера в интересах всего общества. К тому времени, когда тебе понадобятся эти листки, мы уже научимся делать другие материалы для записей.

— Вот давай учись. А дневник — мой!

Обычно Каролина сидела рядом с Каупером и, построив дневник на коленях, делала записи. Каждый вечер она открывала заседание, зачитывая выдержки из протокола предыдущего собрания. Род как-то не удержался и спросил, неужели она и в самом деле записывает эту бесконечную трепотню.

— Боже упаси! Конечно, нет!

— То-то я и думаю. Записывать все подряд — никакой бумаги не хватит. Однако твои «выдержки» всегда точны.

Каролина усмехнулась.

— Родди, хочешь я тебе прочту, что я записываю на самом деле? Только обещай, что никому не скажешь.

— О чем речь!

— Зачитывая «выдержки», я просто вспоминаю, о чем болтали предыдущим вечером — у меня отличная память. А бумагу я трачу вот на что... Сейчас покажу... — Она достала дневник из кармана. — Например, вчерашнее заседание. «Его величество назначил собрание сразу после вечерней отрыжки. Слушали комитет по кошкам и собакам. Выяснилось: нет ни кошек, ни собак. Долго обсуждали острую нехватку и тех и других. Затем закрыли заседание, и те, кто еще не уснул, отправились спать».

Род усмехнулся.

— Хорошо, что Грант не знает стенографии.

— Разумеется, если происходит что-то действительно важное, я записываю. Но не эту болтовню.

Впрочем, когда бумага требовалась для чего-то стоящего, Каролина не жадничала. На одном из листков они оформили свидетельство о браке: Ховард Голдштейн, студент-юрист из Теллерского университета, написал официальный текст, а подписали документ сами Бакстеры, Грант Каупер и Род с Каролиной в качестве свидетелей. Каролина, прежде чем преподнести свидетельство молодоженам, еще и украсила его цветочным орнаментом и изображением голубков.

Были и другие, кому казалось, что новое правительство больше говорит, чем делает. К таким относился и Боб Бакстер, но чета квакеров присутствовала на собраниях не так часто. Как-то в конце первой недели правления Каупера после бесконечных докладов комитетов слова попросил Коротыш Дюмон.

— Господин председатель!

— Что такое, Коротыш? Может, ты подождешь? Перед тем как перейти к следующему вопросу, я хотел сделать объявление.

— Это как раз по поводу отчетов наших комитетов. Когда будет отчитываться конституционный комитет?

— Но я уже отчитался.

— Ты сказал, что готовится новый, доработанный вариант конституции, и поэтому отчет переносится на более поздний срок. По-моему, это не называется «от-

читался». Я хочу знать, когда у нас будет постоянная конституция вместо этих временных постановлений, которые плодятся каждый день. Когда прекратится это взвешенное состояние?

Щеки Каупера налились краской.

— Ты возражаешь против моего решения?

— Не то чтобы возражаю, но и не соглашаюсь тоже.

Род проиграл, и мы выбрали тебя как раз потому, что ты проповедовал конституционное правительство вместо диктатуры. Я за тебя поэтому и голосовал. Теперь я хочу знать, где наши законы? Когда мы будем их принимать?

— Ты наверняка понимаешь, — старательно подыскивая слова, ответил Каупер, — что конституция не создается за одну ночь. Тут необходимо учесть много разных моментов.

— Безусловно. Но пришло время и нам узнать, что за конституцию вы готовите. Как там насчет Билля о правах? Он-то у вас уже готов?

— Всею свое время.

— А что тут тянуть? Вношу предложение: для начала давайте примем в качестве первой статьи Билль о правах.

— Не принимается! И кроме того, у нас даже нет его текста.

— Не беспокойся. Я его помню наизусть. Ты готова, Кэрол? Записывай...

— Не надо, — ответила Каролина. — Я его тоже знаю. И уже пишу.

— Вот видишь? Оказывается, ничего сложного тут нет, Грант. Большинство из нас способно прочесть Билль по памяти. Так что хватит откладывать на потом.

— Молодец, Коротыш! Так ему! Поддерживаю предложение! — закричали со всех сторон.

Перекрывая гвалт, Каупер призвал собрание к порядку, затем сказал:

— Сейчас не место и не время. Когда конституционный комитет доложит о своей работе, вы убедитесь, что все демократические свободы соблюдены, а права надежно гарантированы — с некоторыми изменениями, вызванными жесткими и опасными условиями, в которых мы оказались. — Он улыбнулся и продолжал: — А теперь давайте вернемся к делу. У меня есть объяв-

ление, касающееся порядка выхода на охоту. Отныне каждая охотничья группа будет...

Дюмон все еще стоял.

— Я сказал «хватит откладывать», Грант. Ты сам говорил, что нам нужны законы, а не произвол лидера. Но пока ты только приказываешь, а законов что-то не видно. Каковы твои обязанности? Где границы твоей власти? Ты что, истина в последней инстанции? Или у нас тоже есть права?

— Замолчи и сядь!

— Как долго ты можешь находиться у власти?

Каупер сделал над собой усилие и уже спокойным тоном сказал:

— Коротыш, если у тебя есть предложения по этим вопросам, внеси их на рассмотрение комитета.

— К черту комитет! Я настаиваю на прямом ответе.

— Не принимается!

— Ах, не принимается? Я требую, чтобы конституционный комитет отчитался о своей работе. И я не сяду, пока не получу ответ. Здесь общее собрание, и у меня столько же прав, как и у всех остальных.

Каупер покраснел от злости.

— Ты уверен? — спросил он многозначительным тоном. — Сколько тебе лет, Коротыш?

Дюмон взглянул на него в упор.

— Вот оно что! Теперь все ясно! — Он обвел собравшихся взглядом. — Я вижу, что здесь есть люди даже моложе меня. Вы чувствуете, на что он намекает, а? Граждане второго сорта! Он собирается воткнуть в эту так называемую конституцию ограничение прав по возрасту! А, Грант? Ну-ка смотри мне в глаза и отвечай!

— Рой! Дейв! Усадите его силой!

Род внимательно прислушивался к перепалке: представление оказалось гораздо интересней, чем обычно. Джимми по своему обыкновению добавлял ко всему сказанному непочтительные комментарии. Теперь он наклонился и прошептал:

— Ну вот, началось. Мы как, выбираем, на чьей мы стороне, или тихо растворяемся в ночи и смотрим на этот цирк со стороны?

Не успел Род ответить, как Коротыш дал всем понять, что помощь ему не требуется — по крайней мере сейчас.

— Пусть только попробуют. Кого-то придется откачивать, — сказал он, принимая боевую стойку. Он даже не потянулся за ножом, но и так было видно, что Коротыш всерьез настроен драться. — Грант, я хочу сказать еще кое-что, а потом уж заткнусь. — Коротыш повернулся и заговорил, обращаясь ко всем сразу. — Вы видите, что у нас нет никаких прав и положение наше неясно, однако мы уже заорганизованы до такой степени, что это напоминает смирительную рубашку. Комитеты для этого, комитеты для того, а толку? Лучше, что ли, стало после того, как появились эти недопеченные комитеты? Стена еще не закончена, в лагере грязнее прежнего, и никто не знает, что ему положено делать. У нас вчера даже сигнальный костер погас! Когда течет крыша, надо не комитеты назначать, а чинить крышу. Я предлагаю опять отдать правление Роду, разогнать эти дурацкие комитеты и заняться делом. Кто-нибудь меня поддержит? Подайте голос!

Поднялся страшный гвалт. Кричали, должно быть, меньше половины собравшихся, но Каупер уже понял, что теряет свои позиции. Рой Килрой прокрался сзади Коротышки и вопросительно взглянул на Каупера. Джимми толкнул Рода в бок и прошептал:

— Приготовься!

Однако Каупер поглядел на Роя и покачал головой.

— Коротыш, — сказал он спокойно, — ты закончил речь?

— Это не речь. Это предложение для голосования. И не вздумай сказать, что оно не принимается!

— Я не понял твоего предложения. Будь добр, повтори.

— Ты прекрасно все понял. Я предлагаю снять тебя с должности мэра и отдать ее снова Роду.

— Эй, Грант, — заговорил Килрой. — Так не положено. Это не по...

— Тихо, Рой. Коротыш, твое предложение не принимается.

— Я просто ждал, когда ты это скажешь.

— И на самом деле тут два предложения. Однако я не стану мелочиться. Ты утверждаешь, что никому тут мои порядки не нравятся? Давай сейчас и узнаем. Кто-нибудь поддерживает это предложение?

— Да!

— Я поддерживаю!

— Ладно, предложение поддерживается. Предлагається отозвать меня и передать правление Роду. Кто-нибудь желает выступить?

Пожелали сразу несколько, но Род добился своего, просто перекричав остальных.

— Господин председатель! Важное заявление!

— Слово предоставляется Роду Уокеру.

— Поскольку вопрос касается меня самого, я хочу сделать заявление.

— Да? Вперед.

— Я понятия не имел, что Коротыш решил меня выдвинуть, Грант. Скажи ему, Коротыш.

— Верно.

— О'кей, о'кей, — произнес Грант, поморщившись. — Еще кто-нибудь? Только не орите, а поднимайте руки.

— Я еще не закончил, — сказал Род.

— И что же?

— Я не только не знал об этом предложении, но я еще и не одобряю его. Коротыш, я прошу тебя снять свое предложение.

— Нет!

— Думаю, так будет правильнее. У Гранта была всего неделя, и за такое время нельзя ожидать чудес. Я-то уж знаю. С этим дикарским племенем и у меня забот хватало. То, что он делает, может тебе не нравиться — мне самому многое тут не нравится, — но этого следовало ожидать. И если ты воспользуешься подобными настроениями как поводом, чтобы снять его с должности, тогда в нашей группе наверняка произойдет раскол.

— Так это не я виноват, а Грант! Может, он и старше меня, но если ему кажется, что мое слово от этого меньше значит, то ему лучше хорошенько подумать еще раз. Я его предупредил. Ты слышал, Грант?

— Слышал. Но ты меня неправильно понял.

— Черта с два я неправильно понял!

— Коротыш, — настаивал Род, — ты согласен снять предложение? Я прошу тебя сам. Пожалуйста.

Коротыш Дюмон на уговоры не поддался. Род беспомощно поглядел на Каупера, пожал плечами и сел. Каупер отвел взгляд в сторону и ворчливо спросил:

— Есть еще желающие продолжать прения? Вот там, сзади... Агнесса? Пожалуйста.

Джимми снова наклонился и прошептал:

— За каким чертом ты это сделал, Род? Благородство тебе не идет.

— Благородство тут ни при чем. Я знаю, что делаю, — так же тихо ответил Род.

— Ты потерял шанс на переизбрание.

— Тише... — Род прислушался к выступлению: у Агнессы Фрис, судя по всему, накопилось немало претензий. — Джим!

— Что?

— Встань и предложи разойтись.

— Как? Все испортить, когда началось самое интересное? Сейчас кто-нибудь кому-нибудь еще и в волосы вцепится. Надеюсь.

— Не спорь. Сделай, о чем прошу. Или я тебе сам устрою интересную жизнь.

— Ладно. Обманщик! — Джимми нехотя встал на ноги, глубоко вздохнул и закричал: — Вношу предложение закрыть заседание и разойтись!

— Поддерживаю предложение! — заорал Род, вскакивая.

Каупер даже не взглянул в их сторону.

— Не принимается. Сядьте.

— Предложение закрыть собрание не может не приниматься, — громко сказал Род. — Такое предложение всегда принимается, всегда приоритетно и не подлежит обсуждению. Настаиваю на голосовании!

— Я не давал тебе слова. А предложение о переизбрании я поставлю на голосование, даже если это будет последнее, что мне удастся сделать. — По лицу Каупера было заметно, что он здорово зол. — Ты закончила, Агнесса? Или будешь обсуждать еще и мое умение вести себя во время еды?

— Ты обязан принять это предложение, — настаивал Род. — Я требую голосования!

Его поддержали криками с мест, совершенно заглушившими Агнессу Фрис. Грант даже не мог предоставить слово новому выступающему. Собрание выло и улюлюкало.

Каупер поднял обе руки вверх, призывая всех к тишине, и произнес:

— Поступило предложение закрыть собрание. Кто за это предложение, говорит «да».

— Да-а-а!

— Против!

— Никого, — ответил Джимми.

— Собрание объявляется закрытым, — отрезал Каупер и быстро удалился в темноту за кругом костров.

Коротыш Дюмон подскочил к Роду, встал на пути и посмотрел ему в глаза снизу вверх.

— Хорош друг! — презрительно произнес он, плюнул на землю и пошел прочь.

— Да, — согласился Джимми, — ты что? Приступ шизофрении? Или тебя в младенчестве головой вниз уронили? В правильных дозах это твое благородство могло вернуть все назад — так нет же, ты совсем меры не знаешь!

Джимми еще не закончил свою отповедь, когда подошла Жаклин.

— Я и не собирался ничего возвращать, — сказал Род. — И я говорил совершенно серьезно. Если турнуть капитана сейчас, когда в его распоряжении было всего-то несколько дней, наше поселение расколется на дюжину мелких группировок. И тогда уже я точно не смогу удержать всех вместе. Никто не сможет.

— Боже, Джекки, ну скажи ему!

Она нахмурилась.

— Джимми, ты просто прелесть, но по части сообразительности...

— И ты, Джекки?

— Ладно, я научу тебя уму-разуму. А ты, Род, молодец. Завтра они это поймут. Сегодня все еще на взводе.

— Я только одного не понимаю, — сказал Род задумчиво. — Коротыш-то из-за чего так завелся?

— А ты не слышал? Впрочем, может быть, ты в это время был на охоте. Я сама не видела, но знаю, что он поцапался с Роем, а Грант отчитал его на глазах у всех. Видимо, у него комплекс из-за маленького роста, — задумчиво сказала Жаклин. — Он не любит, когда ему приказывают.

— Боже, да кто же это любит?

На следующий день Грант Каупер вел себя так, словно ничего не произошло. Однако гонора у него поубавилось. Во второй половине дня он отыскал Рода.

— Уокер! Ты не уделишь мне несколько минут?

— О чем речь.

— Тогда давай отойдем поговорим.

Грант отвел его подальше, где их никто не мог слышать, и они уселись прямо на землю. Род ждал, а Грант, видимо, не знал, с чего начать.

— Род, я понял, что на тебя можно положиться, — сказал он наконец и улыбнулся, только улыбка получилась немного вымученной.

— С чего ты так решил?

— С того, как ты вел себя вчера вечером.

— Ясно. Но можешь не обольщаться: я сделал это не ради тебя, — сказал Род. — Если уж начистоту, то ты мне не нравишься.

На этот раз Каупер даже не улыбнулся.

— Это взаимно. Ты мне совершенно не нравишься. Но мы должны ладить друг с другом, и я думаю, тебе можно доверять.

— Может быть.

— Ладно, я рискну.

— Хочу сразу сказать, что я согласен со всеми претензиями Коротыша. Меня не устраивает только его решение.

Губы Каупера изогнулись в кривой ухмылке, совсем не похожей на его обычную сияющую улыбку.

— Самое печальное здесь, что я тоже согласен со всеми его претензиями.

— В смысле?

— Род, ты, видимо, думаешь, что я полный идиот, но дело в том, что я действительно кое-что смыслю в теории государственного управления. Труднее всего ее применять в такой вот... переходный период вроде нашего. У нас здесь пятьдесят человек, и ни один из них не имеет практического опыта руководящей работы, даже я. Однако все считают себя крупными специалистами. Взять хотя бы это предложение насчет Билля о правах — ну ведь полная ерунда! Я достаточно знаю об этих вещах и понимаю, что комплекс прав и обязанностей, необходимых для нашей колонии, нельзя копировать слово в слово с документа аграрной демократии, и в такой же степени они отличаются от прав и обязанностей, необходимых для индустриальной республики. — На лице его появилось обеспокоенное выражение. — И мы в самом деле хотели ввести ограничение на право голоса по возрасту.

— Только заикнись об этом, и тебя сбросят в реку.

— Знаю. И это одна из причин, по которой конституционный комитет до сих пор не отчитался. Другая причина... Черт бы все побрал! Ну как можно подготовить что-то вроде конституции, когда практически нет бумаги? Это кошмар!.. Однако насчет права голоса: самому старшему из нас двадцать два, самому младшему шестнадцать, и самые молодые как раз больше всех и лезут. Каждый — ну прямо гений или почти гений. — Каупер поднял взгляд. — Я не имею в виду тебя.

— Слава богу, — торопливо сказал Род, — потому что я никакой не гений.

— Ну, тебе и не шестнадцать уже. Но этот гениальный молодняк меня очень беспокоит. Все до одного — доморощенные юристы. У каждого всегда наготове какая-нибудь колкость, но ни одного дельного предложения. Мы думали, что с ограничением по возрасту — вполне разумным — старшая часть населения будет чем-то вроде противовеса, а они тем временем подрастут. Но, похоже, ничего из этого не выйдет.

— Не выйдет.

— Но делать-то что-то надо! Этот запрет на охоту смешанными парами... Он не был направлен, скажем, против вас с Кэрл, но она решила, что это именно так, и устроила мне жуткий скандал. А я пытался защитить

этих ребятишек. Черт! Лучше бы они все скорее выросли, попереженились и успокоились. Вот с Бакстерами, например, никаких проблем.

— Не волнуйся. Через год или около того девяносто процентов колонии будут составлять семейные люди.

— Надеюсь. Послушай... А ты сам часом не подумываешь?

— Я? — Род даже удивился. — И в голову не приходило.

— Да? А я думал... Впрочем, ладно. Я тебя отозвал не для того, чтобы расспрашивать о твоих личных делах. То, о чем говорил Коротыш, не так-то легко проглотить, но я собираюсь ввести кое-какие изменения. Большинство комитетов распускаются.

— В самом деле?

— Да. Ну их к черту! Все равно ничего не делают, только готовят доклады. Я собираюсь назначить одну из девушек главным поваром и одного из парней — главным охотником. А тебе я хотел предложить стать начальником полиции.

— Что? За каким дьяволом тебе начальник полиции?

— Ну как же... Кто-то же должен следить, чтобы распоряжения выполнялись. Сам знаешь — уборка лагеря и прочее. Кто-то должен следить за тем, чтобы всегда горел сигнальный костер: мы пока не досчитываемся тридцати семи человек — это без тех, про кого точно известно, что они погибли. Кто-то должен распределять ночные дежурства и проверять посты. Эти ребятишки просто с ума сходят, если за ними не присматривают. Как раз для тебя работа.

— Почему?

— Ну если быть практичным, Род... Сторонники есть и у тебя, и у меня. Но когда все увидят, что мы заодно, неприятностей и беспорядков в лагере будет гораздо меньше. Колония от этого только выиграет.

Род не хуже Гранта понимал, что их группа должна жить сплоченно. Но Каупер просил поддержать его шаткую администрацию, а Род мало того что относился к нему неприязненно, но еще и был уверен, что кроме болтовни от Каупера ожидать нечего.

И дело не только в том, что стена до сих пор не достроена — нужно, просто необходимо было занять-

ся еще множеством других дел. Кто-то должен искать соль, каждый день. Надо организовать регулярные поиски съедобных кореньев, ягод и прочего — сам он, например, уже просто устал от мясной диеты. Конечно, если разнообразить добычу и не есть только постное мясо, на здоровье это не отразится, но кому охота всю жизнь питаться лишь мясом? И эти вонючие шкуры... Грант распорядился, чтобы охотники обязательно снимали с убитых животных шкуры и приносили их в лагерь для использования в хозяйстве.

— Что ты собираешься делать с этими протухшими шкурами? — спросил Род неожиданно.

— А что?

— Воняют. Если ты назначишь меня на эту должность, я первым делом велю выбросить их все в реку.

— Но нам нужны шкуры. Половина лагеря уже сейчас в лохмотьях.

— Шкур у нас будет предостаточно, но нам нужны дубильные вещества. При такой погоде одного солнца мало.

— Но у нас нет танина. Не говори ерунды, Род.

— Значит, надо отправить кого-то жевать кору, пока его не найдут. На вкус танин определяется совершенно безошибочно. И выброси эти шкуры, наконец!

— Если я сделаю так, ты согласишься на мое предложение?

— Может быть. Ты сказал «следить, чтобы выполнялись распоряжения». Чьи распоряжения? Твои? Или Килроя?

— Обоих, видимо. Рой — мой заместитель.

Род покачал головой.

— Нет, благодарю за честь. У тебя уже есть Рой; значит, я тебе не нужен. Слишком много генералов и слишком мало солдат.

— Но, Род, мне действительно без тебя не обойтись. Рой не умеет ладить с молодыми ребятами. Он их раздражает.

— Меня тоже. Ничего не выйдет, Грант. И кроме того, мне не нравится этот титул — просто глупо звучит.

— Ну, выбери сам, как назваться. Капитан охраны там или менеджер поселения... Это неважно. Важно,

чтобы кто-то навел порядок с ночными дежурствами и чтобы в лагере тоже был порядок. За молодняком нужно следить. Ты способен на это, а значит, это твой долг.

— А чем будешь заниматься ты сам?

— Прежде всего, мне нужно утрясти наш свод законов. Нужно планировать на будущее... Боже, Род, у меня в голове сотни дел! Я просто не могу тратить время на то, чтобы разбираться в мелочных ссорах, когда, например, кто-нибудь из молодых донимает повара своими глупыми претензиями. Коротыш был прав: откладывать больше нельзя. Отдавая распоряжение, я хочу, чтобы закон меня поддерживал, а сейчас мне чаще всего приходится выслушивать замечания какого-нибудь сопляка. Я не справляюсь со всем этим один, мне нужна помощь.

В такой ситуации грех отказывать, и все же...

— А как насчет Килроя?

— Черт побери, Род, ты не вправе просить, чтобы я вытолкал кого-то другого и освободил место для тебя.

— Я не прошу эту работу. — Род сомневался, стоит ли говорить, что для него, хоть он и осознавал общественную необходимость такого решения, этим дело не исчерпывается. Поддержать человека, которому он проиграл выборы, это в каком-то смысле даже вопрос чести, благородное упрямство. Тем не менее он прекрасно понимал, что Каупер и Килрой люди очень разные.

— Я не буду таскать за него каштаны из огня. Грант, я готов служить тебе, потому что тебя выбрали. Но служить слуге я не собираюсь.

— Род, но сам подумай! Если ты получаешь приказ от Килроя, значит, это мой приказ. Он просто его передает.

Род встал.

— Нет.

Каупер в раздражении вскочил на ноги и быстро удалился.

В тот вечер собрания не было — впервые за все время после выборов. Род собирался навестить Бакстеров, но тут его снова отозвал в сторону Каупер.

— Твоя взяла. Я назначил Роя главным охотником.

— И что?

— Теперь ты — менеджер поселения, или Майская Королева, или как ты сам еще придумаешь. Ночную вахту опять никто не назначил, так что займись делом.

— Подожди-ка! Я не говорил, что согласен.

— Ты дал мне понять, что тебя не устраивает только Рой. Теперь приказы будут исходить исключительно от меня.

Род все еще не мог решиться. Каупер смерил его презрительным взглядом.

— Похоже, ты не хочешь помогать, даже когда все вышло по-твоему.

— Нет, но...

— Никаких «но». Берешься ты за эту работу или нет? Отвечай: да или нет?

— М-м-м... да.

— Договорились. — Каупер нахмурился и добавил: — Хотя я до сих пор не уверен, стоит ли по этому поводу радоваться.

— Не ты один.

Начав разбираться с ночными дежурствами, Род обнаружил, что каждый, к кому он обращался, считает, будто уже отдежурил больше всех остальных, а поскольку комитет внешней безопасности не вел никаких записей — и не мог их вести, — узнать, кто говорил правду, а кто хочет сачкануть, было просто невозможно.

— Все! Хватит! — сказал наконец Род. — Завтра же я составлю алфавитный список, и все будут дежурить строго по очереди. Я это сделаю, даже если мне придется выцарапать список на камне.

Похоже, в словах Гранта, когда тот говорил, что без бумаги приходится нелегко, была доля истины.

— А почему ты не поставишь на дежурство своего дружка Бакстера?

— Потому что мэр дал ему две недели свадебного отпуска. Как тебе прекрасно известно. И хватит болтать. Чарли тебя сменил, поэтому запомни, где он спит.

— Две недели безделья и мне не помешали бы. Пожалуй, я тоже женюсь.

— Пока еще никто из девушек из ума не выжил. Ты дежуришь с полуночи до двух.

Большинство приняли неизбежное, убедившись, что в будущем все будет честно, и только Пиви Шнайдер, самый молодой в их группе — ему едва стукнуло шестнадцать — продолжал качать права: он, мол, уже дежурил прошлой ночью, и теперь по крайней мере три ночи дежурить не должен, и никто, так вашу и так, его не заставит.

На это Род сказал ему, что он заступит на дежурство или получит в ухо, после чего все равно придется дежурить. И добавил:

— Услышу еще хоть раз в лагере такие выражения, вымою тебе рот мылом.

— Ха! Где ты возьмешь мыло? — Шнайдер тут же переменил тему.

— Пока у нас нет мыла, я буду пользоваться песком! И передай остальным, Пиви: в лагере больше не выражаться. Мы должны оставаться цивилизованными людьми даже в такой ситуации. Твое время — с четырех до шести, и покажи Кенни, где ты спишь.

Когда Пиви отошел, Род подумал, что неплохо бы начать собирать пепел и жир. Он очень смутно представлял себе, как делать мыло, но кто-нибудь наверняка знает... А мыло нужно отнюдь не для того только, чтобы воспитывать любителей грязной словесности. Последнее время ему нередко хотелось встать против ветра от самого себя, а носки он выкинул уже давно.

В ту ночь Род спал очень плохо. Просыпаясь, он каждый раз проверял дежурных, и дважды его будили, когда дежурным показалось, что в темноте за освещенной зоной кто-то бродит. Род и сам не мог сказать точно, но один раз он тоже разглядел большую длинную тень, скользившую в отдалении. Ложился он не сразу, оставаясь какое-то время рядом с дежурными — еще один ствол на случай, если ночной хищник рискнет прыгнуть через стену или костер. Очень хотелось выстрелить в крадущуюся тень, но он подавлял в себе это желание. Напасть на хищника означало лишь потратить драгоценные боеприпасы — хищников от этого едва ли станет заметно меньше. Вокруг лагеря каждую ночь бродили какие-то твари, но с этим приходилось мириться.

Наутро Род чувствовал себя усталым и разбитым. После четырех ночи он уже не ложился, проверял Пиви

Шнайдера. Еще за завтраком у него возникла мысль забраться в пещеру и вздремнуть пару часов, но слишком много было дел. Он пообещал себе, что отоспится позже, и пошел искать Каупера.

— У меня сразу несколько вопросов, Грант.

— Сыпь.

— Почему мы не ставим на дежурство девушек?

— Хм, я думал, просто не стоит.

— Почему это? Девушки у нас не из тех, что, заведя мышь, визжат или падают в обморок. Каждая из них по крайней мере месяц до прихода сюда прожила в лесу сама по себе и осталась в живых. Ты когда-нибудь видел Каролину в действии?

— М-м-м... нет.

— Зря. Она того стоит. Мгновенная смерть в обеих руках и глаза на затылке. Во время ее дежурства я буду спать, как бревно. Сколько у нас сейчас парней?

— Двадцать семь, с теми тремя, что пришли вчера.

— Ладно. Кто из этих двадцати семи не дежурит?

— Как? Все дежурят, по очереди.

— А ты?

— Не слишком ли ты далеко заходишь? В конце концов, я же не настаиваю, чтобы и ты дежурил.

— Значит, минус два. Рой Килрой?

— Э-э-э... Род, давай договоримся так: он все-таки главный охотник и, следовательно, от дежурства освобожден. Ты сам знаешь, как он оказался на этой должности, так что лучше его не трогай.

— О'кей, знаю. Боб Бакстер тоже освобожден.

— До начала следующей недели.

— Я говорю про эту неделю. Комитет решил оставить только одного дежурного на смену. Я собираюсь снова ввести парное дежурство. Кроме того, мне на каждую ночь нужен начальник охраны. Он будет бодрствовать всю ночь и отсыпаться на следующий день, а еще пару суток он должен быть освобожден от дежурства. Ты уже понял, что получается? На каждую ночь мне нужно двенадцать человек. А у меня сейчас меньше двадцати, из которых я могу выбирать.

— Но комитет решил, что больше одного человека на вахте нам не нужно, — встревоженно сказал Каупер.

— К чертовой матери этот комитет! — Род почесал шрамы на руке и снова вспомнил крадущиеся в темноте тени. — Мы сделаем так, как я сочту нужным, или опять будем ставить на голосование?

— Ну...

— Когда человек дежурит в одиночку, он или трясется от страха и видит то, чего нет, или засыпает, и тогда от него вообще нет никакого толку. Прошлой ночью мне пришлось одного разбудить — я не скажу, кого именно, потому что больше, я думаю, этого не повторится, — когда я тряхнул его за плечо, он от испуга чуть из штанов не выпрыгнул... Короче, нам нужна настоящая охрана, достаточно сильная, чтобы в случае чего продержаться, пока не проснется весь лагерь. А если ты хочешь оставить все по-старому, то лучше снимай меня и ставь кого-нибудь другого.

— Нет-нет. Делай, как считаешь нужным.

— О'кей. Я ставлю девушек на дежурство. Боба с Кармен тоже. И тебя.

— Э-э-э...

— И себя. И Роя Килроя. Всех без исключения. Это единственный способ заставить людей дежурить без препирательства. Кроме того, такой порядок убедит их, что это абсолютно серьезно, что это наша первая забота, самая важная, даже важнее охоты.

Каупер задумчиво подергал заусенец на пальце.

— Ты в самом деле считаешь, что мне тоже нужно дежурить? И тебе самому?

— Считаю. Это здорово повысит моральный дух. И кроме того, так будет правильнее э-э-э... с политической точки зрения.

Каупер вскинул взгляд и сказал без улыбки:

— Убедил. Дашь мне знать, когда моя очередь.

— Следующий вопрос. Прошлой ночью запаса дров едва хватило на два костра.

— Это уже твоя забота. Можешь брать всех, кто не на охоте и не при кухне.

— И возьму. Но приготовься — на меня будут жаловаться. Однако это все мелочи. Теперь о главном. Ночью я посмотрел на наш лагерь, так сказать, свежим взглядом. Не нравится он мне — во всяком случае, как постоянный лагерь.

— Почему?

— Его почти невозможно защищать, между сланцем и водой выше по течению метров пятьдесят пустого пространства. Ниже по течению чуть лучше, потому что в узком проходе у нас постоянно горит костер. Но с противоположной стороны мы отгородили стеной половину лагеря, да и там нужно ставить больше кольев. Сам посмотри, — сказал Род, указывая рукой. — Там целая армия строем пройдет, а ночью в этом месте было только два костра. Нам обязательно нужно достроить стену.

— Достроим.

— Но лучше всего по-настоящему заняться поисками более подходящего места. Здесь — в лучшем случае, временный лагерь. До того как ты стал мэром, я пытался отыскать другие пещеры, но очень далеко не ходил — не хватало времени. Ты когда-нибудь был в Меса-Верде?

— В Колорадо? Нет.

— Это пещерный город. Ты, наверно, видел снимок. Так вот, может быть, где-то там выше или ниже по течению — скорее, ниже, — мы отыщем что-то похожее и сможем построить жилища для всей колонии. Нужно выслать небольшую группу на разведку, недели на две или даже больше. Я, кстати, готов.

— Может быть, мы так и сделаем. Но тебе нельзя. Ты нужен мне здесь.

— Через неделю я так налажу охрану, что все будет делаться само по себе. Кроме того, меня может заменить Боб Бакстер. Его уважают... — Род задумался на секунду, кого взять в пару: Джекки? Джимми? — Я бы взял с собой Кэрл.

— Род, я же сказал, что ты нужен мне здесь. А вы с Кэрл, что, собираетесь пожениться?

— С чего ты взял?

— Тогда ты тем более не можешь взять ее с собой. Мы стараемся привить людям вкус к семейной жизни.

— Знаешь что, Каупер...

— Все. Забудь.

— М-м-м... ладно. Но первым делом — самым первым — надо закончить стену. Я хочу поставить всех на работу прямо сейчас.

— Извини, сегодня ничего не выйдет, — сказал Каупер.

— Почему?

— Потому что сегодня мы строим дом. Билл Кеннеди и Сью Бриггс решили пожениться. Вечером свадьба.

— Я даже ничего не слышал об этом.

— Никто еще не слышал. Они сообщили об этом пока только мне, за завтраком.

Известие Рода не удивило: Билла и Сью часто можно было видеть вместе.

— Послушай, а что, им обязательно прямо сегодня жениться? Стена важнее, Грант, поверь.

— Ну что ты так завелся с этой стеной, Род? Еще ночь или две будем жечь костры подольше. И запомни, в жизни есть вещи поважнее материальных ценностей.

11

Берег скелетов

29 июля — Сегодня вечером поженились Билл и Сью. Его величество был выше всяких похвал: организовал очень красивую церемонию. Я даже всплакнула, другие девочки тоже. Если бы он еще и делал столько же, сколько говорит! Я играла на губной гармонике «Свадебный марш» Мендельсона, а слезы текли по щекам и капали прямо на гармонику. Хотела сыграть еще на свадьбе Кармен, но не могла отказаться от роли подружки невесты. Молодой муж пытался занести Сью в «дом» — если это можно так назвать — на руках, но застрял: пришлось опустить ее на землю и протолкнуть вперед себя. Потолок здесь ниже, чем следует, потому он и застрял. Камни кончились, а когда мы стали брать их из стены, Род устроил страшный скандал. Атаку на стену начал его величество, и они с Родом долго друг на друга орали, оба аж покраснели. Потом Родди отвел его в сторону и что-то сказал, после чего его величество тут же пошел на попятную. Билл здорово обиделся на Рода, но Боб его как-то уломал и предложил поменяться домами, а Род пообещал, что, достроив стену, он пер-

вым делом снимет крышу с этого дома и сделает его повыше. Возможно, это случится несколько позже, чем он думает: искать камни, которые можно использовать, становится с каждым днем труднее. Я себе все ногти пообломала, выковыривая куски, которые могли бы нам пригодиться. Но я согласна с Родом, что нужно доделать стену, и теперь, когда он взялся за охрану, сплю гораздо спокойнее. Однако еще лучше буду спать, когда закончим стену и понаставим с этой стороны заточенных кольев. Конечно, девушки все спят на дальнем, безопасном краю, но все равно, кому это понравится — проснуться и обнаружить, что кого-то из парней уже нет. У нас их и не так много, кстати, чтобы разбрасываться. Как говорила мама, ничто не придает дому такой обжитой вид, как мужчина.

30 июля — Теперь буду делать записи, только если случится что-то особенное. Его величество говорит, что мы по примеру египтян можем изготовить папирус, но я в это поверю, когда увижу его своими глазами.

5 авг. — Прошлой ночью я была назначена начальником охраны и видела, что Родди не спал почти всю ночь. После завтрака я завалилась на боковую и проспала чуть не до вечера. Проснулась, а он так и не ложился — злой, с покрасневшими глазами, носится и орет на всех, что нужно больше камней и больше дров. Иногда я его не понимаю.

9 авг. — Соль, что нашла Алиса, гораздо ближе, чем то место, которое неделю назад отыскал Коротыш, но хуже.

14 авг. — Джекки наконец решила и дала согласие выйти за Джимми. Родди эта новость, похоже, просто ошарашила, хотя я могла бы предупредить его еще месяц назад. Родди в таких делах мало что понимает. Предвижу еще один стенодомостроительный кризис, и Родди, наверно, просто рехнется, потому что он захочет, чтобы у Джимми и Жаклин сразу появился дом, а кроме как из стены, в такой короткий срок камни взять негде.

15 авг. — Сегодня замечательное торжество — поженились Джимми и Джекки, Агнесса и Курт. Трокстоны временно поселились в дом Бакстеров, а Пулвермахеры временно въехали в будку четы Кеннеди. Тем временем в пещере поставили несколько перегородок, чтобы разместить две супружеские пары и отделать склад.

1 сент. — Корешки, что я откопала, вроде не ядовитые — пока жива. Мы разыскали энергоблок от «Молнии» — видимо, той самой, что принадлежала Иоганну, — и из его корпуса получился неплохой котел. Сегодня вечером я сварила в нем похлебку — всем досталось понемногу. Однако вкус странный. Может быть, потому, что раньше Агнесса пыталась сварить в нем мыло — тоже получилось не бог весть что. Корешки я буду называть «ямсом», потому что они похожи на ямс, хотя вкусом больше напоминают пастернак. Их тут растет очень много. Завтра попробую сварить их с зеленью, куском мяса и солью. Ням-ням! А еще попробую запечь их в золе.

16 сент. — Поджав хвосты, вернулись Чед Амес и Дик Берк. Его величество подобрел и разрешил им остаться. Они сказали, что Джок Макгован совсем спятил. Охотно верю.

28 сент. — Сегодня во время охоты погиб Филип Шнайдер. Рой принес его в лагерь, но он был уже мертв, потому что потерял много крови: раны оказались очень глубокие. Рой отказался от должности главного охотника, и его величество назначил Клиффа. Рой буквально сломлен, хотя никто его не винит. Бог дал, бог взял. Да святится имя его.

7 окт. — Я решила выйти замуж за М.

10 окт. — Похоже, я ошиблась. М. собирается жениться на Марджерии Чанг. Ладно, они неплохие ребята, а если я когда-нибудь выберусь отсюда, то буду только рада, что осталась одна — ведь я собиралась идти в

Амазонки. На заметку: будь немного сдержанней, Каролина. Во всяком случае, старайся.

11 окт. — Кармен???

21 окт. — Точно.

1 нояб. — Боже правый! Я теперь — новый менеджер поселения. Подумать только! Правда, это временно, на две недели, пока не вернется Родди. Но я теперь иначе как на «сэр» не отзываюсь. Его величество в конце концов отпустил Родди на разведку вниз по реке — тот спал и видел себя в этой роли — и надавал ему кучу советов и рекомендаций, которые Родди забудет, едва скрывшись из виду. Мне ли его не знать? Отправились они вдвоем, и Родди выбрал напарником Роя. Ушли сегодня утром.

5 нояб. — Работа менеджера совсем не сахар. Скорее бы вернулся Родди.

11 нояб. — Его величество пристал ко мне, чтобы я записала доклад «комитета по ресурсам». До этого Мик Махмуд держал его в голове — там ему, на мой взгляд, и место. Но с тех пор как ушли Родди и Рой, его величество здорово нервничает, и я решила, что так уж и быть. Вот он:

12 запасных ножей (не считая по одному на каждого).

53 единицы огнестрельного и другого оружия — но только к половине есть хотя бы по одному патрону.

6 экз. Евангелия.

2 экз. «Мира пламени».

1 экз. Корана.

1 экз. «Книги мормона».

1 экз. оксфордского юбилейного издания сборника английской поэзии.

1 стальной лук и 3 охотничьи стрелы.

1 котел, сделанный из экранированной обшивки энергоблока, и целая куча разных мелочей из пластика и металла (которые теперь, надо признать, на вес урана) от найденной Джекки «Молнии».

1 сковородка (подарена Кармен).

1 колода игральных карт без девятки червей.

13 спичек, целый ворох неработающих зажигалок и 27 увеличительных стекол.

1 небольшой топорик.

565 метров альпинистской веревки, частично порезанной для разных целей.

91 рыболовный крючок (и никакой съедобной рыбы!).

61 карманный компас, некоторые — сломанные.

19 наручных часов, которые еще работают (4 из них настроены на местное время).

2 куска ароматизированного мыла.

2 упаковки приправы для копчения и неполная коробка дубильного препарата.

Несколько килограммов всякой всячины, которой мы со временем, очевидно, найдем применение, но перечислять все это я не стану. У Мика не голова, а каталог.

Множество вещей, которые мы сделали сами и которых можем сделать еще больше — горшки, луки, стрелы, скребки для шкур, каменная ступка и пестик, при помощи которых можно толочь зерно (если, конечно, вы не имеете ничего против песка на зубах) и т. д.

Его величество утверждает, что оксфордский сборник стихов — это наше самое большое достижение, и я с ним согласна, но только у нас разные причины так думать. Он хочет, чтобы я застенографировала на полях и чистых страницах всяческие полезные сведения, которыми располагает каждый из нас — от математики до свиноводства. Клифф разрешил — при условии, что мы не будем заползать на стихи. Неизвестно только, когда я буду этим заниматься: с тех пор как ушел Родди, я почти не бываю за пределами лагеря, а о том, что такое сон, слышу только от других.

13 нояб. — Осталось два дня. «С таким нетерпением я жду...»

16 нояб. — Я и не рассчитывала, что они вернутся вовремя.

21 нояб. — Мы наконец приняли нашу конституцию и базовый свод законов на первом общем собрании за несколько недель. Текст записан на форзацах двух Евангелий, Боба и Джорджии. Если кому-нибудь понадобится что-то уточнить — в чем я лично сомневаюсь, — можно обратиться к ним.

29 нояб. — Джимми сказала, что Рода так просто не прикончишь. Очень надеюсь, что он прав. Ну почему я не заставила его величество, чтобы он меня отпустил!

15 дек. — Дальше обманывать себя бесполезно.

21 дек. — Трокстоны, Бакстеры, я и Грант собрались сегодня вечером у Бакстеров дома, и Грант провел поминальную службу. Боб прочел молитву за Роя и Рода, а потом мы долго сидели и молчали, как это принято у квакеров. Родди всегда напоминал мне моего братишку Рикки, и я просто попросила Матерь божью позаботиться и о них двоих, и о Роде тоже — чтобы все они были ей как дети.

Официально Грант ничего не объявлял: пока они просто «задерживаются с возвращением».

25 дек. — Рождество.

Род и Рой двигались налегке, быстро: один всегда шел впереди, другой прикрывал, потом менялись. У каждого было с собой несколько килограммов засоленного мяса, но они больше рассчитывали на охоту. Кроме того, теперь они знали много съедобных фруктов, ягод, орехов: для тех, кто разбирается, лес — словно бесплатное кафе. Воды с собой не брали, поскольку планировали идти все время вдоль реки, однако на берегу вели себя осторожно: помимо ихтиозавров, которым иногда удавалось затянуть в воду пришедшего на водопой быка, в реке водились маленькие кровожадные рыбки; они кусали совсем по чуть-чуть, но плавали огромными косяками и могли обглодать животное до костей буквально за считанные минуты.

Род взял с собой и «Леди Макбет», и «Полковника Боуи», а Рой Килрой, помимо своего собственного «Скальпеля Оккама», прихватил нож, одолженный ему Кар-

мен Бакстер. Рой намотал на пояс веревку, и у каждого был пистолет, но это на самый крайний случай — в одном из них оставалось всего три патрона. Кроме того, Род взял пневматическую винтовку Жаклин Трокстон с заряженными свежим ядом стрелками — они решили, что это сэкономит им время на охоту и позволит двигаться быстрее.

Три дня спустя они обнаружили ниже по течению небольшую пещеру, в которой жили пятеро потерявших всякую надежду на спасение девушек. После радостной шумной встречи Род и Рой направились дальше, а девушки двинулись вверх по реке к поселению. Девушки рассказали им, где можно перебраться через реку, и вскоре они нашли это место — широкий перекат с торчащими из воды частыми камнями, — однако, потратив два дня на том берегу, все же вернулись обратно.

К утру седьмого дня, кроме той пещеры, где обосновались пятеро девушек, они так ничего и не нашли.

— Неделя уже прошла, — сказал Род. — Грант приказывал вернуться через две недели.

— Да, было такое дело.

— Но мы ничего не нашли.

— Вот именно.

— Надо возвращаться.

Рой промолчал.

— А ты сам-то что думаешь? — спросил Род немного раздраженно.

Килрой лежал на животе, разглядывая местное подобие муравья, и не торопился с ответом.

— Род, — сказал он наконец. — Здесь командуешь ты. Так что, куда скажешь — верх по течению, вниз...

— Да ну тебя...

— С другой стороны, какой-нибудь законник-недочка вроде Коротыша мог бы спросить: а какое право у Гранта приказывать нам возвращаться к такому сроку? Мы, мол, тут «свободные граждане», «суверенная автономия», мол, и все такое. Возможно, он в чем-то прав — мы чертовски далеко от дома...

— По крайней мере, еще один день у нас есть: на обратном пути нам не придется тратить время на разведку другого берега.

— Разумеется. И если бы этой экспедицией руководил я... Впрочем, ладно.

— Хватит ходить вокруг да около. Я же попросил у тебя совета.

— Ну тогда я бы сказал, что наша главная цель — не в две недели уложиться, а найти пещеры.

Род перестал хмуриться.

— Тогда хватит валяться. Пошли.

И они двинулись дальше вниз по реке.

Вскоре лесная долина сменилась изрезанной оврагами каменистой равниной, где прорезала себе русло река. Дичи стало меньше, и им пришлось воспользоваться запасами соленого мяса. Еще два дня спустя они добрались до первого из целой гряды скалистых возвышений, где в незапамятные времена вода прорезала множество пещер, углублений и мелких вымоин.

— Похоже, это то, что нам нужно.

— Пожалуй, — согласился Рой, оглядываясь по сторонам. — Но может быть, дальше будет еще лучше.

И они продолжили путь.

Река стала шире, но пещер больше не попадалось, и каньоны уступили место бескрайней саванне, где деревья росли лишь вдоль берега реки.

— Я чую запах соли, — сказал Род, приняв хавшись.

— Ничего удивительного. Где-то там должен быть океан.

— Сомневаюсь.

Однако они отправились дальше, избегая зарослей высокой травы и держась ближе к деревьям. Все вместе колонисты насчитали более дюжины крупных хищников, представляющих опасность для человека, — от похожих на львов существ (только эти были раза в два крупнее африканских) до маленькой свирепой чешуйчатой твари, которая нападала, если загнать ее в угол. Большинство считало, что напоминающие львов чудовища и есть стоборы, о которых их предупредили перед

началом экзамена, хотя некоторые полагали, что это название относится к другому — не такому крупному, но более проворному и коварному — хищнику, который был гораздо опаснее.

Подобных сомнений не удостоилась только одна хищная тварь — размерами не больше зайца, но с огромной головой и массивными челюстями, с длинными передними лапами и без хвоста. Морды у них были глупые, с выпученными глазами, а двигались твари, если их спугнуть, медленно и неуклюже — за все это их прозвали «сонными кроликами». Охотились они, похоже, просто поджидая у нор полевых грызунов. Шкуры этих тварей обрабатывались, и из них получались отличные бурдюки. На таких травянистых равнинах их водилось великое множество.

После очередного перехода Рой и Род устроились на привал в небольшой рожице у воды.

— Ну что, потратим спичку или опять пыхтеть? — спросил Род.

— Как хочешь. Я пойду поищу что-нибудь на обед.

— Осторожнее там. Не заходи в траву.

— Я пройду по самому краю. Зря, что ли, все страховые компании планеты называют меня «Осторожным Килроем»?

Род заглянул в коробок, надеясь, что вместо трех спичек там окажется четыре, затем принялся добывать огонь трением и почти уже добился цели — мох оказался недостаточным сухим, — когда вернулся Рой и бросил на землю маленькую тушку.

— Произошла удивительная вещь!

Добычей Роя оказался «сонный кролик». Род взглянул на несуслазное существо и спросил:

— А что, лучше ничего не было? Они на вкус — как картон.

— Ты еще не слышал самого интересного. Я вовсе не собирался его убивать. Он сам на меня напал.

— Шутить?

— Клянусь! Пришлось его прикончить, а то он все время пытался откусить мне пятки. Но теперь мясо есть...

Род еще раз посмотрел на «сонного кролика».

— Никогда не слышал ничего подобного. Должно быть, ненормальный.

— Видимо. — Рой принялся разделявать добычу.

На следующее утро они вышли к морю. До самого горизонта как застывшее стекло тянулась неподвижная водная гладь — ни плеска волн, ни даже медленного движения прилива. Сильно пахло солью, и весь берег был покрыт белой коркой. Род с Роем решили, что это, скорее всего, не выход к океану, а внутриконтинентальное море. Но больше всего их поразила совсем не безбрежная водная гладь. В обе стороны вдоль берега — очевидно, до самого горизонта — тянулась гряда выбеленных солнцем костей — миллионы и миллионы скелетов.

— Откуда они все тут взялись? — спросил Род, не в силах оторвать взгляд от этого зрелища.

Род присвистнул.

— Убей меня бог! Но если продавать их хотя бы по пять пенсов за тонну, мы могли бы стать миллионерами!

— Ты имеешь в виду, миллиардерами.

— Не цепляйся к словам.

Забыв об осторожности, они пошли вдоль берега, разглядывая это чудо природы. Здесь были и древние кости, потрескавшиеся от солнца и воды, и совсем новые, еще с хрящами. Огромные скелеты гигантских антилоп, на которых они никогда не охотились. И крошечные косточки травоядных с терьера ростом — кости всевозможные и без числа. Но ни одной туши.

Заинтригованные новой загадкой планеты, Род и Рой обследовали километра два побережья, но, повернув назад, оба уже знали, что возвращаются не просто на ночевку, а домой. Дальше пути не было.

Двигаясь вниз по течению, они не обследовали найденные пещеры, и теперь на обратном пути, Род решил, что нужно выбрать место для поселения, разведать дичь, найти подступы к воде, а самое главное, прикинуть, удобно ли здесь будет жить и можно ли защитить это место от нападения. Прежде всего, они занялись рядом пещер, проточенных водой в скале из песчаника.

Терраса самого нижнего ряда была в шести-семи метрах над крутым земляным склоном. Здесь каньон резко уходил вниз, и Роду сразу представилось, как они сделают выше по течению небольшую протоку и пустят воду прямо в пещеры... Не в один день, конечно, такие дела делаются, но рано или поздно они найдут время, чтобы изготовить инструменты и справиться с этой задачей. Однако уже сейчас было ясно, что они нашли отличное место для поселения, которое, кроме всего прочего, еще и отлично защищено. А уж от дождя здесь точно есть где укрыться, мысленно добавил Род.

Оказалось, что горнолаз из Роя лучше; прижимаясь к каменной стене, он влез на следующую террасу и скинул Роду веревку, а затем подтянул его вверх. Род закинул руку на карниз, вскарабкался на колени, встал... и даже вскрикнул от неожиданности.

— Что за чертовщина?

— Вот потому-то я и молчал, — сказал Рой. — Боялся, ты подумаешь, что я рехнулся.

— Кажется, мы оба тронулись.

Род огляделся. Невидимые снизу, на террасе ряд за рядом уютись жилища — настоящий пещерный город.

Пустой город. И явно не для людей предназначенный: отверстия в стенах — двери — были не выше колена и слишком узкие, чтобы человек мог свободно пролезть внутрь. Но в том, что это искусственные жилища, а не промытые водой пещеры, сомнений не возникало. Низкие комнаты теснились в шесть ярусов до самого верхнего края склона, а в качестве строительного материала неизвестные мастера использовали саманы, высушенные глиняные блоки, армированные деревом.

Но кто все это построил? Рой сунулся было в двери ближайшего жилища, и Род тут же крикнул:

— Эй! С ума сошел?

— А что? Тут же никого нет.

— Откуда ты знаешь, что там внутри? Может, там змеи.

— Здесь нет змей. Никто их ни разу не видел.

— Да, но все равно лучше не лезть.

— Эх, был бы у меня фонарь!

— А у меня восемь танцовщиц и вертолет «Кадиллак»! Осторожнее! Мне совсем не улыбается возвращаться одному.

Они устроились на террасе перекусить и заодно обсудить находку.

— Это наверняка разумные существа, — заявил Рой. — Может, мы когда-нибудь даже встретим их. Не исключено, что их цивилизация достигла уже высокого уровня развития: эти постройки больше похожи на древние руины.

— При чем тут разум? — возразил Род. — Пчелы строят и более сложные жилища.

— Пчелы не умеют комбинировать глину с древесиной, как эти существа. Взгляни на дверное перекрытие.

— Ну тогда птицы. Это доказывает, что у них мозгов не больше, чем у птиц. Именно не больше.

— Род, ты просто не хочешь видеть доказательств.

— А где предметы материальной культуры? Покажи мне хоть одну пепельницу с надписью «Изготовлено в Джерси».

— Может, я и нашел бы что-нибудь, но ты слишком осторожничаешь.

— Всею свое время. Однако, раз они считали, что здесь безопаснее, нас это тоже устраивает.

— Может быть. Но что их убило? Или почему они ушли?

Перекусив, они обследовали еще две террасы, где тоже нашли искусственные жилища. Судя по всему, когда-то тут было огромное поселение. Но четвертая терраса оказалась почти пустой — лишь в одной стороне теснились несколько недостроенных помещений.

— Похоже, нас такой вариант устроит, — сказал Род, оглядевшись. — Может быть, он не самый идеальной, но мы можем перебраться сюда всей командой, а потом уже разберемся, где тут лучше.

— Мы идем назад?

— Утром. Здесь вполне можно устроиться на ночь, а завтра отправимся к старому поселению... Интересно, а что вот там? — Род остановил взгляд на каменном уступе чуть выше по стене.

Рой прищурился.

— Сейчас узнаю.

— Не стоит. Тут стена почти отвесная. Когда переберемся, сделаем для таких мест лестницы.

— Не волнуйся — я рожден для горных круч. Смотри.

До уступа вполне можно было дотянуться рукой. Рой уцепился пальцами за край, подтянулся — и тут край осыпался. Падал Рой всего-то полметра.

— Ты как, в порядке? — подскочил к нему Род.

— Вроде да. — Рой попытался встать и, вскрикнув, снова упал на спину.

— Что случилось?

— Нога. Правая. Кажется... у-у-у!.. кажется, у меня перелом.

Род осмотрел его ногу и полез нарезать палок, чтобы сделать шину. Затем, подложив листьев, примотал палки к голени веревкой, что Рой носил на поясе. Веревку пришлось использовать очень экономно — она была нужна, чтобы забираться на террасу. У Роя оказалась сломанной большая берцовая кость, но при закрытом переломе можно было не опасаться заражения.

Много времени ушло на споры.

— Конечно же, тебе нужно идти, — говорил Рой. — Оставишь мне свежую добычу и все засоленное мясо. Да, и насчет воды нужно что-то придумать.

— А потом вернусь и найду тут твои обглоданные косточки.

— С чего это? Мне тут ничего не угрожает. Если ты поторопишься, то доберешься обратно дня за три.

— За четыре или, скорее, за пять. И еще шесть дней, чтобы привести сюда группу. А потом обратно с тобой на носилках? Если на нас нападут стоборы, ты будешь совершенно беспомощен.

— А зачем нести меня обратно? Все равно мы переберемся сюда.

— Ты уверен? Но в любом случае одиннадцать дней — а скорее, двенадцать — это слишком много. По-моему, Рой, ты еще и головой ударился.

Пока заживала нога Роя, они не испытывали, в общем-то, никаких трудностей и не подвергались никакой опасности — хуже всего оказалась скука. Род хотел было, пока есть время, обследовать все пещеры, но в первый же раз, когда он задержался дольше, чем,

по мнению Роя, требовалось, чтобы раздобыть свежего мяса, тот едва не впал в истерику. Видимо, у него разыгралось воображение, и он уже представлял себе, что Род мертв и что его, беспомощного и одинокого, тоже ждет смерть от голода и жажды. После этого случая Род оставлял его лишь для того, чтобы поохотиться или принести воды. Напасть на них на террасе никто не мог, и поэтому они даже не дежурили по ночам, а костер использовали только для приготовления пищи. Погода с каждым днем становилась все теплее, а дневные дожди почти прекратились.

Долгие дни ожидания проходили в разговорах о чем только можно: о девушках, о нуждах поселения, о том, что могло вызвать ситуацию, в которой они оказались, о том, что бы они съели, если бы представилась возможность выбирать, снова о девушках... Не обсуждали они лишь вероятность спасения — никто уже не сомневался, что им суждено остаться здесь навсегда. Род с Роем много спали и часто ничего не делали — просто ждали в каком-то оцепенении.

Рой хотел отправиться в обратный путь, едва Род снимет шины, но спустя несколько секунд, поняв, что разучился ходить. Он тренировал ногу целыми днями и здорово рассердился, когда Род сказал, что ему все равно еще рано собираться в дорогу. Раздражение и обида на себя и на обстоятельства, копившиеся в душе беспомощного человека так долго, стали причиной их единственной ссоры за время путешествия.

Род тоже вспылал и, швырнув Рою веревку, крикнул:

— Ну давай! Посмотрим, как далеко ты уйдешь на такой ноге!

Спустя пять минут он уже затаскивал побледневшего, дрожащего, но присмирившего Роя на террасу. И лишь потратив еще дней десять на то, чтобы его нога разработалась как следует, они двинулись к поселению.

Первым же, на кого они наткнулись на подходе к лагерю, оказался Коротыш Дюмон. У того отвисла челюсть, в глазах на мгновение появился испуг, но затем он бросился вперед, чтобы поприветствовать их, и сразу понесся в лагерь сообщить всем радостную весть.

— Эй, вы слышите?! Они вернулись!

Едва услышав этот крик, Каролина бросилась им навстречу — она не бежала, а почти летела над землей — и, обогнав всех остальных, кинулась обнимать и целовать обоих путешественников.

— Привет, Кэрл, — сказал Род. — Что ты так разревелась?

— Родди, негодник... Бить тебя некому...

12

«Ничего не выйдет, Родди»

Встречали их бурно, но Род успел заметить многочисленные перемены: в поселении появилось больше дюжины новых домов, в том числе и два похожих на сараи строения из бамбука и глины. Одна хижина была сложена из высушенных на солнце кирпичей, а в стенах даже сделали окна. На месте костра для приготовления пищи теперь выкопали яму, где туши запекали целиком, и установили небольшую жаровню. Рядом лилась из бамбуковой трубки вода, падала в сито из выделанной кожи, затем в каменную чашу и дальше отводилась обратно к реке. Род даже не знал, радоваться или огорчаться оттого, что кто-то уже реализовал его замысел. Однако все эти нововведения он замечал лишь мельком, поскольку их триумфальное шествие по лагерью то и дело прерывалось объятиями, поцелуями, мощными хлопками по спине и вопросами, вопросами, вопросами...

— Нет, все нормально, только Рой разозлился на меня и сломал ногу... Да, конечно, мы нашли, что искали... Увидите — закачаетесь... Нет... Да... Джеки!.. Привет, Боб! Как я рад тебя видеть! А где Кармен?... Привет, Грант!..

Каупер улыбался до ушей, в бороде блестели два ряда белых зубов, но Род с удивлением отметил, что он выглядит здорово постаревшим — а ведь ему всего-то двадцать два, от силы двадцать три. Откуда все эти морщины?

— Род, старина! Даже не знаю, что с вами обоими делать: то ли упечь в каталажку, то ли увенчать лавровыми венками.

— Пришлось немного задержаться.

— Да уж. Однако ладно. Вернулись, и слава богу. Пойдем в мэрию.

— Куда?

— Это хижина, где я сплю, — ответил Грант, застенчиво улыбаясь. — Все ее так называют, ну и я тоже привык. Во всяком случае, это лучше, чем «Даунинг-стрит, 10», как было вначале. Но хижина не моя, — добавил он. — Когда выберут кого-нибудь еще, я буду спать в холостяцком доме.

Грант отвел его к небольшому строению, стоящему чуть поодаль фасадом к кухне.

Стены вокруг поселения не было!

Род вдруг осознал, что же ему показалось странным в этом конце поселения: стены не было вовсе, вместо нее стоял плетень из колючего кустарника. Он уже собрался высказать Гранту все, что он о нем думает, но тут вспомнил, что это не имеет больше значения. Зачем затевать ссору, когда им все равно скоро перебраться в пещерный город? Стены уже никогда не понадобятся: ночи они будут проводить на высокой террасе с поднятыми вверх лестницами... И Род заговорил о другом:

— Грант, как вам удалось убрать переборки из этих бамбуковых труб?

— А? Очень просто. Привязываешь нож полоской кожи к трубе меньшего диаметра, вставляешь ее в большую и долбишь до посинения. Вакси додумался. Но это еще ерунда. У нас будет железо!

— Да ну?

— Мы нашли руду и пока экспериментируем. Хорошо бы отыскать уголь. Слушай, а вам часом уголь не попадался?

Обед превратился в настоящий пир, праздник, с которым не могло сравниться даже свадебное торжество. Роду дали настоящую тарелку — неглазурованную, кривобокую, некрасивую, но все же тарелку. А когда он достал «Полковника Боуи», Марджери Чанг-Кински вложила ему в руку деревянную ложку.

— У нас их пока мало, но вы сегодня почетные гости.

Род взглянул на ложку с любопытством: за прошедшее время он успел отвыкнуть от столовых приборов.

На обед в тот день была вареная зелень, какие-то новые, незнакомые ему корни и запеченный окорок, порезанный тонкими ломтиками. Рою и Роду выдали по маленькой лепешке из прекрасного теста. Лепешки достались только им двоим, но Род из вежливости не стал заострять на этом внимание, и только нахваливал новое блюдо, то и дело восклицая, как здорово, мол, снова попробовать хлеба.

Марджери зарделась.

— Когда-нибудь у нас будет много хлеба. Может быть, уже в следующем году.

Еще были терпкие маленькие плоды на десерт и вдоволь безвкусных мягких фруктов, напоминающих карликовые бананы с семечками. Род, конечно, объелся.

После обеда Грант призвал всех к порядку и объявил, что он собирается попросить обоих путешественников рассказать о своих приключениях.

— Пусть лучше расскажут сейчас, — добавил он, — тогда им не придется рассказывать семьдесят раз подряд всем по очереди. Давай, Род. Покажись.

— Может, пусть Рой? У него язык лучше подвешен.

— Будете рассказывать по очереди. Когда устанешь, Рой тебя сменит.

Говорили они долго, то и дело перебивая и дополняя друг друга. Огромное впечатление на поселенцев произвел рассказ о берегу скелетов, и еще больше заинтересовал их брошенный город.

— Мы с Родом до сих пор спорим, — сказал Рой. — Я утверждаю, что это цивилизация, он говорит, инстинкт. Совсем, видимо от жары сдвинулся. Они, точно, люди. Не в том смысле, что земляне, конечно, но настоящие разумные существа.

— И где же они теперь?

Рой пожал плечами.

— А где теперь селениты, Дора? Или куда подевались митряне?

— Рой просто романтик, — возразил Род. — Но вы все увидите сами, когда мы туда переберемся.

— Верно, Род, — согласился Рой.

— Вот, пожалуй, и все, — закончил Род. — Остальное время мы ждали, когда у Роя срастется кость. Кстати, как скоро мы сможем двинуться на новое место? Может, стоит с самого утра собрать все, что нужно, и отправиться в путь? Я много думал об этом — я имею в виду о том, как нам перебраться, — и хочу предложить прямо на заре выслать небольшую группу. Рой или я можем ее возглавлять. Скажем, мы налегке уходим вперед на один дневной переход, добываем свежего мяса, и, когда вы нас нагоняете, у нас уже все готово — и костры, и ужин. На следующий день — то же самое. Думаю, что таким образом мы уже дней через пять доберемся до пещер и будем в полной безопасности.

— Меня возьмите в эту группу! Дибса!

— Меня тоже!

Раздалось еще несколько голосов, но Род не мог не заметить, что общая реакция оказалась совсем не такой, как он ожидал. Джимми не вызвался. Каролина о чем-то сосредоточенно думала. Бакстеры сидели в тени, и их он не видел.

Род повернулся к Кауперу.

— Грант? Есть предложение лучше?

— Род, — медленно произнес тот, — план у тебя замечательный... Но ты кое-чего не учиываешь.

— В смысле?

— Ну как же? Нас ведь за этим и посылали! Найти место понадежнее и получше. Мы его нашли. В этих пещерах можно целую армию отбить! В чем дело? Конечно, нужно перебраться!

Каупер сидел некоторое время, разглядывая свои ногти, затем наконец сказал:

— Род, только не обижайся, но у меня на этот счет другое мнение, и я подозреваю, что многие со мной согласятся. Я не хочу сказать, что вы с Роем нашли плохое место. Может быть, оно гораздо лучше этого, во всяком случае в том виде, как у нас было раньше. Но мы недурно устроились и здесь. Да и слишком много затрачено времени и усилий, чтобы наладить здесь жизнь. Зачем отсюда уходить?

— Но я же говорил... Там безопасно, совершенно безопасно. А здесь мы как на ладони. Мы постоянно рискуем.

— Может быть. Но, Род, за все время, что мы тут живем, в пределах лагеря ни с кем ничего не случилось. Можно, конечно, поставить вопрос на голосование, но не жди, что мы покинем наши дома, и все, ради чего столько трудились, только чтобы избежать, скорее всего, воображаемой опасности.

— Воображаемой? По-твоему, стобор не перепрыгнет эту хлипкую баррикаду? — гневно спросил Род, махнув рукой в сторону ограды.

— По-моему, если стобор попытается проникнуть сюда через ограду, он останется висеть на заточенных кольях, — спокойно ответил Грант. — Эта «хлипкая баррикада» на самом деле очень эффективное сооружение. Завтра утром посмотри повнимательней.

— Но там, где мы были с Роем, нам не понадобится даже она. Не нужно дежурить по ночам. Там даже дома не нужны. Эти пещеры — лучше любого дома!

— Возможно. Однако, Род, ты не видел еще всего, что мы тут сделали и сколько нам придется оставить. Давай осмотрим лагерь при дневном свете и тогда уже поговорим.

— Ладно... Впрочем, нет, Грант. О чем тут говорить? Важно одно: в пещерах безопасно, а здесь нет. Я предлагаю голосовать.

— Полегче. Это же не общее собрание, а торжество в честь вашего возвращения. Давай не будем его портить.

— Да... Извини. Но здесь и так собрались все. Давайте проголосуем.

— Нет. — Каупер встал. — Общее собрание состоится, как всегда, в пятницу. Мы ужасно рады вас видеть. Всем спокойной ночи.

Постепенно вечеринка распалась, и все разошлись спать. Остались лишь несколько парней из самых молодых, которым не терпелось обсудить предложенный переход на новое место. Подошел Боб Бакстер и, положив руку на плечо Роду, сказал:

— Утром увидимся, Род. И благослови тебя господь.

Затем быстро удалился, и Роду пришлось выслушивать до конца своего предыдущего собеседника. Однако с ним остались Джимми Трокстон и Каролина. Выбрав момент, Род спросил:

— Джимми? Я хотел спросить, что об этом думаешь ты?

— Я? Ты же меня знаешь, дружище. Джекки я отправил спать — она неважно себя чувствовала, — но она велела передать тебе, что мы оба, как всегда, на твоей стороне.

— Спасибо. Мне уже лучше.

— До завтра. Пойду посмотрю, как там Джекки.

— Ладно. Крепкого сна.

В конце концов с ним осталась одна Каролина.

— Родди? Хочешь, пойдем вместе проверим посты? Со следующей ночи тебе так и так этим заниматься, но сегодня мы решили дать тебе отоспаться.

— Подожди-ка, Кэрл... ты как-то странно себя ведешь.

— Я? Почему, Родди?

— Не знаю. Может, мне показалось. Что ты думаешь о моем предложении? Я не слышал твоего мнения.

Каролина отвела взгляд в сторону.

— Родди, если бы дело было только во мне, я бы сказала: «Завтра. И нечего тянуть». Я бы даже пошла в первой группе.

— Отлично! Но что с ними со всеми случилось? Грант их словно стреножил, и я никак не пойму, в чем дело. — Он почесал в голове. — Может, нам есть смысл организовать свою группу? Я, ты, Джимми и Джекки, Бакстеры, Рой, еще несколько человек из тех, кто так рвался сегодня вперед — короче, все те, кого тянет на новое место.

Каролина вздохнула.

— Ничего не выйдет, Родди.

— Но почему?

— Я пойду. Кто-то из молодых тоже пойдет ради забавы. Джимми и Джекки — если ты будешь настаивать. Но они постараются увильнуть, если ты не станешь давить. Бакстерам этого просто делать не следует,

и я думаю, Боб не согласится. Кармен сейчас не в самой лучшей форме для таких путешествий.

13

Непобедимый

До голосования так и не дошло. Задолго до пятницы Род понял, как оно пройдет — человек пятьдесят будут против, меньше половины этого числа за, причем его друзья будут голосовать за, скорее из преданности, чем из искренней убежденности. А может, и они проголосуют в конце концов против.

Род решил поговорить с Каупером наедине.

— Грант, твоя взяла. Даже Рой на твоей стороне. Но ты можешь их переубедить.

— Сомневаюсь. Род, ты не поймешь, что мы уже укоренились здесь, приросли. Возможно, вы нашли место получше... Но уже поздно. В конце концов, это место тоже выбрал ты.

— Не совсем так. Это случилось само собой.

— В жизни многое случается само собой. Приходится это учитывать и выбирать лучшее из возможного.

— Ну так и я о том же! Я понимаю, что переход — дело нелегкое, но нам это по силам. Можно делать переходы покороче, полегче. Можно послать парней поздоровее за всем тем, что мы не хотели бы бросать. В конце концов, мы можем перенести кого-то на носилках — надо только побольше охраны.

— Если поселение проголосует за, то я согласен. Но я не стану их переубеждать. Послушай, Род, ты просто вбил себе в голову, что лагерь плохо защищен, однако факты говорят против тебя. И потом, посмотри, что у нас уже есть: проточная вода выше по течению — и ею же мы смываем мусор и нечистоты ниже, — удобные и вполне пригодные для такого климата дома, соль... Там есть соль?

— Не знаю. Мы не искали. Но соль легко будет принести с морского побережья.

— А здесь это совсем близко. Кроме того, есть шанс, что у нас будет металл. Ты ведь еще не видел рудный пласт, что мы нашли, верно? С каждым днем поселение оснащается все лучше — короче, уровень жизни растет. У нас здесь настоящая колония, хотя никто не ставил перед нами такой задачи, и мы вправе гордиться этими достижениями, потому что все сделали своими руками. Зачем же бросать то, что здесь создано, и переселяться в пещеры, где мы будем жить как дикари?

— Грант, — вздохнул Род, — помимо того, что лагерь плохо защищен, в сезон дождей этот берег может затопить.

— Не думаю. Но если такое случится, у нас будет достаточно времени, чтобы как-то выйти из положения. Сухой сезон еще только начинается, так что давай поговорим на эту тему через несколько месяцев.

Род сдался. Однако он отказался занять пост менеджера поселения, и точно так же отказалась Каролина. Назначили Билла Кеннеди, а Род занялся охотой под началом Клиффа. Спал он в большом сарае выше по течению, вместе с остальными холостяками и, когда подходила его очередь, заступал на ночные дежурства. Пока они с Роем отсутствовали, вахту снова сократили до одного человека, и главной обязанностью дежурного стало поддерживать огонь в заградительных кострах. Кое-кто ратовал за то, чтобы упразднить и ночные костры: собирать дрова поблизости становилось все труднее, и многие считали, что для безопасности лагеря вполне достаточно колючей изгороди.

Род молчал, но по ночам спал очень чутко.

Дичи по-прежнему хватало, но животные стали более пугливы. Антилопы теперь не паслись на открытой местности, как в дождливую погоду — все чаще приходилось искать их по зарослям и гнать на засаду. Хищников вроде бы стало меньше. Однако впервые поселенцам пришлось задуматься о странных сезонных повадках местной фауны после инцидента с мелким и, казалось бы, не опасным хищником. В тот день Мик Махмуд вернулся в лагерь с покусанной ногой. Боб Бакстер забинтовал ему раны и спросил, что случилось.

— Не поверишь!

— Ну-ка, ну-ка!

— Всего лишь «сонный кролик». Я поначалу даже не обратил на него внимания. А через секунду он вцепился мне в ногу, и я оказался на спине. Ты сам видел, как он меня обглодал, прежде чем я всадил в него нож. Да еще и челюсти пришлось разжимать.

— Тебе просто повезло, что ты не истек кровью.

Услышав об этом происшествии, Род сразу же рассказал Рою. Один раз им уже встретился агрессивно настроенный «сонный кролик», и Роду показалось, что это серьезно. Он поделился своими сомнениями с Клиффом, и тот предупредил всех, кто выходит за пределы лагеря, чтобы они были настороже: «сонные кролики», похоже, стали опасны.

А через три дня началась миграция животных.

Первое время казалось, что звери перемещаются бесцельно, но почему-то в одном направлении, вниз по течению. Антилопы и олени давно уже перестали пользоваться водопоем чуть выше лагеря и редко когда забредали в небольшую долину. Теперь же они появлялись все чаще, но, обнаружив изгородь, удирали прочь. Впрочем, это касалось не только антилоп. Бескрылые птицы с большими, похожими на маски головами, грызуны, корнееды и прочие, которым переселенцы даже не придумали названия, — все включились в миграцию. Один из тех напоминающих львов хищников, которых поселенцы прозвали стоборами, тоже появился как-то раз у изгороди при свете дня, оглядел преграду, взмахнул хвостом, потом вскарабкался по скале и двинулся дальше вдоль реки.

Клифф вернул все охотничьи отряды в лагерь: зачем охотиться, когда дичь сама идет к поселению?

Когда стемнело, у Рода возникло неуютное, тревожное чувство. Он оставил свое место у костровой ямы и подошел к Джимми с Жаклин.

— Слушайте, что происходит? Даже как-то страшно...

Джимми пожал плечами.

— Я тоже чувствую. Может, это из-за странного поведения животных... А ты слышал, что сегодня убили одного «сонного кролика» прямо в лагере?

— Я знаю, в чем дело, — неожиданно сказала Жаклин. — «Гранд-опера» заткнулась.

«Гранд-оперой» Джимми прозвал существа с дикими голосами, что превратили первую ночь Рода на планете в кошмарную осаду. После заката они каждый вечер устраивали примерно часовые концерты. Род уже давно привык к ним и замечал не больше, чем цикад на Земле. Во всяком случае, он даже не мог вспомнить, когда в последний раз сознательно прислушивался к их безумным воплям.

Теперь же они не развопились вовремя, и это его встревожило.

Род неуверенно улыбнулся.

— Точно, Джекки. Странно, как все-таки к этим вещам привыкаешь. Думаешь, у них забастовка?

— Скорее, похороны, — ответил Джимми. — Завтра, наверно, опять концерт устроят.

Уснул Род с трудом и, когда прозвучал сигнал тревоги, мгновенно выскочил из холостяцкого сарая с ножом в руке.

— Что случилось?

Дежурил на этот раз Артур Нилсен.

— Все уже нормально, — ответил он, немного нервничая. — Бык проломил ограду, и эта тварь пробралась внутрь. — Он указал на труп «сонного кролика».

— У тебя кровь на ноге.

— Просто царапина.

Вокруг уже собрались все остальные поселенцы. Каупер протолкался в центр и сразу оценил ситуацию.

— Вакси, займись раной. Билл... Где Билл? Билл, поставь на вахту кого-нибудь еще. И как только рассветет, нужно починить изгородь.

Небо на востоке стало уже серым.

— Можно и не ложиться, — предложила Марджерри. — Скоро будем завтракать. Я пойду разведу огонь.

Она отправилась за горящей веткой к сторожевому костру. Род выглянул через пролом в ограде. Бык лежал на земле в дальнем конце поляны, и в него вцепилось по крайней мере шесть «сонных кроликов». Подошел Каупер, выглянул наружу и спросил:

— Как, по-твоему, мы их сможем прикончить?

— Разве что из ружья.

— Жалко тратить на них патроны.

— Конечно.

Немного поразмыслив, Род двинулся к сложенным в кучу бамбуковым палкам, что заготавливались для новых строений. Выбрал одну покрепче, но не длинную — до плеча, — затем уселся на землю и, привязав «Леди Макбет» полоской кожи к концу палки, смастерил себе копье. Каролина заметила его, подошла, присела рядом на корточки.

— Что ты делаешь?

— Кроликобой.

Она понаблюдала еще немного, затем вдруг вскочила на ноги и сказала:

— Пожалуй, я себе тоже сделаю такую штуку.

К рассвету животные уже неслись вдоль реки во весь опор, словно за ними наступал лесной пожар. Поскольку с приходом сухого сезона река обмелела, ниже каменного уступа, где расположился лагерь, получилось что-то вроде миниатюрного пляжа от метра до двух шириной. Изгородь из кустарника протянули, чтобы закрыть и этот участок, но обезумевшие животные проломили ее и теперь неслись нескончаемым потоком под самым поселением, у воды.

Несколько бесплодных попыток остановить их ни к чему не привели, и в конце концов поселенцы оставили животных в покое: они так и так попадали в замкнутую долину лагеря, а проход между крутым берегом и водой служил своего рода «аварийным клапаном». По крайней мере, животным было теперь куда деться — иначе этот бешеный поток просто снес бы ограду целиком.

Впрочем, мелкие животные все равно проникали внутрь и, не обращая внимания на людей, неслись дальше.

Род оставался у изгороди и даже завтрак съел стоя. С рассвета он уже убил шесть «сонных кроликов», но у Каролины счет был еще выше.

Глядя на них, и остальные принялись мастерить копыя. К счастью, «сонных кроликов» попадало в лагерь не так много: в основном они гнали зверье вдоль реки. Тех же, что проникали за изгородь, убивали копыями: с ножом в руке справиться с ними было гораздо сложнее.

Обходя ограду, Каупер и Кеннеди оставались рядом с Родом. Оба выглядели встревоженно.

— Род, — спросил Грант, — как, по-твоему, долго еще это будет продолжаться?

— Откуда я знаю? Наверно, пока они не кончатся. Выглядит это... Взять его, Коротыш! Выглядит это, как будто «сонные кролики» гонят всех остальных, но я так не думаю. Мне кажется, они все с ума посходили.

— Но почему? — спросил Кеннеди.

— Убей меня бог. Хотя теперь я, похоже, догадываюсь, откуда на морском побережье столько костей. Но почему это происходит? Почему куры бегут через дорогу? Почему лемминги устраивают массовые самоубийства? Откуда берутся тучи саранчи?.. Сзади! Прыгай!

Кеннеди подпрыгнул. Род одним ударом прикончил очередного «кролика», и они продолжали разговор.

— Лучше отряди кого-нибудь, чтобы бросали этих тварей в воду, Билл, а то они скоро вонять начнут. Знаешь, Грант, пока еще все в порядке, но я знаю, что бы я сделал.

— Что? Перебрался в эти пещеры? Род, ты был прав, но сейчас уже слишком поздно.

— Нет. Это все в прошлом. Забудь. Больше всего меня сейчас путают эти злющие маленькие дьяволы. Они теперь совсем не сонные — они стремительны, свирепы... и так или иначе просачиваются через изгородь. Пока мы еще с ними справляемся, но что будет, когда наступит ночь? Нужна целая цепочка костров вдоль изгороди и вдоль всего берега. Огонь — это единственное, что может их остановить. По крайней мере, хотелось бы так думать.

— Для этого нужно очень много дров. — Грант взглянул на изгородь и нахмурился.

— Еще бы. Но так мы сможем продержаться и ночью. Знаешь что, дай-ка мне топор и шестерых парней с копьями. Я поведу группу.

Кеннеди покачал головой.

— Это моя работа.

— Нет, Билл, — твердо сказал Каупер. — С ними пойду я. А ты оставайся и защищай поселение.

До конца дня Каупер выходил за дровами с двумя группами, и по одному разу ходили Билл и Род. Они выбирали периоды, когда поток животных на время ослабевал, но группе Билла пришлось просидеть в лесу над пещерой два часа в бездействии. Они решили, что оттуда будет удобно сбрасывать дрова в лагерь, однако по большей части вынуждены были пережидать наплывы зверья на деревьях. В маленькой долине вокруг поселения уже давно не осталось ни одной сухой деревяшки, и, чтобы найти пригодные для костра дрова, приходилось подниматься выше, в лес.

Пятую группу, ближе к вечеру, повел Клифф Паули, главный охотник, но у них сразу сломалась рукоятка топора, и они вернулись лишь с тем, что смогли нарубить ножами. Пока их не было, один из гигантских быков сорвался со скалы над лагерем, упал вниз и сломал себе шею. В шкуру ему вцепились четыре «кролика», и, поскольку они даже не разжали челюстей, убить их оказалось несложно.

Вечером Джимми и Род дежурили с копьями у изгороди. Джимми оглянулся назад, туда, где две девушки сбрасывал в реку трупы «сонных кроликов».

— Знаешь, Род, — произнес он задумчиво, — мы все не так поняли. Стоборы-то вот они. Настоящие стоборы.

— А?

— Те большие кошки вовсе никакие не стоборы. Мастер предупреждал нас именно об этих вот тварях.

— Как там их ни называй, они меня устраивают только мертвые. Вставай. Вон еще один лезет.

Перед наступлением темноты Каупер приказал разжечь костры. Больше всего его беспокоило, чтобы случайно не спалили водопровод, но вскоре вопрос решился сам собой: труба вздрогнула, и вода иссякла. Видимо, выше по течению какая-то зверюга наконец разнесла хрупкое сооружение на куски.

Поселенцы уже давно перестали пользоваться большими бурдюками, и теперь в запасе осталось всего несколько литров воды — в горшке, что использовали повара. Впрочем, никто не посчитал, что это опасно — так, всего лишь очередная трудность. Главной задачей было разложить костры вокруг лагеря. Человек пять

или шесть уже пострадали — никто не погиб, но укусы и раны от когтей тоже дело серьезное, — и почти все от нападений маленьких хищников, которых они презрительно называли «сонными кроликами». Запасы антисептиков, и без того значительно сократившиеся за долгие месяцы существования колонии, теперь буквально таяли на глазах, и Боб Бакстер решил экономить, тратя лекарства только на самые тяжелые раны.

Когда дрова разложили по широкой дуге, протянувшейся внутри ограды до берега и дальше прямо к пещере, стало понятно, что дневные труды напрасны: в кучах осталось не намного больше, чем разложили. Билл Кеннеди бросил один взгляд на кучи и сказал:

— На всю ночь не хватит, Грант.

— Должно хватить, Билл. Поджигай.

— Может быть, если мы отодвинемся от ограды и берега, а затем срежем до скалы... Как ты думаешь?

Каупер прикинул, насколько это будет экономнее, и покачал головой.

— Так не намного короче... Не зажигай пока костры ниже по течению — только если зверье вдруг полезет назад. И давай шевелиться: уже темнеет.

Он прошел к кухонному костру, вытащил горящую ветку и принялся разжигать протянувшиеся цепочкой костры. Кеннеди помогал, и вскоре по всему краю поселения запылал огонь. Каупер бросил ветку в костер и сказал:

— Билл, подели мужчин на две вахты, а всех женщин отправь наверх, в пещеру. — пусть там как-нибудь разместятся.

— Их же больше тридцати. Едва ли из этого что выйдет.

— Пусть потеснятся. Но отправь их в пещеру. И раненых мужчин тоже.

— Ладно. — Кеннеди пошел отдавать распоряжения, и спустя несколько минут к Кауперу с копьём в руке подлетела Каролина.

— Грант, что это за чушь такая? Кто решил загнать девчонок наверх? Если ты думаешь, что я буду сидеть в пещере, пока вы тут развлекаетесь, то у тебя с головой что-то не в порядке.

Каупер посмотрел на нее усталыми глазами.

— Кэрл, у меня нет времени на глупые препирательства. Заткнись и делай, как я сказал.

Каролина открыла было рот, потом закрыла и молча двинулась к пещере. Подбежал Боб Бакстер. Род заметил, как встревоженно тот выглядит.

— Грант? Ты приказал укрыть всех женщин в пещере?

— Да.

— Извини, но Кармен не может.

— Тебе придется ее отнести. О ней я как раз и думал в первую очередь.

— Но... Боб замолчал, отвел Гранта чуть поодаль от остальных и принялся в чем-то его убеждать — тихо, но настойчиво. Грант покачал головой.

— Это опасно, Грант, — продолжал Боб, повышая голос. — Я не могу рисковать. Интервалы между схватками уже девятнадцать минут.

— М-м-м... Ладно. Оставь с ней двух женщин. Возьми Каролину, хорошо? По крайней мере, она не будет ко мне цепляться.

— О'кей. — Бакстер торопливо двинулся к пещере.

Кеннеди и еще более десятка мужчин заступили в первую вахту, растянувшись вдоль линии костров. Роду выпало дежурить во вторую смену, которой руководил Клифф Паули. Он двинулся было к дому Бакстеров, чтобы узнать, как там Кармен, но Агнесса его прогнала. Тогда Род отправился в холостяцкий сарай и попытался уснуть.

Разбудили его крики, и, выскочив из сарая, он успел заметить, как похожее на льва чудовище метров пять длиной пронеслось по лагерю и скрылось ниже по течению. Зверь одним прыжком перемахнул через ограду, оставив далеко позади и острые колья и костры.

— Эй, никого не зацепило? — крикнул Род.

— Нет. Он даже не остановился помахать хвостом, — ответил Коротыш Дюмон. На левой икре у него темнела глубокая царапина, по ноге стекала кровь, но Коротыш этого даже не замечал.

Род заполз в сарай и снова попытался уснуть. Во второй раз он проснулся, когда затряслись стены. Род торопливо выбрался наружу и спросил:

— Что происходит?

— Это ты, Род? Я не знал, что внутри кто-то есть. Давай-ка помоги. Мы хотим его сжечь. — Голос принадлежал Бобу Бакстеру. Он перерезал привязанные к угловому столбу полоски кожи и теперь во всю его раскачивал.

Род положил копье в сторону, чтобы случайно не наступить на него в темноте, сунул «Полковника Боуи» в ножны и подключился к делу: строили сарай из бамбука и веток, крыли тростником и глиной, так что дров получилось бы достаточно.

— Как Кармен?

— О'кей. Все идет нормально. Но здесь от меня больше пользы. Да и потом, женщины меня сами выгнали.

Бакстер с грохотом повалил угол сарая, сгреб полную охапку обломков и заторопился прочь. Род набрал дров и двинулся за ним.

Резервный запас дров исчез. Кто-то срывал крышу с «мэрии» и швырял куски на землю, чтобы отбить глину. Стены у этого здания были из обожженных на солнце кирпичей, но крыша вполне годилась для костра. Род подошел ближе и увидел, что символ суверенного поселения уничтожает сам Каупер, причем работал он с каким-то даже остервенением.

— Давай я этим займусь, Грант, ты хоть немного отдыхал?

— А? Нет.

— Пойди отдохни. Ночь будет длинная. Сколько сейчас?

— Не знаю. Должно быть, полночь.

Неподалеку вспыхнул огонь, и Каупер повернулся в ту сторону, вытирая лицо рукой.

— Род, смени Билла и возьми на себя командование второй сменой. У Клиффа глубокие раны, и я отправил его наверх.

— О'кей. Жечь все, что горит?

— Все, кроме крыши над домом Бакстеров. Но расходуй дрова экономно: нужно протянуть до утра.

— Ясно. — Род бросился к цепочке костров и отыскал Билла. — Я тебе сменю. Приказ Гранта. Иди немного поспи. Как они, прорываются?

— Не очень много. И не далеко. — Копье Билла потемнело от крови. — Я все равно не буду спать, Род. Так что найди место вдоль ограды и помогай.

Род покачал головой.

— Ты же еле на ногах держишься. Приказ Гранта.

— Нет!

— Ладно. Знаешь что, бери свою банду и идите ломайте сарай наших старых дёв. По крайней мере, какая-то перемена.

— М-м-м... хорошо. — Кеннеди, шатаясь, пошел в глубь леса.

Поток зверья на какое-то время ослабел. За оградой стало спокойно, и у Рода появилась возможность разобратся со своей вахтой. Он сразу отослал спать тех, кто дежурил с заката, и послал за сменой. Затем назначил Дуга Сандерса и Мика Махмуда костровыми. Приказав, чтобы никто, кроме них, не смел подбрасывать дрова в огонь.

Вернувшись к центру линии обороны, он обнаружил там Боба Бакстера с копьём в руке.

— Медику вовсе не обязательно драться на передовой, — сказал Род, положив руку ему на плечо. — Положение не настолько плохо.

— Аптечка у меня с собой — по крайней мере, то, что от не осталось, — ответил тот, пожимая плечами, — а здесь она нужнее всего.

— Тебе других забот мало?

Бакстер через силу улыбнулся.

— Но это лучше, чем ходить под дверью взад-вперед... Смотри, Род, опять зашевелились. Может, стоит разжечь костры посильней?

— Не надо. А то нам не хватит дров до утра. Я думаю, и этих костров достаточно — не перепрыгнут.

Бакстер не ответил, потому что в этот момент сквозь ограду пролез «сонный кролик». Он махнул через низкое пламя, и Боб тут же проткнул его копьём. Род сложил ладони рупором и прокричал:

— Развести огонь посильнее! Но не очень!

— Сзади, Род!

Род подпрыгнул, обернулся и в прыжке подколол еще одного «кролика».

— Откуда он взялся? Я даже не видел, где он пролез.

Не успел Боб ответить, как из темноты вынырнула Каролина.

— Боб! Боб Бакстер! Мне нужно найти Боба Бакстера!

— Он здесь! — крикнул Род.

Лицо Боба исказилось гримасой отчаянья, и он с трудом произнес:

— Что с ней? Она...

— Нет! Нет! — закричала Каролина. — С ней все в порядке. Она прекрасно себя чувствует. *И у тебя девочка!*

Бакстер выронил копье и молча повалился без чувств. Каролина успела подхватить его и тем самым спасла от ожогов. Боб открыл глаза и сказал:

— Извините. Ты меня напугала. Там в самом деле все в порядке?

— В лучшем виде. И ребенок тоже. Килограмма три будет. Дай-ка мне свой тесак — тебя Кармен зовет.

Бакстер, качаясь, пошел к дому, а Каролина заняла его место и улыбнулась Роду.

— Я так счастлива, что все обошлось! Как тут дела, Родди? Все кипит? Ну-ка я сейчас подколю штук восемь-десять этих тварей!

Спустя несколько минут появился Каупер.

— Ты уже слышал хорошие новости? — спросила Каролина.

— Да. Я только что оттуда. — Ни словом не обмолвившись по поводу присутствия Каролины на передовой, он обратился к Роду. — Мы делаем носилки из остатков водопровода, чтобы затащить Кармен в пещеру. Потом их сбросят вниз, и можете бамбук сжечь.

— Отлично.

— Ребенка отнесет Агнесса. Род, сколько, по-твоему, людей войдет в пещеру?

— Хм! — Род обернулся и взглянул на каменный уступ. — Они и так, должно быть, скоро через край посыпятся.

— Боюсь, да. Но мы просто должны набить в пещеру как можно больше. Я хочу послать наверх всех

женатых мужчин и самых молодых парней тоже. Здесь будут держаться холостяки...

— Я тоже «холостяк»! — перебила его Каролина.

Каупер не обратил на нее внимания.

— Как только Кармен будет в безопасности, я загоню всех наверх. Огонь прогорит уже совсем скоро. — Он повернулся и двинулся к пещере.

Каролина тихо присвистнула.

— Похоже, мы здорово повеселимся, Родди.

— У меня о веселье несколько иное представление. Подержи-ка пока оборону, Кэрл. Мне надо разобраться с людьми. — И он двинулся вдоль линии огня, отдавая распоряжения, кому остаться, а кому идти к пещере.

— Я не пойду, — скорчил физиономию Джимми. — Пока все не уйдут, я не пойду. Как я посмотрю Джекки в глаза?

— Ты пристегнешь одну губу к другой и сделаешь, как скажет Грант. А то еще и от меня получишь. Ясно тебе?

— Ясно. И мне все равно это не нравится.

— Никто от тебя этого не требует. Просто сделай, как тебе говорят. Джекки видел? Как она?

— Недавно бегал смотреть. Все в порядке, только немного потащивает. Но, узнав о Кармен, она почувствовала себя гораздо лучше.

Никаких ограничений по возрасту Род не учитывал. Без женатых мужчин, раненых и всех женщин выбор у него был совсем небольшой; он просто приказал всем, кого сам считал слишком молодым и слишком неопытным, уйти, когда будет дан сигнал. Оставалось с полдюжины парней, он, Каупер и... возможно, Каролина. Убедить ее уйти — задача не из легких, и Род решил до поры до времени не связываться.

Он обернулся и обнаружил рядом Каупера.

— Кармен уже подняли, — сказал тот. — Можешь отправлять остальных.

— Тогда можно сжечь крышу дома Бакстеров.

— Я уже сорвал ее, пока Кармен тащили наверх. — Каупер огляделся. — Кэрл! В пещеру!

Каролина встала напротив него.

— Не пойду!

— Кэрл, — мягко сказал Род, — ты же слышала. Наверх. И быстро!

Бросив на него сердитый взгляд, она надула губы, пробормотала: «Ну раз ты так *просишь*, Родди Уокер...», повернулась к ним спиной и побежала вверх по тропе.

Род сложил ладони рупором и крикнул:

— Все, кроме тех, кому я сказал остаться, тоже наверх! Быстро!

Половина из тех, кому полагалось уйти, уже взбирались по тропе к каменной террасе, когда сверху донесся голос Агнессы:

— Эй! Потише! Если будете так толкаться, кто-нибудь свалится с обрыва.

Цепочка людей замерла.

— Всем выдохнуть! — крикнул Джимми. — Вот так оно лучше.

Кто-то снизу тут же откликнулся:

— Сбросьте Джимми в реку — будет еще лучше.

Очередь снова поползла вверх, теперь медленнее, и минут за десять они все-таки совершили невозможное — упаковали почти семьдесят человек в пещеру, где при нормальных обстоятельствах больше десятка уже чувствовали бы себя стесненно. Короче, расположились, как сардины в банке. Стоять в полный рост там можно было лишь у самого входа, поэтому девушек, сидя или на корточках, задвинули подальше и так плотно, что они едва могли дышать. Стоявшим у входа было легче, но в темноте кто-нибудь мог оступиться или же не удержаться на ногах, когда другой нечаянно толкнет локтем.

— Посмотри тут пока, Род. Я схожу проверю.

Грант взбежал по тропе и через несколько минут вернулся.

— Тесно, как на дне мешка, — сказал он. — Однако у меня есть план. Если нужно, они все-таки смогут еще немного потесниться. Раненым будет неудобно, и Кармен придется сесть — сейчас она лежит, — но это возможно. Когда погаснут костры, мы втиснем туда остальных и, выставив копыя над краем тропы, сумеем продержаться до рассвета. Понятно?

— Деваться некуда.

— Договорились. Когда придет время, ты идешь предпоследним, я замыкаю.

— Э-э-э... Давай кинем жребий.

Каупер грубо выругался, что с ним случилось крайне редко, и добавил:

— Я здесь главный. Я пойду последним. А сейчас нужно обойти костры и побыстрее все, что осталось, — в огонь. Затем соберем людей здесь. Ты иди вдоль берега, я — вдоль ограды.

Они побросали остатки дерева в огонь — времени это отняло совсем немного — и собрались у подножия тропы: Рой, Кенни, Дик, Чарли, Ховард, Род и Грант. Накатила новая безумная волна мигрирующих животных, но пока огонь еще сдерживал их, заставляя двигаться в обход лагеря по узкому перешейку у воды.

У Рода затекли пальцы, и он перебрросил копье в левую руку. Огонь умирал, лишь кое-где оставляя после себя светящиеся угли. Род с надеждой взглянул на восточный небосклон, но тут Ховард Голдштейн сказал:

— В дальнем конце один уже прорвался.

— Спокойно, Голди, — ответил Каупер. — Если он сюда не полезет, мы его не трогаем.

Род снова перекинул копье в правую руку. «Сонные кролики» проникли за стену огня уже в нескольких местах, но, что еще хуже, теперь угли давали так мало света, что хищников почти не было видно.

Каупер повернулся к Роду.

— Ладно, все наверх. Ты их пересчитай, — распорядился он и добавил громче: — Билл! Агнесса! Потеснитесь там, к вам пополнение!

Род бросил взгляд на ограду, затем сказал:

— О'кей. Кенни — первый. Следующий — Дуг. Не толкайтесь. Голди. Потом Дик. Кто остался? Рой... — Род обернулся, почувствовав, что за спиной у него что-то произошло.

Гранта рядом не было. Он стоял неподалеку от ограды, склонившись над гаснущим костром.

— Эй, Грант!

— Сейчас вернусь! — Каупер выбрал тлеющий сук и несколько раз взмахнул им в воздухе, отчего пламя снова занялось. Перепрыгнув через угли, он пробрался между острыми кольями, подбежал к изгороди из колючего кустарника и сунул туда свой факел. Сухие

ветки тут же вспыхнули. Грант медленно отошел назад, пробираясь между кольями.

— Я тебе помогу! — крикнул Род. — Зажгу с другого конца.

Каупер обернулся, и огонь высветил его суровое бородатое лицо.

— Назад! Поднимай всех наверх! Это приказ!

Люди на тропе остановились, и Род, прорывав: «Вперед, остолопы! Шевелитесь!», ткнул кого-то тупым концом копья в зад.

Когда он обернулся, Каупер уже поджигал изгородь в другом месте. Он выпрямился, собираясь двинуться дальше, потом резко повернулся и прыгнул через полосу погашенных костров. Остановился, ткнул копьем куда-то в темноту... и вдруг закричал.

— Грант! — Род соскочил вниз и бросился вперед, но, когда он подбежал к Кауперу, тот уже лежал на земле и в каждую его ногу вцепилось по «сонному кролику». Совсем рядом подбирались еще несколько. Род ткнул копьем одного, стараясь не задеть Гранта, выдернул, затем второго. И тут он почувствовал, как «кролик» вцепился в ногу уже ему. Он едва успел удивиться, что почти не чувствует боли, как стало дико больно. Род повалился на землю, и копье выпало у него из рук, но пальцы сами нащупали рукоять ножа, и «Полковник Боуи» одним ударом прикончил вцепившуюся в ногу тварь.

Дальше, как ему казалось, все происходило в какой-то кошмарной замедленной съемке. Лениво, словно нехотя, люди били копьями еле ползающих хищников. Пламя, взметнувшееся над колючей изгородью, высветило еще одного подбирающегося к нему «сонного кролика». Род взмахнул ножом, прикончил очередную тварь, перекатился на живот и попытался встать...

Очнулся он от бьющего в глаза яркого дневного света. Пошевелившись, и нога тут же отозвалась вспышкой боли. Подняв голову, Род увидел компресс из листьев, аккуратно перемотанный полоской кожи. Ле-

жал он в пещере, а рядом лежали еще несколько человек. Род привстал на локтях.

— Эй, кто-нибудь...

— Ш-ш-ш! — Сью Кеннеди подползла ближе и склонилась над ним. — Ребенок спит.

— О!

— Я сейчас дежурная медсестра. Тебе что-нибудь нужно?

— Нет вроде. Слушай, а как они ее называли?

— Хоуп* Роберта Бакстер. Красивое имя. Я скажу Каролине, что ты проснулся.

Вскоре появилась Каролина, присела рядом на корточки и, бросив многозначительный взгляд на его лодыжку, сказала:

— Будешь теперь знать, как веселиться без меня.

— Видимо, буду. Как у нас дела, Кэрол?

— Шестеро ранены серьезно. Ходячих раненых примерно вдвое больше. Кто здоров, все собирают дрова и рубят кустарник. Топор мы уже починили.

— А как же... Уже что, не нужно отбиваться от этих тварей?

— Сью тебе ничего не сказала? За все утро сюда забрели лишь несколько оленей, и те — как сонные мухи. Больше никого.

— Это может начаться опять.

— Если начнется, мы будем готовы.

— Хорошо. — Род попытался встать. — Где Грант? Сильно ему досталось?

Каролина покачала головой.

— Грант не выжил, Родди.

— Как?

— Бобу пришлось ампутировать ему обе ноги у колен, руку тоже нужно было отрезать, но Грант не выдержал операции, умер. — Она взмахнула рукой, словно подвела черту. — Его похоронили в реке.

Род хотел что-то сказать, но не выдержал и отвернулся, уронив голову на грудь. Каролина положила руку ему на плечо.

— Не переживай так сильно, Родди. Боб зря пытался его спасти. В такой ситуации лучше умереть.

* Норе (англ.) — надежда.

Роду пришло в голову, что она, возможно, права: на этой планете пока не существовало анатомических банков. Но легче не стало.

— Не ценили мы его, — пробормотал он.

— Перестань! — сердито прошептала Кэрол. — Грант всегда был дураком.

— Как тебе не стыдно, Кэрол? — спросил Род укоризненно и с удивлением увидел у нее на глазах слезы.

— Ты сам это знаешь. И все знают, но мы все равно его любим. Я бы даже вышла за него замуж, только он никогда не предлагал. — Она смахнула слезы. — Ты уже видел ребенка?

— Нет.

Лицо Кэрол озарилось радостью.

— Сейчас я ее принесу. Красавица!

— Сю сказала, что она спит.

— М-м-м... тогда ладно. Но я, собственно, пришла по другому поводу. Какие буду распоряжения?

— В смысле? — Род подумал, что раз Гранта больше нет... — Билл его заместитель. Он что, тоже лежащий?

— Сю тебе ничего не сказала?

— А что она должна была сказать?

— Ты — наш новый мэр. Тебя выбрали сегодня утром. Пока ты спал, мы с Биллом и Роем пытались хоть как-то наладить работу.

Род почувствовал, что у него кружится голова. Лицо Кэрол то отдалялось, то снова наплывало, и он испугался, что потеряет сознание.

— ...деревя достаточно, — продолжала Каролина, — и к закату мы отстроим изгородь. Мяса пока хватает. Марджери все кромсает того быка, что свалился вчера со скалы и свернул шею. На новое место нам все равно не перебраться, пока Кармен, ты и другие раненные не поправятся, так что мы решили хотя бы на время привести лагерь в порядок. Как, по-твоему, что-нибудь еще нужно сделать прямо сейчас?

Род задумался.

— Нет. Не прямо сейчас.

— О'кей. Тебе положено отдыхать. — Каролина попятилась и встала. — Я загляну позже.

Род вытянул ногу и перевернулся. Спустия какое-то время волнение оставило его, и он уснул. Сюю принесла бульон в горшке и подержала ему голову, пока он пил. Затем подползла ближе с Хоуп Бакстер на руках и показала ему новорожденную. Род, как в таких случаях полагается, сюсюкал и говорил какие-то глупости, а про себя думал: неужели все новорожденные выглядят так же?

Затем его оставили в покое, и все это время он думал. Каролина вернулась вместе с Роем.

— Как дела, вождь? — спросил Рой.

— Готов откусить башку гремучей змее.

— Нога у тебя — не дай бог, но это пройдет. Мы прокипятим листья, и у Боба еще останутся антисептики.

— Я себя нормально чувствую. Температуры вроде нет.

— Джимми всегда говорил, что тебя ничего не берет, — добавила Каролина. — Что-нибудь нужно, Родди? Или хочешь нам что-нибудь сказать?

— Да.

— Что?

— Вытащите меня отсюда. Помогите спуститься по тропе.

— Тебе нельзя, — торопливо сказал Рой. — Ты еще не оклемался.

— Ты так считаешь? Давай-ка или помоги, или отойди с дороги. И соберите всех вместе. У нас будет общее собрание.

Они переглянулись и вышли из пещеры оба. Род сам дополз до каменного карниза, когда у входа в пещеру появился Бакстер.

— Ну-ка, Род! Давай назад и ложись!

— Отойди.

— Послушай, друг, я не люблю применять силу в отношении больных, но, если ты меня вынудишь, я это сделаю.

— Боб... Сильно у меня нога повреждена?

— Все будет в порядке — если будешь меня слушаться. Если ж нет... Знаешь, что такое гангрена? Когда нога чернеет и появляется такой сладковатый запах?..

— Не надо меня запугивать. Что мешает спустить меня вниз на веревках?

— Ну если так только...

Спускали Рода, пропустив две веревки под мышками и третьей поддерживали больную ногу. Операцией руководил Бакстер. Внизу его подхватили и уложили на землю.

— Спасибо, — буркнул Род. — Здесь все, кто может ходить?

— Кажется, да, Родди. Пересчитать?

— Не надо. Насколько я понимаю, сегодня утром вы избрали меня кап... мэром поселения?

— Верно, — подтвердил Кеннеди.

— Какие были еще кандидатуры? Сколько голосов я набрал?

— Э-э-э... тебя выбрали единогласно.

Род вздохнул.

— Спасибо. Хотя я не уверен, что согласился бы с вами, будь это в моем присутствии. Теперь вот что. Вы ожидаете, что я поведу вас к тем пещерам, которые нашли мы с Роем, так? Каролина что-то об этом говорила...

— Мы не ставили вопрос на голосование, Род, но все считают, что надо перебираться, — несколько озадаченно ответил Рой. — После того что случилось ночью, всем понятно, как опасно здесь оставаться.

Род кивнул.

— Ясно... Так, меня всем видно? Я собираюсь сказать что-то важное. Насколько я знаю, пока нас с Роем не было, вы приняли конституцию и всякие там законы. Я их не читал и поэтому не знаю, насколько легально будет то, что мне хотелось бы вам предложить. Но раз уже мне досталась эта работа, я собираюсь руководить. Если кому-то не понравятся мои решения и мы оба окажемся достаточно упрямы, чтобы вынести конфликт на всеобщее обсуждение, вы будете голосовать. Или вы меня поддерживаете, или снимаете и выбираете кого-то еще. Так пойдет? Твое мнение, Голди? Ты ведь был в законодательном комитете.

Ховард Голдштейн сдвинул брови.

— Ты не очень точно это сформулировал, Род...

— Возможно. Но все-таки?

— То, что ты описал, называется парламентский вотум доверия. В общем-то это основа нашей конститу-

ции. Мы специально его ввели, чтобы закон был прост, но все же демократичен. Это Грант придумал.

— Отлично, — серьезно сказал Род. — Не хотелось бы думать, что я сразу ломаю весь свод законов Гранта, стоивших ему стольких трудов. При первой же возможности я его изучу, обещаю. Но насчет того, чтобы перебираться в пещерный город, мы будем голодовать прямо сейчас. Вотум доверия.

Голдштейн улыбнулся.

— Я и так могу сказать тебе, как пройдет голосование. Никого убеждать не надо.

Род хлопнул ладонями по земле.

— Вы ничего не поняли. Если хотите перебираться, перебирайтесь. Но пусть вас ведет кто-нибудь другой, Рою это вполне по силам. Или Клиффу. Или Биллу. Если же вы слушаете меня, то я скажу так: ни одна хищная и зубастая, но безмозглая тварь не стонит нас с этой земли. Мы — люди. И людям не к лицу отступать — по крайней мере, перед жизнью, и теперь это наша земля! Мы останемся здесь и отстоим ее!

14

Цивилизация

Достопочтенный Родерик Л. Уокер, мэр Каупертауна, глава суверенной планеты GO—73901-11 (по каталогу Лимы), главнокомандующий вооруженными силами, главный судья и Защитник Свобод отдыхал у порога мэрии. При этом он почесывался и раздумывал, не попросить ли кого-нибудь снова подрезать ему волосы — ощущение было такое, будто у него завелись вши, только на этой планете вши не водились.

Напротив сидела на корточках мисс Каролина Беатрис Мийиени, его первый заместитель и менеджер поселения.

— Родди, я им говорила уже тысячу раз — и никакого толку. Грязи от этой семейки больше, чем от всех остальных вместе. Видел бы ты, что у них творилось сегодня утром! Помои прямо у порога дома... Мухи!

— Я видел.

— Что прикажешь делать? Вот если бы ты разрешил мне хорошенько его вздуть... так нет же. Ты слишком мягок.

— Видимо, да. — Род в задумчивости перевел взгляд на кусок сланца, установленный посреди городской площади. Надпись на нем гласила:

Памяти первого мэра
УЛИССА ГРАНТА КАУПЕРА,
который отдал за этот
город свою жизнь

Буквы получились неровные — надпись делал сам Род.

— Грант как-то сказал мне, — заметил он, — что государственное управление — это умение ладить с людьми, которые тебе не нравятся.

— Брюс и Тея мне совершенно не нравятся!

— Мне тоже. Но Грант наверняка нашел бы способ приструнить их без рукоприкладства.

— Ну тогда сам придумывай. Я на это не способна. Родди, тебе вообще не следовало пускать Брюса обратно. Мерзкий тип. А уж когда он женился на этой...

— Похоже, они просто созданы друг для друга, — ответил Род. — Никому другому и в голову бы не пришло взять в жены или в мужа кого-нибудь из них.

— Я же не шучу. Это почти... Хоуп! Ну-ка оставь Гранти в покое! — Каролина вскочила на ноги.

Мисс Хоуп Роберта Бакстер, шестнадцать месяцев от роду, увлеченно колотила в это время мистера Гранта Родерика Трокстона, тринадцати месяцев, а тот, соответственно, хныкал. Оба ползали голые и очень грязные, но это была, что называется, чистая грязь: всего час назад Каролина их мыла. Дети росли полненькие и здоровые.

Хоуп повернулась к Каролине и без тени сомнения заявила:

— Я хаосая!

— Я все видела! — Каролина перевернула ее попкой вверх и легонько шлепнула, затем взяла на руки Гранта Трокстона.

— Дай ее мне, — сказал Род.

— Ради бога, — ответила Каролина и, усевшись на землю, принялась укачивать малыша. — Бедненький. Покажи тете Кэрол, где у тебя бо-бо.

— Не надо так с ним разговаривать, а то вырастет сюсюкалкой.

— Ишь как заговорил! Тоже мне специалист!

Хоуп обняла Рода своими крохотными ручонками и, проворковав «одди», чмокнула его чумазыми губами. Род чмокнул ее в ответ. По его мнению, ребенок был безвозвратно испорчен ласками, но тем не менее он и сам баловал ее сверх всякой меры.

— Вот-вот, — согласилась Кэрол. — Все любят дя-дю Родди. Он раздает медали, а тете Кэрол достается вся грязная работа.

— Кэрол, я тут думал...

— Сегодня жарко. Не перегружай свою думалку.

— ...про Брюса и Тею. Мне нужно с ними погово-
рить.

— Поговорить?!

— После принятия конституции мы еще ни разу не применяли самое серьезное у нас наказание — изгнание. И Макговены ведут себя так безобразно, потому что думают, мы никогда на это не решимся. Хотя я бы с удовольствием их турнул. И если дело до того дойдет, я поставлю вопрос перед городским собранием — или мы их выгоняем, или я оставляю свой пост.

— Тебя все поддержат. Он не мылся уже по крайней мере неделю.

— Поддержат, не поддержат... Я уже семь раз проходил вотум доверия. Когда-нибудь мне повезет, и я заживу наконец спокойно. Но главная задача сейчас — убедить Брюса, что я готов поставить вопрос на голосование, и, если он поверит, делать этого просто не придется. Кому охота оказаться в диком лесу, когда здесь такая славная жизнь? Главное — его убедить.

— Может, если он будет думать, что ты все еще не забыл ту царапину под ребрами...

— Может, я и не забыл. Но мне нельзя опускаться до личных обид, Кэрол. Я слишком для этого горд.

— Хм... Ну тогда скажи наоборот: город, мол, закипает — что совсем не далеко от правды, — и ты пытаешься нас сдержать.

— Вот это уже лучше. Да, я думаю, Гранту бы это понравилось. Надо обмозговать.

— Обмозгуй. — Кэрол встала. — Пойду вымою их еще раз. Честное слово, ума не приложу, где они берут столько грязи!

Она подхватила обоих детей под руки и двинулась к душевой. Род лениво посмотрел ей вслед. В лагере Каролина носила кожаный пояс и травяную юбку из длинных узких листьев, переплетенных особым образом и затем высушенных. Женской половине населения этот фасон пришелся по душе, и к ней нередко обращались за помощью. Однако, отправляясь на охоту, она всегда надевала набедренную повязку, какие носили мужчины.

Из тех же самых листьев, если их вымочить, размять и расчесать, можно было соткать полотно, но его пока не хватало даже на одежду для малышей. Билл Кеннеди выстрогал для Сю примитивный станок, и он в общем-то работал, хотя не очень надежно и не очень быстро, да и ткань получалась всего в полметра шириной. Тем не менее, думал Род, это уже прогресс, уже цивилизация. Они многого достигли.

Теперь город был надежно защищен от стоборов. Стена из высушенного на солнце кирпича огораживала поселение с берега и выше по течению — высокая отвесная скала, преодолеть которую могли разве что эти похожие на львов огромные хищники, но любого «льва», достаточно глупого, чтобы рискнуть, ждала за стеной полоса острых кольев, слишком широкая даже для их могучих прыжков. Навес, под которым отдыхал Род, как раз и был сделан из шкуры хищника, совершившего подобную ошибку. На всем протяжении стены располагались ловушки для стоборов, узкие туннели, выходившие к глубоким ямам, где маленькие свирепые хищники могли сколько угодно рвать друг друга на части — чем они, попадая в ловушки, и занимались.

Возможно, проще было бы заставить стоборов двигаться в обход города, но Роду хотелось уничтожить их

как можно больше — без них, по его мнению, планета стала бы только лучше.

Короче, городу ничто не угрожало. Стоборы продолжали оправдывать прозвище «сонные кролики», выбиваясь из характера только к сухому сезону, и становились по-настоящему опасны лишь во время бешеной ежегодной миграции. Впрочем, последняя миграция прошла без жертв: теперь поселенцы знали, чего опасаться, и защитные сооружения выдержали. Самый пик Род заставил женщин с младенцами пересидеть в пещере, остальные дежурили две ночи у стены, но лезвия ножей так и остались не обогранными кровью.

Борясь с дремотой, Род подумал, что им действительно нужна теперь бумага. Грант был прав: без бумаги управлять поселением оказалось нелегко. Они просто разучатся писать, если не будет практики, а этого допустить нельзя. Кроме того, Роду очень хотелось воплотить в жизнь идею Гранта — записать все полезное, что они знают. Взять, например, логарифмы — они, может, еще несколько поколений никому не понадобятся, но когда-нибудь придет время, и тогда вот... Он все-таки уснул.

— Ты занят, вождь?

Род открыл глаза и увидел перед собой Артура Нилсена.

— Сплю. Рекомендую, кстати. По субботам после полудня это сплошное удовольствие... Чего-нибудь случилось, Арт? Коротыш и Дуг качают мехи без тебя?

— Нет. Эта чертова затычка опять вылетела, огонь погас, и мы загубили плавку, — расстроено сказал Нилсен и устало опустился на землю — только-только от печи, разгоряченный, с красным лицом. На правой руке у него блестел след ожога, но он, похоже, даже не заметил еще, что обжегся. — Род, ну что мы делаем не так, а?

— Спроси что-нибудь попроще. Если бы я знал о выплавке стали больше тебя, мы бы давно поменялись работами.

— Да я в общем-то не всерьез спрашивал. Две вещи, которые «не так», я сам знаю. Во-первых, установка слишком мала, во-вторых, нет каменного угля. Род, чтобы получить чугуны и сталь, нам позарез нужен ка-

менный уголь. С древесным мы не получим ничего, кроме пористого ковкого железа.

— А чего ты ожидал вот так сразу, Арт? Чудес? Ты и без того уже на годы опередил самые смелые мечты. Ты дал металл — и какая разница, ковкое железо это или уран? С тех пор как ты сделал вертела для кухни, Марджери считает тебя гением.

— Да, конечно, железо мы сделали, но нужно больше и лучше. Руда здесь отличная, настоящий гематит. На Земле такой руды никто не встречал в значительных количествах уже несколько веков. И я бы сумел, но нужен каменный уголь. У нас есть глина, известняк, прекрасная руда, но без угля я просто не могу добиться нужной температуры.

Род не беспокоился: колония получала железо. Вакси, однако, переживал.

— Хочешь бросить пока это дело и уйти искать уголь?

— Нет, пожалуй. Я лучше переделаю печь... — Нилсен не остановился и добавил еще много чего по поводу родословной печи, ее грязных привычек и предназначения.

— Кто у нас знает о геологии больше всех?

— Наверно, я.

— А кроме тебя?

— Видимо, Дуг.

— Может, дадим ему двоих парней, и пусть идут искать каменный уголь. На его место у мехов можно поставить Мика... Или знаешь, что... Как насчет Брюса?

— Брюс? Он не будет работать.

— Заставь. Если ты слишком его заездишь и он сбежит, плакать никто не станет. Арт, сделай одолжение, возьми его в дело, а?

— Ну если так надо... Ладно.

— Отлично. И знаешь, в том, что партия стали не удалась, есть один плюс — сегодня ты не пропустишь танцы. Наверно, не следовало начинать плавку к концу недели: тебе нужно отдохнуть денек, да и Дугу с Коротышом отдых тоже не повредит.

— Знаю. Но когда все наконец готово, так прямо и хочется начать. Как мы работаем, так никакого терпения не хватит: прежде чем что-то сделать, нужно сде-

лать все необходимое, а для этого обычно нужно сделать что-то еще, и так до бесконечности... Рехнуться можно!

— Это еще что! Поинтересуйся в сельскохозяйственном департаменте, они тебе расскажут, что такое «рехнуться можно». Видел перед стеной ферму?

— Мы как раз через нее и шли.

— Смотри, Клифф тебя поймает — башку за это оторвет. А я ему еще и помогу — буду держать тебя за руку, чтобы не дергался.

— Тоже мне ферма! Трава — она и есть трава. Тут такой — тысячи гектаров.

— Верно. Трава и несколько грядок зелени. Клифф, наверно, не доживет до результатов. И его маленький Клифф тоже. Наши правнуки будут есть белый хлеб, Арт. Тебе легче, ты по крайней мере сам будешь строить станки. Ты знаешь, что тут нет ничего невозможного, а это, как говорит Боб Бакстер, уже две трети пути к победе. Клифф не доживет до тех времен, когда вкусного свежего хлеба будет вдоволь. Однако это его не останавливает.

— Тебе нужно было стать проповедником, Род. — Арт встал, втянул носом воздух и поморщился. — Пойду сполоснусь, а то со мной никто танцевать не будет.

— Я всего лишь процитировал. Эти слова ты, должно быть, уже слышал. Кстати, оставь мне немного мыла.

Каролина взяла две первые ноты из «Арканзасского путника», а Джимми ударил в барабан.

— Разбиваемся на пары! — выкрикнул Рой, затем немного выждал и затянул высоким голосом песню.

Род не танцевал, ждал второго захода, когда подойдет его очередь. Если в танце участвовали все сразу, то получалось восемь групп по четыре пары — явно много для вокалиста, губной гармоники и примитивного барабана без всяких усилителей. Поэтому танцевали по очереди — половина поселения нянчила детей и сплетничала, другая танцевала. Певца и музыкантов тоже сменяли через раз.

Почти никто из них не знал раньше кадрили. Но Агнесса Пулвермахер, несмотря на насмешки и даже сопротивление, научила все поселение танцевать, обучила певцов, напела Каролине мелодии, чтобы та подобрала музыку, и, наконец, заставила Джимми изготовить некое подобие африканского барабана.

Поначалу Род не оценил нововведение (прежде всего, он не знал истории мормонов-первопоселенцев) и даже счел его помехой работе. Но затем он увидел, как колонисты, в одну ночь потерявшие все, что было создано тяжким трудом, апатичные и безразличные к его призывам, вдруг начали улыбаться, шутить и работать в полную силу просто оттого, что у них появилась музыка, появились танцы.

И Род решил поддержать хорошее дело. Он плохо чувствовал ритм, не тянул мелодию, но и его захватило новое поветрие: танцевал он не бог весть как, но зато от души.

Со временем поселение стало устраивать танцы лишь по субботам в торжественной обстановке — женщинам полагалось приходить в травяных платьях. В кожаных шортах, набедренных повязках и остатках брюк на танцы просто не пускали. Сью мечтала о том времени, когда у нее появятся излишки ткани, чтобы сшить настоящее платье для кадрили себе и ковбойскую рубашку мужу, но пока у колонии были другие заботы, и мечта оставалась мечтой.

Музыка стихла, сменились музыканты. Каролина бросила гармонику Коротышке и подошла к Роду.

— Ну что, Род, пойдем поднимем пыль?

— Я уже пригласил Сью, — сказал Род торопливо, но сказал правду.

Он совершенно сознательно не приглашал одну девушку дважды и никого не выделял. Давным-давно еще Род пообещал себе, что, решив жениться, оставит свой пост, но пока работа в каком-то смысле даже заменяла ему семью. Ему нравилось, конечно, танцевать с Каролиной — многим нравилось, хотя иногда она забывалась и начинала вести сама, — но он старался не проводить с ней слишком много свободного времени: Каролина и без того была его правой рукой, почти вторым «я».

Род подошел к Сью и галантно предложил ей руку. Как-то сами по себе возвращались в их жизнь вежливые манеры, обходительность, а торжественная, даже изысканная обстановка на танцах делала эти мелкие любезности совершенно естественными. Род вывел Сью на площадку, и в течение нескольких минут они, помогая друг другу, старательно изображали нечто похожее на кадрили.

Когда танец закончился, он вернул Сью Биллу, поклонился, поблагодарил и, усталый, но довольный, сел на свое место, которое никто никогда не занимал. Марджери с помощниками начали раздавать что-то маленькое, поджаристое, насаженное на деревянные шампуры. Род взял свою порцию, принялся.

— Какой аромат, Мардж! Что это такое?

— Копченая оленина, а внутри ма-а-аленькая булочка. Соль, местный шалфей. Не вздумай сказать, что тебе не понравилось: мы провозились чуть ли не весь день!

— М-м-м! Как насчет добавки!

— Подожди. Все тебе сразу!

— Но мне нужно еще. Я работал в поте лица и должен восстановить силы.

— Я тебя сегодня днем видела: это и есть та самая работа? — Марджери вручила ему еще порцию.

— Я занимался перспективным планированием. Мой мозг буквально жужжал.

— Жужжание я тоже слышала. Ты, когда спишь на спине, «жужжишь» довольно громко.

Марджери на секунду отвернулась — Род тут же стащил третью порцию, поднял глаза, поймал взгляд Жаклин, подмигнул и улыбнулся.

— Ты счастлив, Род?

— Еще бы! А ты, Джекки?

— В жизни не чувствовала себя счастливее, — ответила она серьезно.

Джимми обнял ее за плечи.

— Видишь, какие чудеса творит любовь мужа, Род? — сказал он. — Когда я встретил это бедное дитя, ее били, морили голодом, заставляли готовить, и больше всего на свете она боялась открыть свое настоящее имя. А теперь посмотри на нее — толстая и счастливая!

— И никакая я не толстая!

— Ну хорошо. Очаровательно упитанная.

Род взглянул в сторону пещеры.

— Джекки, а ты помнишь тот первый наш вечер?

— Разве такое забудешь?

— И мою дурацкую теорию насчет Африки? Вот скажи: если бы все случилось снова, ты бы хотела, чтобы я оказался прав?

— Никогда об этом не думала. И кроме того, я знала, что ты ошибаешься.

— Да, но если бы? Ведь ты давным-давно была бы уже дома.

Ее рука нашла ладонь Джимми.

— Но тогда я не встретила бы своего мужа.

— Встретила бы. Это неизбежно. Ведь ты уже была знакома со мной, а Джимми — мой лучший друг.

— Возможно. Но я не хочу никаких перемен. Меня не тянет «домой», Род. Наш дом здесь.

— И меня тоже не тянет, — согласился Джимми. — И знаешь что? Колония, я смотрю, все растет, быстро растет, и, если она вырастет еще чуть-чуть, нам с Голди пора будет открывать адвокатскую контору. Никакой конкуренции, и можно выбирать клиентов! Он будет заниматься уголовным правом, я — бракоразводными процессами, а корпоративным законодательством — вместе. Мы огребем миллионы! Я буду разъезжать в лимузине с восьмеркой оленей, курить толстую сигару и посмеиваться над крестьянами! Верно, Голди? — крикнул он.

— Совершенно верно, коллега. Я уже готовлю вывеску: «ГОЛДИШТЕЙН и ТРОКСТОН. С нами не сядешь!».

— Отлично! Только сделай «ТРОКСТОН и ГОЛДИШТЕЙН».

— Но я старше! Я изучал право на два года дольше.

— Ерунда! Род, на твоих глазах какой-то тип из Теллерского университета обижает старого приятеля из школы имени Патрика Генри. Ты это стерпишь?

— Возможно. Однако мне вот что не понятно: как ты собираешься вести дела? По-моему, у нас нет закона о разводе. Давай спросим у Кэрл.

— Какие мелочи! Ты занимаешься бракосочетаниями, разводы — это уже по моей части.

— Что «спросим у Кэрол»? — вступила в разговор Каролина.

— У нас есть закон о разводе?

— Ха! У нас нет даже закона о браке.

— Это лишнее, — пояснил Голдштейн. — Он — естественная часть нашей культуры. А кроме того, у нас кончилась бумага.

— Совершенно верно, господин советник, — согласился Джимми.

— А ты почему спрашиваешь? — не отставала Каролина. — Никто пока разводиться не собирается — уж я бы знала.

— Да мы, собственно, не о разводах говорили, — объяснил Род. — Просто Джекки сказала, что не хочет возвращаться на Землю, и Джимми развил эту мысль дальше — только ничего серьезного от него, как всегда, не дождешься.

— Кому же захочется теперь на Землю? — удивленно спросила Каролина.

— Вот и я говорю, — поддакнул Джимми. — Планета у нас что надо! Ни тебе подоходного налога, ни толп, ни автомобилей, ни рекламы, ни телефонов. В самом-то деле, Род, ведь все мы планировали попасть во Внеземелье, иначе никто из нас не стал бы сдавать экзамен на выживание. Так какая разница? Просто мы добились своего гораздо раньше. — Он сжал руку жены. — И черт с ней, с большой сигарой. Я и без того теперь богат, сказочно богат!

Привлеченные разговором, подошли Агнесса и Курт. Услышав последнюю фразу, Агнесса кивнула и сказала:

— Наконец-то Джимми заговорил серьезно. Что до меня, то первый месяц я каждую ночь засыпала в слезах, боялась, что нас никогда не найдут. Теперь я знаю, что не найдут, но мне уже все равно. Даже будь у нас такая возможность, я бы на Землю не вернулась. Единственное, чего мне здесь не хватает, это губной помады...

Ее муж оглушительно расхохотался.

— Вот тебе и вся правда жизни, Род! Поставь на том берегу косметический прилавок, и все наши женщины пойдут по воде как посуху!

— Ну вот, опять ты смеешься, Курт! Кстати, ты обещал сделать помаду.

— Дай время — все у нас будет.

Подошел Боб Бакстер и сел рядом с Родом.

— Сегодня утром тебя не было на собрании, Род.

— Увяз в делах. На следующей неделе появлюсь.

— Хорошо. — Вера Бакстера не требовала посвящения в духовный сан, и он просто начал проводить службы, став таким образом помимо главного медика еще и капелланом. Проповедовал он безо всякого догматизма, и потому очень многих — христиан, иудеев, монахов, мусульман — службы эти устраивали. На собраниях у Боба всегда было людно.

— Боб, а ты бы вернулся?

— Куда, Кэрл?

— Назад, на Землю.

— Да.

Джимми изобразил на лице карикатурный ужас.

— Чтоб я сдох! Но зачем?

— Не волнуйся, я не надолго. Просто мне надо закончить медицинский колледж. — Он улыбнулся. — Возможно, я сейчас лучший хирург в округе, но, сам понимаешь, это не бог весть что.

— Понятно... — сказал Джимми. — но нас ты вполне устраиваешь. Да, Джеки?

— Да.

— Я очень жалею, — продолжал Боб, — что не сумел спасти тех, кого должен был спасти. Но это беспредметный разговор. Мы здесь, и здесь мы остаемся.

Подходили новые люди, и всем приходилось отвечать на тот же вопрос. Точка зрения Джимми оказалась очень популярной, хотя и к аргументам Боба тоже нельзя было не отнестись с уважением. Вскоре Род попрощался и отправился к себе, но, даже когда он улегся спать, до него еще долго доносились голоса спорщиков, и мысли сами вернулись к предмету разговора.

Он давно решил, что связь с Землей потеряна навсегда, и даже не вспоминал о родной планете — сколько уже? — больше года, наверно. Поначалу Род заставлял себя верить в это — просто чтобы не мучиться сомнениями. Позже вера подкрепилась логическими умозаключениями: задержка в неделю может означать, скажем, нарушение энергоснабжения, несколько недель можно объяснить техническими трудностями, но месяцы — это уже глобальная катастрофа. С каждым днем вероятность спасения становилась все меньше и меньше.

И теперь он мог спросить себя: в самом ли деле это то, к чему он стремился?

Джекки права, их дом действительно здесь. Род признавался себе, что ему нравится быть «большой лягушкой в маленьком пруду», нравится работа. Едва ли он стал бы ученым, тем более теоретиком; карьера бизнесмена тоже никогда его не влекла. А вот то, чем он занимался сейчас, его вполне устраивало, и, похоже, он справлялся со своей работой не так уж плохо.

«Мы здесь, и здесь мы останемся!»

Когда Род заснул, на душе у него было тепло и спокойно.

Клиффу опять требовалась помощь с его экспериментальными посадками, но Род давно привык относиться к его запросам не слишком серьезно. Клиффу всегда что-нибудь требовалось, и будь его воля, он бы всех загнал на ферму и заставил гнуть спину от зари до зари. Однако сходить и узнать, в чем дело, не мешало: Род прекрасно понимал значение этих работ для будущего колонии. Сельское хозяйство — основа всех колоний, а уж про них и говорить нечего. Плохо только, что сам он ничего в сельском хозяйстве не смыслил.

Клифф остановился на пороге мэрии и спросил:

— Готов?

— Готов, — ответил Род, подхватив на ходу свое копье. Лезвием ему служил уже не нож, а старательно заточенная деталь от бесполезной «Молнии» Брауна. Они пробовали использовать и ковкаое железо, но оно

тупилось мгновенно, — Давай возьмем с собой несколько парней и подколем заодно парочку стоборов.

— О'кей.

Род огляделся. Джимми работал у своего гончарного крута. Толкая ногой педаль, он осторожно обжимал глину большим пальцем.

— Джим! Бросай это дело! Хватай свою пику и пойдем развлечемся.

Джимми вытер со лба пот.

— Уговорил.

Они взяли Кенни и Мика, и Клифф повел их вдоль берега к ферме.

— Хочу показать вам животных.

— Ладно, — согласился Род. — Кстати, Клифф, я хотел с тобой поговорить. Если ты собираешься держать их на территории лагеря, следи, где они гадят. Кэрол по этому поводу уже жаловалась.

— Род, у меня на все рук не хватит. А поместить их за стеной, так все равно что сразу прирезать.

— Понятное дело. Ладно, мы тебе организуем помощь, только... Подожди-ка!

Они как раз проходили мимо последней хижины, где у порога, растянувшись на земле, спал Брюс Макгован. Подавляя в себе злость, Род заговорил не сразу. Он понимал, что следующая минута может изменить его будущее и даже повлиять на будущее колонии, но эти трезвые рассуждения словно бились в водовороте недобрых чувств, обида и сознание своей правоты не давали покоя. Хотелось разделаться с этим паразитом прямо сейчас. Род сделал глубокий вдох и, сдерживая дрожь в голосе, спокойно произнес:

— Брюс.

Макгован открыл глаза.

— А?

— У Арта на выплавке сегодня нет работы?

— Понятия не имею.

— Вот так, значит.

— Я там отпахал целую неделю и решил, что это не по мне. Найди кого-нибудь другого.

На поясе у Брюса, как у каждого из них, висел нож — в любой ситуации колониста скорее можно было застать голым, чем без ножа. Нож стал у них

действительно универсальным орудием труда: резать кожу, готовить пищу, есть, строгать дерево, строить, плести корзины — все это и еще сотни других дел помогало выполнять стальное лезвие. Можно сказать, саму их безбедную жизнь создали ножи. Охотились теперь поселенцы с луками и стрелами, но ни то ни другое опять-таки без ножа не изготовишь.

Тем не менее еще не было случая, чтобы один колонист поднял оружие против другого — с того самого злополучного дня, когда брат Брюса отказался подчиниться Роду. И ведь конфликт тогда возник по такому же поводу, подумалось ему. Крут замкнулся. Правда, на этот раз, если Брюс потянется за ножом, Роду помогут без промедления.

Только он знал, что пятеро против одного это не выход. Он сам должен поставить этого пса на место, иначе дни его лидерства сочтены.

Вызвать Брюса на поединок, чтобы разрешить конфликт «голыми руками», Роду просто не пришло в голову. Он, конечно, читал в свое время исторические романы, где герой нередко приглашал своего противника разобратся «по-мужски» в стилизованном поединке, который назывался «бокс», и ему даже нравились подобные истории. Но представить себя в роли участника такого поединка ему было так же трудно, как в роли дуэлянта из «Трех мушкетеров», хотя он и знал в общих чертах, как это делается: люди сжимают участки тела, причем обычно все остаются живы.

Приемы, которыми владел Род, ничем не напоминали эти безобидные атлетические упражнения. Тут уже не имело значения, будут они выяснять отношения голыми руками или еще как — для кого-то из них двоих поединок в любом случае мог закончиться смертью или тяжелыми увечьями, ибо нет оружия опасней, чем сам человек.

Брюс молча смотрел на него исподлобья.

— Давным-давно уже, — сказал Род старательно ровным голосом, — я тебе говорил, что люди у нас или работают, как все, или выматываются отсюда к чертовой матери. Вы с братом мне не поверили, и пришлось вас вышвырнуть. А затем ты вернулся один, потому что

Джок погиб, и умолял принять тебя в поселение. Зрелище было довольно жалкое. Ты помнишь?

Глаза Макгована сверкнули.

— Ты обещал вести себя как ангел, — продолжал Род. — Мне говорили, что я поступил глупо, и, похоже, люди были правы. Однако я думал, ты исправишься.

Брюс выдернул стебелек травы, пожевал и наконец ответил:

— Мальчик, ты здорово напоминаешь мне Джок. Тот тоже очень любил командовать.

— Ну вот что, вставай и вали отсюда. Мне нет дела до того, куда ты двинешься, но, если у тебя хватит ума, ты рванешь к Арту и скажешь, что больше этого не повторится, а затем начнешь качать мехи. Я туда загляну чуть попозже. И если к моему приходу ты не вспотеешь, сюда можешь не возвращаться. На этот раз мы выгоним тебя насовсем.

На лице Брюса промелькнуло сомнение. Взгляд его скользнул чуть в сторону, и Род невольно подумал: что же Брюс прочел в глазах остальных? Сам Род, не отрываясь, смотрел на своего противника.

— Вперед. Или ты идешь работать, или можешь уже не возвращаться.

— Ты не имеешь права выгонять меня, — с хитрым блеском в глазах парировал Брюс. — Это решается большинством голосов.

— Хватит его слушать, Род, — вставил Джимми. — Давай турнем его прямо сейчас, и дело с концом!

Род покачал головой.

— Нет. Но если ты этого добиваешься, Брюс, я соберу народ, и мы вышвырнем тебя еще до ланча. Готов спорить на свой лучший нож, что больше трех голосов за тебя не будет. Ну как?

Оценивая свои шансы, Брюс обвел всю компанию взглядом, затем уставился на Рода и медленно произнес:

— Сопляк. Без этих прихлебал... или девчонок, за чьи спины ты прячешься, когда надо драться, ты просто ноль, дешевка.

— Спокойно, Род, — пробормотал Джимми.

Род облизнул сухие губы, понимая, что разговаривать и убеждать уже поздно. Оставалось одно — драться,

хотя у него не было уверенности, что он справится с Брюсом.

— Я готов, — произнес он хрипло. — Прямо сейчас.

— Не связывайся, Род, — торопливо сказал Клифф. — Мы с ним и так разберемся.

— Не надо. Я сам. Ну, давай, Макгован! — сказал Род, отпустив в его адрес грубое ругательство.

— Брось свою пику, — сказал Макгован, не двигаясь с места.

Род повернулся к Клиффу.

— Подержи, пока я...

— Хватит! — перебил его Клифф. — Я не собираюсь стоять и ждать, чем это кончится. Может, ему повезет, и он тебя прикончит, Род.

— Отойди, Клифф.

— Нет, — сказал тот, но прежней уверенности в его голосе уже не чувствовалось, и спустя секунду он добавил: — Ладно... Брюс, кинь нож в сторону. Давай-давай, а не то, бог свидетель, я тебя сам проткну пикой. И ты, Род, давай сюда нож.

Род поглядел на Брюса, извлек «Полковника Боуи» из ножен и передал Клиффу. Брюс выпрямился и швырнул свой нож к его ногам. Клифф проворчал:

— Я все-таки против, Род. Скажи слово, и мы его отделаем.

— Отойдите. Дайте нам место.

— Ладно. Но без переломов. Ты слышал, Брюс? Одна твоя ошибка — и второй тебе уже сделать не доведется.

— Без переломов, — повторил Род, понимая, что правило сработает против него: Брюс был выше и тяжелее.

— О'кей, — согласился тот. — Сейчас я покажу этому придурку, что Макгован стоит двоих таких, как он. Клифф вздохнул.

— Ладно. Все отошли. Начинайте.

Какое-то время они осторожно двигались по кругу в низких боевых стойках, но не приближались. Начало поединка всегда занимает больше времени, чем сами приемы. В учебнике, которым пользовалось большинство школ и колледжей, приводилось двадцать семь спо-

собов уничтожить или обезоружить противника голыми руками, и ни один из них не требовал больше трех секунд.

Ограничение на серьезные приемы немного сковывало Рода. Брюс почувствовал это и ухмыльнулся.

— Что? Мальчик испугался? Я так и думал. Сейчас ты у меня получишь! — Брюс рванулся вперед.

Род шагнул назад, готовясь обратить рывок Брюса в свою пользу, но тот не довел его до конца. Еще один ложный выпад, и на этот раз Род отреагировал слишком активно.

— В самом деле боишься, а? — Брюс рассмеялся. — И правильно.

Род понял, что действительно боится, больше, чем когда-либо в своей жизни. Его вдруг охватила уверенность, что Брюс собирается убить его, что уговор насчет переломов ничего для него не значит. Эта горилла задумала его прикончить.

Мысли смешались. Род отступил еще на шаг, понимая, что, если он хочет остаться в живых, надо забыть о всяких глупых ограничениях, и в то же время чувствуя, что он просто должен до конца держаться правил — даже если при этом ему конец. Его охватила паника, захотелось убежать...

Но конечно, он этого не сделал. Само отчаянье подсказало ему, что терять уже нечего, и Род решил как можно скорей разделаться с поединком. Он убрал руку, словно ненароком подставляя пах для удара. Нога Брюса тут же взлетела вверх, и Род, успев в долю секунды почувствовать злорадное удовольствие, поставил блок. Лишь где-то в глубине сознания мелькнуло у него сомнение — правильно проведенным приемом он, возможно, ломает Брюсу лодыжку... Но руки его так и не коснулись Брюса, а в следующее мгновение Род оказался в воздухе, успев осознать, что противник раскусил его ход и ответил новым... Затем удар о землю, и сверху навалился Брюс.

— Ты можешь двигать рукой, Род?

Он с трудом разлепил глаза и увидел над собой лицо Боба Бакстера.

— Я его «сделал»?

Бакстер промолчал, но чей-то сердитый голос тут же ответил:

— Если бы! Он тебя чуть на куски не разорвал.

Род шевельнулся и хрипло спросил:

— Где он? Я должен поставить его на место.

Боб Бакстер не выдержал и прикрикнул: «Не двигаться!», а Клифф добавил:

— Не беспокойся. Мы его отделаем.

— Заткнись, — снова распорядился Бакстер. — Ну-ка, попробуй пошевелить левой рукой.

Род шевельнул рукой, судорожно дернулся, и тут заболело вообще все.

— Перелома нет, — решил Бакстер, — разве что растяжение. Но я наложу тебе шину. Ты сесть можешь?.. Подожди, я тебе помогу.

— Я хочу встать.

Его поддержали за руки, и Род встал. Вокруг собралось почти все поселение, но Роду казалось, что люди двигаются словно скачками; голова у него закружилась, и он моргнуул.

— Не торопись, спокойнее, — послышался рядом голос Джимми. — Брюс тебя чуть не прикончил. Ты просто с ума сошел, ввязавшись в это дело.

— Ничего. Все в порядке, — ответил Род и дернулся от боли. — Где он?

— У тебя за спиной. Не беспокойся, мы его отделаем.

— Да, — подтвердил Клифф. — Отделали как положено. А то умник еще выискался! Мэра решил вздуть... — Клифф злобно сплюнул на землю.

Брюс лежал, закрывшись рукой, лицом вниз и всхлипывал.

— Сильно ему досталось? — спросил Род.

— Ему-то? — переспросил Джимми презрительно. — Да уж досталось. Но мы вовремя остановились. Вернее, это Каролина нас остановила.

Каролина сидела на корточках рядом с пленником.

— Зря, конечно, — сказала она, поднимаясь. — Но я знала, что ты рассердишься, если я этого не сделаю. — Она уперла руки в боки и продолжила: — И вот что, Родди Уокер, когда ты наконец поумнееешь, и при-

учишься звать в таких случаях меня, а? Эти четверо тупиц просто стояли и ждали, чем все кончится.

— Неправда, Кэрл, — возразил Клифф. — Я пытался остановить их. Мы все пытались, но...

— Но я не стал никого слушать, — перебил его Род. — Ладно, Кэрл, Я сам виноват.

— Если бы ты слушал меня...

— Ладно! Я все понял. — Род подошел к Макговану и слегка пнул его ногой. — Ну-ка перевернись.

Брюс медленно перекатился на спину, и Род невольно подумал: «Неужели я выгляжу так же?» Брюс был весь в крови, в грязи и в синяках; по лицу словно кто-то прошелся напильником.

— Вставай.

Брюс хотел было что-то ответить, но промолчал и, кряхтя, поднялся на ноги.

— Я тебе сказал, чтобы ты двигался к Арту, Брюс. Так что давай — через стену и вперед.

— Что? — Макгован не смог справиться с удивлением.

— Ты прекрасно слышал, что я сказал. У меня нет времени на дурацкие препирательства. Ты идешь к Арту и начинаешь вкалывать. Или идешь дальше и обратно уже не возвращаешься. Пошел!

Брюс постоял еще несколько секунд, не сводя с него взгляда, затем заковылял к стене. Род повернулся к собравшимся.

— Я прошу всех вернуться к работе. Представление окончено. Клифф, ты хотел показать мне животных.

— А? Знаешь, Род, это не горит.

— Вот именно, — согласился Бакстер. — Мне нужно наложить тебе шину. А потом тебе лучше отдохнуть. Род осторожно пошевелил рукой.

— Попробую обойтись без шины. Пойдем, Клифф. Вдвоем. Охоту на стоборов отложим до следующего раза.

Объяснения Клиффа он воспринимал с трудом. Что-то про пару молодых оленей, которых надо кастрировать и приучить к упряжке. Только зачем им упряжка, если нет ни телег, ни фургонов? Голова у Рода болела, рука ныла, мозги были словно ватные... Как бы в такой ситуации поступил Грант?.. Да, он сегодня оплошал, но,

может быть, нужно было что-то сказать? Или наоборот, чего-то не говорить? Бывают же такие дни, черт побери...

— ...так что нам это просто необходимо. Ты понимаешь, Род?

— А? Да, Клифф, конечно. — Род с трудом вспомнил, о чем только что шла речь. — Может, деревянные оси тоже подойдут. Я спрошу у Билла, сможет ли он построить телегу.

— Но кроме телеги нам еще нужно...

— Клифф, если ты говоришь, что нужно, значит, мы попытаемся, — остановил его Род. — Я, пожалуй, пойду приму душ... И давай послезавтра посмотрим, хорошо?

После душа Род почувствовал себя и лучше, и чище, хотя чуть теплая вода, льющаяся из желоба, казалась ему то слишком горячей, то холодной как лед. Он добрался до своей хижины и улегся спать, а проснувшись, обнаружил у входа Коротыша, охранявшего его от непрошенных гостей.

На ферму Род собрался лишь через три дня. Нилсон сообщил, что Макгован вкалывает, хотя и без особого энтузиазма, а Каролина рассказала про Тею: у нее появился огромный фонарь под глазом, но вокруг их дома стало очень чисто. Поначалу Род стеснялся появляться на людях и как-то целую ночь провел в мучительных размышлениях: правильно ли он поступит, если подаст в отставку, чтобы поселенцы выбрали на его место кого-то, кто «не потерял лица». Но, удивительное дело, после стычки с Брюсом его авторитет только укрепился. Небольшая группа из Теллерского университета, которую он в шутку окрестил «лояльная оппозиция», практически перестала его критиковать. Их лидер, Карл Пулвермахер, специально отыскал Рода и предложил свою помощь.

— Брюс у нас вроде паршивой овцы, Род, и, если что-нибудь подобное опять наклюнется, дай мне знать.

— Спасибо, Карл.

— Я серьезно. Здесь не сильно-то повыпендриваться, если все будут заодно. И мы, понятно, не можем позволить ему ходить у нас по головам. Но ты теперь не высывайся. Мы с ним сами разберемся.

В ту ночь Род спал спокойно. Может быть, он справился с проблемой хуже, чем это сделал бы Грант, но

все получилось к лучшему. Каупертауну ничто не угрожало. Конечно, в будущем еще многое может случиться, но колония все это переживет. Когда-нибудь здесь появится настоящий город, а это место назовут Кауперсквер. Выше по течению будет сталеплавильный комбинат Нилсена. И чем черт не шутит, может, еще появится тут Уокер-авеню...

На следующий день ему захотелось взглянуть на ферму, о чем он сказал Клиффу, и они опять собрались той же компанией — их двое, Джимми, Кенни и Мик. С копьями в руках они взобрались по ступеням на стену и спустились по приставной лестнице с другой стороны. Клифф поднял горсть земли, размял ее в ладони, попробовал на язык.

— Отличная почва. Только кислотность, может, чуть выше, чем нужно. Но без химического анализа мы все равно точно не узнаем, а структура почти идеальная. Если бы ты сказал этому тупому шведу, чтобы он первым делом изготовил плуг...

— Тупой? Это ты про Вакси? Дай ему время — он тебе не только плуг сделает, но и трактор.

— Меня вполне устроит плуг и пара оленей в упряжке. Но вот я о чем думаю, Род: едва мы закончим прополку, сюда, как по приглашению, станут наведываться олени и сожрут весь наш урожай. Вот если огородить поле такой же высокой стеной...

— Стеной?! Да ты представляешь, сколько на это потребуется усилий?

— А разве это довод?

Род окинул аллювиальную долину взглядом — получалось в несколько раз больше, чем отгораживала городская стена. Забор из колючего кустарника — еще куда ни шло, но не стену, не сейчас, во всяком случае. У Клиффа просто непомерные амбиции.

— Знаешь что, давай-ка прочедем пока поле, поищем столбов. А потом мы с тобой останемся и подумаем, что тут можно сделать.

— Хорошо. Но пусть они смотрят, куда ноги ставить.

Они растянулись цепочкой. Род встал в центре и предупредил:

— Теперь внимательнее! Чтоб ни один не ушел. Помните: один, убитый сейчас, означает минус шесть в сухой сезон.

Они двинулись вперед, и Кенни тут же подколов стобора. Затем Джимми прикончил сразу двух. Те почти не пытались спастись, поскольку в этой фазе годичного цикла полностью оправдывали прозвище «сонные кролики».

Род остановился, чтобы ткнуть копьём еще одного, и повернулся направо, собираясь сказать что-то напарнику. Справа никого не было.

— Эй, стойте! Где Мик?

— Как это? Секунду назад был здесь.

Род оглянулся. Над горячим полем дрожало марево, но Мик словно испарился. Должно быть, какая-то тварь подкралась к нему в траве и...

— Все сюда! Только осторожно! Что-то произошло...

Род двинулся к тому месту, где исчез Мик, и вдруг прямо перед ним возникли две человеческие фигуры — Мик и какой-то незнакомец.

Незнакомец в комбинезоне и ботинках... Он огляделся и крикнул через плечо:

— Все нормально, Джейк! Врубай автоматику и фиксируй настройку.

Он посмотрел на Рода, не замечая его, двинулся вперед и спустя секунду исчез.

Сердце у Рода забилося часто-часто, и он бросился бегом. Затем обернулся и увидел перед собой открытые пространственные ворота, а за ними длинный глухой коридор. В рамке ворот снова появился человек и комбинезоне.

— Все назад — приказал он. — Сейчас будет стыковка с «Эмигрантс-Гэп», и может возникнуть локальное нарушение фокусировки.

15

В ахиллесовом шатре

Прошло уже полчаса с того момента, когда Мик исчез в воротах и растянулся на полу коридора, где сила тяжести составляла всего одну шестую земной. Род

пытался навести порядок, а заодно и разобраться со своими собственными сумбурными мыслями. Почти все поселенцы или высыпали на поле, или уселись поверх стены, наблюдая, как техники устанавливают аппаратуру, чтобы превратить пространственный контакт в постоянные ворота с приборами управления и связи по обе стороны. Род хотел объяснить им, что они подвергают себя опасности, что здесь нельзя без оружия, но один из техников, не поднимая головы, сказал:

— Поговори с мистером Джонсоном.

Род отыскал мистера Джонсона и начал все сначала, но тот его просто перебил:

— Ребятки, *radi бога*, дайте нам закончить. Мы в самом деле рады вас видеть, но прежде всего нам нужно поставить вокруг энергетический барьер. Черт его знает, что тут в траве водится.

— Ясно, — сказал Род. — Я выставлю посты. Мы уже знаем, чего нужно опасаться. Я здесь...

— Отстань, ладно! Потерпите еще немного.

Обиженный и злой, Род вернулся в город. Но вскоре и там появились незнакомцы — они всюду совались, словно были у себя дома, разговаривали со взбудораженными поселенцами и опять куда-то исчезли. Один из них остановился посмотреть на барабан Джимми, потом щелкнул по нему пальцем и рассмеялся. Род с трудом подавил в себе желание придушить этого типа.

— Род!

— А? — Он обернулся. — Что, Марджери?

— Мне готовить ланч или нет? Девчонки все разбежались, а Мел сказала, что это просто глупо, потому что к ланчу здесь никого уже не останется. Я не знаю, что делать.

— Хм! Насколько я знаю, никто никуда не собирается.

— Может быть, но говорят же.

Род не успел ничего ответить, потому что в этот момент перед ним возник один из тех шустрых незнакомцев и спросил:

— Где мне тут найти парня по имени Родерик Уикер?

— Уокер, — поправил Род. — Это я и есть. Что вам нужно?

— Меня зовут Сэнсом, Клайд Б. Сэнсом. Старший администратор службы эмиграционного контроля. Насколько я понял, Уикер, вы руководитель этой группы студентов...

— Уокер, и я — мэр Каупертауна, — ответил Род невозмутимо. — Что вам нужно?

— Да-да. Так вас кто-то из мальчишек и назвал. «Мэр». — Сэнсом усмехнулся и продолжил: — Нам, Уокер, прежде всего нужно соблюсти порядок. Я понимаю, что вам не терпится поскорее отсюда выбраться, но порядок есть порядок. Впрочем, мы не очень вас задержим — всего лишь обеззараживание, врачебная проверка, психологические тесты и стандартное собеседование для перемещенных лиц. После чего вы сможете вернуться по домам. Разумеется, вам придется подписать документ с отказом от претензий, но об этом позаботится юрист. Так что, если вы постройте свою группу в алфавитном порядке — думаю, лучше здесь, на открытой площадке — я смогу начать... — И он полез в свой кейс за бумагами.

— Кто вы такой, черт побери, чтобы здесь распоряжаться? — не выдержал Род.

На лице Сэнсома появилось удивленное выражение.

— Как? Я ведь уже объяснил. Впрочем, если вы настаиваете на формальностях, то я представляю здесь интересы Земной Корпорации. Я пока всего лишь прошу содействия, но вам должно быть известно, что в полевых условиях я вправе потребовать подчинения.

Род почувствовал, как наливаются краской его щеки.

— Ничего такого мне не известно. На Земле вы, может, сам господь бог, но сейчас вы в Каупертауне.

Мистер Сэнсом изобразил вежливую заинтересованность, но никакого впечатления слова Рода на него, похоже, не произвели.

— И что такое, позвольте спросить, Каупертаун?

— Каупертаун — это все, что вы видите вокруг. Суверенное государство со своей конституцией, своими законами и своей территорией. — Род остановился на секунду и перевел дыхание. — И если Земной Корпорации что-то от нас нужно, пусть присылают своего полномочного представителя — тогда и поговорим. Ишь выдумали еще в алфавитном порядке...

— Так его, Родди!

— Побудь рядом, Кэрол, — сказал Род и добавил, обращаясь к Сэнсому: — Вам все ясно?

— Насколько я понимаю, — медленно произнес Сэнсом, — вы предлагаете, чтобы Земная Корпорация назначила в вашу группу *посла*?

— Что-то в таком духе.

— М-м-м... Интересная идея, Уикер.

— Уокер. А до тех пор можете убрать отсюда к чертовой матери всех зрителей. И сами убирайтесь. Здесь вам не зоопарк.

Сэнсом взглянул на торчащие у Рода ребра, на его грязные мозолистые ступни и улыбнулся.

— Проводи гостя, Кэрол, — сказал Род. — Будет сопротивляться, можешь его «отключить».

— Слушаюсь, сэр! — Каролина с усмешкой на губах двинулась к Сэнсому.

— О, я уже уйду, — торопливо произнес Сэнсом. — Лучше небольшая задержка, чем нарушение дипломатического протокола. Крайне занимательная идея, молодой человек. До свидания. Мы еще увидимся. И если позволите, один совет...

— А? Валяйте.

— Не воспринимайте все-таки эту свою идею слишком серьезно... Вы готовы, леди?

Род продолжал сидеть в своей хижине. Ему тоже было интересно узнать, что происходит за стеной, но не хотелось встречаться с Сэнсомом. Поэтому он сидел, грыз костяшку большого пальца и думал. Видимо, кое-кто послабее духом уже собрался назад — помани таких блюдцем с мороженым, и готово, побежали, бросив свою землю, забыв все, что создано таким тяжким трудом. Но он отсюда не уйдет! Здесь его дом, его место, он все это заслужил. Зачем возвращаться на Землю, а потом полжизни ждать шанса попасть на какую-то другую планету — возможно даже не такую хорошую?

Пусть бегут! Каупертаун станет без них лучше и сильнее.

Может быть, кто-то хочет просто погостить на Земле, показать бабушкам и дедушкам внуков, а затем вернуться... Может быть. Но в таком случае им следует

договориться с Сэнсомом или с кем-то еще о письменном разрешении, Наверно, стоит их предупредить...

Но ему-то самому навещать некого. Разве что сестренку, а она может быть где угодно — вряд ли она сейчас на Земле.

Боб и Кармен с Хоуп на руках зашли попрощаться. Род торжественно пожал им руки и сказал:

— Вы ведь вернетесь сюда, Боб, когда ты получишь диплом, да?

— Надеемся. Если это возможно. Если нам разрешат.

— А кто вас остановит? Это ваше право. Когда вернетесь, мы будем ждать вас. А пока постараемся не ломать ноги.

Бакстер замялся.

— Ты давно был у ворот?

— Давно. А что?

— Я бы на твоём месте не планировал так далеко в будущее. Некоторые, похоже, уже отбыли.

— Сколько?

— Много. — Уточнять Боб не захотел. Он оставил Роду адреса их родителей, благословил на прощание, и все трое двинулись к воротам.

Марджери не вернулась, и кухонный костер погас, но Роду было все равно: есть не хотелось. Чуть позже пришел Джимми (при прежнем распорядке это было бы уже после ланча), молча кивнул и сел рядом.

— Я был у ворот, — сказал он спустя какое-то время.

— И что там?

— Знаешь, многие удивляются, почему ты не пришел попрощаться.

— Они могли бы и сюда прийти.

— Да, могли. Но прошел слух, что ты не одобряешь... Возможно, им было стыдно.

— Я не одобряю? — Род через силу рассмеялся. — Да мне совершенно наплевать, сколько городских неженков отправились к своим мамочкам! Страна у нас свободная. — Он взглянул на Джима в упор. — Сколько осталось?

— Э-э-э... я не уверен.

— Я, знаешь, что подумал? Если нас останется совсем мало, мы опять можем перебраться в пещеру. Будем там спать. Пока не появятся новые колонисты.

— Может быть.

— Но что ты такой мрачный? Даже если останемся только мы с тобой да Джекки с Кэрол, будет не хуже, чем в самом начале. И это лишь на время. Да и ребенок у вас теперь... Я чуть не забыл про своего крестника.

— Да, ребенок... — согласился Джимми.

— Что ты так расстроился? Джим... ты часом не собрался на Землю?

Джимми встал.

— Джекки просила передать, что мы поступим, как по-твоему будет лучше.

Род обдумал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что она хочет вернуться? Вы оба хотите.

— Род, мы по-прежнему партнеры. Но мне нужно думать о ребенке. Ты ведь понимаешь?

— Да, понимаю.

— Тогда...

Род протянул ему руку.

— Удачи, Джим. И передай от меня привет Джекки.

— Она сама хотела попрощаться. И мальчика принести.

— Не надо. Кто-то мне когда-то говорил, что прощаться глупо. Увидимся еще.

— Ладно, Род. Пока. Береги себя.

— И ты тоже. Если увидишь Каролину, попроси ее подойти.

Каролина появилась не скоро, и Род догадался, что она была у ворот.

— Сколько нас осталось? — спросил Род прямо.

— Не много, — признала она.

— Сколько?

— Ты и я. И куча зевак.

— И больше никого?

— Я проверяла по списку. Что мы будем теперь делать, Родди?

— Какая разница? А ты сама не хочешь вернуться?

— Как скажешь, Родди. Ты же мэр.

— Мэр чего? Кэрол, ты хочешь вернуться?

— Я никогда об этом не думала, Родди. Я была счастлива здесь. Но...

— Но что?

— Города нет, детишек нет, и, если я захочу поступить в корпус Амазонок, у меня есть всего год, — выпалила она, потом добавила: — Но если ты останешься, я тоже останусь.

— Нет.

— Останусь!

— Нет. Но я хочу, чтобы ты, вернувшись, сделала одно дело...

— Что именно?

— Найди мою сестру Элен. Узнай, где она сейчас служит. Штурмовой капитан Элен Уокер, запомнила? Передай ей, что у меня все в порядке... и скажи, что я просил помочь тебе поступить в Амазонки.

— Родди... но я не хочу возвращаться.

— Беги. А то еще закроют ворота. И оставят тебя здесь.

— А ты?

— Нет. У меня еще дела. А ты беги. Только не прощайся. Просто беги.

— Ты на меня сердисься, Родди?

— Нет, конечно. Беги. Пожалуйста! А то я тоже расплачусь.

Каролина судорожно всхлипнула, обняла его, чмокнула в щеку и унеслась прочь. Род забрался в свою хижину и долго лежал лицом вниз. Потом наконец поднялся и принялся за уборку Каупертауна. Грязи и мусора было даже больше, чем в то утро, когда умер Грант.

Снова люди появились в поселении лишь во второй половине дня. Род увидел и услышал их задолго до того, как эти двое мужчин и женщина заметили его самого. Мужчины были одеты в городскую одежду, женщина — в шорты, рубашку и легкие сандалии. С копьём в руке Род вышел из хижины и спросил:

— Что вам здесь нужно?

Женщина взвизгнула от неожиданности, затем пригласялась и сказала:

— Бесподобно!

Один из мужчин нес тяжелую сумку на ремне и блок аппаратуры на треноге — Род сразу узнал мультифон, универсальную систему звуко-видео-запах-и-прочее-записывающую систему, популярную у репортеров и исследователей. Мужчина молча поставил треногу на землю, подсоединил шнуры и склонился над шкалами настройки. Другой — пониже, рыжеволосый, с усиками — спросил:

— Это ты — Уокер? Тот самый, которого все зовут мэром?

— Да.

— «Космик» здесь еще не был?

— Кто?

— «Космик кинотс», разумеется. И никто не был? «Лайф-Тайм-Спейс», например? Или «Галактические очерки»?

— Я не знаю, что вы имеете в виду. Тут с самого утра никого не было.

Незнакомец пошевелил усами и облегченно вздохнул.

— Вот это я и хотел узнать. Элли, давай впадай в транс. А ты, Мак, включай свой ящик.

— Минуту! — возмутился Род. — Кто вы такие и что вам здесь нужно?

— А? Я — Эванс из «Эмпайр энтерпрайз».

— Пулитцеровская премия, — вставил оператор и вновь вернулся к своим приборам.

— Не без помощи Мака, разумеется, — торопливо добавил Эванс. — А эта леди — сама Элли Элленс.

Видимо, на лице Рода не отразилось должных чувств, и Эванс спросил:

— Ты что, о ней не слышал? Где ты был... Впрочем, понятно. Элли сейчас самый высокооплачиваемый сценарист мелодраматических постановок. Она вас так подаст, что каждая женщина — от зрителей «Внеземелья» до читателей «Лондон-таймс» — будет рыдать, мучаясь от желания прижать вас к груди и утешить. Она — большой мастер своего дела.

Мисс Элленс этих дифирамбов, похоже, не слышала. Она бродила по поселению с отрешенным лицом и лишь изредка останавливалась потрогать что-то или разглядеть внимательнее.

— Здесь вы и устраивали ваши примитивные пляски? — спросила она, поворачиваясь к Роду.

— Что? Мы здесь танцевали кадрили. Раз в неделю.

— Кадриль... Нет, это мы заменим... — И она снова ушла в свой внутренний мир.

— Дело в том, парень, — продолжал Эванс, — что нам нужно не просто интервью. Этого материала мы набрали еще там, когда ваши ребята появились в «Эмигрантс-Гэп». От них-то мы про тебя и узнали, все бросили и мигом сюда. Торговаться не собираюсь — можешь называть любую цену, но нам нужны эксклюзивные права на все сразу: новости, репортажи, коммерческое использование и так далее. А кроме того... — Эванс огляделся. — Консультации, когда придут актеры.

— Актеры?

— Ну конечно. Если бы у людей из службы эмиграционного контроля было хоть немного мозгов, они бы не выпустили вас отсюда, пока кто-нибудь не заснял все на пленку. Но с актерами получится даже лучше. Мне нужно, чтобы ты всегда был под рукой, а твою роль будет играть кто-нибудь еще...

— Стоп! — остановил его Род. — Кто-то из нас двоих, кажется, сошел с ума. Во-первых, мне не нужны никакие деньги.

— Как это? Ты что, уже подписал с кем-нибудь контракт? Этот охранник пропустил сюда кого-нибудь раньше нас?

— Какой охранник? Я никого не видел.

У Эванса сразу с души отлегло.

— Ладно, мы, надеюсь, договоримся. Я охранника поставил, чтобы он никого не пускал за стену. Я уж было подумал, что он двурушничает. И ты мне только не говори, что тебе не нужны деньги — это аморально.

— В самом деле не нужны. Мы здесь обходимся без денег.

— Понятно. Но ведь у тебя есть семья? А семьям всегда нужны деньги. Давай не будем мелочиться. Мы тебе заплатим по совести, и пусть они лежат себе в

банке. Когда-нибудь пригодятся. Я только хочу, чтобы ты подписал в нами контракт.

— Не понимаю зачем.

— Тогда контрактное обязательство, — вставил Мак.

— М-м-м... да, верно, Мак. Давай так договоримся, парень. Ты просто обещаешь не подписывать контракт ни с какой другой компанией. И за тобой по-прежнему остается право содрать с нас столько, сколько позволит совесть. Договорились? Пока всего лишь обязательство. Скажем, за тысячу плутонов, а?

— Я не собираюсь подписывать контрактов ни с какой другой компанией.

— Записал, Мак?

— Готово.

Эванс снова повернулся к Роду.

— Ты не возражаешь, если мы кое о чем тебя пока порасспросим? И сделаем несколько снимков, а?

— Ради бога. — Поведение их удивляло Рода и немного раздражало, но ему было до боли одиноко, а тут какая-никакая, а компания...

— Отлично! — Эванс принялся задавать вопросы, быстро и очень профессионально. Спустя какое-то время Род обнаружил, что рассказывает даже больше, чем, он думал, знает. Потом Эванс спросил об опасных животных: — Насколько я понимаю, это довольно серьезная угроза, да? Проблем много было?

— Нет, в общем-то, — ответил Род вполне искренне. — Не с животными. Больше было проблем с людьми, хотя тоже не очень много.

— По-твоему, эта планета станет первоклассной колонией?

— Конечно. Все, кто вернулся на Землю, просто свалили дурака. Здесь ничуть не хуже, только планета и безопаснее, и богаче, и места тут хоть отбавляй. Через несколько лет... Слушайте!

— Что такое?

— А как получилось, что нас тут бросили? Предполагалось, что испытания продлятся всего десять дней.

— Тебе что, никто до сих пор не рассказал?

— Может быть, рассказали другим — там, у ворот. Но я ничего не слышал.

— Это все из-за сверхновой звезды. Дельта э-э-э...

— Дельта-гамма-один-тринадцать, — подсказал Мак.

— Вот-вот. Искривление пространственно-временного континуума или что-то в таком духе. Я, в общем-то, не математик.

— Флюксия, — снова вставил Мак.

— Ну да, что-то вроде этого. С тех самых пор вас и искали. Насколько я понимаю, волновой фронт нарушил настройку ворот во всем этом регионе. Кстати, парень, когда будешь возвращаться...

— Я не собираюсь.

— В любом случае, даже если надумаешь погостить на Земле, не подписывай отказ от претензий. Совет директоров компании пытается списать все это на божью волю и снять с себя ответственность. Так что прислушайся к моему совету: ничего не подписывай. Дружеский совет, понятно?

— Спасибо. Но я не... Все равно спасибо.

— Как насчет снимков для репортажа на первую полосу?

— М-м-м... О'кей.

— Копье, — напомнил Мак.

— Да, вроде бы у тебя было какое-то копье. Не возражаешь, если мы снимем тебя с копьем?

Род принес копье, и в этот момент к ним подошла «великая Эли».

— Бесподобно! — выдохнула она. — Я просто чувствую эту жизнь всеми фибрами своей души. Здесь очень хорошо видно, как тонка граница между человеком и зверем. Почти сотня образованных мальчиков и девочек сползают в каменный век, к неграмотности... Налет цивилизации тает... Воцаряется дикость... Просто чудесно!

— Эй, послушайте-ка! — рассерженно произнес Род. — У нас в Каупертауне все было не так! У нас была конституция, были законы, мы заботились о чистоте. У нас... — Род умолк, потому что мисс Элен его даже не слышала.

— Первобытные ритуалы... — продолжала она с мечтательной томностью в голосе. — Деревенский шаман, невежественный и суеверный, один на один с природой... Примитивные обряды плодородия... — Она

остановилась и уже совершенно деловым тоном обратилась к Маку: — Танцы будем снимать три раза: в чем-нибудь легком — для подписчиков канала «А», полностью одетыми — для семейного канала, и голыми — для канала «Б». Ясно?

— Ясно, — подтвердил Мак.

— Я составляю три различных комментария. Оно того стоит, — добавила мисс Элленс и снова погрузилась в транс.

— Постойте-ка! — запротестовал Род. — Если я правильно ее понял, тогда никаких снимков не будет — ни с актерами, ни без!

— Успокойся, — сказал Эванс. — Я же обещал, что ты будешь нашим консультантом, так? Элли свое дело знает, парень. Тебе, может, этого сразу не понять, но, чтобы добраться до настоящей истины, до глубокой истины, правду жизни нужно немного подкрасить. Ты сам увидишь.

— Но...

В этот момент к Роду подошел Мак.

— Постой спокойно.

Мак поднял руку к его лицу. Род замер и почувствовал легкие прикосновения кисточки.

— Эй! Что это такое?

— Грим. — Мак вернулся к своей аппаратуре.

— Немного боевой раскраски, — объяснил Эванс. — Нужно больше ярких цветов. Не волнуйся, краска легко смывается.

От удивления и обиды у Рода отвисла челюсть. Глядя на них, он невольно поднял копье.

— Снимай, Мак! — приказал Эванс.

— Готово, — спокойно ответил Мак.

Род с трудом подавил в себе ярость и, почувствовав наконец, что способен говорить спокойно, негромко произнес:

— Ну-ка достань эту кассету и брось на землю. А потом убирайтесь отсюда к чертовой матери.

— Не волнуйся, — сказал Эванс. — Снимок мы пришлем — тебе понравится.

— Кассету! Или я разобью этот чертов ящик, а заодно и башку любому, кто попытается мне помешать. — Он нацелил копье в созвездие объективов.

Мак скользнул вперед и встал перед камерой, защищая ее собственным телом.

— Эй, посмотри-ка лучше сюда! — крикнул Эванс.

В руке у него был маленький, но довольно мощный пистолет, который он направил на Рода.

— Нам, парень, приходится бывать в самых разных местах, и мы всегда готовы к неожиданности. Если ты повредишь камеру или заденешь кого-нибудь из нас, мы тебя до самой смерти по судам затаскаем. Прессе мешать — это, знаешь ли, дело серьезное. Публика имеет право на полную информацию. — Не оборачиваясь, он крикнул: — Элли! Мы отбываем!

— Я еще не готова, — ответила та, словно в забытьи. — Мне нужно насытиться этими...

— Некогда! Мы должны успеть к эфиру.

— О'кей, — тут же ответила она деловым тоном.

Род позволил им уйти с пленкой, а когда они скрылись за стеной, вернулся в мэрию и сел у порога, обняв руками колени. Его буквально трясло.

Спустя какое-то время он взобрался по ступеням на стену, огляделся и увидел внизу охранника — тот поднял взгляд, но ничего не сказал. Ворота сомкнулись до маленького канала, но рядом стоял разгрузочный транспортер, а вплотную к стене примыкал энергетический барьер. Кто-то из техников копошился у пульта управления, установленного в кузове грузовика. Род решил, что скоро, видимо, прибудет большая партия эмигрантов. Вернувшись к себе, он приготовил в одиночестве ужин, хуже которого не ел, наверно, больше года, а затем отправился спать и долго еще слушал доносящиеся из джунглей вопли «Гранд-оперы».

— Есть кто дома?

Род проснулся мгновенно и понял, что уже утро, но, к сожалению, не все плохое осталось во сне.

— Кто там?

— Друг. — В дверь хижины просунул голову Б. П. Мэтсон. — Можешь убрать свою ногтечистку. Я безвреден.

— Мастер! — Род вскочил на ноги. — В смысле... доктор!

— Мастер, — поправил его Мэтсон. — У меня для тебя сюрприз.

Он отступил в сторону, и Род увидел свою сестру.

Спустя несколько минут Мэтсон сказал добродушным тоном:

— Если вы все-таки отпустите друг друга и перестанете шмыгать носами, мы сможем наконец поговорить по-человечески.

Род сделал шаг назад и еще раз взглянул на сестру.

— Слушай, а ты замечательно выглядишь, Элен! И вес сбросила.

Она была в штатском — зеленая накидка и шорты.

— Да, немного. Зато он теперь лучше распределен. А ты вырос, Род. Мой маленький брат превратился в мужчину.

— Как ты... — Род умолк, сраженный неожиданным подозрением. — Вы часом не уговаривать меня пришли? Если так, то можете не стараться.

— Нет-нет! — торопливо ответил Мэтсон. — Боже упаси! Но мы прослышали о твоих планах и решили навестить. Я встряхнул старые связи и получил пропуск. Формально я — представитель эмиграционной службы.

— Ого! Я ужасно рад вас видеть... Но надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, о чем речь! — Мэтсон достал из кармана трубку, набил ее и раскурил. — Мне нравится твой выбор, Род. Я на Тангароа впервые.

— На чем?

— В смысле?.. А, на Тангароа. Если я не ошибаюсь, это имя полинезийской богини. А вы что, дали планете другое имя?

Род засмеялся.

— Сказать по правде, до этого дело как-то не дошло. Мы просто... жили тут, и все.

Мэтсон кивнул.

— Было бы их две, тогда бы и имена понадобились. Однако здесь красиво, Род. И я смотрю, вы многого достигли.

— Еще немного, и мы зажили бы тут отлично, так нет же, взяли и выдернули из-под нас ковер, — с

горечью в голосе произнес Род, затем пожал плечами. — Хотите, покажу вам поселение?

— Конечно.

— Отлично. Пойдем, Элен. Ой, подождите, я же еще не завтракал. А вы как?

— Вообще-то, когда мы проходили ворота, время в «Эмигрантс-Гэп» приближалось к ланчу. Я бы перекусил. А ты, Элен?

— Да, пожалуй.

Род покопался в припасах Марджери, но окорок, от которого он отрезал на ужин, был, мягко говоря, уже не самого лучшего качества. Род передал его Мэтсону.

— С душком?

Мэтсон принюхался.

— Немного. Впрочем, если ты будешь есть, я тоже не возражаю.

— Мы должны были идти вчера на охоту, но тут много чего вчера произошло. — Род на секунду задумался. — Посидите здесь. Я сейчас принесу копченое мясо.

Он взбежал по тропе в пещеру, выбрал копченый бок и несколько полосок засоленного мяса, а Мэтсон к его возвращению уже развел костер. Кроме мяса, Род предложить ничего не мог — за фруктами днем раньше тоже никто не ходил, — и ему невольно подумалось, что завтракали его гости, должно быть, совсем по-другому.

Однако он справился со своим смущением, когда дело дошло до демонстрации достижений поселенцев: гончарный круг, ткацкий станок Сью с незаконченным куском ткани, водопровод и непрерывный душ, металлические предметы, что изготовили Арт и Дуг.

— Я мог бы отвести вас к плавильне, но бог с ней, а то нарвемся еще на какую-нибудь тварь.

— Брось, Род. Я же не городской мальчишка. Да и сестра твоя тоже может за себя постоять.

Род покачал головой.

— Я эти места знаю, а вы — нет. Мне туда сбегать — раз плюнуть, а вам придется пробираться медленно и осторожно, потому что я могу не уследить сразу за двоими.

Мэтсон кивнул.

— Видимо, ты прав. Странно, конечно, когда один из моих учеников проявляет обо мне такую заботу; но ты прав. Мы здесь новички.

Род показал им ловушки для стоборов и рассказал о бешеных ежегодных миграциях.

— Стоборы лезут через эти дыры и падают в ямы, а все другие животные текут мимо стены — непрерывный поток, как на автостраде.

— Саморегулирующая природная катастрофа, — заметил Мэтсон.

— Что?.. Да мы тоже поняли. Циклическое восстановление природного баланса. Если бы у нас была такая возможность, мы каждый сухой сезон могли бы переправлять на Землю тысячи тонн мяса. — Род задумался. — Может быть, мы этим и займемся.

— Возможно.

— До сих пор от этих миграций только забот прибавлялось. Особенно стоборы досаждали — я вам покажу их там, на поле... О! — Род на мгновение умолк. — Это и в самом деле стоборы, а? Такие маленькие хищники с тяжелыми мордами? Размером с кота, но свирепые и настырные.

— А почему ты меня спрашиваешь?

— Вы же нас предупреждали о стоборах. Все классы получили предупреждение.

— Видимо, это стоборы и есть, — признал Мэтсон, — но я тогда понятия не имел, как они выглядят.

— В смысле?

— Род, на каждой планете есть свои стоборы, только везде разные. Иногда — несколько. — Он остановился и выбил трубку. — Помнишь, я вам говорил, что каждая планета в Галактике имеет свои, особые, опасности?

— Да...

— Да. Но для вас это было лишь фразой. А чтобы остаться в живых, вы должны были бояться чего-то конкретного, того, что скрывается за этой фразой. Поэтому мы и облекли опасность в конкретную форму. Но не сказали вам, в какую именно. Мы проворачиваем этот фокус каждый год, и каждый раз по-разному. А цель тут одна — предупредить вас, что непознанное и

опасное может крыться где угодно, и заронить эту мысль — нет, не в голову, а в самое сердце.

— А чтоб я... значит, никаких стоборов не было?

— Как же не было? А ловушки вы для кого понастроили?

Когда они вернулись к хижине, Мэтсон сел на землю и сказал:

— У нас осталось не так много времени.

— Я понимаю. Сейчас... — Род зашел в хижину и вернулся к ним, прихватив «Леди Макбет». — Твой нож, сестренка. Он мне не один раз спасал жизнь. Спасибо.

Элен взяла нож, потрогала пальцем лезвие, взвесила его на ладони и взглянула поверх головы Рода. Сверкнув сталью, нож пронесся в воздухе и — буммм! — воткнулся в угловой столб. Элен выдернула его и вернула Роду.

— Оставь. Пусть он и впредь служит тебе верой и правдой.

— Но он и так был у меня слишком долго.

— Я тебя прошу. Зная, что «Леди Макбет» в случае чего за тобой присмотрит, я буду чувствовать себя спокойнее. И потом, нож мне сейчас не особенно нужен.

— Как так? Почему?

— Потому что теперь она моя жена, — ответил Мэтсон.

У Рода отвисла челюсть. Сестра заметила выражение его лица и спросила:

— В чем дело, Родди? Ты не рад за нас?

— А? Что ты! Конечно, рад! Это... — Он покопался в памяти и извлек оттуда ритуальное благословение: — Дай бог вам единства и счастья! И пусть союз ваш будет плодотворным!

— Ну тогда подойди и поцелуй меня.

Род поцеловал сестру и пожал руку Мастеру. Видимо, это нормально, думал он, только... сколько же им сейчас? Сестре, должно быть, за тридцать, а Мастер уже совсем старик: ему никак не меньше сорока.

Вроде бы и поздно уже...

Но Род из всех сил старался убедить их, что целиком одобряет это решение. В конце концов, если два человека, у которых жизнь осталась позади, хотят компании друг друга, это, наверно, даже хорошо.

— Как ты теперь понимаешь, — сказал Мастер, — у меня было сразу две причины искать тебя. Во-первых, потерять целый класс — дело нешуточное. Я уже не преподаю, но все равно досадно. А во-вторых, один из потерявшихся мой родственник — даже как-то неловко.

— Вы оставили преподавание?

— Да, не сошелся с Советом директоров во взглядах на школьную политику. Скоро я поведу группу на новую колонию, и на этот раз мы с твоей сестрой собираемся осесть, обзавестись хозяйством и построить ферму. — Мэтсон бросил на него короткий взгляд. — Тебя это часом не заинтересует? А то нам как раз нужен опытный лейтенант.

— Спасибо. Но я же говорил, что мое место здесь. А куда вы собираетесь?

— На Территу. Это в направлении Гиад. Отличное место — дерут за него по высшему разряду и без всяких скидок.

Род пожал плечами.

— Тогда мне все равно ничего не светит.

— В качестве моего лейтенанта ты был бы освобожден от платежа. Впрочем, не буду тащить тебя силком. Просто предложил тебе шанс. Сам знаешь, нам с твоей сестрой еще долго жить вместе.

Род взглянул на Элен.

— Извини.

— Ладно, Родди. Мы понимаем: у тебя своя жизнь.

— М-м-м... да. — Мэтсон глубоко затянулся и продолжал: — Однако, как твой новоявленный брат и бывший учитель, я должен упомянуть еще кое о чем. Не думай, пожалуйста, что я тебя уговариваю, но буду признателен, если ты внимательно выслушаешь. Ладно?

— Хорошо... Согласен.

— Планета здесь, конечно, отличная. Но ты можешь вернуться на Землю, чтобы доучиться, приобрести квалификацию, профессиональный статус. Если откажешься возвращаться сейчас, ты останешься здесь навсегда. Тебе уже не удастся повидать остальное Внеземелье.

Позже тебя уже не пустят назад бесплатно. А вот хороший профессионал где только не бывает, перед ним открыты все миры. Мы с твоей сестрой были уже на пятидесяти планетах... Я понимаю, что в школу сейчас совсем не тянет: ты уже мужчина, и тебе нелегко будет в мальчишечьих башмаках. Но... — Мэтсон повел рукой в сторону поселения. — Все это не прошло даром. Ты вполне можешь пропустить некоторые предметы и получить зачет за полевую практику. Кроме того, у меня есть кое-какие связи в Центральном техническом... А?

Род долго сидел с каменным лицом, потом наконец покачал головой.

— О'кей, — сказал Мэтсон. — На нет и суда нет.

— Подождите. Дайте мне объяснить. — Род пытался сообразить, как передать свои чувства, но ничего не шло в голову, и он лишь удрученно произнес: — Нет... Это я так...

Мэтсон молча курил, затем сказал:

— Ты был здесь лидером.

— Мэром, — поправил Род. — Мэром Каупертауна. Но теперь именно «был».

— Ты им и остался. Население — один человек, но ты по-прежнему мэр. И даже эти бюрократы в эмиграционной службе не станут спорить, что вы доказали свое право на эту землю. Формально у вас автономная колония. Я слышал, что ты так Сэнсому и заявил. — Мэтсон улыбнулся. — Однако ты остался один, а человек не может жить один. Во всяком случае, жить и не одичать.

— Да, но ведь эту планету скоро начнут заселять?

— Наверняка. Возможно, пятьдесят тысяч уже в этом году и в четыре раза больше за два последующих. Но, Род, ты станешь просто частичкой большой толпы. У них будут свои лидеры.

— А мне вовсе не обязательно оставаться мэром. Я просто не хочу покидать Каупертаун.

— Род, Каупертаун останется в истории — так же, как Плимут-Рок, Ботани-Бэй и колония Дэйкина. Жители Тангароа, без сомнения, сохранят поселение как исторический памятник. Останешься ты или нет... Я не

пытаюсь тебя убедить, просто высказываю свои предположения. — Мэтсон поднялся на ноги. — Ладно, Элен, нам, пожалуй, пора.

— Да, дорогой, — Элен взялась за протянутую руку и тоже встала.

— Подождите! — не удержался Род. — Мастер... Элен... Я знаю, что поступаю глупо. Знаю, что все кончено... Город, наше поселение... Но я не могу вернуться. Хотел бы, но не могу.

Мэтсон кивнул.

— Я тебя понимаю.

— Странно. Я сам себя не понимаю.

— Просто со мной такое уже было. В каждом из нас, Род, живет и желание вернуться, и понимание, что это уже невозможно. А ты к тому же в том возрасте, когда этот конфликт воспринимается особенно болезненно. Ты оказался в такой ситуации, когда кризис вдвое острее. Ты — не перебивай меня! — ты был здесь мужчиной, старейшиной племени, вожаком стаи. Именно поэтому остальные вернулись, а ты нет... Подожди, дай мне закончить! Я говорил, что, вернувшись и став обычным подростком, ты, возможно, устроился бы совсем неплохо, но для тебя сама эта мысль невыносима. Я понимаю. Гораздо легче было бы вновь стать ребенком. Дети — другая раса, и взрослые ведут себя с ними соответственно. А подростки, они не дети и не взрослые. Их осаждают невозможные, неразрешимые, трагические проблемы всех отверженных. Они — ничьи, они — граждане второго сорта, они экономически и социально неустроены. Это трудное время, и я не осуждаю тебя за то, что ты не хочешь в него возвращаться. Просто считаю, что оно того стоит. Но ведь ты был властелином мира, а сдавать после этого курсовые или вытирать ноги, когда тебе на это указывают, видимо, очень нелегко. Так что удачи! Идем, дорогая!

— Мастер, — сказала Элен, — ты так и не сообщил ему...

— Это не имеет отношения к делу. Было бы просто нечестно давить на него таким образом.

— Одно слово — мужчины! Боже, как я рада, что я женщина!

— А я как рад! — улыбнулся Мэтсон.

— Я не это имела в виду. Носитесь вы со своей логикой... Я ему скажу.

— На твоей совести будет.

— Что еще ты собираешься мне сказать? — потребовал Род.

— Она хотела сказать, — ответил за нее Мэтсон, — что твои родители уже дома.

— Как?

— Вот так, Родди. Они вышли из статисного поля неделю назад, а сегодня папа вернулся с операции. Ему уже лучше. Но мы ничего про тебя не говорили. Просто не знали, что сказать.

Факты оказались предельно просты, хотя Роду верилось в них с трудом. Медицина добилась нужных результатов не за двадцать лет, а всего за два. Мистера Уокера извлекли из темпоральной камеры, прооперировали и вернули миру живым и здоровым. Элен еще за несколько месяцев до этого знала, что такой исход вполне вероятен, но лечащий врач отца дал свое согласие на операцию лишь тогда, когда у него появилась стопроцентная уверенность в успехе. И только по чистому совпадению Тангароа нашли примерно в то же время. Для Рода же оба события явились полной неожиданностью: он давно считал родителей умершими.

— Ладно, дорогая, — строго сказал Мэтсон, — Теперь, когда ты его совершенно ошарашила этой новостью, мы можем идти?

— Да. Но я просто должна была сообщить Роду о родителях.

Элен поцеловала его и повернулась к мужу. Они двинулись к стене, а Род смотрел им вслед, мучительно размышляя, что делать, и не в силах принять решение. Затем он вдруг вскочил и крикнул:

— Подождите! Я с вами!

— Отлично, — откликнулся Мэтсон и, повернувшись к жене здоровым глазом, с удовлетворением опустил веко — вроде как подмигнул, но едва заметно. — Если ты уверен, то я помогу тебе собрать вещи.

— У меня нет никаких вещей! Пошли!

Род задержался всего на несколько минут — только чтобы выпустить из загона животных.

16

Бесконечная дорога

Мэтсон быстро вывел Рода через ворота в «Эмигрантс-Гэп», попутно спас от увечий одного назойливого чиновника, который приставал к Роду с психологическим тестированием, и проследил, чтобы он не подписывал никаких документов с отказом от претензий. Затем отвел его мыться, стричься, бриться, раздобыл приличную одежду и только тогда явил планете Земля. Однако у ворот «Кайбаб» он оставил их вдвоем с сестрой.

— Мне нужно показаться на клубном обеде, так что у вас будет возможность пообщаться семьей, вчетвером. Я появлюсь около десяти, дорогая. Пока, Род. Увидимся. — Мэтсон поцеловал жену и удалился.

— Папа знает, что я возвращаюсь?

Элен ответила не сразу.

— Да, знает. Пока Мастер приводил тебя в порядок, я связалась с домом... Только помни, Род, папа был болен, и для него прошло всего две недели.

— Всего две?

Прожив столько лет бок о бок с действующими аномалиями Рамсботхэма, Род тем не менее всегда воспринимал их временной аспект несколько недоверчиво, хотя прыжки с планеты на планету отнюдь не казались ему чем-то необычным. Кроме того, он чувствовал себя очень неуютно, и сам не понимал почему. В действительности все объяснялось приступом неосознанной боязни перед огромными толпами людей. Мэтсон предвидел это, но не стал предупреждать, чтобы не заострять внимания и не навредить еще больше.

Однако прогулка через лес по дороге к дому пошла ему на пользу. Привычные опасения, что за каждым кустом может скрываться хищник, и подсознательное стремление держаться поближе к деревьям настраи-
ва-

ли мысли на знакомый лад. Домой Род добрался почти в радостном настроении, даже не осознав, насколько испугал его людской водоворот или успокоили несуществующие опасности пригородного лесного массива.

Отец загорел и выглядел вполне здоровым, но казался меньше ростом и уже в плечах. Он обнял сына, мама поцеловала его и расплакалась.

— Хорошо, что ты вернулся домой, сынок. Насколько я понимаю, тебе несладко пришлось.

— Я тоже рад, папа.

— Все-таки, на мой взгляд, эти экзамены слишком строги. Слишком.

Род попытался было объяснить, что здесь дело не в экзамене, что не так уж им пришлось туго, что Каупертаун — вернее, Тангароа — на самом деле далеко не такой опасный мир, но сбился. Его здорово смущало присутствие «тетушки» Норы Пискоут, в действительности никакой не родственницы, а подруги детства его матери. Кроме того, отец почти не слушал.

Зато всю слушала миссис Пискоут. И глядела на него в упор своими маленькими глазками, словно проклюнувшимися среди рыхлых складок кожи на лице.

— Ну конечно же, Родерик, я сразу поняла, что это не твой снимок.

— Что? — спросил отец. — Какой снимок?

— Да тот дикарь, где под фотографией стояла фамилия Родди. Вы ее, должно быть, уже видели: ее в новостях напечатали, и в «Имперском часе» уже показывали. Но я сразу поняла, что это не он. Я еще Джозефу сказала: «Смотри, Джозеф, это совсем не Род Уокер; тут какая-то подделка».

— Видимо, я ее пропустил. Как вы знаете, я...

— Я вам ее пришлю — специально вырезала. Но я знала, что это подделка. Ужас просто! Огромный голый дикарь с острыми зубами и жуткой ухмылкой; вся физиономия в боевой раскраске, а в руке — длинное копье. Я сразу сказала Джозефу...

— Как вы знаете, Нора, я только сегодня утром вернулся из больницы. Род, надо думать, твоей фотографии все-таки не было в прессе, так ведь?

— Э-э-э... нет, наверно. Не знаю.

— Я тебя не понимаю. С чего бы им помещать твое фото в новостях?

— Да так просто. Явился какой-то тип с камерой и снял.

— Значит, фото все-таки было?

— Да. — Род заметил, что «тетушка» Нора пялится на него во все глаза. — Но это все равно подделка.

— Ничего не понимаю.

— Ну, пожалуйста, патер, — вмешалась Элен. — Род здорово устал, а это дело может и подождать.

— Видишь ли, папа, они просто загримировали меня, когда я э-э-э... отвлекся... — Род понял, что несет какую-то чушь.

— Значит, это твой снимок? — воскликнула «тетушка» Нора.

— Я не хочу больше говорить на эту тему.

— Может, оно и к лучшему, — согласился мистер Уокер несколько удивленно.

Однако миссис Пискоут на этом не успокоилась.

— М-да, я полагаю, в таких далеких местах может произойти *все, что угодно*. Из той затравки, которую дали в «Имперском часе», у меня сложилось впечатление, что у вас там происходили очень странные вещи. И не все из них приличные. — Миссис Пискоут посмотрела на Рода с вызовом, но тот промолчал, и она продолжала: — Просто не понимаю, о чем вы думали, когда позволили мальчику участвовать в таком деле. Мой отец всегда говорил: если бы господь желал, чтобы мы пользовались этими воротами вместо космических кораблей, он бы сам наделал в небе дырок.

— Миссис Пискоут, — резко спросила Элен, — с чего это вы вдруг решили, что космические корабли естественнее, чем пространственные ворота?

— Ай-ай-ай, Элен Уокер... Я всю жизнь была для тебя «тетей Норой»! А теперь вдруг «миссис Пискоут»...

Элен пожала плечами.

— Кстати, моя фамилия теперь не Уокер, а Мэтсон, как вам прекрасно известно.

Миссис Уокер вмешалась в разговор и совершенно невинным тоном спросила, не останется ли миссис Пискоут пообедать с ними.

— Да, Нора, может, вы присоединитесь к нам под Лампой Мира? — добавил мистер Уокер.

Род сосчитал про себя до десяти. Но миссис Пискоут заявила, что она, мол, просто уверена, что им хочется побыть в узком семейном кругу и очень многое обговорить. Мистер Уокер не стал ее упрашивать.

Во время ритуала Род успокоился, но все равно сбивался, путался и один раз пропустил свою реплику, отчего за столом на секунду воцарилось неловкое молчание. Обед был изумительный, только порции показались Роду слишком маленькими, и он решил, что на Земле, видимо, очень жесткое rationирование. Однако все излучали счастье, и он сам тоже.

— Жаль, конечно, что все так вышло, — сказал отец. — Видимо, тебе придется теперь повторить семестр.

— Напротив, патер, — вмешалась Элен. — Мастер уверен, что Род сможет поступить в Центральный технический без экзаменов.

— В самом деле? В мои годы требования там были жестче.

— Вся их группа получит особые дипломы. То, чему они научились, не преподают ни в одной школе.

Заметив, что отец готов вмешаться в спор, Род решил переменить тему.

— Кстати, сестренка, я только что вспомнил. Я ведь думал, ты еще служишь, и дал одной девушке твои координаты. Ты еще можешь помочь ей?

— Я могу помочь ей советами и, может быть, подготовить к экзаменам. Это для тебя важно?

— Да, пожалуй. И она — идеальный офицерский материал. Крупная — даже больше тебя, — но чем-то на тебя похожа. Умна, как и ты, почти гений, и всегда в отличном настроении. Сильная, стремительная и буквально смертоносная, когда этого требуют обстоятельства. Мгновенная смерть, откуда ни зайди...

— Родерик... — Отец бросил взгляд на Лампу.

— Э-э-э... Да, извини, папа. Я просто пытался описать ее поподробней.

— Ладно. Но с каких пор ты начал есть мясо руками? Род бросил кусок в тарелку и залился краской.

— Извини. У нас там не было вилок.

Элен рассмеялась.

— Брось, Род, не смущайся. Это же совершенно естественно, патер. Когда наши девушки подают в отставку, мы всегда назначаем им курс переориентации — чтобы подготовить к опасностям, подстерегающим в мирной жизни. А пальцы, кстати, появились раньше вилок.

— Без сомнения... И если уж мы упомянули переориентацию, есть одно дело, дочь, которое нужно решить, прежде чем наша семья вернется к старому образу жизни..

— Ты имеешь в виду...

— Да. Я имею в виду передачу опекунства. Теперь, когда я чудесным образом выздоровел, мне положено снова взять на себя родительские обязанности.

Род даже не сразу сообразил, что говорят о нем. Опекунство? Да, верно, ведь сестра назначена его опекуном... Но какое это имеет значение?

— Видимо, да, патер, — медленно произнесла Элен. — Если Родди согласен.

— Э-э-э... По-твоему, это тоже следует учитывать? Твой муж вряд ли захочет брать на себя ответственность за молодого парня. И кроме того, это моя обязанность и моя привилегия.

На лице Элен появилось упрямое выражение.

— Какая разница, папа? — спросил Род. — Мне ведь все равно учиться в колледже. Да и лет мне уже достаточно — я скоро получу право голоса.

— Как? Родди! — недоуменно взглянула на него мать.

— Не так уж скоро. Три года — это все-таки срок немалый, — сказал мистер Уокер.

— Какие три года, папа? Я уже в январе стану совершеннолетним!

Миссис Уокер прижала ладонь к губам.

— Джером... мы опять забыли о разнице во времени... Боже, мальчик мой...

Мистер Уокер обвел семью ошарашенным взглядом, пробормотал что-то о том, «как трудно привыкнуть», и уткнулся в свою тарелку. Потом снова взглянул на сына.

— Извини, Род. Но все-таки, пока ты не достиг совершеннолетия, я должен выполнять свои обязанности. Мне, например, совсем не хотелось бы, чтобы, учась в колледже, ты жил где-то на стороне.

— Почему это?

— Видишь ли... Я чувствую, что мы несколько отдалились друг от друга, и меня это беспокоит. Взять, к примеру, эту девушку, которую ты охарактеризовал в столь необычных выражениях. Правильно ли я понял, что она была твоей... э-э-э... твоим близким другом?

Род почувствовал себя немного неловко.

— Она была моим городским менеджером.

— Твоим кем?

— Моим старшим помощником. Начальником охраны, шефом полиции и так далее. Она вообще все делала. Даже охотилась, но это уже потому, что ей нравилось охотиться. Кэрл... Короче, ей в любой ситуации цены нет.

— Родерик, ты часом... не увлекся этой девушкой?

— Я? Ни в коем случае. Она для меня была скорее как старшая сестра. У нее, конечно, были отношения с кем-то из парней, но это все быстро проходило.

— Ну что ж, я рад, что у вас не возникло серьезного отношения друг к другу. На мой взгляд это не самая лучшая компания для молодого человека.

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, папа.

— Возможно. Я разберусь. Но ты что-то говорил насчет «городского менеджера»... А кем тогда был ты сам?

— Я, — гордо заявил Род, — был мэром Каупертауна.

Отец бросил на него пристальный взгляд и покачал головой.

— Мы на эту тему еще поговорим. Возможно, тебе необходима квалифицированная медицинская помощь. — Он перевел взгляд на Элен и добавил: — Передачу опекунов мы обсудим завтра. Я чувствую, мне предстоит немало хлопот.

— Только если Родди согласен, — сказала Элен твердо, глядя отцу в глаза.

— Что это значит?

— По документам опекунство передано мне безвозвратно. Или он согласится, или опекунство останется за мной!

Ответ дочери привел мистера Уокера в полное замешательство. Миссис Уокер сидела, чуть не плача. Род встал и вышел из комнаты — Лампа Мира еще горела, и такое случилось впервые за всю историю семьи. Отец крикнул что-то ему вслед, но Род не обернулся.

У себя в комнате он обнаружил Мэтсона. Тот сидел, попыхивая трубкой.

— Я перекусил в клубе и тихо пробрался прямо сюда, — объяснил он и, внимательно посмотрев на Рода, добавил: — Я же говорил тебе, что придется туго. Но надо перетерпеть, сынок, надо перетерпеть.

— Это просто невыносимо!

— Надо перетерпеть.

Как нередко бывало раньше и как будет еще много раз, в «Эмигрантс-Гэп» выстроились один за другим прочные надежные фургоны. Ворота еще не отрегулировали, и кучеры собрались у небольшой палатки под складками каменной туники статуи Свободы. Пили кофе и перебрасывались шуточками, скрашивая нервное ожидание. Там же стоял и профессиональный капитан поселенцев, стройный, скромной наружности молодой человек с глубокими морщинами на лице — от яркого солнца, от смеха и, может быть, от забот. Однако сейчас он казался совсем беззаботным: как и все, улыбался и пил кофе, поделив бублик пополам с маленьким мальчишкой. На нем была куртка из оленьей кожи с бахромой — в подражание очень древнему стилю. Небольшая борода и довольно длинные волосы дополняли портрет. Его пегий низкорослый конь с брошенными на седло поводьями терпеливо стоял неподалеку. Рядом с седлом, слева, висел чехол с охотничьей винтовкой, но больше никакого огнестрельного оружия у капитана не было — лишь два ножа на поясе, слева и справа.

Взвыла сирена, и голос из динамика над палаткой Армии спасения возвестил:

— Капитан Уокер, приготовиться у ворот номер четыре!

Род взглянул в сторону диспетчерской, махнул им рукой и крикнул:

— Рассчитайсь!

Затем снова повернулся к Джимми и Жаклин.

— Передайте Кэрол от меня привет. Жаль, что ей не удалось вырваться в увольнение. Но мы еще увидимся.

— Возможно, даже скорее, чем ты думаешь, — подтвердил Джим. — Моя фирма будет бороться за этот контракт.

— Твоя фирма? С каких это пор ты стал такой важный? Джекки, его что, уже приняли в полноправные партнеры?

— Нет еще, — спокойно сказала Жаклин, — но я не сомневаюсь, что примут, как только он прорвется в бар «Внеземелье»... Поцелуй дядю Рода, Гранти.

— Не хочу, — твердо ответил мальчишка.

— Весь в отца, — гордо прокомментировал Джим. — Целуется только с женщинами.

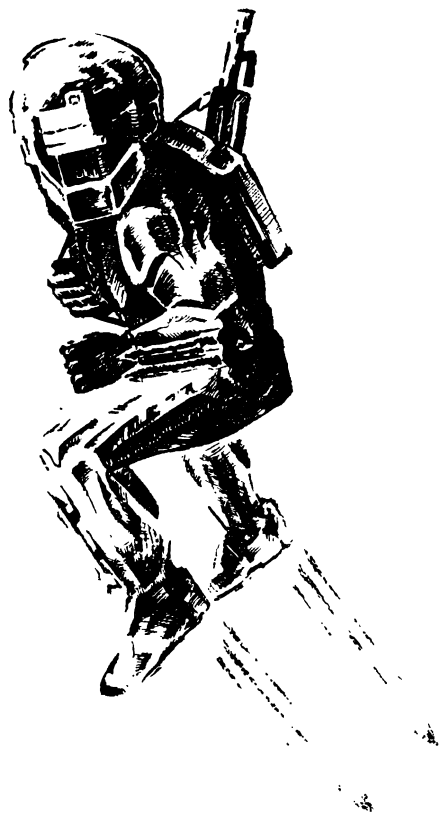
Род услышал, что переключка возвращается, и вскочил в седло.

— Счастливо, ребята!

Переключка закончилась громким «Первый!» из головы колонны.

— Приготовились! — Род поднял руку и взглянул через открывшиеся ворота на заснеженные вершины гор, вознесшихся у горизонта над бескрайними прериями. Ноздри его затрепетали от возбуждения.

Над воротами вспыхнул зеленый свет. Род махнул рукой и, крикнув: «Тронулись!», на мгновение сжал коленями бока своего скакуна. Пегий конь рванулся вперед, проскочил перед ведущим фургоном, и капитан Уокер отправился в путь.

ЗВЕЗДНАЯ ПЕХОТА

1

Эй, вперед, обезьяны! Или вы хотите жить вечно?

Неизвестный сержант. 1918 год

Я всегда начинаю дрожать перед десантом. Понятно, мне делают инъекцию и проводят гипнотическую подготовку, так что на самом деле я просто не могу трусить. Наш корабельный психиатр, проанализировав данные моего биополя и задав мне, пока я спал, кучу глупых вопросов, заявил, что это не страх, что в этом вообще нет ничего серьезного — так дрожит хороший рысак перед скачками.

Я ничего не мог сказать на этот счет, так же как не мог представить себя рысаком. Но факт оставался фактом: каждый раз я, как идиот, начинал дрожать.

За полчаса до выброса, после того как мы собрались в нужном отсеке нашего корабля — «Роджера Янга», командир отряда осмотрел каждого. По-настоящему он не был нашим командиром — в прошлом десанте лейтенант Расжак получил свое, и теперь его не было с нами. Осмотр проводил сержант крейсера Джелал. Джелли был наполовину финн, наполовину турок с Искандера системы Проксима. Смуглый, небольшого роста, он напоминал заурядного клерка, но однажды я видел, как он расправился с двумя рядовыми — богатырями скандинавами, такими высоченными, что он едва мог дотянуться до их голов. Но эти головы треснули друг о друга, как два кокосовых ореха, а он спокойно отступил на шаг, когда здоровяки свалились на пол.

Вне службы с ним можно было общаться запросто. Ты мог даже в глаза называть его Джелли. Новобранцы, конечно, себе этого не позволяли, но так мог обращаться к нему всякий, кто хотя бы раз побывал в боевом десанте.

Но сейчас он был, что называется, при исполнении. Каждый уже осмотрел свое боевое снаряжение, после чего все тщательно прощупал сержант отряда, а потом уже нас проинспектировал Джелли: бесстрастное лицо, глаза, которые, кажется, автоматически фиксировали малейшее упущение. Он остановился возле Дженкинса, замершего напротив меня, и надавил кнопку на его поясе, которая включала датчик физического состояния десантника.

— Покинуть строй!

— Но, сержант, это всего лишь легкая простуда. Врач сказал...

Джелли не дал ему договорить.

— Но, сержант, — передразнил он. — Лекарь, по моему, не собирается участвовать в десанте. И ты не будешь — вместе со своей «легкой простудой». Или ты думаешь, я стану с тобой ласы точить перед самым выбросом? Покинуть строй!

Дженкинс ушел, и было видно, как его одолевают и злость, и стыд, и тоска. Мне и самому стало тоскливо. Поскольку нашего лейтенанта не было, произошло повышение по цепочке, и меня назначили помощником командира 2-го отделения в этом десанте, и теперь в моем отделении образовалась дырка, которую нечем заполнить. А это могло означать, что если кто-нибудь из моих ребят попадет в беду, будет звать на помощь, то ему никто не поможет.

Джелли уже больше ни к кому не подходил. Он отступил от строя на несколько шагов и осмотрел нас, качая головой.

— Что за банда обезьян, — буркнул он. — Если вернетесь из десанта, возможно, стоит начать сначала и сделать из вас таких, каких хотел видеть лейтенант. Хотя, может, и вообще ничего не выйдет — уж такие к нам нынче идут новобранцы...

Он выразительно посмотрел на нас и вдруг, выпрямившись, крикнул:

— Я только хочу напомнить вам, обезьяны, что каждый, без исключения, обошелся государству в кругленькую сумму — если считать оружие, бронескафандр, специальные боеприпасы, прочую амуницию и все остальное, включая жратву! Все это стоит по меньшей мере полмиллиона. Добавьте сюда еще тридцать центов — столько на самом деле стоите вы сами — и получите окончательную цифру.

Он оглядел нас.

— Думаю, теперь вы все поняли! Мы можем потерять всех вас, но мы не можем позволить себе терять то, что на вас надето. Герои мне не нужны. И лейтенанту лишнее геройство не понравилось бы. Вас ждет работа, вы спуститесь, выполните ее и будете ждать сигнала к отбою. Понятно?

Он еще раз скользнул взглядом по нашим лицам.

— Считается, что вы знакомы с планом операции. Но надежды на вас мало даже с гипнозом. Поэтому я повторяю еще раз. Выбрасываться будете в две цепи, с рассчитанным интервалом в две тысячи ярдов. Все время держите контакт со мной. Все время держите контакт и соблюдайте дистанцию со своими товарищами с обеих сторон, пока не займете настоящую оборону. Постарайтесь получше вычистить все там внизу, чтобы фланговые спокойно ткнулись носом в землю. (Он говорил обо мне: как помощник командира отделения я должен быть левофланговым, и с одной стороны меня не прикрывал никто. Я начал дрожать.)

— ...Как только они приземлятся, выровняйте цепи и разберитесь с интервалом. Двенадцать секунд. Потом вперед перебежками — четные и нечетные. Помощники командиров следят за счетом и порядком.

Он посмотрел на меня.

— Если все сделаете правильно, в чем я сильно сомневаюсь, фланги сомкнутся как раз перед сигналом отбоя, а там уже и домой. Вопросы?

Вопросов не было. Впрочем, их не было никогда. Он продолжил:

— Еще одно. Это всего лишь рейд, а не настоящий бой. Это демонстрация нашей огневой мощи, мы должны их пугнуть. Наша задача — дать врагу понять, что мы можем легко уничтожить их город, но пока не хотим

разрушать его. Пусть знают, что они не находятся в безопасности, даже если мы и не применяем тотальной бомбардировки. Пленных не брать. Убивать только по необходимости. Но вся занятая нами площадь должна быть вычищена. Я не хочу, чтобы какой-нибудь бродяга из вашего отряда притащил на корабль взрывное устройство. Всем понятно?

Он взглянул на часы.

— У «Сорвиголов Расжака» высокая марка, и ее нужно держать. Лейтенант просил передать, что будет следить за вами... и надеется, вы сумеете прославить свои имена!

Джелли бросил взгляд на сержанта Миглаччио, командира первого отделения:

— Пять минут для падре.

Парни один за другим выходили из строя и становились на колени перед сержантом Миглаччио. Совершенно неважно, кто ты был, во что верил — в Аллаха, Христа, Иегову или какую-нибудь ересь, ты мог встать перед падре на колени, он обращал свое сердце к каждому, кто хотел с ним поговорить перед десантом. Я слышал, что где-то есть священники, которые не идут в бой вместе со всеми, и не мог понять, как такие священники могут работать в войсках. Как может священник благословлять кого-нибудь на то, чего он сам не хочет и не может делать? Так или иначе, в десанте выбрасывался каждый и воевал тоже каждый — вплоть до капеллана и повара. Когда мы начали спускаться по широкому коридору, никто из «сорвиголов» не остался в отсеке — кроме Дженкинса, конечно, но это не его вина.

К падре я с другими не подошел: боялся, что кто-нибудь заметит, как меня трясет. В конце концов, он вполне мог благословить меня и на расстоянии. Но вдруг он сам подошел ко мне, когда последний из преклонивших колени встал, и прижал свой шлем к моему.

— Джонни, — произнес он тихо. — ты первый раз участвуешь в выброске как сержант.

— Да, — сказал я, хотя на самом деле я был таким же сержантом, как Джелли офицером.

— Я только вот что хочу сказать, Джонни. Не пытайся сразу стать генералом. Ты знаешь свою работу. Исполни ее. Только исполни. Не старайся получить медаль.

— О, спасибо, падре. Все будет нормально.

Он проговорил что-то ласковое на языке, которого я не знал, потрепал меня по плечу и заторопился к своему отделению.

— Тэнн, заткнись! — скомандовал Джелли, и мы все подтянулись.

— Отряд!

— Отделение! — эхом ответили Миглаччио и Джонсон.

— По отделениям — приготовиться к выбросу!

— Отделение! По капсулам! Исполни!

— Группы! — Мне пришлось подождать, пока четвертая и пятая группы рассядутся по капсулам, а уже затем пройти по отсеку отстрела капсул к своей. Я устраивался в капсуле и думал: интересно, тех древних, которые залезли в троянского коня, тоже трясло? Или это только я один такой? Джелли проверил герметичность каждого и собственноручно закупорил меня. Закрывая колпак, он нагнулся ко мне и сказал:

— Не теряй головы, Джонни. Считай, что ты на учениях.

Он закрыл капсулу, и я остался один. «На учениях»! Меня затрясло еще сильнее.

В наушниках раздался голос Джелли:

— Контакт! «Сорвиголовы Расжака»... готовы к выбросу!

— Семнадцать секунд, лейтенант! — отозвалось бодрое контральто капитана корабля. Меня резануло, что она назвала Джелли лейтенантом. Конечно, лейтенанта нет в живых, а Джелли, вполне возможно, займет его место... Но мы все еще оставались «Сорвиголовами Расжака».

— Счастливо, ребята! — сказала она.

— Спасибо, капитан.

— Пристегивайтесь. Пять секунд.

Я был плотно пристегнут к креслу — лоб, живот, голени, — но дрожал пуще прежнего.

Когда отделяешься от корабля, становится легче. Сначала сидишь в крошечной темноте, замотанный, как мумия, так что едва дышишь — для того, чтобы снять последствия ускорения. Сидишь и знаешь только то, что в капсуле вокруг тебя азот и шлем снимать нельзя (хотя и при всем желании ты не смог бы этого сделать). Знаешь, что отсек отстрела забит такими же капсулами, и если по кораблю вдарят, то тебе останется только молиться и спокойно помирать. Не в силах двинуться с места, будешь бесконечно дожидаться в темноте смерти и думать, что все про тебя забыли... Будешь вертеться на орбите в развороченной скорлупе корабля, мертвой скорлупе, и наконец получишь свое, не в силах двинуться, чувствуя только, как удушье сдавливает горло. Или корабль сойдет с орбиты, и ты получишь свое внизу, если не сгоришь на пути к планете.

Потом сработала программа, капсулы были отстрелены, и я перестал дрожать. Когда кораблем управляет женщина, не жди никакого комфорта. Синяки обеспечены где только возможно. Да, я знаю, что они лучше справляются с работой пилота, чем мужчины, у них более быстрая реакция. В бою это важно, так как повышает твои шансы, равно как и шансы самих пилотов. Но они мало чем могут помочь, когда на ваш хребет наваливается тяжесть, в десять раз превосходящая обычный ваш вес.

Хотя я должен отметить, что капитан Деладрие свое дело знала. Я даже не почувствовал, когда «Роджер Янг» перестал тормозить. Прозвучала ее команда:

— Центральный отсек... отстрел! — И два звучных хлопка: бум! бум! Это Джелли и сержант отряда отделились от корабля. И тут же: — Отсеки левого и правого борта — автоматический отстрел!

Бум! И капсула дергается и передвигается на новое место. Бум! И она дергается снова, как патрон в магазине старинного автоматического оружия. Что ж, так оно на самом деле и есть... только вместо стволов длинные туннели отсеков космического военного крейсера, а каждый патрон — капсула с десантником в полном боевом снаряжении.

Бум! Я всегда был номером третьим и покидал корабль одним из первых. Теперь же я был «крайним

Чарли» — замыкал выброс трех групп. С непривычки ожидание казалось долгим, хотя каждую секунду отстреливалось по капсуле. Я стал считать хлопки. Двенадцать. Тринадцать. Бум! Четырнадцать — странный звук — это пошла пустая, в которой должен был быть Дженкинс. Бум!..

Что-то клацнуло: мой черед, моя капсула в камере отстрела. И наконец — А-А, М-М! — взрыв, сила которого заставляет вспомнить маневр торможения нашего капитана как детскую ласку.

И тут же неожиданно все ощущения пропадают.

Пустота. Ни звуков, ни давления, ни веса. Парение в темноте... свободное падение, примерная высота — тридцать миль. Атмосферы как таковой еще нет, плавно падаешь навстречу планете, на которой никогда не был. Но дрожь прошла: ожидание кончилось. Когда ты отделился, особенно плохо тебе уже не будет; случись беда, все произойдет так быстро, что получишь свое, не успев ничего заметить.

Я почувствовал вибрацию и раскачивание капсулы, вес возвращался быстро, и вскоре мне стало совсем хорошо (нам сказали, что сила тяжести на планете будет чуть меньше земной). Все это означало, что капсула вошла в атмосферу. Пилот, если он артист, мастер своего дела (а наш капитан такой и была), должен производить маневр торможения и отстрела капсул таким образом, чтобы их скорость совпадала со скоростью вращения планеты. От этого зависит, насколько точным будет приземление. Неуклюжий пилот может так разбросать капсулы, что десанту будет очень трудно собраться, восстановить строй и выполнить свою задачу. Десантник чего-либо стоит тогда, когда его точно выводят на цель. Я подумал, что в нашем деле пилот не менее важен, чем сам десантник.

По тому, как плавно моя капсула вошла в атмосферу, я мог судить: капитан положила нас с почти нулевым боковым вектором — об этом можно только мечтать. Я почувствовал себя счастливым не только потому, что мы придем точно к цели в нужное время, но и потому, что нам выпало работать с таким капитаном.

Внешняя оболочка капсулы прогорела и отвалилась. Атмосфера начала тут же разъедать вторую оболочку,

качка и тряска усилились, потом стали еще сильнее — вторая оболочка прогорела и отвалилась по кускам. Одна из тех уловок, которые позволяют десантнику, летящему в капсуле, надеяться дожить до пенсии. Куски оболочки, которые отваливаются от капсулы, не только тормозят падение, но и наполняют небо бессчетным количеством целей, способным сбить с толку любой радар — каждая из них может быть десантником, бомбой или чем-нибудь еще. Этих кусков достаточно, чтобы свести с ума любой баллистический компьютер, — и сводят.

Для пущей забавы с корабля выпускается целая куча фальшивых яиц-капсул сразу после выброса десанта, и эти фальшивки летят быстрее наших капсул, потому что оболочек не сбрасывают. Они достигают поверхности планеты, взрываются, отвлекают внимание, расчищают площадку — короче, прибавляют дел комитету по организации встречи на планете.

В то же время радиосвязь корабля, игнорируя всякий радарный шум, намертво привязана к направленному сигналу командира корабля. Компьютеры корабля рассчитывают твою ближайшую задачу.

Когда вторая оболочка отлетела, из третьей был автоматически выброшен первый ленточный парашют. Он работал недолго, да и не был рассчитан на это: один чувствительный, мощный рывок — и парашют летит своей дорогой, я своей. Второй парашют работал чуть дольше, а третий уже довольно длительное время. Я увидел, что внутри капсулы начинает подниматься температура, и начал думать о приземлении.

Третья оболочка отлетела, когда до конца отработал третий парашют, и теперь вокруг меня не было ничего, кроме бронескафандра и пластикового яйца, внутри которого я все еще был привязан. Наступило время решать, где и когда я буду приземляться. Не двигая руками (я не мог), пальцем включил экран ближнего видения и, когда он засветился чуть выше моих глаз на внутренней поверхности шлема, начал считывать данные.

Миля плюс восемьдесят метров. Немного ближе, чем я люблю, особенно в отсутствие компании. Яйцо теперь падало с постоянной скоростью, и не было

никакого смысла оставаться внутри. Однако температура на поверхности яйца показывала, что автоматически оно откроется еще не скоро. Поэтому другим пальцем я нажал кнопку, освобождавшую меня немедленно.

Первая часть программы отрезала ремни, которые меня опутывали. Вторая взорвала окружающий меня пластик, и он стал падать, расколовшись на восемь частей. Я был на свободе, «сидел» на воздухе и видел все своими глазами! Меня согревала мысль, что оболочка пластикового яйца покрыта тонким слоем металла и каждый кусок ее выглядит на экране радара точно так же, как десантник в бронескафандре. Тому, кто обрабатывал данные радара — будь это живое существо или компьютер, — предстояла неприятная задача: решить, какой из девяти объектов является десантником, не говоря уже о тысячах кусков и обломков, летящих на расстоянии нескольких миль вокруг. При подготовке десантнику обязательно дают поглядеть — и своими глазами, и на экране радара, — в какое замешательство приводит выброс десанта силы обороны на земле: уж больно беззащитным и словно раздетым чувствуешь себя, когда кувыркаешься вот так в воздухе без скорлупы. Можно легко впасть в панику, открыть парашют слишком рано и превратиться, как у нас говорят, в сидящую утку. Или вообще не открыть парашют и сломать ноги, позвоночник или проломить череп.

Я вытянулся, распрямился и поглядел вокруг. Потом сложился и снова выпрямился, теперь уже в позиции «ныряющий лебедь», лицом вниз, и попытался получше рассмотреть, что там подо мной. На планете, как и планировалось, была ночь, но инфравидение, если к нему привыкаешь, дает вполне четкую картину. Река, по диагонали пересекавшая город, была прямо подо мной. Она стремительно приближалась, сияя, так как температура воды была выше, чем земли. Мне было все равно, на какой берег приземляться, лишь бы не в воду: это бы сильно затормозило дело.

Сбоку, по правую руку, примерно на моей высоте, мелькнула вспышка. Кто-то из не очень дружелюбных туземцев, засевших внизу, кажется, сжег кусок оболочки моего яйца. Не медля я выбросил первый парашют — только для того, чтобы как можно скорее ис-

чезнуть из поля зрения радара, если они начнут кучно обстреливать выбранный кусок неба. Я быстро пришел в себя после рывка и еще секунд двадцать плыл на парашюте вниз, а потом отбросил его, не желая привлекать внимание.

Должно быть, все это сработало. Меня не сожгли.

Примерно на высоте шестисот футов я открыл второй парашют... затем заметил, что меня несет прямо в реку и что на высоте примерно в сто футов я пролечу над чем-то вроде склада — строением с плоской крышей, стоящим у реки... Я отбросил парашют и с помощью реактивных двигателей скафандра приземлился на крышу склада. Первое, что я сделал, попробовал запеленговать сигнал нашего сержанта Джелала.

И обнаружил, что оказался не на той стороне реки. На кольце компаса в моем шлеме огонек Джелала горел далеко к югу от того места, где я ожидал его увидеть. Значит, я взял слишком к северу. Я побежал к краю крыши, на ходу пытаясь наладить связь с командиром ближайшей группы. Он оказался где-то в миле от меня.

— Эйс! Выравнивай цепь! — крикнул я, бросил позади себя портативную бомбу и резко стартовал, чтобы пересечь реку и добраться до другого берега на двигателях. Эйс ответил так, как я и думал. Он засек меня, но не собирался бросать свою группу. Я почувствовал, что он вообще не настроен слушать мои приказы.

Склад за моей спиной поднялся в воздух, и взрывная волна настигла меня над рекой, хотя я предполагал, что взрыв произойдет, когда я буду уже укрыт зданиями на далеком берегу. Что-то нарушилось в гироскопической системе, и я был близок к тому, чтобы кувыркнуться в воду. Ведь я поставил взрыватель на пятнадцать секунд... или не поставил? Я вдруг понял, что позволил себе потерять над собой контроль. Худшая вещь, которая может случиться с тобой в бою на поверхности планеты. «Все равно что на учениях, — предупредил меня Джелли. — Делай все спокойно и правильно, пусть это отнимет у тебя лишние полсекунды».

Добравшись до другого берега, я снова связался с Эйсом и приказал, чтобы он перестраивал группу. Он не ответил: видимо, уже занялся этим. Он делал свою работу, и до поры мне было наплевать на его невоспи-

танность. Но на корабле (если Джелли утвердит меня помощником командира) придется выяснять с ним отношения, чтобы понял, кто начальник. Он был капралом, а я лишь занимал капральскую должность. Но он должен мне подчиняться, и я не мог допустить, чтобы мои приказы в бою игнорировались. Это было бы гибельным для всех.

Но времени размышлять у меня не оставалось. Еще над рекой я засек прекрасную цель и хотел взять ее, пока никто другой ее не заметил: группа сооружений на холме, напоминавших общественные здания. Какие-то храмы или, может быть, дворцы... Они были расположены в нескольких милях от той зоны, которую мы должны были охватить. Однако существовало правило, согласно которому разрешалось до половины боеприпасов израсходовать в стороне от зоны захвата (и, конечно, быстро оттуда ретироваться) с тем, чтобы затруднить противнику определить твою настоящую цель и твое месторасположение. Все, однако, надо было сделать очень быстро, практически на ходу. Самое главное — чтобы тебя не могли засечь, и здесь могут выручить только внезапность и скорость.

Я подключился к Эйсу, повторил свой приказ насчет выпрямления цепи и одновременно начал готовить свою пусковую ракетную установку. Голос Джелли застиг меня в самый разгар приготовлений:

— Отряд! Перебежками! Вперед!

Мой босс, сержант Джонсон, тут же прогремел:

— Перебежками!! Нечетные номера! Вперед!

Это означало, что у меня еще есть двадцать секунд. Я запрыгнул на крышу рядом стоящего здания, приложил ракетомет к плечу, нашел цель и нажал первый курок: теперь ракета сама увидела свою цель. Тогда я нажал на второй курок, проводил взглядом ракету и спрыгнул с крыши на землю.

— Второе отделение!! Нечетные номера! — прокричал я, просчитал сколько нужно в уме и приказал: — Вперед!

И сам выполнил свою команду, взлетев над следующим рядом домов и успев уже в воздухе выпустить струю пламени из ручного огнемета по домам, стоящим прямо у реки. Похоже было, что эти дома из дерева —

так они занялись. Одновременно с бомбодержателя стартовали две портативные бомбы на двести ярдов вправо и влево от меня, но их полета я уже не проследил: взорвалась моя первая ракета. Взрыв с автоматической настройкой не спутаешь ни с чем (если ты уже когда-нибудь его видел). Конечно, это была не самая крупная штука — меньше двух килотонн по номиналу, но кому охота устраивать рядом с собой космические катастрофы? Ракеты хватило на то, чтобы выбрить начисто верхушку холма и заставить тех, кто находился в городе, призадуматься и поискать укромное местечко. Кроме того, каждый, кто глядел в момент взрыва на холм, не сможет вообще ничего больше увидеть в течение ближайших двух часов. Ни мне, ни кому-нибудь из наших это не угрожало: обзорное окно шлема было покрыто специальным составом и, кроме того, имелись автоматические затемнители.

Поэтому я лишь мигнул, зажмурился на мгновение и тут же открыл глаза, как раз, чтобы увидеть, как из дома рядом со мной выходит скинн. Он посмотрел на меня, я — на него. Он начал поднимать что-то, скорее всего оружие. А тут еще Джелли закричал:

— Нечетные! Вперед!

Мне некогда было валять дурака: я находился еще за пятьсот ярдов от того места, где надлежало быть. В моей левой руке еще был ручной огнемет, я включил его и подпрыгнул над домом, из которого этот абориген вышел. Огнемет, конечно, обычно служит для поджигания, но это и хорошее защитное оружие, если перед тобой только один противник. Из него, по крайней мере, не надо целиться.

Я был все же чересчур несобран: уж слишком высоко подпрыгнул. Да и в сторону слишком много забрал. Часто возникает желание выжать максимум из двигателя бронескафандра, но никогда нельзя делать этого! Иначе долгие секунды будешь висеть в воздухе, представляя прекрасную мишень. Лучший способ продвижения — скользить над домами. При этом нельзя останавливаться на одном месте больше одной-двух минут, нельзя допускать, чтобы тебя хоть на миг взяли на мушку. Будь везде и нигде. Шевелись.

В этот раз я подпрыгнул выше домов и обнаружил, что в очередной раз спускаюсь на крышу. Эта крыша была не такой удобной, как та, с которой я запустил ракету. Она была покрыта джунглями каких-то столбов, труб и подпорок — может быть, фабрика или химический завод. Ни одной нормальной площадки для приземления. И что еще хуже, с полдюжины туземцев высыпало прямо на крышу. Скинны были гуманоидами восьми-девяти футов ростом, но гораздо более тощими, чем мы, и с более высокой температурой тела. Они не носили одежды и на инфразкране шлема казались составленными из светящихся неоновых трубочек. Они выглядели еще забавнее, если смотреть невооруженным глазом, но сейчас я не веселился: передо мной была моя смерть.

Если эти ребята попали на крышу тридцать секунд назад, когда взорвалась моя ракета, то увидеть меня или кого-нибудь из наших они бы не смогли. Но я ни в чем не мог быть уверен, а рисковать слишком глупо. Поэтому я подпрыгнул еще раз прямо с воздуха, бросил вниз горсть пилуль, которые на десять секунд зададут им жару, приземлился, подпрыгнул опять и крикнул в микрофон:

— Второе отделение! Четные номера... Вперед!

Одновременно я продолжал продвигаться, стараясь сократить разрыв с отрядом и выискивая при каждом прыжке цель, которая стоила бы ракеты. У меня еще были три небольшие ракеты класса А и, уж во всяком случае, не хотелось тащить их обратно на корабль. Однако в сознание было крепко вколочено, что с атомным оружием нужно обращаться так, чтобы цель оправдывала затраченные на изготовление ракеты средства. Этот вид оружия мне доверили только второй раз.

Сейчас я мечтал обнаружить какие-нибудь водопроводные сооружения: прямое попадание могло сделать целый город непригодным для жилья. Так можно было, никого прямо не убивая, заставить эвакуироваться все население. Как раз такой, кстати, была боевая задача.

Судя по карте, которую мы выучили под гипнозом, водопровод должен был находиться где-то в трех милях вверх по течению реки. Но засечь его я никак не мог. Наверное, высоты не хватало. Меня так и подмывало

прыгнуть повыше, но я хорошо помнил совет Миглаччио не мечтать о медали, а придерживаться схемы боя. Я поставил пусковую установку на автоматический режим, чтобы две небольшие портативные бомбы отделялись каждый раз, когда я прыгаю. Таким образом я уничтожал различные цели в небольшом радиусе вокруг себя, но все-таки глаза сами выискивали стоящую цель и прежде всего водопровод.

Вот что-то появилось в пределах досягаемости — не знаю, водопровод или нет, но что-то довольно большое. Подпрыгнув на крышу самого высокого из близлежащих строений, я прицелился и пустил ракету. Когда я уже опускался, в наушниках послышался голос Джелли:

— Джонни! Внимательней! Пора загигать фланги. Рэд, это и тебя касается.

Я подтвердил получение приказа и услышал, как то же сделал Рэд. Включив свой передатчик на равномерную подачу сигнала, чтобы Рэд всегда мог меня запеленговать, я настроился на его волну и произнес:

— Второе отделение! Складываемся в конверт! Командирам групп подтвердить приказ.

Четвертая и пятая группы ответили «принято». Эйс пробурчал:

— Мы уже выполняем. Побыстрее перебирай ногами.

Сигнал Рэда показывал, что правый фланг находится почти на линии моего продвижения, но еще в добрых пятнадцати милях отсюда. Никуда не денешься, Эйс прав. Нужно поторапливаться, иначе я никогда их не догоню. А ведь на мне еще оставалось два центнера боеприпасов и всякой всячины, которую нужно пустить в дело. На это тоже требовалось время. Десант приземлился в форме буквы V: Джелли находился в точке, из которой расходились лучи, а мы с Рэдом на самых краях цепей. Теперь мы должны были замкнуть круг, окружив заданную площадь... Это означало, что Рэду и мне придется пройти гораздо больше остальных, но в то же время я мог на полную катушку участвовать в боевых действиях.

Хорошо еще, что продвижение рывками и перебежками кончилось, как только мы начали замыкать круг. Теперь я мог спокойнее все рассчитать и сосредоточиться на скорости продвижения. Но как быстро мы ни

двигались, обстановка становилась все опаснее. Мы начали десант с огромным преимуществом благодаря внезапности удара, нас не смогли расстрелять в воздухе (я надеялся, что этого избежали все), и мы так продуманно ведем бой, что не приходится бояться, что перестреляем друг друга, тогда как у них есть постоянная опасность попасть в своих, когда они метят в нас. (Если они вообще могут взять кого-нибудь из нас на прицел. Я не специалист по теории игр, но сильно сомневаюсь, что какой бы то ни было компьютер способен на основе анализа моих действий предусмотреть, где я буду находиться в следующий момент.)

Так или иначе, но местная оборона начала отвечать огнем. На мою долю пришлось два весьма ощутимых разрыва где-то совсем недалеко: вернее, так близко, что даже в бронескафандре я лязгнул зубами и чуть не откусил себе язык. Мне показалось, что в какое-то мгновение сквозь меня прошел луч такого жесткого излучения, что волосы на голове зашевелились, а сам я на какую-то долю секунды был словно парализован — не мог двигать руками, будто сломаны обе ключицы. Если бы за мгновение до этого скафандр не получил приказ на прыжок, не знаю, как бы я оттуда выбрался.

Подобные ситуации заставляют хорошенько задуматься: какой черт толкнул меня стать солдатом? Но я был слишком занят, чтобы останавливаться и раздумывать. Дважды прыгнув вслепую над домами, я опустилсся прямо в гущу туземцев, тут же снова подпрыгнул, успев лишь несколько раз наугад махнуть вокруг себя огнеметом.

Так я несясь сломя голову и сократил половину своего отставания — мили четыре — в минимальный срок, правда, не ведя мощного огня, а производя лишь случайные разрушения. Мой бомбовый запас опустел еще два прыжка назад, и, оказавшись в похожем на колодец дворе, я остановился на секунду, чтобы проверить резерв боеприпасов и переговорить с Эйсом.

Оказывается, я достаточно далеко от фланговой группы и вполне еще могу подумать, куда деть оставшиеся ракеты класса А. Я подпрыгнул на самое высокое здание поблизости от меня.

Уже совсем рассвело, и видимость стала хорошей. Я поднял затемнители и быстро обежал глазами окрестности. Мне нужно было найти что-либо позади нас, стоящее того, чтоб потратить ракету. Хоть что-нибудь — времени на выбор у меня уже почти не было.

Я обнаружил кое-что любопытное на горизонте, по направлению к их космодрому — может, административные или инженерные сооружения, возможно, космический корабль. Примерно на полпути к этой штуковине громоздилось строение, которое я даже приблизительно не мог опознать. Космодром находился почти на пределе дальности полета ракеты, но я все же дал ракете взглянуть на него. «А ну-ка, найди его, малышка!» — сказал я и выпустил ее. Затем выстрелил последней ракетой по первой бросившейся в глаза цели. И тут же подпрыгнул.

Здание, которое я покинул, сразу вспыхнуло: прямое попадание. Наверное, эти тощие ребята решили (и правильно), что ради того, чтобы прищучить одного из нас, можно пожертвовать домом. Или, может, это один из моих приятелей, забыв о правилах ведения боя, пальнул куда ни попадя? Так или иначе, но мне после всего этого расхотелось подпрыгивать высоко в воздух или скользить над крышами. Я решил пройти пару домов насквозь. Снял со спины тяжелый огнемет, опустил на шлем затемнители и сконцентрированным направленным пламенем, как ножом, вырезал кусок стены. И вошел...

Я выскочил оттуда быстрее, чем можно себе представить.

Я не знал, куда я вломился. Церковь? Зал для духовных собраний? А может, ночлежка для этих тощих. Или даже штаб их обороны. Что бы там ни было, но огромный зал был заполнен таким количеством этих доходяг, которое я не мечтал увидеть за всю мою жизнь.

Нет, это была не церковь, потому что кто-то выстрелил, когда я уже подался назад. Но, благодаря броне-скафандру, я ощутил лишь средней силы удар, выбивший из моих рук оружие, в ушах зазвенело, но я даже не был ранен — пуля ушла рикошетом. Однако они сами натолкнули меня на мысль, что я не могу уйти от них просто так, не оставив на память сувенир. Я сорвал

с пояса первую попавшуюся штукину и бросил ее в зал. Она тут же начала квакать. Как нам всегда говорили во время тренинга на базе: **выполнить действие сразу гораздо полезнее, чем долго обдумывать оптимальный ход и сделать его через час.**

По счастливой случайности я выбрал наилучший вариант. Это была бомба, выданная каждому из нас в единичном экземпляре специально для этой миссии. Кваканье, которое я услышал, когда ее бросил, оказалось голосом самой бомбы, кричавшей на туземном языке:

— Я бомба с тридцатисекундным механизмом действия! Я бомба, которая взорвется через тридцать секунд! Двадцать девять!.. Двадцать восемь!.. Двадцать семь!

Предполагалось, что подобная штука должна здорово попортить им нервы. Наверное, так и было; лично мои нервы плохо выдерживали это кваканье: как будто негодный мальчишка проговаривает считалку прежде, чем убить всякого, кто ему подвернется. Конца считалки ждать не стал — подпрыгнул и только успел еще подумать: хватит ли им дверей, чтобы вовремя убраться?

В самой высокой точке прыжка я поймал сигнал Рэда, а когда приземлился, — сигнал Эйса. Я опять отставал — нужно торопиться.

И все же три минуты спустя мы благополучно замкнули круг. Слева от меня, примерно в полумиле, был Рэд. Он доложил об этом Джелли. Мы услышали облегченное рычание сержанта и его команду:

— Кружок замкнулся, но сигнала пока еще нет. Начинайте медленно двигаться вперед и хорошенько прочищайте все вокруг. Подбавьте немножко перца. Но каждый пусть помнит о парнях по бокам, не устраивайте парилку для своих. Все было сделано хорошо, смотрите не испортите собственную работу. Отряд!.. Начать сближение!

Мне тоже казалось, что все сделано хорошо. Большая часть города пылала, и хотя было уже совсем светло, я не решался снять со шлема щиток — настолько густым был дым.

Джонсон, командир нашего отделения, командовал:

— Второе отделение! Рассчитайся!

Я вторил ему:

— Четвертая, пятая и шестая группы — рассчитаться и доложить!

Система связи и руководства боем была простой, отлаженной и надежной. Любая операция проводилась быстро. Джелли мог связаться с кем угодно, прежде всего с командирами отделений. Командир отделения был тоже связан не только со своими ребятами, но и с другими отделениями. В результате отряд мог устроить переключку в считанные секунды. Я слушал, как переключается четвертая группа, а пока осматривал свою амуницию, прикидывал в уме оставшуюся огневую силу и даже успел бросить небольшую бомбу в тощего, который высунул свою голову из-за угла. Он исчез, то же самое сделал я: «прочистить вокруг» — так сказал наш командир.

В четвертой группе что-то бубнили, сбиваясь со счета, пока командир группы не вспомнил, что нет Дженкинса. Пятая группа отщелкала как заводная, и я уже начал предвкушать приятное возвращение домой... но переключка остановилась после номера четвертого в группе Эйса. Я позвал:

— Эйс, где Диззи?

— Заткнись, — буркнул он. — Номер шесть! Отвечай!

— Шесть, — отчеканил Смит.

— Семь!

— Шестая группа, у нас нет Диззи Флореса, — сказал Эйс. — Командир группы выходит на поиск.

— Отсутствует один человек, — доложил я Джонсону. — Флорес, шестая группа.

— Потерялся или убит?

— Не знаю. Командир группы и помощник командира отделения выходят на поиск.

— Джонни, пускай этим займется Эйс.

Но я словно не слышал его, поэтому ничего и не ответил. Зато я прекрасно слышал, как он докладывает Джелли и как Джелли проклинает все на свете. Прошу меня правильно понять: я вовсе не рвался за медалью. Поиск пропавшего десантника — прямое дело помощника командира отделения. Именно он, если возникнет необходимость, предназначен для одиночной охоты, он «крайний», подсознательно его заранее относят к статье

расходов. Если отделение уже собрано, помощник командира практически не нужен — если жив командир, конечно.

В одно из мгновений я особенно остро почувствовал, что отделен от всех, что мне, наверное, не удастся вернуться. И все из-за чудесных звуков, разнесшихся в пространстве — шлюпка, предназначенная для нашего возвращения, уже приземлилась и звала нас к себе. В принципе сигнал посылает автоматическая ракета, которая выстреливается впереди шлюпки. Эдакий гвоздь, зарывающийся в почву и начинающий вещать сладкую приветственную музыку. Шлюпка прибывает по этому сигналу тремя минутами позже, и самое лучшее для тебя — заранее ждать на остановке, потому что автобус обычно ждать не может, а следующего, как правило, не предвидится.

Но бросить десантника просто так нельзя — по крайней мере, пока есть шанс, что он жив. Так принято у «Сорвиголов Расжака». Так принято в любой части десанта или, как нас называют, Мобильной пехоты. Ты обязан постараться найти пропавшего.

Я услышал приказ Джелли:

— Выше головы, приятели! Собирайтесь в тесный кружок, готовьтесь к возвращению. Но не забывайте прикрывать отход! Ну, поскакали!

И я услышал ласковую мелодию позывных:

К вечной славе пехоты
Да прославится имя,
Да прославится имя
Роджера Янга!

Как близки сердцу эта музыка, эти слова. Мне показалось, что я ощущаю сладкий вкус мелодии на своих губах.

Но действительность была мрачной: мой путь лежал в другую сторону. Я приближался к Эйсу, по пути расходуя все бомбы, гранаты и взрывчатые пилюли, которые тянули меня вниз.

— Эйс! Ты засек его?

— Да. Можешь возвращаться. Бесполезно!!!

— Я вижу, где ты. А где он?

— Прямо передо мной, с четверть мили. Убирайся к черту. Это мой человек.

Я не ответил и взял левее, чтобы соединиться с Эйсом там, где, по его словам, находился Диззи.

Я увидел такую картину: Эйс стоял над телом Диззи, рядом лежали двое убитых тощих, еще большее количество живых разбегалось в стороны. Я опустил ся рядом.

— Давай снимем с него скафандр. До прилета шлюпки считанные секунды.

— Он слишком сильно задет.

Я пригляделся и понял, что он говорит правду: в скафандре Диззи зияла дыра, из нее сочилась кровь. Я словно оцепенел. Чтобы транспортировать безнадежно раненного, нужно снять с него бронескафандр... потом подхватываешь его — и улетаешь. Человек без бронескафандра весит гораздо меньше самой амуниции и боеприпасов.

— Что же делать?

— Потащим, — сказал Эйс мрачно. — Берись с левой стороны.

Он схватил Флореса за пояс справа, и мы поставили тело на ноги.

— Держи крепче. Теперь... по счету приготовься к прыжку. Один, два...

Мы прыгнули. Прыгнули косо и не слишком далеко. Один человек не смог бы и оторвать его от земли: слишком тяжел бронескафандр. У двоих это кое-как получилось.

Мы снова прыгнули, потом еще и еще раз. Каждый раз Эйс отсчитывал старт, а при приземлении нам приходилось несладко. Балансировать было тяжело — видно, гироскопы у Диззи совсем вышли из строя.

Мы услышали, как оборвались позывные — это приземлилась шлюпка. Я даже засек посадку, но это было слишком далеко от нас. Мы услышали и команду сержанта отряда:

— В порядке очереди приготовиться к посадке!

И тут же голос Джелли:

— Последний приказ пока не выполнять!

Мы выбрались наконец на открытую местность, увидели вертикально стоящую шлюпку, слышали завывание сигнала, предупреждающего об отлете. Отряд еще не начал грузиться, а занял оборону вокруг ракеты, образовав как бы щит, который должен обезопасить шлюпку.

Тотчас раздалась команда Джелли:

— В порядке очереди — начать погрузку.

Но мы все же были еще слишком далеко! Я видел, как грузится первая группа, как сжимается и уплотняется круг десантников вокруг шлюпки.

Одинокая фигура вдруг отделилась от отряда и понеслась к нам со скоростью, возможной только для офицерского скафандра.

Джелли перехватил нас, когда мы находились в воздухе, ухватился за пусковую установку Флореса и помог нам мощными двигателями своего скафандра.

В три прыжка мы добрались до шлюпки. Все давно уже находилось внутри, но дверь была открыта. Мы ворвались внутрь, втащили Флореса и задраили люк. В динамике раздался угрюмый голос капитана: она крыла нас, что не сможем вовремя быть в точке встречи, и мы все — именно все — получим свое! Джелли не обращал на нее внимания. Мы уложили Флореса и сами легли рядом. Когда стартовали, Джелли сказал самому себе:

— Все на борту, лейтенант. Трое раненых, но все на борту.

О капитане Деладрие я уже, кажется, говорил: лучшего пилота нельзя и придумать. Встреча шлюпки и корабля на орбите рассчитывается и выверяется неизменно тщательно. Я не знаю, как это делается, но только мне сто раз втолковывали, что, раз она рассчитана, изменить ничего нельзя. Никто не в состоянии ничего изменить.

И только она это сделала. Она засекала, что шлюпка опаздывает и не может прийти к месту встречи вовремя, ухитрилась затормозить, потом опять набрать скорость, встретить нас и забрать на борт — и все лишь с помощью глаз и рук, не имея даже времени обработать данные на компьютере. Если Всемогущему когда-нибудь понадобится помощник, который следил бы за тем,

как звезды соблюдают предназначенные им траектории, я знаю, где можно такого помощника найти.

Флорес умер, когда мы подлетали к кораблю.

2

*Было страшно невмочь,
И я бросился прочь
И бежал тогда как ненормальный,
Сам от страха не свой,
И закрылся у мамочки в спальне.
Янки Дугль, помоги,
Янки Дугль — генди.
Научи плясать и петь
И с подружкой не робеть,
Янки Дугль, генди.*

Я никогда не думал, что пойду в армию, тем более в пехоту. Обмолвись я о подобном в детстве, меня бы просто выпороли, а будь я постарше — удостоили бы отцовской проповеди о том, как некоторые нерадивые сыновья только и делают, что позорят свою фамилию.

Я, конечно, говорил отцу, что собираюсь поступить на Федеральную Службу, — когда уже учился в старших классах. Полагаю, что в таком возрасте каждый парень начинает думать об этом. Мне исполнилось восемнадцать через неделю после окончания школы. Однако большинство ребят относилось к такой перспективе не очень серьезно — скорее так, в шутку. Некоторое время они забавлялись этой идеей, щекотали себе нервы, а потом благополучно поступали в колледж, нанимались на работу или находили еще чтонибудь. Вполне возможно, что так случилось бы и со мной... если бы мой лучший друг всерьез не решил поступить на службу.

В средней школе мы с Карлом всегда были заодно и все делали вместе: вместе высматривали девушек, вместе приударяли за ними, вместе гуляли с подружками. Мы вместе занимались физикой и электроникой в самодельной лаборатории, устроенной дома у Карла. Я не был силен в теории, но зато ловко паял и собирал

схемы. Как правило, Карл разрабатывал идею, составлял схему, а я следовал его инструкциям.

Это было здорово! Вообще, все, что ни делали мы с ним, было здорово. У родителей Карла не было такого состояния, как у моего отца, но это не влияло на наши отношения. Когда отец купил мне к четырнадцатилетию небольшой вертолет, машина настолько же принадлежала Карлу, насколько и мне. То же и с лабораторией, устроенной в подвале их дома: я мог распоряжаться в ней по своему усмотрению.

Когда Карл неожиданно заявил, что не хочет сразу после школы идти дальше учиться, а решил сначала попробовать военной службы, я призадумался. Похоже, он считал такой путь для себя естественным.

В конце концов я сказал, что пойду с ним.

— Твой старик тебе не позволит.

— Чего? Как это не позволит?!

Я возмущался, но в глубине души понимал, что Карл прав. Отец попытается сделать все, что в его силах, причем будет действовать скрытно. Вербовка в Федеральную Службу была первым полностью свободным выбором человека (и, похоже, последним). Если юноше или девушке исполнилось восемнадцать, он или она могли сделать свой выбор, и никто не смел вмешиваться.

— Поживем — увидим, — сказал Карл, и заговорил о другом.

В один прекрасный момент я как бы походя завел с отцом осторожный разговор.

Он отложил газету, вынул изо рта сигару и уставился на меня:

— Ты что, парень?

Я пробормотал, что мне мои устремления не кажутся ненормальными.

Он вздохнул.

— Что ж... наверное, нужно было ожидать подобного. Да-а, я помню, как ты научился ходить и из тихого младенца превратился в сорванца, который долгое время был сущим наказанием для всего дома. Помню, ты великолепно грохнул одну из любимых маминих ваз — китайскую, эпохи Мин. Причем вполне сознательно — я в этом уверен. Ты был, конечно, слишком мал, чтобы понимать цену этой вазы, поэтому я тебя просто отшле-

пал по рукам... Еще я помню, как ты стащил одну из моих сигар и как тебе потом было плохо. Мальчишкам просто необходимо попробовать, чтобы понять, что забавы мужчин пока еще не для них. Мы наблюдали, как ты вступаешь в пору юности и начинаешь замечать, что девчонки не все на одно лицо и что среди них есть такие, что заставляют чаще биться сердце.

Он опять вздохнул, будто я уже умер.

— Но, папа. Я не собираюсь разрушать свою жизнь. Всего лишь один срок службы. Это же не навсегда!

— Давай, по крайней мере, пока не спешить. Хорошо? Все нужно хорошенько обдумать. И послушай, что я думаю об этом. Даже если ты уже решил, постарайся понять и меня. Хочу тебе напомнить, что наша семья вот уже сто лет далека от всякой политики, она выращивает свой сад на своем куске земли. И я не вижу причин, ради которых ты стал бы нарушителем этой замечательной традиции. Сдается мне, что здесь не обошлось без влияния одного из твоих учителей в старших классах — как его имя? Ты знаешь, о ком я говорю.

Он имел в виду нашего преподавателя истории и нравственной философии — ветерана Федеральной Армии.

— Мистер Дюбуа?

— Глупое имя, но ему подходит. Иностранец, конечно. Похоже, что против всех имеющихся законов кто-то использует школы как скрытые центры вербовки в армию. Похоже, мне стоит написать резкое письмо на эту тему. У налогоплательщиков тоже есть кое-какие права!

— Он совсем не замешан ни в чем таком! Он... — Я остановился, не в силах найти подходящие слова. Мистер Дюбуа на самом деле всегда относился к нам с нескрываемым чувством собственного превосходства. Он ясно давал понять, что никто из нас не достоин службы. Мне он просто не нравился. — Наоборот, — сказал я, — он всегда смеется над нами.

— Не будем толочь воду в ступе. Стоит ли покупать kota в мешке? Окончишь школу, потом поедешь в Гарвард и будешь там изучать теорию и практику бизнеса. Ты это и раньше так себе представлял. После поедешь в Сорбонну, будешь путешествовать понемно-

гу, встречаться с нашими клиентами и контрагентами и сам увидишь, как делается бизнес в других частях света. Потом возвратишься домой и приступишь к работе. Начнешь с самой примитивной. Биржевым агентом или кем-нибудь в этом роде. Это нужно, чтобы соблюсти ритуал. Но не успеешь моргнуть глазом, как окажешься среди управленцев. Я не хочу, чтобы кто-нибудь помоложе и пошустрее лез вперед тебя. Насколько быстро ты станешь боссом, будет зависеть только от твоего желания и терпения. Вот так! Как тебе сюжет?

Я не ответил. Ничего нового я пока не услышал: я знал, что этот путь всегда был моим. Отец встал и положил мне на плечо руку.

— Так что не думай, сынок, что я о тебе забыл или отношусь к тебе с предубеждением. Ты мне нравишься. И давай посмотрим еще раз непредвзято на твою затею. Если бы где-нибудь шла война, я бы первый тебя поддерживал. Но войн теперь нет и, слава Богу, больше не предвидится. Сама возможность войны искоренена. Планета живет мирно, счастливо и, кроме того, имеет прекрасные отношения с другими планетами. Чем же тогда занимается так называемая Федеральная Служба? Паразитирует, паразитирует! Бесполезный, ни на что не пригодный орган, живущий за счет налогоплательщиков. Надо сказать, весьма дорогостоящий способ содержать на общественные деньги бездарей, которые иначе были бы просто безработными. Их содержат годами, а потом они преспокойно отдыхают до конца жизни. А может быть, ты только этого и хочешь?

— Карл вовсе не бездарный человек!

— Карл? Конечно, он хороший парень... — только слегка без царя в голове. — Отец пожал плечами и улыбнулся: — Сынок, я хотел приберечь кое-что в качестве сюрприза — как подарок к окончанию школы. Но сейчас решил открыть секрет, и, быть может, он поможет тебе поскорее выкинуть всю эту чепуху из головы. Я не хочу, чтобы ты думал, что я боюсь какого бы то ни было твоего решения. Я слишком доверяю твоему здравому смыслу, хотя ты и молод. Но ты сейчас в сомнении, в тревоге. Я знаю — мой подарок поможет прочистить тебе мозги. Ну, угадай, что это?

— Ну, не знаю...

Он ухмыльнулся:

— Туристическая поездка на Марс.

Наверное, у меня был дурацкий вид.

— Господи, папа, но я и не думал...

— Я хотел, чтобы мой сюрприз тебя удивил, так оно и вышло. Я знаю, мальчишки сходят с ума от таких путешествий. И для тебя сейчас такое путешествие как раз необходимо. Побудешь один в необычной обстановке. Иногда это очень полезно. Тем более когда ты по-настоящему включишься в нашу работу, тебе будет трудно выкроить даже несколько дней, чтобы слетать на Луну.

Он взял газету.

— И не надо меня благодарить. Можешь заняться своими делами — мне надо еще немного поработать.

Я вышел из комнаты. Отец считал, что все уже уладил... да и я как-то успокоился: мне тоже казалось, что все решено. Марс! И меня никто не будет опекать, буду делать что захочу! Но я не сказал о поездке Карлу. У меня было противное чувство: вдруг он решит, будто меня просто купили. Что ж, может, так оно и было. Карлу я просто сказал, что отец смотрит на службу в армии не так, как я.

— Еще бы, — ответил он. — Мой тоже. Но это моя судьба.

Я все раздумывал, пока шли последние занятия по истории и нравственной философии. Эти предметы отличались от других тем, что каждый обязан был принимать участие в занятиях, но экзаменов не было. И мистер Дюбуа, похоже, не особенно заботился о том, чтобы мы отчитывались о своих знаниях. Иногда он, правда, тыкал пальцем левой руки (он никогда не утруждал себя запоминанием имен) и задавал короткий вопрос. Но если не получал ответа, это ничего не меняло.

На самом последнем уроке, правда, мне показалось, он все-таки решил исподволь узнать, что же мы усвоили. Одна из девочек вдруг с вызовом заявила:

— А моя мама говорит, что насилие никогда не может ничего создать.

— Да? — Дюбуа холодно посмотрел на нее. — А я уверен, что отцы известного тебе города Карфагена

были бы очень удивлены, узнав об этом. Почему к ним не обратилась твоя мать? Или ты сама?

Они цепляли друг друга уже давно: девчонка не считала нужным лебезить или опасаться Дюбуа, ведь экзаменов по его курсу не было. Она и сейчас не скрывала раздражения:

— Все пытаетесь посмеяться надо мной! Всем известно, что Карфаген был разрушен!

— Мне казалось, что ты этого не знаешь, — сказал Дюбуа без всякого намека на улыбку. — Но раз ты в курсе дела, может, тогда ответишь: что иное, как не насилие, навсегда определило их судьбу? И вообще я не собирался смеяться лично над тобой. Я против своей воли начинаю презирать беззастенчиво глупые идеи и принципы — тут уж ничего не могу поделать. Всякому, кто исповедует исторически не обоснованную и аморальную концепцию насчет того, что «насилие не в состоянии ничего создать», я посоветовал бы подискутировать с духами Наполеона Бонапарта и герцога Веллингтона. Насилие, откровенная сила, в истории человечества решило гораздо больше вопросов, чем какой-либо другой фактор, и противоположное мнение не имеет права даже называться концепцией. Глупцы, забывающие эту главную правду в истории человечества, всегда платят или, во всяком случае, платили за это недомыслие своей жизнью и свободой... Еще один год, еще один класс отучился — и еще одно поражение. В ребенка еще можно заложить какие-то знания, но научить думать взрослого человека, видимо, невозможно.

Вдруг он ткнул пальцем в меня:

— Ты. Какая разница в области морали, если она вообще есть, между воином и гражданским человеком?

— Разница, — сказал я, лихорадочно соображая, — разница в сфере гражданских обязанностей, гражданского долга. Воин, солдат, принимает личную ответственность за безопасность того политического объединения, членом которого состоит и ради защиты которого он при необходимости должен пожертвовать своей жизнью. Гражданский человек этого делать не обязан.

— Почти слово в слово по учебнику, — сказал Дюбуа, как всегда пренебрежительно. — Но ты хоть понимаешь, что сейчас сказал? Ты веришь в это?

— ...Я не знаю, сэр...

— Конечно, не знаешь! Я вообще сомневаюсь, что кто-либо из вас способен вспомнить о своем «гражданском долге» даже в самых экстремальных обстоятельствах.

Он посмотрел на часы:

— Ну вот наконец и все. Последнее «прости». Кто знает, может быть, мы с кем-нибудь еще увидимся в менее удручающей обстановке. Свободны.

Через три дня нам вручили дипломы об окончании школы, еще через три мы отпраздновали мой день рождения, а через неделю — Карла. И все это время я так и не смог ему признаться, что передумал идти в армию. Я был абсолютно уверен, что он и так все понимает, и мы этого вопроса просто не касались — наверное, оба чувствовали какую-то неловкость. А через день после его дня рождения я отправился провожать Карла к пункту вербовки.

По пути к Федеральному Центру мы столкнулись с Карменситой Ибаннес, нашей одноклассницей, заставлявшей любого испытывать удовольствие от того факта, что он принадлежит к расе, разделенной на два пола. Кармен не была моей девчонкой. Она вообще была ничьей: никогда не назначала два свидания подряд одному и тому же парню и ко всем нам относилась одинаково приветливо. Мне иногда казалось, что она не видит между нами разницы. Но знаком я с ней был довольно близко, поскольку она часто пользовалась нашим бассейном — он был точно таких размеров, какие установлены для соревнований на олимпиадах. Она приходила то с одним приятелем, то с другим, иногда одна, чему радовалась моя мама. Мама считала, что Кармен должна оказывать на меня хорошее влияние. Что ж, возможно, мама была права.

Она заметила нас, подождала, пока мы ее догоним, и улыбнулась:

— Привет, ребята!

— Хэлло, Очи Черные, — сказал я, — каким ветром?

— А ты не догадываешься? Сегодня мой день рождения.

— Да? Поздравляем! Будь счастлива!

— И вот я решила пойти на Федеральную Службу.

— Что?

Думаю, Карл был так же сильно удивлен, как и я. Но на нее это было очень похоже. Она никогда не болтала зря и обычно все секреты держала при себе.

— Ты не шутишь? — задал я очень умный вопрос.

— С чего бы? Я решила стать пилотом звездного корабля. Во всяком случае, хочу попытаться.

— Думаю, тебе действительно нужно попробовать, — быстро отреагировал Карл.

Он был прав — теперь-то я знаю это точно. Кармен была небольшого роста, изящная и ловкая, с отличным здоровьем и изумительной реакцией. К тому же она довольно профессионально занималась прыжками в воду, любила математику. Я окончил школу с индексом «удовлетворительно» по алгебре и «хорошо» по деловой арифметике. Она же легко проскочила весь курс по математике, который могла предложить наша школа, и успела еще закончить специальный курс. Я никогда не задумывался, зачем ей это нужно. Наверное, потому, что она всегда казалась такой неземной, созданной только для развлечений — этаким бабочкой. Так что и мысли не возникало, что она может заняться чем-то серьезным.

— Мы... то есть я, — сказал Карл, — тоже буду вербоваться.

— И я, — вдруг подтвердил я, хотя минуту назад об этом и не помышлял, — мы оба будем.

Удивительно. но мой язык как будто жил своей отдельной жизнью.

— О, это прекрасно!

— И я хочу учиться на космического пилота, — сказал я твердо.

Кармен не рассмеялась и ответила очень серьезно:

— Ох, как здорово! Мы, наверное, и тренироваться будем вместе. Мне бы так этого хотелось. Карл, а ты тоже хочешь стать пилотом?

— Я? — переспросил Карл. — Нет, я не собираюсь в водители грузовиков. Вы меня знаете. «Старсайд, Ар энд Ди», электроника. Если, конечно, подойду.

— Скажешь тоже — «водитель грузовика»! А вот засунут тебя на Плутон, и будешь там мерзнуть всю жизнь!

— Нет уж мне повезет, это точно.

— Ладно, хватит. Давайте лучше поторопимся.

Пункт помещался за оградой в изящной ротонде. За столом улыбался настоящий сержант Звездного Флота в настоящей форме. Мне, впрочем, показалось, что он даже слишком разукрашен, как клоун в цирке. Вся грудь у него была усеяна значками и наградами. Потом я заметил, что правой руки у него нет. Так нет, что и рукав зашит.

Карл сказал:

— Доброе утро. Я решил поступить на службу.

— Я тоже, — кивнул я.

Но сержант не обратил на нас никакого внимания. Он поклонился, не вставая, и произнес:

— Доброе утро, юная леди. Что я могу для вас сделать?

— Я тоже решила поступить.

Он улыбнулся еще шире:

— Чудная девушка! Если вас не затруднит, поднимитесь в комнату 204 и спросите майора Роджэс, она вами займется.

Он кинул на нее еще один быстрый оценивающий взгляд.

— В пилоты?

— Если это возможно.

— Сдается, у вас все для этого есть. Найдите мисс Роджэс.

Кармен ушла, поблагодарив его и ободряюще махнув нам на прощанье. Сержант наконец обратил внимание на нас, разглядывая меня и Карла, но даже без намека на то дружелюбие, с каким встретил Кармен.

— Итак? — буркнул он. — В чем дело? Стройбат?

— О нет, сэр, — сказал я. — Я бы хотел стать пилотом.

Он даже не счел нужным задержать на мне взгляд и со скучающим видом повернулся к Карлу.

— Вы?

— Я хотел бы попасть в Корпорацию исследований и развития, — сдержанно сказал тот. — Лучше всего что-нибудь связанное с электроникой. Думаю, я бы там справился.

— Возможно, если сумеете себя показать, — буркнул сержант. — Но ничего не получится, если вы пришли с плохой подготовкой и пустой головой. А ну-ка, парни, как вы думаете: почему меня держат здесь, у двери?

Я не понял его. Карл спросил:

— Почему?

— Да потому что у правительства одна миска помоев для всех — неважно, сколько и как ты служил, да и служил ли вообще! Потому что у некоторых сейчас — и таких все больше — считается хорошим тоном отслужить один срок, получить привилегии и носить знак, который всякому будет говорить, что он ветеран. А он при этом, может, и пороха-то по-настоящему не нюхал... Но если вы действительно хотите поступить и я не смогу вас от этого отговорить, то нам придется вас принять, потому что это ваше право, закрепленное не где-нибудь, а в Конституции. Читали? Каждый, неважно, мужчина он или женщина, имеет от рождения право принять участие в Федеральной Службе и обрести полные права гражданства. И на деле получается, что мы вынуждены пристраивать и находить дело для каждого, хотя подавляющее большинство просто не в силах сделать что-то полезное для службы, я уж не говорю — прославить ее. Знаете, что требуется тому, кто хочет стать настоящим солдатом?

— Нет, — признался я.

— Каждый считает, что достаточно иметь две руки, две ноги и тупую башку — и готово, он солдат. Что ж, на пушечное мясо сгодится. Может быть, этого хватило бы даже какому-нибудь Юлию Цезарю. Но сегодня настоящий солдат — специалист высочайшей подготовки, которого в любой другой отрасли называли бы не иначе как «мастер». Мы не имеем права допускать к нашему ремеслу тупиц. Поэтому для тех, кто настаивает на своем праве отслужить один срок и кто явно не годится для нас по разным параметрам, мы выдумали

целый список грязных, безобразных, опасных работ, так что почти все они убираются домой, поджав хвост, еще до окончания этого несчастного срока... по крайней мере, мы заставляем их помнить до конца жизни, что их гражданство не пустое слово, что оно дорого стоит — ведь им приходится за него дорого платить. Возьмем, к примеру, эту юную леди, которая только что была тут. Она хочет быть пилотом. Надеюсь, она добьется своего. Но если у нее ничего не получится, то окажется она в лучшем случае где-нибудь в Антарктиде, ее красивые глазки покраснеют при искусственном свете, а ручки станут уродливыми от работы и грязи.

Я хотел было сказать ему, что самое худшее, на что может надеяться Карменсита, — место программиста на станции космического слежения. Ведь она по-настоящему талантливый математик. Но он продолжал бубнить свое.

— И вот они посадили меня здесь как пугало для таких, как вы. Посмотрите-ка вот сюда, — он повернул свой стул, и мы увидели, что у него нет ног. — Предположим, вас не зашвырнут копать туннели на Луне и не заставят быть подопытной свиньей для изучения неизвестных болезней на новых планетах. Пусть у вас даже обнаружат кой-какие таланты. Допустим даже, что мы сумеем сделать из вас способных к настоящему бою солдат. Так вот, поглядите на меня — вот что вы можете получить в результате всего... если вашим родителям не отобьют телеграмму с «глубокими соболезнованиями».

Он помолчал, потом снова заговорил:

— Так что, ребята? Не вернуться ли вам домой, не пойти ли учиться в колледж, а потом заняться химией, страхованием или еще Бог знает чем? Срок службы — это не приключение в детском саду. Это действительно военная служба, грубая и опасная даже в мирное время... Никакого отпуска. Никакой романтики... Так что?

— Я уже решил, — сказал Карл.

— Я тоже.

— А вы понимаете, что не вам в конечном счете определять сферу вашей службы?

— Думаю, — сказал Карл, — мы сможем настаивать на своих интересах.

— Конечно, конечно. Это первое и последнее, о чем вы можете просить до конца срока. Офицер-распределитель обратит внимание на вашу просьбу. Но первое, что он сделает, — проверит, не требовались ли на этой неделе, например, стеклодувы для примитивной работы. И будет уверять при этом, что именно тут ваша судьба и ваше счастье.

— Я могу заниматься электроникой, — сказал твердо Карл. — Если для этого есть хоть какая-нибудь возможность.

— Да? А ты что скажешь, приятель?

Я колебался. И вдруг очень отчетливо понял: если я сейчас ни на что не решусь, то всю жизнь потом буду гадать и мучиться — стою ли я чего-нибудь на этом свете или я просто обычный «сыночек босса»?

— Я собираюсь попробовать.

— Понятно. Давайте ваши свидетельства о рождении и школьные дипломы.

Через десять минут мы были уже на верхнем этаже, где нас прошупывали, простукивали и просвечивали. Мне почему-то пришло в голову, что главная цель всех этих проверок не в том, чтобы узнать, здоров я или нет, а в том, чтобы найти болезнь, даже если ее нет. Это была, на мой взгляд, попытка легко и просто избавиться от нас еще до того, как мы попадем на службу.

Я решил спросить одного из докторов, какой процент поступающих отсеивают по причине физических недостатков. Он искренне удивился:

— Как это? Мы никого не отсеиваем. Закон не позволяет нам этого.

— Хм. Но прошу меня извинить, доктор, зачем тогда весь этот парад?

— Определенная цель есть, — ответил он, слегка отодвинувшись и ударив меня по колену молоточком, — хотя бы для того, чтобы определить, какие обязанности вы сможете выполнять по своим физическим данным. Хотя, если вы даже прикатите сюда на инвалидной коляске, будете слепым на оба глаза и достаточно тупым, чтобы настаивать на поступлении, — и тогда вам найдут что-нибудь подходящее. Пересчитывать что-нибудь на ощупь, например. Единственный шанс не попасть на службу — это получить у психиатра удо-

стоверение в том, что вы не можете понять, о чем говорится в присяге.

— Доктор, у вас уже было медицинское образование, когда вы поступили на службу? Или они решили, что вам лучше всего исполнять эти обязанности и послали вас учиться?

— Меня? — Он был не на шутку удивлен. — Я что, парень, с виду такой дурак? Я штатский. Вольнонаемный.

— О, извините, сэр.

— Ничего-ничего. Я просто хочу тебе сказать: по моему глубокому убеждению, военная служба — для муравьев. Поверь мне. Я наблюдал, как они приходят сюда и уходят, потом часто возвращаются опять — если, конечно, вообще возвращаются. Зачем? Для чего? Для чисто абстрактной, номинальной политической привилегии, которая не приносит ни цента и которой никогда не могут по-умному воспользоваться. Ты можешь мне не верить, но послушай, мальчик, — не успеешь ты сосчитать до десяти, как снова окажешься здесь. Если, как я уже говорил, вообще вернешься... Так, а теперь возьми вот эти бумаги и отправляйся к сержанту, который вас встречал. И помни, что я сказал.

Я вернулся в круглый холл ротонды. Карл был уже там. Сержант Звездного Флота быстро просмотрел мои бумаги и мрачно заметил:

— Вы оба до неприличия здоровы. Так, теперь еще некоторые формальные процедуры.

Он нажал на кнопку, и в холле появились две женщины — одна, похожая на боевую алебарду, и другая, весьма изящная и миловидная.

Сержант ткнул пальцем в бумаги медицинского осмотра, наши свидетельства о рождении и дипломы и сказал официальным тоном:

— Я пригласил вас сюда для выполнения очередного задания. Необходимо проверить этих двух молодых людей, желающих поступить к нам. Нужно определить, чего они стоят, на что каждый из них может согнуться и насколько точны все эти документы.

Женщины смотрели на нас с казенным равнодушием. Да и могло ли быть иначе — ведь это их каждодневные обязанности.

Так или иначе, они тщательно просмотрели все наши документы. Потом сняли отпечатки пальцев, и та, что помиловидней, вставила в глаз лупу — такую, какие бывают у часовщиков и ювелиров, и долго сравнивала отпечатки наших пальцев от рождения до нынешнего дня. Точно так же она рассматривала и сравнивала наши подписи. Я уже начал сомневаться, происходит ли все это на вербовочном пункте.

Сержант подал голос:

— Вы нашли подтверждение тому, что они отвечают за свои действия и могут принять присягу?

— Мы обнаружили,, — начала та, что постарше, — что документы, отражающие их нынешнее физическое состояние, являются официальным авторитетным заключением, сделанным специальной комиссией психиатров. Комиссией установлено, что оба претендента психически нормальны и могут принимать присягу. Никто из них не находится под влиянием алкоголя, наркотиков или других препаратов, а также гипноза.

— Очень хорошо, — он повернулся к нам. — Повторяйте за мной: я, достигнув совершеннолетия, по своей собственной воле...

— Я, — как эхо начали повторять мы, — достигнув совершеннолетия, по своей собственной воле...

— ...без всякого насилия со стороны кого бы то ни было, при отсутствии посторонних стимулов, после получения всех необходимых предупреждений и объяснений о последствиях данной присяги...

— ...поступаю на Федеральную Службу Федерации Землян на срок не менее двух лет, а также на любой более длительный срок, если это будет вызвано необходимостью службы...

На этом месте я слегка поперхнулся. Я всегда думал, что срок — это только два года, потому что так говорили все, и никто не упоминал других сроков. Неужели нас вербуют на всю жизнь?

— Я клянусь соблюдать и защищать Конституцию Федерации от любых возможных врагов на Земле и вне Земли; поддерживать и защищать конституционные свободы и права граждан и жителей Федерации, включенных в нее государств и территорий; выполнять на Земле и вне Земли все предписанные мне законом обязанно-

сти, а также обязанности, предписанные мне моим командованием...

— ...выполнять все соответствующие законам приказы Главнокомандующего Федеральной Службы, всех офицеров и лиц, облеченных необходимыми полномочиями...

— ...требовать такого же подчинения приказам от всех находящихся на службе гуманоидов и негуманоидов, подчиненных мне...

— ...и после увольнения с активной службы по окончании полного вышеуказанного срока выполнять все обязанности и пользоваться всеми правами федерального гражданства...

Удивительно! Мистер Дюбуа довольно долго проводил анализ присяги Федеральной Службы с точки зрения истории и нравственной философии. Он даже заставлял нас выучить эту присягу фразу за фразой, но теперь эти слова подступили вплотную, надвинулись, слившись в тяжелую громадину, готовую раздавить, словно колеса Джаггернаута.

В какой-то момент я вдруг почувствовал, что перестал быть штатским человеком, в голове появилась звенящая пустота: я еще не знал, кем становлюсь, хотя понял уже, кем перестал быть.

— И да поможет мне Господь! — проговорили мы оба вслед за сержантом, и Карл перекрестился. Перекрестилась и женщина, что была помоложе.

После этого опять было изрядное количество подписей, опять брали отпечатки пальцев — причем со всех пяти. Нас сфотографировали, и цветные фотографии подшили в дело. Наконец сержант Звездного Флота оглядел нас в последний раз:

— Так. Вот вроде и все. Самое время отправляться на ланч. Леди, вы свободны.

Я с трудом проглотил слюну.

— ...Сержант?

— Что? Слушаю.

— Могу ли я отсюда как-то уведомить своих родителей? Сказать им, что я... Сказать им о результате?

— Мы можем обставить все еще лучше.

— Сэр?

— Вы оба свободны теперь на сорок восемь часов. — Он холодно улыбнулся. — Вы знаете, что будет, если вы не вернетесь?

— Трибунал?

— Можно обойтись без бутафории. Просто на ваших бумагах появится отметка: срок службы удовлетворительно не закончен. И у вас никогда не будет другого шанса. Мы даем вам время остыть. А те детки, что приходят сюда, ничего серьезного не имея в виду, больше не возвращаются. Это спасает правительство от лишних расходов, а ребятишек и их родителей от стыда: ведь никто ни о чем так и не узнает. Вы даже можете не говорить своим родителям... Итак, в полдень послезавтра мы увидимся. Если, конечно, увидимся.

То, что случилось дома, трудно описать. Отец сначала набросился на меня, потом утих и начал увещевать. Мама ушла и закрылась в спальне. Когда я покидал дом — на час раньше, чем требовалось, — меня никто не провожал.

Я остановился перед столом, за которым сидел сержант, и подумал, что нужно как-то отсальютовать. Но не знал как. Он поднял голову и посмотрел на меня.

— А, вот твои бумаги. Возьми и иди в комнату 201. Они возьмут тебя в оборот. Постучи и войди.

Через два дня я уже знал, что пилотом мне стать не суждено. После разного рода осмотров и тестов мои бумаги пополнились новыми записями: невысокая степень интуитивного восприятия... невысокий уровень математических способностей... невысокий уровень математической подготовки... хорошая реакция... хорошее зрение. Я был рад, что хоть что-то у меня хорошее, и с тоской думал, что максимально доступная мне скорость — это скорость счета на пальцах.

Еще четыре дня я подвергался испытаниям дикими, невысказанными тестами, о которых никогда даже не слышал. Хотел бы я знать, например, что они от меня хотели, когда стенографистка вдруг вспрыгнула на свой стул и завизжала:

— Змеи!

Никаких змей, конечно, не было — дрянная пластиковая кишка.

Письменные и устные тесты все были такими же глупыми, но раз им это нравилось, я не сопротивлялся. Тщательнее всего я составлял «список предпочтений» — работ, на которые я бы хотел попасть.

Естественно, прежде других я выбрал из длинного перечня все виды работ в Космическом Флоте. Я знал, что предпочел бы обслуживать двигатели или работать на кухне космического корабля, но не служить в частях наземной армии: мне хотелось попутешествовать. За флотом я поместил разведку. Разведчики тоже много путешествуют, и я счел, что такая работа должна быть очень интересной.

Дальше я поставил психологическую войну, химическую войну, биологическую войну, экологическую войну (я не знал, что это такое, но все казалось интересным) и еще дюжину наименований. После некоторых колебаний в самом конце я выбрал какой-то Корпус К-9 и пехоту.

Среди небоевых, гражданских служб я выбирать не стал: если не в боевые части, то все равно, куда пошлют. Будут использовать как подопытное животное или рабочую силу для колонизации Венеры. И то и другое означало: так тебе и надо, дурак.

Мистер Вейсс — офицер-распределитель — занимался мною почти неделю после того, как я был допущен к проверке. Он был специалистом по психологической войне, майором в отставке. Хотя он фактически продолжал службу, но ходил только в штатском. В его присутствии я расслаблялся и чувствовал себя свободно. В один из дней он взял мой список предпочтений, результаты всех проверок и тестов и школьный диплом. Последнее меня порадовало: в школе дела у меня шли довольно хорошо. Показатели были достаточно высокие, чтобы не выглядеть дураком, и достаточно низкие, чтобы не показаться выскочкой и зубрилой. Занятий, за редким исключением, я не пропускал. Да и вне школы был, по нашим меркам, заметным человеком: активное участие в команде по плаванию, по гонкам на треке, должность казначея класса и немало еще подобной ерунды.

Он взглянул на меня, когда я вошел, и сказал:
— Садись, Джонни.

Еще полистал бумажки и наконец положил их на стол.

— Любишь собак?

— Да, сэр.

— Насколько ты их любишь? Твоя собака спит с тобой в одной постели? И вообще, где сейчас твоя собака?

— Но... у меня нет собаки. По крайней мере, сейчас. А если бы у меня собака была... что ж, думаю, я бы не пустил ее в свою кровать. Видите ли, мама вообще не хотела, чтобы в доме были собаки.

— Так. Но ты когда-нибудь приводил собаку в дом тайком?

— Ну... — Я подумал, что не смогу ему объяснить, что мама никогда не сердится, но так умеет обдать тебя холодом, что пропадает даже мысль в чем-то ее переубедить. — Нет, сэр, никогда.

— Ммм... ты когда-нибудь видел неопса?

— Один раз. Их показывали на выставке в Театре Макартура два года назад.

— Так. Давай я тебе расскажу о команде К-9. Ведь неопес — это не просто собака, которая разговаривает.

— Вообще-то я не очень разобрался с этими нео тогда в театре. Они что, на самом деле говорят?

— Говорят. Только нужно, чтобы ухо привыкло к их речи. Они не выговаривают буквы «б», «м», «п» и «в», и нужно привыкнуть к тем звукам, которыми они эти буквы заменяют. Но в любом случае их речь не хуже человеческой. Дело в том, что неопес — это не говорящая собака. Это вообще не собака, а искусственно синтезированный мутант. Нео, если он натренирован, в шесть раз умнее обычного пса или, если можно провести такое сравнение, почти так же умен, как умственно отсталая человеческая особь. С той лишь разницей, что умственно отсталый человек — в любом случае человек с дефектом, а неопес проявляет стабильные незаурядные способности в той области, для которой он предназначен.

Мистер Вейсс нахмурился.

Но это еще не все. Нео может жить только в симбиозе. В симбиозе с человеком. В этом трудность. Ммм... ты слишком молод, чтобы знать самому, но ты

видел семейные пары — своих родителей, наконец. Ты можешь представить близкие, ну как бы семейные отношения с неопсом?

— Э... Нет. Не могу.

— Эмоциональная связь между псом-человеком и человеком-псом в команде К-9 намного сложнее, тоньше и важнее, чем эмоциональные связи в большинстве человеческих семей. Если человек погибает, мы убиваем неопса. Немедленно! Это все, что мы можем сделать для бедного создания. Милосердное убийство. Если же погибнет неопес... что ж, мы не можем убить человека, хотя это и было бы самым простым решением. Мы ограждаем его от контактов и госпитализируем, а потом медленно и постепенно собираем в единое целое.

Он взял ручку и сделал в бумаге отметку.

— Считаю, что мы не можем рисковать и посылать в К-9 парня, который не может против воли матери привести пса в дом и спать с ним в одной постели. Так что давай подумаем о чем-нибудь другом.

И только тут я окончательно понял, что ни для одной работы выше К-9 в моем списке предпочтений я не гожусь. А теперь для меня потерян и этот шанс. Я был настолько ошеломлен, что с трудом слышал следующую фразу. Майор Вейсс говорил спокойно, как о чем-то давно пережитом, похороненном на дне души.

— Я работал когда-то в К-9. Когда мой неопс несчастливой случайности погиб, они продержали меня в изоляторе госпиталя шесть недель, пытаясь реабилитировать для другой работы. Джонни, ты интересовался разными предметами, изучал столько всякой всячины — почему ты не занимался чем-то стоящим?

— Сэр?

— Ну ничего. Тем более что теперь уже поздно. Забудь об этом. Ммм... Твой преподаватель по истории и нравственной философии, похоже, хорошо к тебе относится.

— Правда? — Я был поражен. — А что он сказал? Вейсс усмехнулся.

— Он сказал, что ты неглуп. Просто слегка невежествен и задавлен своим окружением. Для него это довольно высокая оценка. Я его знаю.

Мне же, однако, показалось, что такой оценке радоваться нечего. Этот самодовольный, занудный, старый...

— Что ж, — продолжал Вейсс, — думаю, нужно учесть рекомендацию мистера Дюбуа. Как ты смотришь на то, чтобы пойти в пехоту?

Я вышел из Федерального Центра, не испытывая особой радости, но и не особенно горюя. В конце концов я был солдатом. Бумаги в моем кармане подтверждали это. Все-таки я не настолько плох, чтобы использовать меня только как тупую рабочую силу.

Рабочий день как раз завершился, и здание почти опустело — оставались, кажется, только ночные дежурные. У выхода я столкнулся с человеком, лицо которого показалось мне знакомым, но сразу я его не узнал.

Он поймал мой взгляд.

— А-а, парень, — сказал он живо. — Так ты еще не в космосе?

Тут и я узнал его. Сержант Звездного Флота, который первым встретил нас здесь, в ротонде. От удивления я, наверное, открыл рот. На этом человеке была штатская одежда, он шел на двух целых ногах и размахивал двумя руками.

— Д-добрый вечер, сержант, — пробормотал я.

Он прекрасно понял причину моего удивления, оглядел себя и улыбнулся:

— Успокойся, парень. После работы мне не обязательно сохранять устрашающий вид. Тебя уже определили?

— Только что получил приказ.

— Ну и как?

— Мобильная Пехота.

Его лицо расплылось в довольной улыбке, он стукнул меня по плечу:

— Держись, сынок! Мы будем делать из тебя мужчину... или убьем в процессе обучения. А может быть, и то и другое.

— Вы полагаете, это хороший выбор? — спросил я с сомнением.

— Хороший выбор? Сынок, это единственный выбор вообще. Мобильная Пехота — это ядро армии. Все остальные — это или нажиматели кнопок, или профессора. Все они только помогают нам — мы делаем главную работу.

Он дернул меня за рукав и добавил:

— Сержант Звездного Флота Хо, Федеральный Центр. Это я. Обращайся, если будет нужно. Счастливо! — И он вышел из здания — грудь колесом, голова гордо поднята, каблуки цокают по мостовой.

Я посмотрел на свою ладонь. Руки, которую я пожал, на самом деле не было. Но у меня было полное ощущение, что моей ладони коснулась живая ладонь, и не просто коснулась, а твердо пожала. Я что-то читал о таких специальных протезах. Но одно дело читать...

Я пошел к гостинице, где жили новобранцы, ожидающие распределения. Форму нам еще не выдавали, и днем мы носили простые комбинезоны, а вечером — собственную одежду. В своей комнате я начал упаковывать вещи, так как улетал рано утром. Вещи я собирал для того, чтобы отправить их домой: Вейсс предупредил, что с собой лучше ничего не брать — разве что семейную фотографию или музыкальный инструмент. Карл отбыл тремя днями раньше, получив назначение в «Ар энд Ди» — то самое, которого он и добивался. Мне казалось, что я так же счастлив, как и он. Или я был просто ошеломлен и не мог осознать, что со мной происходит? Маленькая Кармен тоже уже отбыла в ранге курсанта Звездного Флота (правда, пока в качестве стажера). Она скорее всего будет пилотом... Что ж, она это заслужила. Я в ней и не сомневался.

В разгар моих сборов в комнату вошел сосед.

— Получил приказ? — спросил он.

— Ага.

— Куда?

— Мобильная Пехота.

— Пехота? Ах ты бедняга, дурачок! Мне тебя искренне жаль. Честное слово.

Я страшно разозлился.

— Заткнись! Мобильная Пехота — это лучшая часть армии! Это сама армия! Вы все работаете только для того, чтобы помочь нам — мы делаем главную работу.

Он ухмыльнулся:
— Ладно, сам увидишь.

3

Он будет править ими железной рукой.

Откровение от Иоанна

Базовую подготовку я проходил в лагере имени Артура Курье, расположенном на севере, в голой степи. Я был в числе тысячи других таких же жертв. Слово «лагерь» в данном случае звучало даже слишком громко, поскольку единственным солидным строением там был склад для хранения оборудования и амуниции. Мы спали и ели в палатках, но большую часть жизни проводили на открытом воздухе. Хотя и слово «жизнь» к тому периоду, по-моему, не подходит. Я вырос в теплом климате, а там мне все время казалось, что Северный полюс находится в пяти милях к северу от лагеря. Без сомнения, наступал новый ледниковый период.

Однако бесчисленные занятия и упражнения заставляли согреться, а уж начальство строго следило, чтобы нам все время было тепло.

В первый же день в лагере нас разбудили еще до рассвета. Я с трудом привыкал к переходу из одной часовой зоны в другую, и мне показалось, что нас подняли, когда я только-только заснул. Сначала не верилось, что кто-то всерьез хочет сделать это посреди ночи.

Но так оно и было. Громкоговоритель неподалеку врезал военный марш, который, без сомнения, мог разбудить и мертвого. К тому же какой-то неутомонный надоедливый тип орал возле палаток:

— Всем выходить! Вытряхивайтесь наружу!

Он влез в нашу палатку, как раз когда я укрылся с головой, пытаюсь снова заснуть. Сорвал с меня одеяло и спихнул с кровати на твердую холодную землю. Похоже, это дело было для него привычным: даже не оглянулся и пошел вытряхивать остальных.

Десятью минутами позже, натянув штаны, майку и ботинки, я оказался в шеренге таких же новобранцев, построенных для проверки и гимнастики. Над горизон-

том на востоке показался узкий краешек солнца. Перед нами стоял большой, широкоплечий, неприятного вида человек. Одет он был так же, как мы, но, глядя на него, я чувствовал себя замухрышкой: он был гладко выбрит, брюки отутюжены, в ботинки можно было глядеться, как в зеркало. Но главное, его движения — резкие, живые, свободные. Возникло впечатление, что он не нуждается в сне. Он хрипло крикнул:

— Слшш меня!.. Внима... Млчать!.. Я Крейсерский сержант Зим, ваш командир. Когда будете обращаться ко мне, салютуйте и говорите «сэр». Так же обращайтесь к каждому, кто носит жезл инструктора...

В руках у него был стек, и теперь он махнул им в воздухе, словно рисуя все, что хотел сказать. Я еще в день прибытия заметил людей с такими же жезлами и решил, что приобрету себе такой же — очень они симпатично выглядели. Однако теперь я понял, что лучше об этом и не думать.

— ...потому что у нас не хватает офицеров, чтобы обучать вас всех, и вам придется иметь дело с нами. Кто чихнул?

Молчание.

— КТО ЧИХНУЛ?

— Это я, — раздался чей-то голос.

— Что я?

— Я чихнул.

— Я чихнул, СЭР!

— Я чихнул, сэр. Я немного замерз, сэр.

Ого! — Зим подошел к курсанту, который чихнул, поднес кончик жезла почти к самому его носу и спросил:

— Имя?

— Дженкинс... сэр.

— Дженкинс... — повторил Зим с таким видом, будто в самом слове было что-то неприятное и постыдное. — Могу представить, как однажды ночью, находясь в патруле, ты чихнешь только потому, что у тебя сопливый нос. Так?

— Надеюсь, что нет, сэр.

— Что ж, и я надеюсь. Но ты замерз. Хмм... мы сейчас это дело поправим. — Он указал своим стеклом. — Видишь склад вон там?

Я невольно бросил взгляд в том же направлении, но ничего не увидел, кроме расстилавшейся до горизонта

степи. Только пристально взглядевшись, я различил наконец какое-то строение, которое, казалось, было расположено на линии горизонта.

— Вперед. Обежишь его и вернешься. Бегом, я сказал. И быстрее! Бронски! Пришпорь-ка его.

— Есть, сержант! — Один из той компании со стеками, окружавшей сержанта, рванул за Дженкинсом, легко его догнал и звучно стегнул по штанам стеком.

Зим повернулся к нам. Он раздраженно прохаживался туда-сюда вдоль строя, искоса оглядывая нас. Наконец остановился, тряхнул головой и сказал, обращаясь явно к самому себе, но так, что всем было слышно:

— Кто бы мог подумать, что этим буду заниматься я! Он опять оглядел нас.

— Эй вы, обезьяны... нет, даже «обезьяны» для вас слишком хорошо. Жалкая банда мартышек... За всю свою жизнь я не видел такой толпы маменькиных сынков. Втянуть кишки! Глаза прямо! Я с вами разговариваю!

Я невольно втянул живот, хотя и не был уверен, что он обращается ко мне. А он все говорил, все хрипел, и я начал забывать о холоде, слушая, как он бушует. Он ни разу не повторился и ни разу не допустил богохульства и непристойности. Однако он умудрился описать наши физические, умственные, моральные и генетические пороки с большой художественной силой и многими подробностями.

Но я не был потрясен его речью. Меня больше заинтересовала ее внешняя сторона — язык, манера говорить.

Наконец он остановился. Потом снова заговорил:

— Нет, я не знаю, что делать. Может, отослать их всех обратно. Когда мне было шесть, мои деревянные солдатики выглядели куда лучше. Ну хорошо! Есть кто-нибудь в этой куче, кто думает, что может сделать меня? Есть хоть один мужчина? Отвечайте.

Наступило короткое молчание, в котором, естественно, принял участие и я. Я хорошо понимал, что не мне с ним тягаться.

Но тут с правого фланга шеренги раздался голос:

— Может быть... думаю, я смогу... сэр.

На лице Зима появилось радостное выражение.

— Прекрасно! Шаг вперед. Я хочу на тебя взглянуть.

Новобранец вышел из строя. Выглядел он внушительно: по крайней мере, на три дюйма выше самого Зима и даже несколько шире в плечах.

— Как твое имя, солдат?

— Брэкенридж, сэр.

— Каким стилем ты хочешь драться?

— Какой вам по душе, сэр. Мне все равно.

— О'кей. Тогда обойдемся без всяких правил. Можешь начинать как захочешь. — Зим отбросил свой стек.

Борьба началась — и тут же закончилась. Здоровенный новобранец сидел на земле, придерживая правой рукой левую. Он не издал и звука.

Зим склонился над ним.

— Сломал?

— Думаю, что да...сэр.

— Виноват. Ты меня немного поторопил. Ты знаешь, где санчасть? Ну, ничего. Джонс! Доставьте Брэкенриджа в санчасть.

Когда они уходили, Зим хлопнул парня по правому плечу и тихо сказал:

— Попробуем еще раз — примерно через месяц. Я тебе объясню, что у нас сегодня получилось.

Эта фраза скорее предназначалась только для Брэкенриджа, а я расслышал лишь потому, что они стояли совсем недалеко от того места, где я постепенно превращался в сталактит.

Зим вернулся и крикнул:

— О'кей, в этой компании по крайней мере один оказался мужчиной. Мое настроение улучшилось. Может, еще кто-нибудь найдется? Может, попробуем вдвоем? — Он завертел головой, осматривая шеренгу. — Ну, что же вы, мягкотелые, бесхребетные... Ого! Выйти из строя.

Вышли двое, стоявшие рядом в строю. Я подумал, что они договорились между собой шепотом. Зим улыбнулся.

— Ваши имена, пожалуйста. Чтобы мы сообщили вашим родственникам.

— Генрих.

— Какой Генрих? Ты, кажется, что-то забыл?

— Генрих, сэр. Битте. — Парень быстро переговорил с другим и добавил: — Он не очень хорошо говорит на стандартном английском, сэр.

— Майер, майн герр, — добавил второй.

— Это ничего. Многие из тех, кто приходит сюда, поначалу не умеют хорошо болтать. Я сам такой был. Скажи Майеру, чтобы не беспокоился. Он понимает, чем мы будем заниматься?

— Яволь, — тут же отозвался Майер.

— Конечно, сэр. Он понимает, только не может быстро объясняться.

— Хорошо. Откуда у вас эти шрамы на лице? Гейдельберг?

— Найн... нет, сэр. Кенигсберг.

— Это одно и то же. — У Зима в руках снова был его жезл. Он покрутил его и спросил: — Может быть, вы тоже хотите драться с жезлами?

— Это было бы несправедливо, сэр, — ответил Генрих. — Мы будем драться голыми руками, если вы не возражаете.

— Как хотите. Кенигсберг, да? Правила?

— Какие могут быть правила, сэр, если нас трое?

— Интересное замечание. И договоримся, что, если у кого-нибудь будет выдавлен глаз, его нужно будет вставить обратно, когда мы закончим драться. И скажи своему соотечественнику, что я готов. Начинайте, когда захотите. — Зим отбросил свой жезл.

— Вы шутите, сэр. Мы не будем выдавливать глаза.

— Не будем? Договорились. И давайте начинайте. Или возвращайтесь обратно в строй.

Я не уверен, что все произошло так, как мне помнится теперь. Кое-что подобное я проходил позже, на тренировках. Но думаю, случилось вот что: двое парней пошли на сержанта с двух сторон, пока не вступая с ним в контакт. В этой позиции для человека, который работает один, есть выбор из четырех основных движений, дающих возможность использовать преимущества более высокой подвижности и координированности одного по сравнению с двумя. Сержант Зим всегда повторял (он был совершенно прав), что любая группа слабее одного, за исключением того случая, когда эта группа специально подготовлена для совместной работы. К примеру, сержант мог сделать ложный выпад в сторону одного из них, затем внезапно рвануться к другому и вывести его из строя (в элементарном варианте — хотя бы ударом по коленной чашечке). Затем спокойно разделаться с первым из нападающих.

Однако он позволил им обоим напасть. Майер быстро прыгнул к нему, видимо, надеясь каким-то приемом повалить сержанта. После этого Генрих мог, например, пустить в ход свои тяжелые ботинки. Поначалу, по крайней мере, казалось, что сценарий развивается именно так.

На самом деле с захватом у Майера ничего не вышло. Сержант Зим, поворачиваясь ему навстречу, одновременно ударил двинувшегося к нему Генриха в живот. В результате Майер как бы взлетел и мгновение парил в воздухе.

Однако единственное, что можно было утверждать точно, — это то, что борьба началась, а потом оказалось, что на земле мирно спят два немецких парня. Причем лежали они рядом, только один лицом вверх, а другой — вниз. Над ними стоял Зим, у которого даже не сбилось дыхание.

— Джонс, — сказал он. — Нет, Джонс ушел, не так ли? Махмуд! Принеси-ка ведро воды и верни их на место. Кто взял мою палку?

Немного погодя ребята пришли в сознание и мокрые вернулись в строй. Зим оглядел нас и спросил уже более умиротворенно:

— Кто еще? Или приступим к упражнениям?

Я никак не ожидал, что кто-нибудь еще отважится попробовать. Однако неожиданно с левого фланга, где стояли самые низкорослые, вышел из шеренги парень. Он повернулся и прошел к центру строя. Зим посмотрел на него сверху вниз.

— Только ты один? Может, хочешь взять себе партнера?

— Я лучше один, сэр.

— Как хочешь. Имя?

— Суцзуми, сэр.

Глаза у Зима округлились.

— Ты имеешь отношение к полковнику Суцзуми?

— Я имею честь быть его сыном, сэр.

— Ах вот как! Прекрасно! Черный пояс?

— Нет, сэр. Пока еще нет.

— Приятно послушать скромного человека. Ладно, Суцзуми. Будем драться по правилам или пошлем за доктором?

— Как пожелаете, сэр. Однако я думаю, если позволите высказать мне свое мнение, что по правилам будет благоразумнее.

— Не совсем понимаю, о чем ты, но согласен. — Зим опять отбросил свой жезл, затем они отступили друг от друга, и каждый из них поклонился, внимательно следя за противником.

Они стали двигаться, описывая окружность, делая легкие пробные выпады и пассы руками. Я почему-то вспомнил о боевых петухах.

И вдруг они вошли в контакт — и маленький Суцзуми оказался на земле, а сержант Зим пролетел над ним и упал. Однако сержант приземлился не так, как шлепнулся Майер. Он перекувырнулся и в одно мгновение был уже на ногах, готовый встретить подбирающегося Суцзуми.

— Банзай! — негромко крикнул Зим и улыбнулся.

— Аригато, — сказал Суцзуми и улыбнулся в ответ.

Они снова почти без паузы вошли в контакт, и я подумал, что сейчас сержант опять совершит полет. Но этого не произошло. На несколько мгновений все смешалось: они схватились, мелькнули руки и ноги. А когда движение прекратилось, все увидели, как сержант Зим подтягивает левую ногу Суцзуми чуть ли не к его правому уху.

Суцзуми стукнул по земле свободной рукой. Зим тотчас же отпустил его. Они встали и поклонились друг другу.

— Может быть, еще один раз, сэр?

— Прошу прощения. Но у нас есть дела. Как-нибудь потом, хорошо?.. Наверное, я должен тебе сказать. Меня тренировал твой уважаемый отец.

— Я уже начал об этом догадываться, сэр. Значит, до другого раза.

Зим сильно стукнул его по плечу:

— Становись в строй, солдат... Равняйся!

Следующие двадцать минут мы занимались гимнастическими упражнениями, от которых мне стало настолько же жарко, насколько раньше было холодно. Я все хотел подловить его, но он так ни разу и не сбился со счета. Когда мы закончили, он дышал так же ровно, как и до занятий. После он никогда больше не занимался с нами гимнастикой. Но в первое утро он был с нами и, когда упражнения закончились, повел всех, потных и

красных, в столовую, устроенную под большим тентом. По дороге он все время прикрикивал:

— Поднимайте ноги! Четче! Выше хвосты, не волочите их по дороге!

Потом мы уже никогда не ходили по лагерю, а всегда бегали легкой рысью, куда бы ни направлялись. Я так и не узнал, кто такой был Артур Курье, но у меня возникло подозрение, что это был какой-то великий стайер.

Брэкенридж был уже в столовой, рука у него была забинтована. Я услышал, как он сказал кому-то, что обязательно раздается с Зимом.

На этот счет у меня были большие сомнения. Суцзуми — еще, быть может, но не эта здоровенная обезьяна. Зим, правда, мне не очень понравился, но в самобытности отказать ему нельзя.

Завтрак был на уровне, все блюда мне понравились. Судя по всему, здесь не занимались чепухой, как в некоторых школах, где, садясь за стол, чувствуешь себя несчастным. Если ты не можешь удержаться и обжираться, загребая со стола обеими руками, — пожалуйста, никто не будет вмешиваться. В столовой меня всегда охватывало блаженное чувство расслабленности и свободы: здесь на тебе никто не имеет права ездить. Блюда ничем не напоминали те, к которым я привык дома. Вольнонаемные, обслуживающие столовую, в свободной манере швыряли тарелки к нам на столы. Любое их движение, думаю, заставило бы маму побледнеть и удалиться к себе в комнату. Но еда была горячая, обильная и, на мой взгляд, вкусная, хотя и без особых изысков. Я съел в четыре раза больше обычной нормы, запив все несколькими чашками кофе с сахаром и заев пирожным.

Когда я принялся за второе, появился Дженкинс в сопровождении капрала Бронски. На мгновение они остановились у стола, за которым в одиночестве завтракал Зим, потом Дженкинс хлопнулся на свободное сиденье возле меня. Выглядел он ужасно: бледный, измученный, он хрипло, прерывисто дышал.

— Эй, — сказал я, — давай плесну тебе кофе.

Он качнул головой.

— Тебе лучше поесть, — настаивал я, — хотя бы пару яиц съешь. И не заметишь, как проглотишь.

— Я не могу есть. О, эта грязная, грязная скотина...
Он добавил еще кое-что.

Зим только что закончил есть и курил, одновременно ковыряя в зубах. Последнюю фразу Дженкинса он явно услышал.

— Дженкинс...

— Э... сэр?

— Разве ты не знаешь, что такое сержант?

— Ну... я только изучаю...

— У сержантов нет матерей. Ты можешь спросить любого, прошедшего подготовку. — Он выпустил в нашу сторону облако дыма. — Они размножаются делением... как все бактерии...

4

И сказал Господь Гедеону: народу с тобой слишком много... Итак, провозгласи вслух народу и скажи: кто боязлив и робок, тот пусть возвратится... И возвратилось народа двадцать две тысячи, а десять тысяч осталось. И сказал Господь Гедеону: все еще много народа; веги их к воде, там Я выберу их тебе... Он привел народ к воде. И сказал Господь Гедеону: кто будет лакать воду языком своим, как лакает пес, того ставь особо, также и тех всех, которые будут наклоняться на колени свои и пить. И было число лакавших ртом своим с руки триста человека... И сказал Господь Гедеону: трема стами лакавших Я спасу вас... а весь народ пусть идет, каждый на свое место.

Книга Судей. VII, 2-7

Через две недели после прибытия в лагерь у нас отобрали койки. Если быть точнее, нам предоставили колоссальное удовольствие тащить эти койки четыре

мили на склад. Но к этому времени подобное событие уже ничего не значило: земля казалась теплее и мягче — особенно когда посреди ночи звучал сигнал и нужно было моментально вскакивать, куда-то мчаться и изображать из себя солдат. А такое случалось примерно три раза в неделю. Но теперь я засыпал моментально, сразу же после упражнений. Я научился спать когда и где угодно: сидя, стоя, даже маршируя в строю. Даже на вечернем смотре, вытянувшись по стойке «смирно», под звуки музыки, которая уже не могла меня разбудить. Зато сразу просыпался, когда приходило время пройти парадным шагом перед командирами.

Пожалуй, я сделал очень важное открытие в лагере Курье. Счастье состоит в том, чтобы до конца выспаться. Только в этом и больше ни в чем. Почти все богатые люди несчастны, так как не в силах заснуть без снотворного. Пехотинцу, десантнику пилюли ни к чему. Дайте десантнику койку и время, чтобы на нее упасть, и он тут же заснет и будет так же счастлив, как червяк в яблоке.

Теоретически нам выделялось полных восемь часов для сна ночью и еще полтора часа свободного времени вечером. Но на деле ночные часы безжалостно расходовались на бесконечные тревоги, службу в патруле, марш-броски и прочие штуки. Вечером же, в свободное время, часто заставляли по «спешной необходимости» заниматься какой-нибудь ерундой: чисткой обуви, стиркой, не говоря уже об уйме других дел, связанных с амуницией, заданиями сержантов и так далее.

Но все же иногда после ужина можно было написать письмо, побездельничать, поболтать с друзьями, обсудить с ними бесконечное число умственных и моральных недостатков сержантов. Самыми душевными были разговоры о женщинах (хотя нас всячески старались убедить, и мы, кажется, уже начинали верить, что таких существ в действительности не существует, что они — миф, созданный воспламененным воображением. Один паренек, правда, пытался утверждать, что видел девушку у здания штаба, но был немедленно обвинен в хвастовстве и лжесвидетельстве).

Еще можно было поиграть в карты. Однако я оказался слишком азартен для этого дела, был несколько раз

тяжело за это наказан, а потому бросил играть и с тех пор ни разу не прикасался к картам.

А уж если мы действительно имели в своем распоряжении минут двадцать, то можно было поспать. Это был наилучший выбор: доспать нам не давали никогда.

Из моего рассказа может сложиться впечатление, что лагерные порядки были суровее, чем необходимо. Это не совсем так. Все в лагере было направлено на то, чтобы сделать нашу жизнь насколько возможно тяжелой. И делалось это сознательно.

У каждого из нас складывалось твердое убеждение, что в лагере тон всему задают явно посредственные люди, садисты, получающие удовольствие от возможности властвовать над нами.

Но это было не так. Все было слишком тщательно спланировано и рассчитано слишком умно, чтобы допустить жестокость только ради самой жестокости. Все было организовано, как в операционной палате, и осуществлялось такими же безжалостными средствами, какие использует хирург. Я мог бы, конечно, сказать, что некоторым инструкторам лагерные порядки нравились, но было ли это так на сто процентов, утверждать не берусь. По крайней мере, теперь я знаю, что при подборе инструкторов офицеры-психологи стараются избежать малейшей ошибки. Подбирались прежде всего профессионалы, способные создать жесткую испытательную атмосферу для новобранцев. Садист, как правило, слишком туп и эмоционально несвободен в подобной ситуации. Поэтому от подобных забав он быстро бы устал, отвалился и в конечном счете не смог бы эффективно вести подготовку.

И все-таки стервецы среди них водились. Хотя надо признать, что и среди хирургов (и не самых плохих) есть такие, которым доставляет удовольствие резать и пускать кровь.

А это и была хирургия. Ее непосредственная цель — прежде всего отсеивать новобранцев, которые слишком изнежены, слишком инфантильны для Мобильной Пехоты.

Вся наша компания за шесть недель сократилась до размеров взвода. Некоторые выбывали спокойно, им предоставлялся выбор мест в небоевых службах — по

предпочтению. Других увольняли с жесткими резолюциями: «уволен за плохое поведение», «неудовлетворительная подготовка», «плохое здоровье»...

Некоторые не выдерживали и уходили сами, громко проклиная все на свете, навсегда расставаясь с мечтой о получении привилегий. Многие, особенно люди в возрасте, как ни старались, не могли выдержать физических нагрузок. Помню одного — забавного старикашку по фамилии Карузерс (старикашкой он казался нам, на самом деле ему было тридцать пять). Его уносили на носилках, а он все орал, что это несправедливо и что он скоро обязательно вернется.

Нам всем тогда стало грустно, потому что мы любили Карузерса и потому что он действительно старался. Когда его уносили, мы все отворачивались, не надеясь снова с ним увидеться. Я встретил его много лет спустя. Он отказался увольняться и в конце концов стал третьим поваром на одном из военных транспортов. Он сразу вспомнил меня и захотел поболтать о старых временах: его прямо-таки распирало от гордости (точно так же пыжился мой отец со своим гарвардским акцентом), что он готовился когда-то в лагере Курье. В разговоре Карузерс утверждал, что устроился даже лучше, чем простой пехотинец. Что ж, может быть, для него это было действительно так.

Однако, кроме отсева психологически и физически непригодных и экономии правительственных затрат на тех, кто никогда их не окупит, была еще одна, прямая и главная, цель — достижение полной уверенности в том, что тот, кто сядет в боевую капсулу, будет подготовлен, дисциплинирован, а также абсолютно, насколько может быть человек, надежен. Если человек пойдет в бой неподготовленным, то это будет непорядочно по отношению к Федерации, по отношению к братьям по оружию, но хуже всего — по отношению к нему самому.

Но были ли все-таки порядки в лагере более жесткими, чем требовала необходимость?

Могу сказать насчет этого только следующее: каждый раз, когда я готовлюсь к боевому выбросу, я хочу, чтобы по обе стороны от меня в бой шли выпускники

лагеря Курье или такого же лагеря в Сибири. Иначе я просто не стану входить в капсулу.

Но в то время, пока я еще проходил подготовку, во мне крепло убеждение, что наши наставники от нечего делать часто занимаются ерундой, используя новобранцев как подопытный материал. Вот маленький пример. Через неделю после прибытия в лагерь нам выдали какие-то нелепые накидки для вечернего осмотра (спецодежда и форма достались нам значительно позже). Я принес свою тунику обратно на склад и пожаловался кладовщику-сержанту. Он имел дело с вещами и казался довольно дружелюбным, поэтому я относился к нему как к штатскому, тем более, что тогда еще не умел разбираться в многочисленных значках и нашивках, пестревших на груди многих сержантов. Иначе, наверное, я бы с ним не заговорил. Но тогда решился:

— Сержант, эта туника слишком велика. Мой командир сказал, что ему кажется, будто я несу на себе палатку.

Он посмотрел на одежду, но не притронулся к ней.

— Действительно?

— Да. Я бы хотел другую, более подходящую.

Он не шелохнулся.

— Я вижу, тебя нужно образумить, сынок. В армии существуют только два размера — слишком большой и слишком маленький.

— Но мой командир...

— Не сомневаюсь.

— Но что же мне делать?

— Ты хочешь совета? Что ж, у меня есть свежие — только сегодня получил. Ммм... вот что сделал бы я. Вот иголка. И я буду настолько щедр, что дам тебе целую катушку ниток. Ножницы тебе не понадобятся, возьмешь бритву. Ушьешь в талии, а на плечах оставишь побольше.

Сержант Зим, увидев результат моего портняжного искусства, буркнул:

— Мог бы сделать и получше. Два часа в свободное время.

К следующему смотру мне пришлось делать «получше».

На протяжении шести недель нагрузки росли и становились все изнурительней. Строевая подготовка и парады смешались с марш-бросками по пересеченной местности. Постепенно, по мере того как неудачники выбывали, отправляясь домой или еще куда-нибудь, мы уже могли относительно спокойно делать по пятьдесят миль за десять часов. А ведь это приличный результат для хорошей лошади. Отдыхали на ходу, не останавливаясь, а меняя ритм: медленный шаг, быстрый, рысь. Иногда проходили всю дистанцию сразу, устраивались на бивуак, ели сухой паек, спали в спальных мешках и на следующий день отправлялись обратно.

Однажды мы вышли на обычный дневной бросок без пайков и спальных мешков на плечах. Когда мы не сделали остановки для ланча, я не удивился: уже давно научился припрятывать за завтраком хлеб и сахар. Однако когда мы и в полдень продолжали удаляться от лагеря, я начал размышлять. Так или иначе, но все молчали, твердо усвоив, что глупые вопросы здесь задавать не принято.

Мы остановились ненадолго перед тем, как стемнело, — три роты, за несколько недель уже изрядно поредевшие. Был устроен смотр батальона: мы маршировали без музыки, в тишине. Затем расставили часовых и дали команду «вольно». Я тут же посмотрел на капрала-инструктора Бронски. Во-первых, с ним всегда было легче общаться, чем с другими, а во-вторых... во-вторых, я чувствовал, что несу некоторую ответственность. Дело в том, что к этому времени я уже стал новобранцем-капралом. Эти детские шевроны ничего не значили — разве что давали возможность начальству пилить меня и за то, что делал сам, и за то, что делали мои подопечные. Тем более, что потерять эти нашивки можно было так же быстро, как и приобрести. Зим старался поскорее избавиться от тех, кто был постарше, и я получил нарукавную повязку с шевронами за два дня до того, как командир нашей группы не выдержал нагрузку и отправился в госпиталь.

Я спросил:

— Капрал Бронски, что все-таки происходит? Когда просигналят к обеду?

Он ухмыльнулся:

— У меня есть пара галет. Могу с тобой поделиться.

— Нет, сэр, спасибо. (У меня у самого было припрятано галет гораздо больше: я постепенно учился жизни.) Обедать вообще не будет?

— Мне об этом тоже никто ничего не сказал, сынок. Однако кухни в пределах видимости не наблюдается. Если бы я был на твоём месте, я собрал бы свою группу и прикинул, что к чему. Может быть, кто из вас сумеет подшибить камнем зайца.

— Значит, остаемся здесь на всю ночь? Но ведь мы не взяли с собой скаток?

Его брови буквально взлетели вверх.

— Нет скаток. Но разве нельзя ничего придумать? — Он задумался на секунду. — Ммм... ты когда-нибудь видел, как ведут себя овцы в снежную бурю?

— Нет, сэр.

— Попробуй представить. Они жмутся друг к другу и никогда не замерзают. Глядишь, и у вас получится. Или можно еще ходить, двигаться всю ночь. Никто тебя не тронет, если не выберешься за посты. Будешь двигаться — не замерзнешь. Правда, к утру слегка устанешь.

Он снова ухмыльнулся.

Я отдал честь и вернулся к своей группе. Мы стали обсуждать положение и делиться продуктами. В результате мои собственные запасы сильно оскудели: некоторые из этих идиотов даже не догадались стянуть что-нибудь за завтраком, а другие съели все, что у них было, на марше. В итоге на каждого пришлось по несколько сушеных слив, что на время успокоило наши желудки.

Овечий метод сработал. Мы собрали весь взвод — три группы. Однако я никому не стал бы рекомендовать такой способ сна. Если находишься снаружи, один бок у тебя замерзает, и ты лезешь куда-нибудь в гущу, чтобы согреться. Но когда лежишь, сжатый другими телами, соседи то и дело норовят толкнуть локтем, положить на тебя ноги. Всю ночь тела понемногу перемешиваются по типу броуновского движения, и всю ночь приходится менять свое положение: ты вроде не бодрствуешь, но и не спишь. Кажется, что ночь длится сто лет.

Мы были разбужены на рассвете уже ставшим привычным криком:

— Подъем! Быстро!

Призыв к подъему инструкторы убедительно подкрепляли своими жезлами... Затем, как всегда, занялись гимнастикой. Я чувствовал себя ледяным изваянием и совершенно не представлял, как смогу при наклоне дотянуться до носков ботинок. Но дотянулся, хотя это и было довольно болезненно.

Когда отправились в обратный путь, я чувствовал себя совершенно разбитым. Видно было, что и другим не лучше. Один Зим, как всегда, был подтянут. Кажется, ему даже удалось побриться.

Мы шли к лагерю, солнце уже ощутимо пригревало спины. Зим затянул старые солдатские песни и требовал, чтобы мы подпевали. Под конец запели нашу «Польку капитана-десантника», которая как бы сама собой заставляла ускорить шаги и в конце концов перейти на рысь. У сержанта слуха не было, и, судя по всему, он старался искупить этот недостаток громкостью. Зато Брэкенридж оказался довольно музыкальным парнем, его голос, несмотря на ужасные крики Зима, не давал нам сбиться с мелодии. Песни здорово поддерживали нас — каждый почувствовал себя немножко нахальнее.

Но пятьдесят миль спустя ни один из нас не находил в себе ни нахальства, ни дерзости. Прошедшая ночь казалась очень длинной. У дня же вообще не было конца. Тем не менее Зим отчитал нас за то, что мы неряшливо выглядим перед вечерним смотром, а несколько человек наказал, потому что они не успели побриться за те десять минут, которые у нас были после прихода в лагерь. В тот вечер несколько человек решили уволиться. Раздумывал и я, но так и не сделал этого — быть может, причина покажется глупой, но на моем рукаве еще сверкали шевроны и никто их не снимал.

В эту ночь нас подняли по тревоге в два часа.

Однако вскоре я смог оценить уютное тепло и комфорт сна среди нескольких дюжин моих товарищей. Через двенадцать недель меня сбросили чуть ли не голого в пустынной местности в Канадских скалах, и я должен был продираться через горы сорок миль. Я проделал все, но на каждом дюйме пути не уставал проклинать армию.

Я даже не был так уж плох, когда добрался до конечного пункта. Два встреченных мною зайца оказались

менее проворными, чем я, и голод отступил. Благодаря этим зайцам я оказался к концу более одетым, чем вначале: сделал себе какие-то допотопные мокасины из шкурок. Удивительно, что можно сотворить при помощи плоского камня, если у тебя больше ничего нет под рукой. После своего путешествия я пришел к выводу, что мы сильно недооцениваем своих пещерных предков.

Другие проделали такой же путь. Другие — это те, кто не уволился перед тестом на выживание, а решил попробовать. Благополучно прошли все, кроме двух парней, которые погибли в скалах. Нам пришлось вернуться в горы и потратить тринадцать дней на то, чтобы разыскать погибших. Тогда мы и узнали, что десант никогда не бросает своих, пока есть хоть малейший шанс на надежду.

Мы нашли тела, когда уже понимали, что их нет в живых, и похоронили со всеми почестями. Посмертно им было присвоено звание сержантов; они первыми из новобранцев лагеря поднялись так высоко. От десантника не ждали долгой жизни, смерть была частью его профессии. Но в Мобильной Пехоте очень заботились о том, как ты умрешь.

Один из погибших был Брэкенридж. Другим — парень из Австралии, которого я не знал. Не они были первыми, не они стали последними среди тех, кто погиб на испытаниях.

5

Ты рожден, чтоб быть виновным, иначе
ты не был бы здесь!

С левого борта... ОГОНЬ!

*Стрельба — не твое дело, займись-ка
лучше ловлей блох!*

С правого борта... ОГОНЬ!

Старинная матросская песня

Многое еще случилось перед тем, как мы покинули лагерь Курье, и многому мы научились. Боевая подго-

товка — сплошные тренировки, упражнения, маневры. Мы учились использовать все: от рук и ног до ядерного оружия (конечно, с холостыми зарядами). Я в жизни никогда не думал, что руки и ноги — такое грозное оружие, пока не увидел сержанта Зима и капитана Франкеля — нашего командира батальона, устроивших показательный бой. Рукопашному бою нас обучал и Суцзуми, всегда вежливый, с белозубой улыбкой. Зим сделал его на время инструктором, и мы обязаны были выполнять его приказы, хотя и не обращались к нему «сэр».

По мере того как наши ряды таяли, Зим все меньше занимался всеми нами одновременно (за исключением смотров) и тратил все больше времени на индивидуальные тренировки. Он как бы дополнял капралов-инструкторов. Внезапно он словно оглох ко всему, кроме своих любимых ножей. Вместо стандартного сделал, отбалансировал и заточил себе специальный нож. При индивидуальном тренинге Зим немного оттаивал, становился более терпимым и даже терпеливо отвечал на неизбежные глупые вопросы.

Однажды во время двухминутного перерыва, которые устраивались между различными видами работ, один из парней, его звали Тэд Хендрик, спросил:

— Сержант, я ведь правильно думаю, что все это метание ножей — скорее забава?.. Зачем тогда так тщательно ее изучать? Разве это нам пригодится?

— Ну что ж, — сказал Зим. — А если все, что у тебя есть, — это нож? Или даже ножа нет? Что ты будешь тогда делать? Готовиться к смерти? Или попытаешься изловчиться и заставить врага получить свое? Ведь это все не игрушки, сынок. И некому будет жаловаться, когда обнаружишь, что ничего не можешь сделать.

— Но я как раз об этом и говорю, сэр. Представьте, что вы оказались невооруженным. Или у вас в руках даже есть какая-нибудь ерунда. А у противника — опасное оружие. И как бы вы ни старались, ничего не сделаете.

Голос Зима прозвучал неожиданно мягко:

— Неправильно, сынок. На свете не существует такой вещи, как «опасное оружие».

— То есть, сэр?

— Опасного оружия нет. Есть только опасные люди. Мы стараемся сделать вас опасными для врага. Опасными даже без ножа. Опасными до тех пор, пока у вас есть одна рука или одна нога и пока вы еще живы... Возьмем теперь твой случай. Допустим, у меня только нож. Цель — вражеский часовой, вооруженный всем, чем хочешь, кроме разве что ядерного заряда. Я должен его поразить быстро и так, чтобы он не позвал на помощь...

Зим чуть-чуть повернулся. Чанк! Нож, которого не было до этого в руке сержанта, уже дрожал в самом центре мишени для стрельбы.

— Видишь? Еще лучше иметь два ножа. Но взять его ты должен был в любом случае — даже голыми руками.

— Да.. но...

— Тебя все еще что-то беспокоит? Говори. Я здесь как раз для того, чтобы отвечать на твои вопросы.

— Да, сэр. Вы сказали, что у противника не будет бомбы. Но ведь она у него будет. Вот в чем дело. В конце концов, мы ведь вооружаем наших часовых зарядами. Так же будет и с часовым, которого я должен буду взять. То есть я, конечно, не обязательно имею в виду самого часового, а ту сторону, на чьей он воюет.

— Я понимаю.

— Вот видите, сэр! Если мы можем использовать бомбу и если, как вы сказали, это не игра, а настоящая война, то глупо ползать среди бурьяна и метать ножи. Ведь так и тебя убьют, и войну проиграем... Если есть настоящее оружие, почему бы его не использовать? Какой смысл в том, чтобы люди рисковали жизнью, используя пещерное оружие, в то время как можно добиться гораздо большего простым нажатием кнопки?

Зим ответил не сразу, что было совсем на него не похоже. Наконец он тихо сказал:

— Ты вообще рад, что связался с пехотой, Хендрик? Как ты знаешь, ты можешь уйти.

— Я не собираюсь уходить, сэр. Я хочу отслужить свой срок, сэр.

— Понятно. Что ж, по правде сказать, у сержанта нет достаточной квалификации, чтобы ответить на твой вопрос. И, по правде сказать, не стоило мне его зада-

вать. Ты должен был знать ответ еще до поступления на службу. Ты проходил в школе историю и нравственную философию?

— Конечно, сэр.

— Тогда ты уже слышал ответ на свой вопрос. Хотя я могу сообщить тебе свою — неофициальную — точку зрения. Если бы ты хотел проучить малолеток, ты стал бы рубить им головы?

— Нет, сэр.

— Конечно, нет. Ты бы их отшлепал. Точно так же бывают обстоятельства, когда глупо уничтожать вражеский город бомбой: это все равно что отшлепать мальчишку топором. Война — не простое насилие, убийство. Война — это контролируемое насилие, предполагающее определенную цель. А цель — это поддержка решения правительства силой. Нельзя убивать противника только для того, чтобы его убить. Главное — заставить его делать то, что ты хочешь. Не убийство... а контролируемое и целесообразное насилие. Однако цель определяется не тобой и не мной. Не солдатское дело — определять когда, где и как. Или почему. Солдат дерется, а решают правительство и генералы. В правительстве решают, почему и каковы масштабы. Генералы говорят нам где, когда и как. Мы осуществляем насилие. Другие люди — постарше и помудрее, как они сами утверждают, — осуществляют контроль. Так и должно быть. Это лучший ответ, который я могу вам дать. Если он покажется неудовлетворительным, могу направить желающих к более высокому командованию. Если и там вас не убедят — идите домой и оставайтесь гражданскими людьми! Потому что в этом случае вы вряд ли станете нормальными солдатами.

Зим вскочил на ноги.

— Что-то мне начинает казаться, вы затягиваете разговор, просто чтобы меня надуть. Подъем, солдаты! Раз, два! К мишеням. Хендрик, ты первый. На этот раз я хочу, чтобы ты метнул свой нож в южном направлении. Юг — понял! А не север. Мишень должна появиться к югу от тебя, и нож должен полететь туда же. Я знаю, что ты не порaziшь мишень точно, но постарайся все же в нее попасть. И смотри, не отрежь себе ухо и не задень никого рядом. Сосредоточься на мысли, что

тебе нужно послать нож к югу. Приготовься. Мишень! Пошел!

Хендрик опять не попал.

Мы тренировались с жезлами, шестами и простыми палками, с проволокой (оказалось, с куском проволоки тоже можно проделать множество невероятных вещей). Наконец мы стали узнавать и то, что можно сделать с современным оружием: как его использовать, как соблюдать безопасность, как его ремонтировать в случае необходимости. Сюда входили ядерные заряды, пехотные ракеты, различные газы и яды. И другие вещи, о которых, может быть, лучше не говорить.

И все же мы не бросили изучение старинного, «пещерного» оружия. Учились, например, пользоваться штыками, учились стрелять из ружей, автоматов, которые были в употреблении еще в XX веке. Такие автоматы на учениях часто заменяли более грозное и мощное оружие. Нам вообще приходилось очень часто применять разного рода муляжи. Бомбу или гранату заменяли устройства, дающие в основном лишь черные клубы дыма. Газ, заставлявший чихать и сморкаться, использовали вместо веществ, от которых ты был бы уже мертв или парализован. Однако и его действия хватало, чтобы мы старались принять надежные меры предосторожности.

Спали мы все так же мало. Больше половины тренировок проходило по ночам, заодно мы учились пользоваться радарам, инфравидением и прочими хитростями.

Автоматы, заменявшие нам более современное оружие, были заряжены холостыми патронами. И только один из пятисот был настоящим, боевым. Опасно? И да и нет. При нашей профессии вообще опасно жить... А пуля, если она не разрывная, вряд ли сможет убить, разве что попадет в голову или в сердце, да и тогда вряд ли. Зато одна настоящая штучка на пятьсот холостых делала игру интересней и азартней. Тем более мы знали: такие же автоматы находятся в руках у инструкторов, которые не упустят случая и не промахнутся. Они, конечно, утверждали, что никогда намеренно не целятся человеку в голову, но все же иногда такие вещи случались.

И вообще — никакие уверения не могли быть сто-процентной гарантией. Каждая пятисотая пуля превращала занятия в подобие гигантской русской рулетки. Ты сразу переставал скучать, когда слышал, как, тонко свистнув, проносится мимо твоего уха смертоносная гадина, а потом ее догоняет треск автомата.

Но время шло — и мы постепенно расслабились, азарт пропал. Тут нам передали послание начальства: если не подтянемся, не соберемся, настоящая пуля будет вкладываться в каждую сотню холостых... А если и это не сработает, пропорция окажется один к пятидесяти. Не знаю, изменили что-то или нет, но мы определенно подтянулись. Особенно когда ранили парня из соседней роты: настоящая пуля задела ягодицы. Естественно, на некоторое время он стал объектом нескончаемых шуток, а также предметом подлинного интереса: многим хотелось посмотреть и потрогать причудливо извивающийся шрам... Однако все мы знали, что пуля вполне могла попасть ему в голову. Или в голову одного из нас.

Те инструкторы, которые не занимались стрельбой из автомата, на учениях почти не прятались. Они надевали белые рубашки и ходили, где вздумается, со своими жезлами. Весь их вид говорил об абсолютной уверенности в отсутствии преступных намерений у новобранцев. На мой взгляд, они все-таки злоупотребляли доверием к нам. Но так или иначе шансы распределялись в пропорции один к пятистам, к тому же бралось в расчет наше неумение стрелять. Автомат не такое уж легкое оружие. Он не рассчитан на точное поражение цели. Вполне понятно, что в те времена, когда судьба боя зависела от этого оружия, необходимо было выпустить несколько тысяч пуль, чтобы убить одного человека. Это кажется невозможным, но подтверждается всей военной историей: подавляющее большинство выстрелов из автоматического оружия было рассчитано не на поражение противника, а на то, чтобы он не поднял головы и не стрелял.

Во всяком случае, при мне ни одного инструктора не ранило и не убило. Так же, впрочем, как и ни одного из нас. Новобранцы гибли от других видов оружия и вообще по другим причинам. Например, один парень сломал себе шею, когда по нему выстрелили первый

раз. Он постарался укрыться, однако сделал это слишком поспешно. Ни одна пуля его так и не задела.

Надо сказать, что именно это стремление новобранцев укрыться от автоматного огня отбросило меня на низшую ступень в лагере Курье. Для начала я потерял те самые шевроны капрала-новобранца, но не за собственные проступки, а за действия моей группы, когда меня даже и рядом не было. Я пытался возражать, но Бронски посоветовал мне умолкнуть. Я, однако, не успокоился и пошел к Зиму. Зим холодно заметил, что я отвечаю за все действия моих людей независимо от... и дал мне шесть часов нарядов вне очереди за то, что я разговаривал с ним без разрешения Бронски. Тут еще пришло письмо от мамы, сильно меня расстроившее. Затем я рассадил себе плечо, когда в первый раз пробовал боевой бронескафандр. Оказалось, что у них имеются специальные скафандры, в которых инструктор с помощью радиоконтроля может устраивать всякие неполадки. Я свалился и разбил плечо. В результате меня перевели на щадящий режим.

В один из дней «щадящего режима» я был прикомандирован к штабу командира батальона. Поначалу я, оказавшись здесь впервые, из всех сил старался произвести выгодное впечатление. Однако быстро понял, что капитан Франкель не любит суеты и излишнего усердия. Он хотел только, чтобы я сидел тихо, не произносил ни слова и не мешал. Так у меня появилось свободное время, и я сидел, сочувствуя самому себе, так как надежд на то, что можно будет поспать, не предвиделось.

Но неожиданно сразу после ланча, когда я сидел все так же, изнывая от безделья, вошел сержант Зим в сопровождении трех человек. Зим был, как всегда, свеж и подтянут, но выражение лица делало сержанта похожим на Смерть. Возле правого глаза у него была видна отметина, которая у другого человека, наверное, обязательно превратилась в здоровенный синяк — вещь для Зима противоестественную. Среди сопровождающих шел Тэд Хендрик. Он был весь в грязи — ведь рота вышла на полевые учения. (Степь как будто специально была создана для того, чтобы заставлять нас ползать на брюхе по невероятной грязи.) Губы Хендри-

ка были плотно сжаты, на щеке виднелась кровь, потом я разглядел пятна крови и на рубашке. Он был без пилотки, в глазах застыло какое-то странное выражение.

По обе стороны от него стояли новобранцы. Каждый из них держал по автомату. Руки Хендрика были пусты. Одного из парней я узнал: Лэйви из моей группы. Он выглядел взволнованным и в то же время гордым. Лэйви успел незаметно мне подмигнуть.

Капитан Франкель был явно удивлен.

— В чем дело, сержант?

Зим стоял неестественно прямо и говорил так, словно отвечал заранее выученный урок:

— Сэр, командир роты Н докладывает командиру батальона. Дисциплинарное дело. Статья девять-один-ноль-семь. Неповиновение приказу и нарушение тактического плана, в то время как группа находилась в учебном бою. Статья девять-один-два-ноль.

Капитан, казалось, удивился еще больше.

— И вы пришли с этим ко мне, сержант? Официально?

Я ни разу не видел, чтобы человек был в таком замешательстве, а с другой стороны, ничем — ни одним движением лица или голоса — не выдавал своих чувств.

— Сэр. Если капитану угодно. Новобранец повел себя вопреки всем дисциплинарным нормам. Он сам настаивал на том, чтобы увидеть командира батальона.

— Понятно. Вам нужен судья. Ну, хорошо. Только я все равно ничего не понимаю, сержант. В конце концов, это его право — увидеть меня. Какая была боевая команда?

— «Замри», сэр.

Я взглянул на Хендрика и понял, что ему пришлось несладко. По команде «замри» ты падаешь на землю там, где стоишь, пытаешься как можно скорее использовать любое укрытие. При этом ты обязан замереть и не делать ни одного движения — даже бровью не шевелить без разрешения. Нам рассказывали историю о людях, которых ранило, когда они выполняли эту ко-

манду... и они медленно истекали кровью, не издавая ни звука и не двигаясь.

Франкель поднял брови.

— И потом?

— То же самое, сэр. После самовольного нарушения команды — снова отказ ее выполнить.

Капитан нахмурился:

— Фамилия.

Ответил Зим:

— Хендрик, сэр. Новобранец Ар-Ши-семь-девять-шесть-ноль-девять-два-четыре.

— Все ясно. Хендрик, на тридцать дней вы лишаетесь всех прав и будете находиться только в своей палатке — за исключением нарядов, еды и санитарной необходимости. По три часа каждый день будете выполнять наряды начальника охраны: один час перед отбоем, один час перед подъемом и один час во время обеда. Ваш ужин будет состоять из хлеба и воды, хлеба — сколько сможете съесть. А также десять часов наряда каждую субботу по усмотрению непосредственного начальника.

«Ничего себе!» — подумал я.

Капитан Франкель продолжал:

— Я не наказываю вас жестче, Хендрик, лишь потому, что более строгое наказание проводится только через трибунал... А я не хочу портить послужной список вашей роты. Свободны.

Капитан опустил глаза и стал разглядывать бумаги на своем столе. Инцидент его больше не интересовал.

Но тут вдруг завопил сам Хендрик:

— Но ведь вы не выслушали другую сторону!

Капитан поднял глаза.

— У вас есть что сказать?

— Еще бы. Сержант Зим сделал все это специально! Всю дорогу он изводит, изводит меня — с того самого дня, когда я попал в лагерь! Он...

— Это его работа, — сказал холодно капитан. — Вы отрицаете, что не выполнили приказ?

— Нет, но... Он же не сказал, что я лежал на муравейнике!

По лицу Франкеля промелькнуло презрительное выражение.

— Так. И вы, значит, предпочли, чтобы вас убили — а возможно, и друзей ваших — из-за каких-то дрянных муравьев?

— Что значит дрянных? Их были тысячи. Они словно хотели съесть меня заживо.

— Ну что ж. Давайте, молодой человек, определимся раз и навсегда. Даже если перед вами гнездо гремучих змей, вы все равно обязаны выполнить общую для всех команду. Упасть и замереть. — Франкель помолчал. — Вы еще что-нибудь хотите сказать в свое оправдание?

Хендрик стоял какое-то мгновение с открытым ртом.

— Конечно, хочу! Он ударил меня! Он занимался рукоприкладством! Целая компания таких же, как он, ходит все время со своими дурацкими палками, и каждый так и норовит ударить, да еще по спине. И это называется «подбодрить». Хотя с этим я еще как-то мирился... Но он ударил меня. Рукой. Свалил на землю и еще заорал: «Замри, упрямый осел!» Что вы на это скажете?

Капитан Франкель разглядывал свои ногти, затем посмотрел на Хендрика.

— Вы, молодой человек, находитесь во власти заблуждения, весьма распространенного среди штатских людей. Вы полагаете, что человек, который выше вас по чину, не может, как вы выразились, «заниматься рукоприкладством». В условиях гражданской жизни — несомненно. Ну, например, если бы вы вздумали повздорить в театре или магазине. На гражданке у меня не больше прав ударить вас, чем у вас ударить меня. Но ведь на службе все совсем не так...

Не вставая со стула, капитан обернулся и указал на стоящие у стены книжные полки.

— Вот законы, по которым протекает сейчас ваша жизнь. Вы можете тщательно просмотреть эти книги, каждую статью, любое имевшее место судебное расследование. И вы нигде, абсолютно нигде не найдете утверждения, что человек, который выше вас по чину, не имеет права «заниматься рукоприкладством». Видите

ли, Хендрик, я могу сломать вам челюсть... и буду отвечать только перед вышестоящим офицером. Но перед вами я никакой ответственности не несу. Я даже могу совершить более тяжелый поступок. Бывают обстоятельства, при которых офицер не только имеет право, но просто обязан убить офицера ниже чином или солдата без промедления и, возможно, даже без предупреждения. И он не будет наказан. Например, чтобы пресечь опасное малодушие, трусость перед лицом врага.

Капитан хлопнул ладонью по столу.

— Теперь о жезлах. У них двойное предназначение. Во-первых, они отличают человека, облеченного властью. Во-вторых, с их помощью мы рассчитываем всегда держать вас в состоянии первой готовности. Конечно, иногда вы можете испытывать боль, но в большинстве случаев они абсолютно безвредны. Но зато они экономят тысячи слов. Обычный вариант: утренний подъем. Если представить, что капрал должен долго и настойчиво на словах убеждать вас встать с кровати и пойти завтракать... Это просто невозможно. А с помощью жезла он легко добивается необходимого результата...

Пока капитан говорил, я исподтишка бросал взгляды на Хендрика. Похоже было, что тихое отчитывание действовало сильнее всех окриков Зима. Возмущение сменилось у Хендрика явным удивлением, а потом на его лице застыла угрюмая гримаса.

— Говори! — резко приказал Франкель.

— Э-э... В общем, скомандовали замереть, и я упал на землю, в грязь, и вдруг увидел, что лежу прямо в муравейнике. Поэтому я привстал на колени, для того чтобы продвинуться еще хотя бы на пару футов. И тут меня ударили сзади, так что я упал, и он закричал на меня. И я вскочил и ударил его, а он...

— СТОП! — Капитан поднялся со стула, вытянувшись, став как будто даже выше ростом, и впился взглядом в Хендрика.

— Ты... ударил... своего командира роты?

— Э... я же сказал... Но ведь он ударил первым. Да еще сзади, когда я ничего не ожидал. Я никому такого

не позволял. Я ударил его, и тут он ударил меня снова, а потом...

— Молчать!

Хендрик поперхнулся, потом добавил:

— Я же хотел как раз все объяснить...

— Я думаю, теперь мы все решим, — сказал холодно Франкель. — И решим очень быстро.

— Дайте мне лист бумаги. Я увольняюсь.

— Одну минуту. Сержант Зим.

— Да, сэр.

Я вдруг вспомнил, что Зим тоже здесь, что он просто стоит, не произнося ни слова, неподвижный, как статуя, только видно, как перекачиваются желваки на скулах. Теперь я был уверен, что под глазом у него синяк. Здорово, кажется, его Хендрик достал.

— Вы знакомили роту с необходимыми статьями закона о службе?

— Да, сэр. Закон вывешен для ознакомления, и его также читают каждое субботнее утро.

Происшедшее вдруг предстало в совершенно ином, мрачном свете. Ударить Зима? Каждый в его роте хотя бы раз дрался с сержантом, и от кого-то ему даже доставалось — но ведь это на тренировках. Он брал нас после подготовки у других инструкторов и шлифовал. Что уж там, один раз я видел, как Суцзуми так его отдела, что он потерял сознание. Бронски облил его водой, и Зим вскочил, и улыбнулся, и тряс Суцзуми руку, и тут же сделал из него отбивную...

Капитан Франкель оглядел нас и остановил свой взгляд на мне:

— Соединитесь со штабом полка.

Я со все ног бросился к аппаратуре и отступил назад, когда на экране появилось чье-то лицо.

— Адъютант, — сказала лицо.

Франкель тут же откликнулся:

— К командованию полка обращается командир Второго батальона. Я прошу прислать офицера для участия в суде.

— Насколько срочно? — спросило лицо.

— Насколько возможно.

— Ладно, попробуем. Я думаю, Джек у себя. Статья, фамилия?

Капитан назвал Хендрика, его номер и статью. Человек на экране мрачно присвистнул.

— Сейчас все сделаем, Ян. Если не найду Джека, приеду сам. Только доложу старику.

Капитан Франкель обернулся к Зиму.

— Этот эскорт — свидетели?

— Да, сэр.

— Командир группы тоже мог видеть?

Зим заколебался:

— Я думаю, да, сэр.

— Доставьте его.

— Есть, сэр.

Зим подошел к аппарату связи, а Франкель обратился к Хендрику:

— Вы хотели бы видеть кого-нибудь, кто мог свидетельствовать в вашу защиту?

— Что? Мне не нужны никакие защитники. Он сам знает, что сделал! Дайте мне лист бумаги — я хочу как можно скорее убраться отсюда!

— Все в свое время.

И это время наступит очень скоро, подумалось мне. Через пять минут явился капрал Джонс, одетый по всей форме, и тут же вошел лейтенант Спайкс. Он сказал:

— Добрый день, капитан. Обвиняемый и свидетели здесь?

— Все тут. Садись, Джек.

— Запись?

— Сейчас, сейчас.

— Отлично. Хендрик, шаг вперед.

Хендрик шагнул, было видно, что он совершенно сбит с толку и нервы его на пределе. Голос у лейтенанта вдруг стал необычно резким.

— Полевой трибунал назначен по приказу майора Мэддоу, командира Третьего тренировочного полка, лагерь имени Артура Курье, и в соответствии с законами и правилами Вооруженных Сил Земной Федерации. Присутствующие офицеры: капитан Ян Франкель, Мобильная Пехота, командир Второго батальона, Третьего полка; лейтенант Джек Спайкс, Мобильная Пехота,

исполняющий обязанности командира Первого батальона Третьего полка. Обвиняемый: Хендрик Теодор, новобранец, номер Ар-Пи 7960924. Статья 9080. Обвинение: физическое сопротивление вышестоящему чину в боевых условиях.

В тот момент меня больше всего поразила быстрота происходящего. Неожиданно я сам оказался «офицером-секретарем суда» и обязан был выводить и приводить свидетелей. Я подошел к ним, мучительно соображая, что надо сказать, но Зим поднял бровь, и все вышли из комнаты. Зим отделился от всех и, стоя, ждал в сторонке. Капрал присел на корточки и вертел в руках сигарету.

Его позвали первым. Свидетелей опросили за двадцать минут, Зима не позвали вообще.

Лейтенант Спайкс обратился к Хендрику:

— Может быть, вы хотите сами опросить свидетелей? Суд может помочь вам.

— Не надо.

— Необходимо стоять смирно и говорить «сэр», когда обращаетесь к суду.

— Не надо, сэр, — сказал Хендрик и добавил: — Требую адвоката.

— Закон не дает вам этого права во время полевого трибунала. Хотели бы вы что-либо засвидетельствовать в свою защиту? Вы не обязаны этого делать, и, если откажетесь, вам это не повредит. Но предупреждаю, что всякое свидетельство может быть обращено против вас. Мы также имеем право проводить очные ставки.

Хендрик пожал плечами.

— Мне нечего сказать. Да и какой смысл?

Лейтенант повторил:

— Вы будете свидетельствовать в свою защиту?

— Нет, сэр.

— Суд также должен выяснить: вы были знакомы со статьей обвинения до настоящего дня? Вы можете отвечать «да», «нет» или вообще не отвечать. Однако за свой ответ вы несете ответственность по статье 9167.

Обвиняемый молчал.

— Хорошо. Суд прочтет вам эту статью и повторит вопрос. Статья 9080: любой служащий Вооруженных

Сил, который нападет, ударит или предпримет попытку нападения...

— Мне кажется, нам читали. Они читали так много всего, каждое утро по субботам. Целый перечень за-прещенных поступков.

— Зачитывалась ли вам именно эта статья?

— Э... да, сэр. Ее тоже зачитывали.

— Хорошо. Вы отказались свидетельствовать. Может быть, вы хотите сделать заявление? Может быть, есть обстоятельства, смягчающие вашу вину?

— Как это, сэр?

— Может, что-то повлияло на вас? Обстоятельства, объясняющие ваше поведение. Допустим, вы были больны и приняли лекарство. Присяга не ограничивает вас по данному пункту. Вы можете сказать все, что вам поможет. Суду необходимо узнать: что-либо заставляет вас чувствовать выдвинутое против вас обвинение несправедливым? Если да, то что?

— Он ударил первым! Вы же слышали, он первый!

— Что еще?

— Но, сэр... разве этого недостаточно?

— Суд окончен. Новобранец Хендрик Теодор, смирно!

Лейтенант Спайкс за время суда так и не садился. Теперь поднялся и капитан Франкель. Атмосфера в комнате стала еще напряженнее.

— Суд приговаривает вас... — я замер и вдруг почувствовал, как у меня заболел живот, — ... к десяти ударам плетью и увольнению с резолюцией «За несовместимое с уставом поведение».

Хендрик сглотнул.

Лейтенант Спайкс продолжил:

— Приговор привести в исполнение сразу же после утверждения в соответствующей инстанции, если, конечно, он будет утвержден. Все свободны. Обвиняемого держать под стражей.

Последнее, видимо, было адресовано мне. Однако я абсолютно не знал, что нужно делать... Наконец позвонил начальнику охраны и сидел с Хендриком, пока за ним не пришли.

Во время дневного приема в медпункте капитан Франкель послал меня на осмотр. Врач решил, что я могу возвращаться на службу. Я вернулся в роту как раз, чтобы успеть переодеться к вечернему смотру. Зим не преминул отчитать меня за пятна на форме. Синяк у него под глазом стал большим и разноцветным, но я, как и все другие, из всех сил старался ничего не замечать.

На плацу уже был установлен здоровенный столб. Вместо обычных сообщений и разнарядки на следующий день нам зачитали приговор трибунала.

Потом привели Хендрика со связанными впереди руками, двое из охраны шли по бокам.

Мне никогда не приходилось видеть, как секут плетью. У нас в городе устраивали нечто подобное, но отец каждый раз запрещал мне ходить к Федеральному Центру. Однажды я нарушил запрет отца, но наказание в тот день отменили, а новых попыток я больше не делал.

Ребята из охраны подняли Хендрика на руки и привязали к крюку, торчавшему высоко на столбе. Потом с него сняли рубашку. Потом адъютант произнес металлическим голосом:

— Привести в исполнение приговор суда.

Шагнул вперед капрал-инструктор из другого батальона. В руке он держал кнут. Начальник охраны отсчитывал удары.

Отсчитывал медленно. От удара до удара проходило секунд пять, но казалось, что время тянется нестерпимо медленно. При первых ударах Тэд молчал, после третьего несколько раз всхлипнул.

Первое, что я увидел, когда очнулся, — лицо капрала Бронски. Он разглядывал меня сверху, похлопывая по щеке.

— Ну, теперь все нормально? Возвращайся в строй. Ну, побыстрее. Нам пора уходить.

Мы вернулись в расположение роты. Я почти не ужинал, как и многие другие.

Никто не сказал ни слова насчет моего обморока. Позже я узнал, что был не единственным, кто потерял

на экзекуции сознание — этого зрелища не выдержали человек тридцать новобранцев.

6

Мы слишком мало ценим то, что нам дается без усилий... и было бы очень странно, если бы мало ценилась такая удивительная вещь, как свобода.

Томас Пейн

Ночь после публичной экзекуции была самой тяжелой для меня в лагере Курье. Никогда ни до, ни после я так не падал духом. Я не мог заснуть! Нужно пройти полную подготовку в лагере, чтобы понять, до чего должен дойти новобранец, чтобы не спать. Конечно, в тот день я не был на занятиях и не устал. Но завтра мне предстояло включиться в обычный ритм, а плечо сильно болело, хотя врач и уверял, что я «годен»... А под подушкой лежало письмо, в котором мама умоляла меня наконец одуматься. И каждый раз, когда я закрывал глаза, я сразу слышал тяжелый шлепающий звук и видел Тэда, который, дрожа, прижимался к столбу.

Мне было наплевать на потерю этих дурацких шевронов. Они больше ничего не значили, так как я окончательно созрел для того, чтобы уволиться. Для себя я решил. И если бы посреди ночи можно было достать бумагу и ручку, я, не колеблясь, написал бы заявление.

Тэд совершил поступок, длившийся всего долю секунды. Это была настоящая ошибка: конечно, он не любил лагерь (а кто его любит?), но он старался пройти через все это и получить привилегию — право быть избранным. Он хотел стать политиком. Он часто убеждал нас, что многое сделает, когда получит привилегии.

Теперь ему никогда не работать ни в одном общественном учреждении. Всего одно движение — и он зачеркнул все шансы.

Это случилось с ним, а могло случиться со мной. Я живо представил, как совершаю подобное — завтра,

через неделю... и мне не дают даже уволиться, а ведут к столбу, сдирают рубашку...

Да, пришло время признать правоту отца. Самое время написать домой, что я готов отправиться в Гарвард, а потом в кампанию. Утром надо первым делом увидеть сержанта Зима.

Сержант Зим...

Мысли о нем беспокоили меня почти так же сильно, как и мысли о Тэде. Когда трибунал закончился и все разошлись, Зим остался и сказал капитану:

— Могу я обратиться к командиру батальона, сэр?

— Конечно. Я как раз хотел поговорить с вами. Садитесь.

Зим искоса глянул на меня, то же самое сделал и капитан. Я понял, что должен исчезнуть. В коридоре никого не было, кроме двух штатских клерков. Далеко уходить я не смел — мог понадобиться капитану, поэтому взял стул и сел недалеко от двери. Неожиданно я обнаружил, что дверь прикрыта неплотно и голоса хорошо слышны.

Зим:

— Сэр, я прошу перевести меня в боевую часть.

Франкель:

— Я плохо слышу тебя, Чарли. Опять у меня что-то со слухом.

Зим:

— Я говорю вполне серьезно, сэр. Это не мое дело... Капитан, этот мальчик не заслужил десяти плетей.

Франкель:

— Конечно, не заслужил. И ты, и я — мы оба прекрасно знаем, кто на самом деле дал маху. Он не должен был и прикоснуться к тебе, ты обязан был усмирить его, когда он еще только подумал об этом. Ты что, не в порядке?

— Не знаю. Может быть.

— Хмм! Но если так, куда ж тебя в боевую часть? Но сдается мне, это неправда. Ведь я видел тебя три дня назад, когда мы вместе работали. Так что случилось?

Зим ответил после долгой паузы.

— Думаю, что я просто считал его безопасным.

— Таких не бывает.

— Да, сэр. Но он был таким искренним, так честно старался, что я, наверное, подсознательно расслабился.

Зим помолчал, а потом добавил:

— Думаю, все из-за того, что он мне нравился.

Франкель фыркнул.

— Инструктор не может себе этого позволять.

— Я знаю, сэр. Но так уж у меня получилось. Единственная вина Хендрика состоит в том, что, как ему казалось, он на все знал ответ. Но я не придавал этому слишком большого значения. Я сам был таким в его возрасте.

— Так вот в чем слабое место. Он нравился тебе... и потому ты не смог его вовремя остановить. В результате трибунал, десять ударов и мерзкая резолюция.

— Как бы хотелось, чтоб порку задали мне, — сказал вдруг Зим.

— Я чувствую, настанет и твой черед. Как ты думаешь, о чем я мечтал весь этот час? Чего боялся больше всего с того момента, когда увидел, как тыходишь и у тебя под глазом огромный синяк? Ведь я же хотел ограничиться административным наказанием, парню даже не пришлось бы увольняться. Но я никак не ожидал, что он может вот так при всех брякнуть, что ударил тебя. Он глуп. Тебе нужно было отсеять его еще две недели назад... вместо того чтобы нянчиться. Но он заявил обо всем при свидетелях, и я был вынужден дать делу официальный ход... Иди лечись. И будь готов к тому, что на свете появится еще один штатский, который будет нас ненавидеть.

— Именно поэтому и хочу, чтобы меня перевели. Сэр, я думаю, что так будет лучше для лагеря.

— Неужели? Однако я решаю, что будет лучше для батальона, а не ты, сержант... А давай, Чарли, вернемся на двенадцать лет назад. Ты был капралом, помнишь?.. Уже делал из маменькиных сынков солдат. А можешь сказать, кто из этих маменькиных сынков был хуже всех в твоей группе?

— Ммм... — Зим задержался с ответом. — Думаю, не совру, если скажу, что самым трудным был ты.

— Я. И вряд ли бы ты назвал кого другого. А ведь я тебя ненавидел, «капрал» Зим.

Даже из-за двери я почувствовал, что Зим удивлен и обижен.

— Правда, капитан? А ты, наоборот, нравился мне.

— Да? Конечно, ты не должен был меня ненавидеть — этого инструктор тоже не может себе позволить. Мы не должны ни любить, ни ненавидеть их. Только учить. Но если я тогда тебе нравился... хм, надо сказать, что твоя любовь проявлялась в очень странных формах. Я презирал тебя тогда и мечтал только о том, как до тебя добраться. Но ты всегда был настороже и ни разу не дал мне шанса нарушить эту самую девять-ноль-восемь-ноль. И только поэтому я здесь — благодаря тебе. Теперь насчет твоей просьбы. Я помню, что во время учебы ты чаще всего отдавал одно и то же приказание. И оно очень крепко застряло в моей голове. Надеюсь, ты помнишь? Теперь возвращаю его тебе. Эй, служивый, заткнись и служи дальше!

— Да, сэр.

— Подтяни их. И поговори отдельно с Бронски. У него особенно заметна тенденция размягчаться.

— Я встряхну его, сэр.

— Вот и хорошо. Следующий, кто полезет на инструктора, должен быть уложен тихо и спокойно. Так, чтобы даже не смог дотронуться. Если инструктор оплошает, то будет уволен по некомпетентности. Мы должны убедить ребят в том, что нарушать статью не просто накладно, а невозможно... что если кто-то попробует, то его тут же отключат, а потом обольют холодной водой.

— Да, сэр. Я все сделаю.

— Да уж постарайся. Я не желаю, чтобы кто-то еще из моих ребят был привязан к позорному столбу из-за нерасторопности своего наставника. Свободен.

— Есть, сэр.

— Да, вот еще что, Чарли... как насчет сегодняшнего вечера? Может быть, придешь к нам? Женщины намечают какие-то развлечения. Где-нибудь к восьми?

— Есть, сэр.

— Это не приказ, а приглашение. Если ты действительно сдаешь, тебе не мешает расслабиться. А теперь иди, Чарли, и не беспокой меня больше. Увидимся вечером.

Зим вышел так резко, что я еле успел пригнуться, изображая, что завязываю шнурки на ботинке. Но он все равно не заметил меня. А капитан Франкель уже кричал:

— Дежурный! Дежурный! ДЕЖУРНЫЙ! Почему я должен повторять три раза? Найдешь сейчас командиров рот Си, Эф и Джи и скажешь, что я буду рад их видеть перед смотром. Потом быстро в мою палатку. Возьмешь чистую форму, фуражку, туфли — но никаких медалей. Принесешь все сюда... Потом пойдешь к врачу — как раз время дневного визита. Судя по всему, рука у тебя уже не болит. Так, до врача у тебя целых тринадцать минут. Вперед, солдат!

Мне ничего не оставалось, как все это выполнить. Одного из командиров рот я нашел в его кабинете, а двух других — в офицерском душе (как дежурный, я мог заходить куда угодно). Форму для парада я положил перед капитаном как раз, когда прозвучал сигнал дневного врачебного осмотра. Франкель даже головы от бумаг не поднял, а только буркнул:

— Больше поручений нет. Свободен.

Таким образом, я успел вернуться в роту и увидел последние часы Тэда Хендрика в Мобильной Пехоте...

У меня оказалось много времени для того, чтобы подумать, пока я лежал, не в силах заснуть, в палатке, а вокруг царил ночная тишина. Я всегда знал, что сержант Зим работает за десятерых, но никогда не думал, что в глубине души он может быть не таким жестким, самоуверенным, самодовольным, чопорным. Всегда думалось, что уж этот человек точно живет в согласии с миром и собой.

Почва уходила из-под ног — оказалось, я никогда не понимал сути жизни, не знал, как устроен мир, в котором живу. Мир раскалывался на части, и каждая превращалась в нечто незнакомое и пугающее.

В одном, однако, я был теперь уверен: мне даже не хотелось узнавать, что такое на самом деле Мобильная Пехота. Если она слишком жестока для собственных сержантов и офицеров, то для бедного Джонни она абсолютно непригодна. Как можно не наделать ошибок в организации, сути которой ты не понимаешь? Я вдруг реально ощутил, как меня вздергивают на виселице...

Да что там виселица, с меня было бы довольно и плетей. Никто из нашей семьи никогда не подвергался столь унижительному наказанию. В ней никогда не было преступников — по крайней мере, никто никогда не обвинялся. Наша семья гордилась своей историей. Единственное, чего нам не доставало, так это привилегии гражданства, но отец не ценил эту привилегию высоко, а даже считал ее весьма бесполезной... Однако, если меня высекут плетями — его точно хватит удар.

А между тем Хендрик не сделал ничего такого, о чем бы я сам не думал тысячи раз. А почему этого не сделал я? Трусил, наверное. Я знал, что любой из инструкторов может легко сделать из меня отбивную, поэтому только стискивал зубы, молчал и никогда ничего не предпринимал. У Джонни не хватило порохи. А у Тэда хватило... На самом деле как раз ему, а не мне, самое место в армии.

Нужно выбираться отсюда, Джонни, пока все еще нормально.

Письмо от мамы только укрепило мою решимость. Нетрудно сохранять ожесточение к родителям, пока они сами жестоки ко мне. Но как только они оттаяли, мое сердце начало болеть. По крайней мере, о маме. Она писала, что отец запрещает вспоминать мое имя, но это просто он так страдает, поскольку не умеет плакать. Я знал, о чем она говорит, и прекрасно понимал отца. Но если он не умел плакать, то я в ту ночь дал волю слезам.

Наконец я заснул... и, как мне показалось, тут же был разбужен по тревоге. Весь полк подняли для того, чтобы пропустить нас сквозь имитацию бомбежки. Без всякой амуниции. В конце занятий прозвучала команда «замри».

Нас держали в положении «замри» около часа. Насколько я понял, все поголовно выполняли команду на совесть — лежали, едва дыша. Какое-то животное пробежало мягкими лапами совсем рядом, мне тогда показалось — прямо по мне. Мы жутко замерзли тогда, но я все сносил терпеливо: я знал, что эту команду выполняю в последний раз.

На следующее утро я не услышал сигнала к подъему. Впервые меня насильно сбросили с лежанки, и я уныло

попелся выполнять распорядок дня. До завтрака не было никакой возможности даже заикнуться о том, что я хочу уволиться. Мне нужен был Зим, но на завтраке он отсутствовал. Зато я спросил у Бронски разрешения поговорить с сержантом.

— Давай-давай, — хмыкнул Бронски и не стал спрашивать, зачем мне это понадобилось. Но и после завтрака я Зима не нашел. Нас вывели в очередной марш-бросок, но сержанта нигде не было видно.

Ланч нам подбросили прямо в поле, на вертолете. Вместе с завтраком прибыл Зим, который к тому же привез почту. Некоторые могут удивиться, но для Мобильной Пехоты это традиция, а не роскошь. Тебя могут лишить пищи, воды, сна, да вообще всего без всякого предупреждения, но твоя почта не задержится ни на минуту, если тому, конечно, не препятствовали чрезвычайные обстоятельства. Это твое, только твое, то, что доставляется первым возможным транспортом, то, что читается в первую попавшуюся передышку между маневрами и занятиями. Правда, для меня эта привилегия ничего не значила: кроме письма мамы, я до сих пор ничего не получал. Поэтому меня не было среди тех, кто окружил Зима. Я прикинул и решил, что сейчас не лучшее время для переговоров с сержантом. Придется подождать, пока мы вернемся в лагерь. Однако к великому удивлению, я услышал, как Зим выкрикивает мое имя и протягивает мне письмо. Я бросился к нему и схватил конверт.

Я снова был удивлен — теперь еще больше: письмо от мистера Дюбуа, нашего учителя по истории и нравственной философии. Скорее я ожидал получить послание от Санта Клауса.

Потом, когда я начал читать, мне показалось, что это ошибка. Пришлось сверить адрес и обратный адрес, чтобы убедиться, что письмо все-таки адресовано мне.

«Мой дорогой мальчик!

Наверное, мне следовало бы написать тебе гораздо раньше, чтобы выразить то удовольствие и ту гордость, которые испытал, когда узнал, что ты не только поступил на службу, но еще и выбрал мой любимый род войск. Однако скажу тебе, что удивлен я не был. Подобного поступка я и ждал от тебя, разве что только

не думал, что ты все же выберешь нашу пехоту. Это тот самый результат, который случается нечасто, но дает право учителю гордиться своим трудом. Так, для того чтобы найти самородок, нужно перетрясти кучу песка и камней.

Сегодня ты уже должен понимать, почему я не написал тебе сразу. Многие молодые люди не обнаруживают достаточно сил, чтобы пройти период подготовки. Я ждал (информацию я получал по своим каналам), когда ты преодолеешь главный перевал.

Мы оба теперь знаем, что это совсем непросто! Но я хотел быть уверенным, что не произойдет никаких досадных случайностей, что ты не заболеешь и т. д.

Сейчас ты проходишь самую трудную часть своей службы: не столько трудную физически, сколько духовно... Глубокий душевный переворот постепенно превратит тебя из потенциального в реального гражданина. Или, наверное, лучше сказать: ты уже оставил позади самый тяжелый период, и все предстоящие трудности уже не должны тебя пугать. Смею полагать, я тебя достаточно хорошо знаю и верю, что перевал позади, иначе ты был бы уже дома.

Когда ты достиг этой духовной вершины, ты почувствовал нечто новое. Наверное, ты не можешь найти слов, чтобы это описать (я, например, не мог). Но ты можешь позаимствовать их у своих старших товарищей. Правильные слова часто помогают понять, что с тобой происходит. Высочайшая честь, о которой мужчина может только мечтать, — это возможность заслонить своим телом любимый дом от того опустошения, которое приносит война. Эти слова не принадлежат мне, как ты вскоре, видимо, узнаешь.

Главные принципы жизни не меняются, и, если человеку нужно сказать об одном из них, ему необязательно — как бы мир ни менялся — заново что-то формулировать. Принцип, о котором пишу я, непреложен, он являлся и является правдой всегда и везде, для всех людей и всех народов.

Дай о себе знать, пожалуйста. Если, конечно, ты сможешь выкроить кусочек такого дорогого для тебя времени. Если сможешь — черкни мне письмо. А если

тебе случится встретиться с кем-нибудь из моих старых друзей, передай им горячий привет.

Успехов тебе, десантник! Ты заставил меня гордиться собой.

Джин В. Дюбуа, полковник Мобильной Пехоты в отставке».

Подпись была так же удивительна, как и само письмо. Старый Ворчун — полковник? Эге! А ведь командир полка у нас всего лишь майор. Мистер Дюбуа никогда не говорил в школе о своем звании. Мы предполагали (если вообще над этим задумывались), что он был занюханным капралом, которому пришлось уйти из армии после того, как он потерял руку. И ему, думали мы, подобрали работу полегче — курс, по которому не надо сдавать экзамены, а только приходиться и слушать.

Естественно, он отслужил положенный срок, так как историю и нравственную философию может преподавать только человек со статусом гражданина. Но Мобильная Пехота?! Теперь я взглянул на него по-другому. Подтянутый, поджарый, похожий скорее на учителя танцев. Каждый из нас по сравнению с ним действительно напоминал обезьяну.

Да, он подписался именно так: полковник Мобильной Пехоты...

Всю обратную дорогу к лагерю я размышлял над письмом. Ничего подобного Дюбуа никогда не позволял себе произнести в классе. Не в том смысле, что письмо противоречило духу его проповедей. Оно было совершенно другим по тону. Разве мог полковник так ласково обращаться к рядовому новобранцу?

Когда он был лишь «мистером Дюбуа», а я одним из тех мальчишек, которые приходили на его курс, он, казалось, вообще не замечал меня.

Только один раз он обратил на меня особое внимание — и то только из-за того, что мой отец был богат. В тот день он разжевывал нам понятие стоимости, сравнивая теорию Маркса с ортодоксальной теорией «полезности». Мистер Дюбуа говорил тогда:

— Конечно, Марксово определение стоимости довольно нелепо. Сколько бы труда вы ни затратили, вы не смогли бы превратить кучу хлама в яблочный пирог. Хлам остался бы хламом, а его стоимость нулем. Можно

даже сделать вывод, что неквалифицированный труд может легко уменьшить стоимость: бездарный кулинар возьмет тесто и яблоки, которые, кстати, обладают стоимостью, и превратит их в несъедобную дребедень. В результате стоимость — ноль. И наоборот, талантливый повар из тех же материалов, с теми же затратами труда изготовит приличный пирог.

Даже такая кухонная иллюстрация разбивает все доводы Марксовой теории стоимости — ложной посылки, из которой вырастает весь коммунизм. С другой стороны, она подтверждает правильность общепринятого, основанного на здравом смысле определения с точки зрения теории «полезности».

Однако тем не менее этот помпезный, нелогичный, почти мистический «Капитал» Маркса содержит в себе и неявный зародыш истины. Если бы Маркс обладал по-настоящему аналитическим умом, то сформулировал бы первое адекватное определение стоимости... и это спасло бы планету от очень многих бед и несчастий... Или нет... — добавил он и ткнул в мою сторону пальцем. — Ты!

Я подскочил как ужаленный.

— Если ты не в состоянии слушать, то, может быть, скажешь тогда классу: стоимость — это относительная или абсолютная величина?

На самом деле я слушал. Просто не видел причин, мешавших бы мне слушать, закрыв глаза и расслабившись. Но вопрос застал меня врасплох: я ничего не читал по этому предмету.

— Э-э... абсолютная, — сказал я, поколебавшись.

— Неправильно, — отметил он холодно. — Стоимость имеет смысл только в человеческом обществе. Стоимость той или иной вещи всегда связана с отдельным индивидуумом. Ее величина будет различаться в зависимости от каждого отдельно взятого индивида. Рыночная стоимость — это фикция или в лучшем случае попытка вывести какую-то среднюю величину индивидуальных стоимостей, которые все разнятся между собой, — иначе бы не могла существовать торговля.

Я представил, как бы среагировал отец на тезис о том, что рыночная стоимость — это фикция. Наверное, просто фыркнул бы и ничего не сказал.

— Это индивидуальное отношение стоимости для каждого из нас проявляется в двух моментах: во-первых, то, что мы можем сделать с вещью, то есть ее полезность; во-вторых, что мы должны сделать, чтобы эту вещь получить, собственно ее стоимость. Существует старинное предание, утверждающее, что «самое дорогое в жизни — это свобода». Это неправда. Абсолютная ложь. Трагическое заблуждение, приведшее к закату и гибели демократии в XX веке. Все пышные эксперименты провалились, потому что людей призывали верить: достаточно проголосовать за что-нибудь, и они это получают... без страданий, пота и слез.

Свобода сама по себе ничего не значит. Потому что за все надо платить. Даже возможность дыхания мы покупаем ценой усилий и боли первого вдоха.

Он помолчал и, все еще глядя на меня, добавил:

— Если бы вы, ребята, так же попотели ради своих игрушек, как приходится маяться новорожденному за право жить, вы были бы, наверное, более счастливы... и более богаты. Мне очень часто жалко некоторых за богатство, которое им досталось даром. Ты! Ты получил приз за бег на сто метров. Это сделало тебя счастливее?

— Наверное.

— А точнее? Вот твой приз, я даже написал: «"Гран-при" чемпионата по спринту на сто метров».

Он действительно подошел ко мне и прикрепил значок к моей груди.

— Вот! Ты счастлив? Ты стоишь его, не так ли?

Я почувствовал себя если не униженным, то уязвленным. Сначала намеки на богатого папенькиного сынка — типичный для того, кто сам неимущ. Теперь этот фарс. Я содрал значок и сунул ему обратно.

Казалось, мистер Дюбуа удивлен.

— Разве значок не доставил тебе удовольствия?

— Вы прекрасно знаете, что в забеге я был четвертым!

— Точно! Все правильно! Приз за первое место для тебя не имеет никакой стоимости... потому что ты его не заработал. Зато ты можешь полностью наслаждаться сознанием своего настоящего четвертого места. Надеюсь, те, кто еще здесь не спит, оценят маленькую сценку, из которой можно извлечь некоторую мораль.

Я думаю, что поэт, который писал, что самое дорогое в жизни не купишь за деньги, не прав. Вернее, прав не до конца. Самое дорогое в жизни вообще не имеет никакого отношения к деньгам, выше денег. Цена — это агония и пот, кровь и преданность... цена обеспечивается самым дорогим в жизни — самой жизнью — точной мерой абсолютной стоимости.

Я вспомнил все это, пока мы топали к лагерю. Потом мысли оборвались, так как ближе к расположению полка мы перестроились и принялись горланить песни.

Все-таки здорово иметь свой музыкальный ансамбль. Поначалу у нас, естественно, не было никакой музыки, но потом нашлись энтузиасты, начальство их поддержало, выкопали откуда-то кое-какие инструменты и начали нас развлекать в короткие минуты отдыха.

Конечно, в марш-броске об оркестре со всеми инструментами не было и речи. Парни вряд ли могли что взять с собой сверх полного снаряжения, разве совсем маленькие инструменты, которые почти ничего не весили. И Мобильная Пехота такие инструменты нашла (вряд ли бы вы смогли увидеть их где еще). Маленькая коробочка величиной с губную гармошку, электрическое устройство, заменявшее то ли рожок, то ли дудку, и еще подобные приспособления. Когда отдавалась команда петь, музыканты на ходу скидывали поклажу, которую тут же принимали товарищи, и начинали играть.

Это нас сильно выручало.

Наш походный джаз-бэнд постепенно отставал от нас, звуки уже почти не были слышны. Мы стали петь вразнобой, фальшивили и наконец замолчали.

Внезапно я почувствовал, что мне хорошо.

Я постарался понять почему. Потому что через пару часов мы будем в лагере и я смогу написать заявление об увольнении?

Нет. Когда я решил уйти, решение принесло мир в мою душу, облегчило мучения и дало возможность заснуть. Однако сейчас в моей душе возникло что-то, чему я не находил объяснения.

Затем я понял. *Я прошел перевал.*

Я был на перевале, о котором писал полковник Дюбуа. Я только что перешел его и теперь начал спу-

скаться, тихонько напевая. Степь оставалась все той же, плоской, как лепешка, но всю дорогу от лагеря и полдороги назад я шел тяжело, словно взбирался в гору. Потом в какой-то момент — думаю, это произошло, когда я пел, — преодолел верхнюю точку и зашагал вниз. Груз больше не давил на плечи, в сердце не осталось тревоги.

Когда мы вернулись в лагерь, я не пошел к сержанту Зиму. Я уже не чувствовал необходимости. Наоборот, он сам поманил меня.

— Да, сэр?

— У меня к тебе вопрос личного свойства... так что можешь не отвечать, если не хочешь.

Он замолчал, а я подумал, что это новое вступление к очередной проработке, и напрягся.

— Ты получил сегодня письмо, — начал он. — Совершенно случайно я заметил, хотя это совсем не мое дело, имя на обратном адресе. Имя довольно распространенное, но... как я уже говорил, ты можешь и не отвечать... но все-таки... не может ли случайно быть так, что у автора этого письма не хватает левой ладони?

Я почувствовал, как мое лицо вытянулось.

— Откуда вы знаете?.. Сэр.

— Я был рядом, когда это произошло. Полковник Дюбуа? Правильно?

— Да, сэр. Он преподает у нас в школе историю и нравственную философию.

Думаю, единственный раз я смог поразить сержанта Зима. Его брови, словно против его воли, полезли вверх, глаза расширились.

— Ах вот как? Тебе невероятно повезло. — Он помолчал. — Когда будешь писать ответ — если ты, конечно, не против, — передай ему от меня поклон.

— Да, сэр. Он вам также передал привет.

— Что?

— Э-э... я не уверен. — Я вынул письмо и прочел: — «...если тебе случится встретиться с кем-нибудь из моих старых друзей, передай горячий им привет». Это ведь и вам, сэр?

Зим задумался, глядя сквозь меня.

— А? Да, конечно. Мне среди прочих. Большое спасибо...

Но вдруг он изменился, даже голос стал другим:

— До смотра осталось девять минут. А тебе еще надо принять душ и переодеться. Поворачивайся, солдат!

7

Один новобранец был таким глупым, что хотел наложить на себя руки. Ему казалось, что он все потерял и ничего не приобрел взамен. Но день сменился другим, а ему никто не делал поблажек. И вдруг сам по себе он стал чувствовать себя лучше...

Редьярд Киплинг

Я не собираюсь много распространяться о своей подготовке. В основном она состояла из простой рутинной работы. Но она перестала меня угнетать, так что и рассказывать о ней особенно нечего.

Единственное, о чем хотелось бы упомянуть, — это наши скафандры: отчасти из-за того, что я тогда был просто очарован ими, отчасти из-за того, что благодаря им попал в беду. Говорю об этом без всяких жалоб — получил то, что заслуживал.

Солдат Мобильной Пехоты связан со своим скафандром примерно так же, как человек из К-9 со своим партнером-псом. Именно благодаря бронескафандрам (а также звездным кораблям, которые доставляют нас в нужное место Вселенной, и капсулам, в которых мы десантируемся) мы и зовем себя Мобильной Пехотой, а не просто пехотой. Скафандр дарит нам острое зрение и острый слух, крепкую спину (чтобы нести тяжелое вооружение и броню) и быстрые ноги. Он даже прибавляет ума («ума» в военном смысле слова), а также снабжает нас значительной огневой мощью, стойкой защитой.

Наш скафандр отличается от скафандра космического, хотя и способен выполнять его функции. С другой

стороны, это не только доспехи. Это и не танк, однако рядовой Мобильной Пехоты вполне может справиться с подразделением таких штуковин, если, конечно, какой-нибудь глупец догадается выпустить танки против Мобильной Пехоты. Скафандр — не космический корабль, но может летать.

Однако ни космические, ни воздушные боевые аппараты не могут вести эффективную борьбу против человека в скафандре, разве что устроят массированную бомбардировку того района, где этот человек находится (все равно что сжечь дом, чтобы уничтожить муху). Мы же способны проделать множество вещей, на которые звездные и воздушные корабли не способны.

Существует дюжина различных способов проведения массированного уничтожения с помощью кораблей и ракет различных видов, катастроф такого масштаба, что войну можно считать законченной, так как целый народ или целая планета просто перестает существовать. Мы привносим в боевые действия избирательность, делаем войну таким же личным делом, как удар по носу. Мы можем действовать избирательно, создавая давление в определенной точке и на определенное время. На моей памяти Мобильная Пехота никогда не получала приказа спуститься и уничтожить (или захватить) всех хромых и рыжеволосых, проживающих в установленном районе. Однако если нам скажут, мы сделаем. Ей-богу!

Что ж, мы простые ребята, которые спускаются с неба в назначенный час, в назначенное место, закрепляются, выковыривают противника из нор, заставляют идти туда-то и туда-то, окружают или уничтожают его. Мы пехота, а она не чуждается крови и идет прямо туда, где враг, и сталкивается с ним нос к носу. Мы делаем это — меняются времена, меняется оружие, но суть нашей профессии остается неизменной, такой же, как тысячи лет назад, когда вооруженные мечами орды неслись за своим вождем с диким боевым кличем.

Быть может, в один прекрасный день смогут обойтись без нас. Быть может, когда-нибудь полусумасшедший гений изобретет новое оружие, робота, способного залезть в нору, в которой скрывается противник, и вытащить его наружу. Да при этом сохранить своих,

которых противник, например, в качестве заложников держит в той же дыре. Трудно говорить о том, что будет. Я ведь не гений, а пехотинец. Пока машина не изобретена, и ребята делают свою работу. А мой долг быть с ними.

А пока мы нужны, пока без нас не обойтись, множество ученых и инженеров сидят и думают, как нам помочь. В результате появляется такая вещь, как скафандр.

Нет нужды объяснять, как выглядят наши доспехи, поскольку их изображениями полны журналы, газеты и книги. Если коротко, то в скафандре ты похож на здоровенную стальную гориллу, вооруженную соответствующим по величине оружием. (Может быть, поэтому сержант частенько называет нас «обезьянами»? Однако сдается мне, что при Юлии Цезаре сержанты выражались точно так же.)

Но скафандр значительно мощнее любой гориллы. Если мобильный пехотинец в скафандре обнимет гориллу, она тут же испустит дух — ее просто расплющит. На скафандре же и следов не останется.

«Мышцы», псевдомускулатура, вызывают у непосвященных неизменное восхищение. Однако на самом деле весь фокус в системе контроля мускулатуры. Гениальность изобретения состоит в том, что контроль вообще не нужен. Десантник просто носит скафандр как костюм, «как кожу». Для того чтобы управлять кораблем, нужно выучиться на пилота. Это требует времени, к тому же нужно обладать безукоризненной физической подготовкой, рефлексами, особым способом мышления. Даже езда на велосипеде требует определенной подготовки, ездить на велосипеде — совсем не то, что ходить на своих двоих. А пилотирование звездных кораблей вообще недоступно моему пониманию. Помоему, это дело акробатов, обладающих математическим мышлением!

А скафандр можно просто *носить*.

Две тысячи фунтов в полном снаряжении. Но стоит только в него влезть — и уже умеешь ходить, бегать, прыгать на невероятную высоту, припадать к земле, брать куриное яйцо, оставляя его целым (для этого,

правда, нужна небольшая практика), танцевать джигу (если умеешь танцевать ее без скафандра).

Весь секрет заключается в отрицательной обратной связи и эффекте усиления.

Не просите, чтобы я дал полное описание устройства скафандра. Я не в состоянии. Но ведь самые талантливые скрипачи не берутся смастерить самую простую скрипку. Я могу содержать скафандр в полной готовности, делать ремонт в полевых условиях — вот и все, что требуется обычно от пехотинца. Если же скафандру становится по-настоящему худо, я вызываю доктора: доктора наук (электромеханическая инженерия), который является инженером Флота, как правило лейтенантом. Такие офицеры прикомандированы к кораблям, а иногда к штабу полка того или иного лагеря, вроде лагеря Курье.

Но в общих чертах я могу рассказать, как действует скафандр. Внутри доспехов находятся сотни рецепторов, реагирующих на давление. Ты двигаешь рукой, возникает давление на рецепторы. Скафандр чувствует его, усиливает и двигается вместе с твоей рукой, чтобы снять давление с отдавших приказ рецепторов.

Скафандр запрограммирован на такую обратную связь и не только точно повторяет каждое твое движение, но и значительно усиливает его.

Однако сила его «мышц» контролируется. Самое главное, что при этом совершенно не приходится заботиться об этом контроле. Ты прыгаешь, прыгает и скафандр — конечно, гораздо выше, чем ты прыгнул бы без него: в момент прыжка включаются реактивные двигатели, многократно усиливающие импульс, полученный от «ножных мышц» скафандра. Этот мощный дополнительный толчок придается по линии, проходящей через твой центр тяжести. И таким образом ты спокойно перепрыгиваешь через стоящий рядом дом. Потом наступает следующая фаза: ты начинаешь опускаться так же быстро, как и подпрыгнул. Скафандр ловит начало этой фазы и обрабатывает ее характеристики с помощью специального «аппарата приближения» (что-то вроде самого простого радара). Тут опять включаются реактивные двигатели на необходимое время — и

ты мягко опускаешься, даже не успев подумать, как бы тебе это лучше сделать.

В этом и состоит чудо бронескафандра: о нем не нужно думать. Не нужно управлять им, направлять, исправлять его ошибки — ты носишь и носишь его. При этом твой мозг всегда свободен — можно заниматься оружием и контролировать обстановку. Последнее особенно важно для мобильного пехотинца, который мечтает умереть в своей постели. Только нужно представить, что приземляешься после прыжка, а твой взгляд прикован к дисплеям датчиков, на показания которых ты должен каждую секунду реагировать. В такой ситуации достаточно, если внизу будет поджидать абориген с каменным топором — все равно твоя песенка спета.

Искусственные «глаза» и «уши» тоже сконструированы так, чтобы помогать, не отвлекая внимания. Четко налаживается связь с товарищами и командованием. Кроме того, в шлем вмонтирована специальная акустическая система, воссоздающая полную звуковую картину окружающего мира. Если снаружи слишком шумно, эта система даст лишние децибелы.

Поскольку голова — единственная часть тела, не связанная с рецепторами давления, постольку ты используешь голову (челюсти, щеки, шею) для управления акустической и видеоаппаратурой, а руки твои целиком свободны для боя. К щекам прилегает датчик управления искусственным зрением, а к скулам — искусственным слухом. Все дисплеи вынесены на переднюю внутреннюю стенку шлема — прямо надо лбом и по бокам. расположение очень удобное, и со временем начинаешь моментально схватывать показания всех датчиков.

Когда находишься в воздухе, летишь, наклоня голову, на внешней поверхности шлема, на лобовой части, автоматически выдвигаются аппараты инфравидения. (Потом они так же автоматически убираются.) Когда после выстрела тебе больше не нужна пусковая ракетная установка, скафандр сам убирает ее в специальное гнездо до тех пор, пока не понадобится. Подобные вещи можно перечислять долго. Сюда входит и снабжение питьевой водой, воздухом, автоматические гидро-

скопы для поддержания равновесия и так далее и тому подобное. Цель этих устройств одна и та же: освободить десантника от посторонних забот для выполнения главной боевой задачи.

Конечно, управление всей аппаратурой скафандра требует известных навыков, и нас долгое время натаскивали до полного автоматизма движений в скафандре. Особой подготовки требовали прыжки, ведь хоть ты и подпрыгиваешь как будто естественным движением, но поднимаешься гораздо быстрее и остаешься в воздухе гораздо дольше, чем при обычном прыжке. Чего стоит, например, умение быстрой ориентации, пока ты на какие-то мгновения зависаешь в воздухе. Каждая секунда в бою — это драгоценность, не имеющая цены. Подпрыгивая, можно определиться на местности, выбрать цель, связаться с кем-либо из коллег и, получив ответ, выстрелить, перегруппировать свое вооружение, принять решение снова прыгнуть, не приземляясь, и так далее. Если есть навык, можно сделать уйму разных дел во время прыжка.

Но в целом наши доспехи все же не требуют сравнительно сложной подготовки. Скафандр делает все для тебя — точно так же, как делаешь ты, только лучше. Делает все, кроме одного — ты совершенно беспомощен, когда у тебя где-то зачесется. Если когда-нибудь мне покажут и преподнесут скафандр, который будет чесать мне между лопатками, ей-богу, я на нем женюсь.

Существует три основных типа скафандров Мобильной Пехоты: обычный, командный и разведывательный. Скафандр разведчиков обладает очень большой скоростью, дальностью полета и сравнительно скромным вооружением. Командирский скафандр начинен большим запасом горючего, обладает значительной скоростью и высотой прыжка. В нем втрое больше, чем обычно, всякой электроники, радаров и прочих устройств. Обычный же скафандр предназначен для ребят, стоящих в строю с сонным выражением лица, — то есть для нас, исполнителей.

Я уже говорил, что влюбился в свои рыцарские доспехи. Хотя при первом же знакомстве повредил себе плечо. Всякий раз, когда моей группе назначались

занятия со скафандром, я ликовал. В тот день, когда мне, как командиру группы новобранцев, присвоили те самые псевдокапральские шевроны, я должен был совершить тренировочный полет в скафандре с двумя ракетами класса А (конечно, холостыми). Задача — использовать ракеты против предполагаемого противника в учебном бою. Беда, как всегда, заключалась в том, что все было ненастоящим, а от нас требовали реальных боевых действий.

Мы отступали или, как у нас выражаются, «продвигались» вперед по направлению к тылу. В этот момент один из инструкторов с помощью радио отключил подачу энергии в скафандре у одного из моих ребят. Естественно, тот оказался в совершенно беспомощном положении. Я тут же приказал двум парням подобрать его и страшно гордился, что спас своего человека до того, как он вышел из игры. Затем обратился к другой своей задаче — нанесению ракетного и бомбового удара по противнику, который вроде вот-вот мог нас накрыть.

Наш фланг продвигался на средней скорости. Нужно было направить ракету так, чтобы ни в коем случае не пострадал никто из наших, но в то же время поразить врага. И все надо было сделать, как всегда, очень быстро. Подобные маневры несколько раз оговаривались перед учениями. Единственная случайность, которая допускалась, — это легкие поломки, создаваемые самими инструкторами.

Концепция боя предписывала установление предельно точного направления удара — по радарному сигналу. Для этого нужно было засечь по радару расположение всех моих людей. Но действовать нужно было очень быстро, а я еще не слишком хорошо разбирался в показаниях дисплеев и датчиков, расположенных перед моими глазами. Поэтому, шевельнув головой, я отключил аппаратуру и поднял фильтры, чтобы осмотреть местность своими глазами. Вокруг расстилалась залитая солнцем прерия. Но, черт побери, я ничего толком не мог разглядеть — только одна фигура маячила невдалеке от линии предполагаемого удара. Я знал, что моя ракета способна выдать лишь грандиозное облако дыма и ничего больше. Поэтому прицелился на глазок, навел пусковую установку и пальнул.

Убираясь с места выстрела, я чувствовал удовлетворение: ни одной секунды не было потеряно.

Но прямо в воздухе система энергоснабжения моего скафандра отказала. Падать совсем не больно: система отключается постепенно, так что приземлился я благополучно. Но, приземлившись, застыл, как куча металлолома, двинуться не было никакой возможности. В этой ситуации поневоле быстро успокаиваешься и прекращаешь даже попытки пошевелиться — ведь вокруг тебя никак не меньше тонны мертвого металла.

Ругаться я все-таки мог и проклинал себя на все лады. И не только себя. Вот уж не думал, что они устроят мне аварию, когда я так хорошо руковожу группой и решаю на ходу все сложные боевые задачи.

Мне следовало знать, что командиров групп Зим контролирует сам. Он почти примчался ко мне — наверное, специально, чтобы поговорить со мной с глазу на глаз. Начал с предположения, что неплохо бы мне заняться мытьем грязных полов, потому что ввиду моей тупости, бездарности и прочих неизлечимых пороков мне нельзя доверить другую, более тонкую работу — к примеру, разносить тарелки в столовой. Он кратко охарактеризовал мою прежнюю жизнь, коснулся будущего и сказал еще несколько слов, о которых мне не хотелось бы вспоминать. В заключение он ровным голосом произнес:

— Как бы ты себя чувствовал, если бы полковник Дюбуа увидел, что ты здесь натворил?

После этого сержант Зим покинул место моего приземления. Я проторчал там без движения еще два часа, напоминая страшное чугунное идолище, поставленное в степи языческим племенем. Наконец учения закончились. Зим вернулся, восстановил систему энергоснабжения, и мы на полной скорости помчались в штаб.

Капитан Франкель говорил мало, но весомо.

Потом он помолчал и добавил казенным, лишенным интонаций голосом:

— Если считаешь, что не виноват, можешь потребовать трибунала. Так что?

Я сглотнул и пробормотал:

— Нет, сэр.

До этой минуты я все еще не понимал, в какой оборот умудрился попасть.

Было видно, что капитан слегка расслабился.

— Что ж, тогда посмотрим, что скажет командир полка. Сержант, отведите заключенного.

Быстрым шагом мы отправились к штабу полка, и я впервые встретился с нашим командиром полка лицом к лицу. Сначала был уверен, что он подробно рассмотрит дело, но, припомнив, как Тэд сам втянул себя в судебную мясорубку, решил молчать.

Майор Мэллоу в общей сложности сказал мне ровно пять слов. Выслушав сержанта Зима, он произнес первые три:

— Все это правда?

Я сказал:

— Да, сэр. — И этим моя роль завершилась.

Тогда майор Мэллоу повернулся к капитану Франкелю:

— Есть ли хоть один шанс, что из этого человека что-нибудь получится?

— Мне кажется, да, — ответил капитан Франкель.

— Тогда мы ограничимся административным наказанием. — Тут майор Мэллоу повернулся ко мне и произнес оставшиеся два слова: — Пять ударов.

Все происходило так быстро, что я не успел очухаться. Доктор дал заключение, что сердце у меня работает нормально, потом сержант и охрана надели на меня специальную рубашку, снять которую можно, не расстегивая пуговиц. Полк как раз приготовился к смотру, прозвучал сигнал. Казалось, все это происходит не со мной, все нереально... Это, как я узнал позже, первый признак сильного испуга или нервного потрясения. Галлюцинация, ночной кошмар.

Зим вошел в палатку охраны сразу после сигнала. Он взглянул на начальника охраны, и тот исчез. Зим шагнул ко мне и сунул что-то в мою руку.

— Возьми, — сказал он. — Поможет. Я знаю.

Это была резиновая прокладка, наподобие тех, что мы зажимали в зубах, когда занимались рукопашным боем. Чтобы не пострадали зубы. Зим вышел. Я сунул прокладку в рот. Потом на меня надели наручники и вывели из палатки.

Потом читали приказ: «В учебном бою проявил полную безответственность, которая в реальных боевых действиях повлекла бы за собой неминуемую гибель товарищей». Потом сорвали рубашку и, подняв руки, привязали их в столбу.

И тогда случилась странная вещь: оказалось, что легче переносить, когда бьют тебя самого, чем смотреть, как секут другого. Я вовсе не хочу сказать, что это было приятно. Как раз страшно больно. И паузы между ударами не менее мучительны, чем сами удары. Но прокладка действительно помогла, и мой единственный стон после третьего удара никто не услышал.

И еще одна странность: никто никогда не напоминал мне о том, что случилось. Как я ни приглядывался, но Зим и другие инструкторы обращались со мной точно так же, как всегда. Доктор смазал чем-то следы на спине, сказал, чтобы я возвращался к своим обязанностям — и на этом все было кончено. Я даже умудрился что-то съесть за ужином в тот вечер и притворился, что участвую в обычной болтовне за столом.

Оказалось, что административное наказание вовсе не становится черным пятном в твоей карьере. Запись о нем уничтожается, когда заканчивается подготовка, и ты начинаешь службу наравне со всеми чистеньким. Но главная метка остается не в досье.

Ты никогда не сможешь забыть наказания.

8

У нас нет места тем, кто привык проигрывать. Нам нужны крепкие ребята, которые идут, куда им укажут, и всегда побеждают.

Адмирал Джон Ингрэм, 1926 г.

Когда мы сделали все, что могли, на равнине, нас перевели в горный район Канады для более жестких тренировок. Лагерь имени сержанта Смита очень походил на лагерь Курье, только был гораздо меньше. Но и

Третий полк теперь поредел: в самом начале нас было более двух тысяч, а теперь осталось менее четырехсот. Рота Эйч уже имела структуру взвода, а батальон на смотре выглядел как рота. Тем не менее мы до сих пор назывались «рота Эйч», а Зим — командиром роты.

На деле уменьшение состава означало более интенсивную тренировку. Казалось, что инструкторов-капранов стало больше, чем нас самих. Сержант Зим, у которого голова теперь болела не за две сотни «сорвиголов», как было вначале, а только за пятьдесят, мог постоянно следить недреманным оком за каждым из нас. Иногда даже казалось, что он рядом, когда ты точно уверен, что его нет. Так и выходило: стоило сделать что-то не так, Зим, откуда ни возьмись, вырастал у тебя за спиной.

В то же время проработки, которые время от времени выпадали на нашу долю, становились более дружественными. Хотя, с другой стороны, любой выговор казался более унижительным — мы тоже менялись. Из всего первоначального набора остался только каждый пятый, и этот каждый пятый был уже почти солдатом. Зим, похоже, вознамерился довести каждого до кондиции, а не отправлять домой.

Мы стали чаще видеться и с капитаном Франкелем, он больше времени теперь проводил с нами, а не за столом в кабинете. Он уже знал всех по именам и в лицо и, судя по всему, завел в голове досье на каждого, где точно фиксировал наши промахи и удачи, кто как обращается с тем или иным видом вооружения, кто болел, кто получил наряд вне очереди, а кто давно не получает писем.

Он не был таким жестким, как Зим, не повышал тона, не говорил обидных слов, чаще улыбался. Но за мягкой улыбкой скрывался стальной характер. Я никогда не пытался вычислить, кто из них двоих более соответствует идеалу солдата — Зим или Франкель. Безусловно, они оба как личности были гораздо ближе к такому идеалу, чем любой другой инструктор лагеря. Но кто из них лучше? Зим делал все с подчеркнутой точностью, даже с некоторым изяществом, как на параде. Франкель же проделывал то же самое, но в каком-то порыве, «с брызгами» — как будто играл в игру.

Результаты были те же, но никто, кроме капитана, не мог представить исполнение поставленной задачи легким, чуть ли не пустяковым делом.

Оказалось, что «избыток инструкторов» нам просто необходим. Я уже говорил, что осваивать скафандр было не так уж трудно. Но это на равнине. Конечно, доспехи исправно работали и в горах, но другое дело, когда нужно прыгать между двумя отвесными гранитными стенами, вокруг торчат обломки острых скал, а ты обязан менять в воздухе режим прыжка. У нас было три несчастных случая: двое парней умерли, одного отправили в больницу.

Но без скафандра скалы были едва ли менее опасными: на нашем участке часто попадались змеи. Из нас же упорно пытались сделать заправских альпинистов. Я не мог понять, какой прок десантнику от альпенштока, но уже давно привык помалкивать и тренироваться изо всех сил. Мы освоили и это ремесло, и оно, в результате, оказалось не таким уж сложным. Если бы год назад кто сказал мне, что я запросто смогу влезть на отвесную гладкую скалу, используя лишь молоток, жалкие гвоздики и никчемную веревочку, я рассмеялся бы ему в лицо. Я — человек равнинный. Поправка: я был человеком равнин. С тех пор со мной произошли некоторые изменения.

Я только-только начала понимать, как сильно изменился. В лагере Смита был более свободный режим — нам разрешалось ездить в город. В принципе некоторая «свобода» существовала и в лагере Курье, она означала, что в субботу после обеда, если не было спецнаряда, я мог уходить из лагеря куда заблагорассудится. Но обязательно вернуться к вечерней переключке. Да и какой был смысл в такой прогулке, когда до горизонта тянулась однообразная степь, вокруг ни души, только изредка попадался испуганный заяц — ни девушек, ни театров, ни дансингов, ни прочих увеселений.

Хотя, если честно, свобода в лагере Курье была счастьем. Иногда очень важно иметь возможность уйти куда глаза глядят, чтобы не видеть палаток, сержантов, опостылевших лиц друзей... мгновения, когда не надо постоянно ждать окрика, сигнала тревоги, когда можно прислушаться к своей душе, уйти в себя. Свобода

ценилась тем больше, что тебя могли ее лишить, как и любой другой привилегии. Могли запретить покидать лагерь или даже расположение роты: тогда нельзя было пойти даже в библиотеку или в «палатку отдыха». Запреты могли быть еще строже: выходить из своей палатки только по приказу.

Но в лагере Смита мы могли ходить в город. Челночные ракетные поезда отправлялись в Ванкувер каждое субботнее утро, как раз после нашего завтрака. Вечером таким же поездом возвращались к ужину. Инструкторам разрешалось даже проводить в городе субботнюю ночь или вообще несколько дней, если позволяло расписание занятий.

Именно в тот момент, когда я вышел из поезда на перрон городского вокзала, я начал понимать, как сильно изменился. Джонни больше не вписывался в эту гражданскую жизнь. Она казалась непонятной, сложной и невероятно беспорядочной.

Я не говорю, что мне не понравился Ванкувер. Это очаровательный город, он расположен в прекрасном месте. Люди здесь тоже очень доброжелательные, они привыкли видеть на своих улицах Мобильную Пехоту и относились к нам вполне лояльно. Для нас даже был создан специальный центр отдыха, где каждую неделю устраивались танцы и где бывали девушки, всегда готовые потанцевать.

Но в тот, первый раз, я не пошел в центр отдыха. Почти все время я пробродил по улицам, останавливаясь и подолгу глядя на красивые здания, на витрины, переполненные самыми разными, ненужными, как мне казалось, вещами. Я глазел на прохожих, спешащих и просто гуляющих. Удивительно, но они вели себя по-разному, каждый делал, что хотел, и одевался по-своему. Конечно, я засматривался на девчонок.

В особенности на девчонок. Оказывается, я и не знал, какие они удивительные и какие красивые. Надо сказать, я всегда относился к девчонкам хорошо: с тех самых пор, когда еще мальчишкой понял, что они совсем другие, а не просто носят платья и юбки. Насколько я помню, в моей жизни не было периода, как у многих других мальчишек, когда, заметив эту разницу, они начинали девчонок ненавидеть.

И все же в этот день мне открылось, насколько я их недооценивал.

Девушки прекрасны сами по себе. Удивительно приятно просто так стоять на углу и смотреть, как они проходят мимо. Хотя нет, нельзя сказать, что они ходят, как все. Я не знаю, как объяснить, но их движения — что-то более сложное и волнующее. Они не просто отталкиваются от земли ногами — каждая часть тела движется, и словно в разных направлениях... но так слаженно и грациозно.

Я и два моих приятеля, наверное, простояли бы на улице до вечера, если бы не полисмен. Он посмотрел на нас и сказал:

— Ну что, ребята, обабдели?

Я моментально сосчитал нашивки и значки на его груди и с уважением ответил:

— Да, сэр!

— Тебе не обязательно ко мне так обращаться. По крайней мере здесь. А почему вы не там, где развлекаются?

Он дал нам адрес, объяснил, куда идти, и мы двинулись — Пэт Лэйви, Котенок Смит и я. Он еще крикнул вдогонку:

— Счастливо, ребята... и не ввязывайтесь ни в какие истории.

Он слово в слово повторил то, что сказал нам Зим, когда мы садились в поезд.

Но туда, куда советовал пойти полисмен, мы не пошли. Пэт был родом и Сизтла, и ему хотелось взглянуть на родные места. Деньги у него были, он предложил оплатить проезд тому, кто составит ему компанию. Мне все равно нечего было делать. Поезда в Сизтл отходили каждые двадцать минут, а наши увольнительные не ограничивались Ванкувером. Смит решил ехать с нами.

Сизтл мало чем отличался от Ванкувера, по крайней мере, девчонок там было не меньше. Этот город мне тоже понравился. Но там, похоже, не очень-то привыкли к десанникам. Когда мы зашли пообедать в скромный ресторанчик, особого доброжелательства я не ощутил.

Нужно сказать, что мы не ставили перед собой задачу напиться. Ну, Котенок Смит, быть может, и перебрал пива, но оставался таким же дружелюбным и ласковым, как всегда. Из-за этого он, кстати, и получил свою кличку. Когда у нас начались занятия по рукопашному бою, капрал Джонс презрительно буркнул в его сторону:

— Котенок бы оцарапал меня сильнее!

И готово — кличка приклеилась.

Во всем рестораничке мы были одни в форме. Большинство остальных посетителей составляли матросы с грузовых кораблей. Неудивительно: рестораничек располагался недалеко от порта — одного из самых больших на побережье. В то время я еще не знал, что матросы с грузовых кораблей нас недолюбливали. отчасти, видно, из-за того, что их «гильдия» уже давно безуспешно пыталась приравнять по статусу свою профессию к Федеральной Службе. А может, эта скрытая вражда уходила своими корнями в глубокое, неизвестное нам прошлое.

За стойкой бара сидели пареньки примерно нашего возраста. Длинноволосые, неряшливые и потертые — смотреть было неприятно. Я подумал, что, может быть, сам походил на них до того, как пошел на службу.

Затем я увидел, что двое таких же доходяг с двумя матросами сидят за столом у нас за спиной. Они подвыпили и все громче отпускали замечания, видимо, специально рассчитанные для наших ушей.

Мы молчали. А их шуточки становились все более личными, смех все громче. Остальная публика тоже умолкла, с удовольствием предвкушая скандал. Котенок шепнул мне:

— Пошли отсюда.

Я поймал взгляд Пэта, он кивнул. Счет был уже оплачен, поэтому мы просто встали и вышли.

Но они последовали за нами.

Пэт на ходу бросил:

— Приготовься.

Мы продолжали идти, не оглядываясь.

Они нас догнали.

Я вежливо уступил типу, который бросился на меня, и дал ему упасть, по пути, правда, рубанув его слегка

ребром ладони по шее. Потом я бросился на помощь ребятам. Но все уже было кончено. Все четверо лежали на тротуаре. Котенок обработал двоих, а Пэт вывел из игры четвертого, кажется, слишком сильно послав его навстречу уличному фонарю.

Кто-то, судя по всему, хозяин ближайшего магазина, послал за полицией, которая прибыла очень быстро — мы еще стояли вокруг неподвижных тел, не зная, что с ними делать. Двое полисменов. Наверное, они были рядом, раз примчались так скоро.

Старший пристал к нам, чтобы мы назвали и предъявили документы. Но мы, как могли, увиливали: ведь Зим просил «не ввязываться в истории». Котенок вообще прикинулся дурачком, которому только-только исполнилось пятнадцать. Он все время мямлил:

— Мне кажется, они споткнулись...

— Да, я вижу, — согласился с ним полицейский и вынул нож из руки того, кто лез на меня. — Ладно, ребята, вам лучше удалиться отсюда... Идите.

И мы пошли. Я был доволен, что мы так легко отделались. Вернее, наоборот, что Пэт и Котенок не стали раздувать историю: ведь это довольно серьезное нарушение, когда гражданский нападает, да еще с оружием, на служащего Вооруженных Сил. Но какой смысл судиться с этими парнями? Тем более что справедливость и так восторжествовала. Они полезли и получили свое. Все правильно.

Но все-таки хорошо, что мы не ходили в увольнение с оружием... и были обучены выводить противника из строя, не убивая его. Потому что действовали мы практически бессознательно. Я не верил до конца, что они нападут. Но когда это случилось, действовал не раздумывая — автоматически, что ли. И только когда дело было закончено, посмотрел на все со стороны.

Тогда я до конца осознал, что изменился — и изменился сильно.

Мы не спеша дошли до вокзала и сели на поезд до Ванкувера.

Мы начали отрабатывать технику выбросов сразу же, как переехали в лагерь Смита. Выбросы устраивались по

отрядам, по очереди. Мы загружались в ракету, потом летели неизвестно куда, потом нас сбрасывали, мы выполняли задание и опять по пеленгу собирались в ракету, отправлявшуюся домой. Обычная ежедневная работа. Поскольку в лагере было восемь рот, то для каждого отряда выбросы проходили даже реже чем раз в неделю. Но зато они становились все жестче: выбрасывали в глухую скалистую местность, в арктические льды, в австралийскую пустыню и — перед самым выпуском — на Луну. Последнее испытание было тяжелым. Капсула раскрывалась в ста футах от поверхности Луны, и нужно было приземлиться только за счет скафандра (атмосфера отсутствовала, а значит, отсутствовал и парашют). Неудачное приземление могло привести к утечке воздуха и к гибели.

Новые условия, новые испытания — и новые сложности. Кто-то погиб, кто-то покалечился, кто-то отказался войти в капсулу. Да, было и такое — ребята не могли заставить себя сесть в этот искусственный кокон. Их никто не отчитывал — просто отстраняли от полетов и тренировок и в тот же вечер увольняли. Даже человек, совершивший уже несколько выбросов, мог вдруг запаниковать и отказаться сесть в капсулу... а инструктор был с ним мягок, обращался с ним, как с другом, который тяжело заболел и никогда не выздоровеет.

Со мной, к счастью, ничего подобного не происходило, я не паниковал, садясь в капсулу. Зато узнал, что такое «дрожать, как заяц». Я всегда начинал дрожать перед выбросом, чувствуя себя полным идиотом. И не избавился от этого до сих пор. Но десантник, не испытывавший выброски, — не десантник. Кто-то рассказывал нам историю — может, и выдуманную — о десантнике, который приехал погулять в Париже. В Доме инвалидов он увидел гроб Наполеона и спросил стоящих рядом гвардейцев:

— Кто это?

Французы были возмущены:

— Неужели месье не знает?! Здесь покоятся останки Наполеона! Наполеон Бонапарт — величайший из воителей, когда-либо живших на земле!

Десантник призадумался. Потом спросил:

— Неужели? Тогда скажите мне, куда он выбрасывался?

Почти наверняка эта история выдумана. Не может быть, чтобы там не было таблички, объясняющей, кто такой Наполеон. Зато этот анекдот довольно точно передает, что должен думать о Наполеоне десантник.

Время летело незаметно, и наконец наступил последний день нашей подготовки.

Я вижу, что мало о чем сумел рассказать. Например, об оружии, которым нас учили пользоваться. Или о том, как нас сбросили в горящий лес и мы три дня боролись с пожаром...

Вначале в нашем полку насчитывалось 2009 человек. К выпуску осталось только 187 — из выбывших четырнадцать были мертвы, остальные уволились по собственному желанию или по болезни, перевелись на другую службу.

Майер Мэллоу сказал краткую речь, каждый получил удостоверение, потом мы последний раз прошли строем, и полк был расформирован. Полковое знамя спрятали до тех пор, пока оно снова, через три недели, не понадобится, чтобы превратить разболтанную толпу из двух тысяч гражданских парней в монолитную организацию.

Теперь я считался «рядовым подготовленным», и перед моим личным номером стояли буквы РП. Большой день с моей жизни.

Быть может, даже самый главный.

9

Дерево Свободы должно время от времени омываться кровью патриотов.

Томас Джефферсон, 1787 г.

Я всерьез думал о себе как о «подготовленном солдате», пока не прибыл на корабль...

Но я не успел даже уяснить, как Земная Федерация из «состояния мира» перешла в «состояние готовности»,

а потом и на военное положение. Когда я поступал на службу, считалось, что «царит мир». Все было действительно нормально, и кто мог заподозрить неладное? Еще в лагере Курье объявили о «состоянии готовности», но мы ничего не замечали: гораздо больше каждого из нас волновало, что думает, скажем, о его прическе, внешнем виде, умении драться капрал Бронски. Еще важнее было мнение сержанта Зима. В общем, «состояние готовности» ничем не отличалось от «мира».

«Мир» — ситуация, когда ни один штатский не задумывается, в каком состоянии находится армия, и ему наплевать на вооруженные конфликты, которые не попадают на первые полосы газет. Если, конечно, среди пострадавших нет его родственников. Но вряд ли когда-нибудь в истории Земли «мир» означал отсутствие вообще каких-либо военных столкновений. Когда я прибыл в свое первое подразделение «Дикие кошки Вилли», которое изредка еще называли рота К, Третий полк, Первая дивизия Мобильной Пехоты, когда я погрузился вместе с «кошками» на корабль «Долина Фордж», война уже несколько лет шла полным ходом.

Историки до сих пор спорят, как называть эту войну: Третья Космическая (или Четвертая), а может, Первая Межзвездная. Мы же называли ее просто войной с багами, если вообще задавались целью эту войну как-нибудь называть. Так или иначе, но начало этой войны датируется как раз тем месяцем, когда я погрузился на свой первый корабль. Все, что было до этого и даже несколько позже, характеризовалось не иначе как «инциденты», «патрульные столкновения», «превентивные акции» и тому подобное. Однако парни гибли в этих «инцидентах» точно так же, как и в официально провозглашенной войне.

Если быть точным до конца, то ощущение войны у солдата ненамного шире, чем у обычного штатского: солдат видит ее только на том небольшом участке, на котором находится сам. А когда не участвует в боевых действиях, прикидывает, как получше провести свободное время, увильнуть от недремлющего сержанта или подлизаться к повару и получить сверх нормы что-нибудь «эдакое». К тому времени, когда Котенок Смит, Эл Дженкинс и я оказались на Лунной базе, «Дикие кошки

Вилли» уже участвовали в нескольких выбросах. В отличие от нас они уже были солдатами. Однако никто не проявлял по отношению к нам высокомерия, не пижонил. После привычной строгости инструкторов сержанты и капралы действующей армии казались нам удивительно общительными и простыми.

Потребовалось некоторое время, чтобы понять, что такое отношение объяснялось снисходительностью: мы в их глазах были никем, нас даже ни к чему было отчитывать, пока никто из нас не участвовал в настоящем боевом выбросе. Только тогда станет ясно, сможем или не сможем мы заменить тех, кто в этом выбросе получит свое.

Только теперь я понимаю, каким зеленым тогда был. Наша «Долина Фордж» еще стояла на Луне, я бродил по разным отсекам, привыкая к кораблю. В одном из коридоров столкнулся с командиром нашей группы, одетым по полной форме. В мочку его левого уха была вдета серьга — небольшой, искусно сделанный золотой череп, скопированный, кажется, с древней эмблемы — «Веселого Роджера». Только вместо двух скрещенных костей под черепом была целая вязанка: очень маленькая, едва разглядишь.

Раньше, дома, я всегда носил серьгу или еще какое-нибудь украшение. В лагере обо всех этих безделушках я даже не вспомнил. Но тут вдруг увидел вполне подходящую к нашей форме красивую штуковину, и мне ужасно захотелось такую же. Деньги у меня еще оставались, и я решился:

— Э-э... сержант... Где вы достали такую сережку? Подходящая вещьца...

Он ничем не выдал своего удивления, даже не улыбнулся.

— Тебе нравится?

— Да, очень! — Я тут же подумал, что пара таких сережек будет выглядеть еще лучше, только надо заказать две нормальные кости под черепом вместо этой непонятной груды. — Их можно купить на базе?

— На базе их никогда не продавали. Не думаю, что тебе удастся их достать здесь. Но когда мы прибудем туда, где такие штуки водятся, я тебе непременно сообщу. Обещаю.

— О, спасибо!

— Не за что.

Потом я видел еще у нескольких человек такие же сережки, только с разным количеством костей — у одних меньше, у других больше... Оказалось, что их действительно разрешают носить с формой, по крайней мере в увольнении. Очень скоро и я обзавелся парой этих серег, обнаружив, правда, что цена для такой маленькой золотой вещицы непомерно высока...

Та операция называлась «Дом багов». В книгах по истории ее чаще именуют Первой битвой на Клендату. Операция была проведена вскоре после того, как они уничтожили Буэнос-Айрес. Только смерть огромного города заставила Землю по-настоящему понять, что происходит.

Так уж получается, что большая часть населения, никогда не покидавшая планеты, не верит в существование других миров. Я знаю это по себе, ведь и я совершенно не принимал в расчет существование других миров, пока не пришлось столкнуться с ними нос к носу.

Трагедия с Буэнос-Айресом потрясла человечество, и сразу стали раздаваться крики, что нужно собрать все имеющиеся в наличии силы возле Земли, окружить ее плотным кольцом защиты. Конечно, все это глупость. Войны выигрываются не обороной, а нападением — это азбука. Во время войны не существует Министерства обороны — можете залезть в учебники истории. Но подобная реакция, похоже, типична для людей сугубо гражданских, они сразу требуют себя защитить и при этом желают контролировать ход войны. Хотя, по мне, эта ситуация напоминает панику на борту самолета, когда пассажиры врываются в кабину, начинают теснить пилота и наперебой рвутся к штурвалу — как раз в то время, когда над всеми нависла беда.

Однако моего мнения никто не спрашивал. Мне предписывалось лишь беспрекословно выполнять приказы. Мы разрывались между обязанностью защитить Землю и остальные планеты Федерации и необходимостью вести настоящую войну с багами. Насколько я помню, разрушение Буэнос-Айреса не привлекло особо моего внимания; по крайней мере мы не реагировали на

него так бурно, как жители Земли. В это время наш корабль мчался в двух парсеках от планеты по пространству Черенкова, и сама новость была передана с другого корабля, только когда мы вышли в обычное пространство.

Я подумал только: «Господи, какой ужас!» — и пожалел, что больше никогда не увижу чудесного города, в котором бывал. Но все же Буэнос-Айрес не был моим родным городом, Земля казалась теперь такой далекой, а я таким занятым... Ведь я должен был участвовать в первом нападении на Клендату — планету багов, и операция вот-вот должна была начаться. Поэтому мы неслись на предельной скорости и отключили поле внутренней гравитации на «Долине Фордж», чтобы высвободить побольше энергии для двигателей.

Уничтожение Буэнос-Айреса очень сильно повлияло на всю мою жизнь, но об этом я догадался только месяцы спустя.

Когда подошло время выброса на Клендату, я уже был прикреплен «помощником» к капралу Бамбургеру, который при этом известии все-таки смог сохранить непроницаемое выражение лица. Однако как только сержант, представлявший меня, удалился на достаточное расстояние, он прошипел:

— Послушай, пацан, держись все время меня, но не дай Бог путаться под ногами. Если же ты подставишь мне свою шею, мне придется ее сломать.

Я только кивнул, начиная понимать, что этот выброс будет совсем не похож на учебный. Потом на меня, как всегда, напала дрожь, а потом мы уже были внизу...

Операцию «Дом багов» нужно было назвать «Дом умалишенных». Все шло не так, как планировалось. В результате операции враг должен был пасть на колени, мы — оккупировать их столицу и все остальные ключевые пункты планеты. И все — конец войне. На деле мы не только проиграли битву, но и чуть не провалили войну в целом.

Я не собираюсь критиковать генерала Диенна. Не знаю, правда или нет, что он требовал для операции большей концентрации войск и поддержки, но все-таки уступил Главнокомандующему. В конце концов, не мое дело. Я также сомневаюсь, что даже самые ушные

«специалисты», которые гораздо только после драки кулаками махать, смогут восстановить ход событий и определить что к чему.

Знаю только, что генерал выбросился вместе с нами и командовал прямо там, на планете, а когда нас приперли к стенке, возглавил отвлекающую атаку, и это позволило некоторым из нас (и мне в том числе) убраться живыми. А он остался и получил свое. Остался в радиоактивном хаосе на Клендату, и потому уже слишком поздно вызывать его на трибунал. И значит, нечего об этом и говорить.

Тут, наверное, нужно сделать отступление для тех никогда не вылезавших из кресел стратегов, которые сами ни разу в жизни не участвовали в боевом выбросе. Конечно, планету багов можно было бы забросать водородными бомбами так, чтобы поверхность ее спеклась в сплошной слой радиоактивного стекла. Но выиграла бы мы войну? Баги совсем не такие, как мы.

Их называют псевдоарахнидами, но это все-таки не пауки. Они скорее подобны порождению фантазии сумасшедшего, которому везде мерещатся похожие на гигантских пауков чудовища с интеллектом. Их социальная организация, психология, экономическое устройство напоминают жизнь земных муравьев или термитов. Они — коллективные существа, интересы муравейника прежде всего. При стерилизации поверхности планеты погибнут солдаты и рабочие, но интеллектуальная каста и королевы останутся невредимыми. Я сомневаюсь, что даже прямое попадание кумулятивной водородной ракеты сможет уничтожить королеву: мы не знаем, как глубоко они прячутся. Однако особым любопытством в этом вопросе я не отличаюсь. Ни один из тех, кто попадал в их подземные норы, не вернулся.

Ну вот. Предположим, мы начисто разрушим поверхность Клендату. Но в их распоряжении точно так же, как и у нас, останутся корабли, разные колонии и другие планеты и оружие. Так что, пока они не сдадутся, войну нельзя считать оконченной. У нас не было тогда планетных бомб, которые могли бы расколоть Клендату надвое, как орех. Но если бы они и на это наплевали и не сдались, война бы продолжалась.

Если они вообще могут сдаваться... Например, их солдаты явно на это не способны. Рабочие баги не умеют драться. Можно потратить весь боевой запас, подстреливая одного за другим. Зато их солдаты не сдаются. В то же время вы очень ошибетесь, если решите, что баги — это просто безмозглые насекомые только потому, что они так выглядят и не умеют сдаваться. Их воины сметливы, профессиональны, агрессивны. Они, пожалуй, даже шустрее наших ребят — по крайней мере, в одном, но самом главном вопросе: кто первый. Ты можешь отстрелить ему одну, две, три ноги, но он будет пытаться стрелять. Ты должен поразить его нервный центр, и только тогда все будет кончено... Правда, и тогда он может, дергаясь, ползти вслед за тобой, стреляя в никуда, пока не врежется в стену или другое препятствие.

Тот десант с самого начала превратился в бойню. Пятьдесят наших кораблей участвовало в операции. Предполагалось, что они выйдут из пространства Черенкова скоординированно и выбросят нас так, чтобы мы приземлились соответственно разработанному плану битвы. Все должно было произойти моментально, чтобы баги не успели опомниться. Я думаю, осуществить это было труднее, чем задумать. Черт, теперь я просто уверен в этом. План оказался невыполнимым, а расплачиваться пришлось Мобильной Пехоте.

Нам еще повезло: «Долина Фордж» и все, кто на ней остались, получили свое, когда мы еще не успели приземлиться. «Долина» столкнулась с нашим же кораблем на небольшой скорости, но оба разлетелись вдребезги. Я оказался в числе счастливиц, капсулы которых уже покинули «Долину». Выброс капсул еще продолжался, когда она взорвалась.

Взрыва я не заметил — вокруг меня был кокон, падающий на планету. Командир роты, наверное, знал, что корабль погиб (а с ним и добрая половина «диких кошек»). Он выбросился первым и мог все понять, когда прервался его личный канал связи с капитаном корабля. Но обратиться к командиру возможности не представилось: из этой битвы он не вернулся. А тогда я только-только начинал понимать, что вместо запланированного боя мы попали в самую настоящую мясорубку.

Следующие восемнадцать часов до сих пор кажутся ночным кошмаром. Я мало что могу рассказать, потому что помню только обрывки, кадры из фильма ужасов. Я никогда не относился с симпатией к паукам, змеям и прочей нечисти. Обычный домашний паучок, найденный в постели, заставлял меня содрогаться от отвращения. Встречи с тарантулом я вообще не мог себе представить. Я, например, никогда не ем крабов и прочих из их семейства. Когда я впервые увидел бага, мне показалось, что сознание отключилось и я уже на том свете. Только несколько мгновений спустя я понял, что убил его, но продолжаю стрелять и никак не могу остановиться. Думаю, это был рабочий: вряд ли я остался бы живым после встречи с солдатом.

Но, несмотря ни на что, мне повезло больше, чем ребятам из К-9. Они выбрасывались на периферии нашей главной цели, и неопсы должны были осуществить тактическую разведку и ориентировать специальные отряды, охранявшие нас с флангов. У псов, естественно, нет никакого оружия, кроме собственных зубов. Предполагалось, что неопес должен слушать, смотреть, вынюхивать и передавать результаты своему партнеру по радио. Все, что есть у пса, — это радио и небольшая бомба, взрывая которую пес уничтожает себя, если смертельно ранен или ситуация безвыходна.

Всем этим несчастным созданиям пришлось использовать взрывные устройства. Как потом оказалось, подавляющее большинство их покончило с собой при первом же контакте с багами. Думаю, они испытали те же чувства, что и я, только гораздо острее. Сейчас, кажется, уже есть специально обученные неопсы, которые не испытывают шока от запаха и вида багов. Но тогда таких не было.

Я рассказал лишь о частице всеобщего хаоса. Все пошло у нас кувырком. Я, конечно, не знал общего хода боя, а лишь старался приткнуться поближе к Бамбургеру и стрелял и жег любую движущуюся цель, а также бросал гранаты в каждую уходящую под землю нору. Это сейчас я могу убить бага без особой траты боеприпасов и горючего. Хотя личное вооружение у них и не такое мощное, как у нас, но убивает не хуже нашего. Вспышка направленного излучения — и ты варишься в

скафандре, как яйцо в скорлупе. Координация в бою у них даже лучше, чем у нас... мозг, который руководит их солдатами, прячется в недоступном месте, в какой-то из этих проклятых нор...

Нам с Бамбургером довольно долго везло. Мы держали площадь примерно в один квадратный километр, бросая бомбы в уходящие под землю туннели, стреляя в каждую непонятную цель, появляющуюся на поверхности. При этом мы, как могли, берегли горючее в двигателях скафандра, зная, что оно может очень пригодиться. Вообще-то по плану боя мы обеспечивали беспрепятственное прибытие второго эшелона нападения с более тяжелым вооружением. Ведь это был не обычный рейд, мы нацеливались на установление полного господства. Захватить планету, остаться на ней, подчинить ее себе.

Но у нас ничего не вышло.

Наша группа действовала вполне нормально. Приземлились мы не туда, куда нужно, а связи с соседними группами не было. Командир отряда и сержант погибли, а переформироваться мы так и не успели. Все же мы быстро установили границу, распределили между собой сектора обстрела — и наш участок был готов для приема свежих подкреплений.

Но подкрепление так и не пришло. Они приземлились как раз туда, где по плану должны были приземлиться мы и, естественно, столкнулись с жестоким сопротивлением. Мы больше никогда их не видели. Мы стояли там, куда нас занесло, периодически отбивали нападения туземных солдат, а боеприпасы между тем подходили к концу, таяло горючее и иссякал запас энергии в скафандрах. Казалось, весь этот ад длится две тысячи лет.

Мы стояли с Бамбургером у здоровенной стены и, надрываясь, орали на группу специального вооружения нашей роты, требуя поддержки. Но тут земля вдруг разошлась, и Бамбургер провалился, а из дыры вылез баг.

Я сжег бага и еще успел схватить капрала за руку и подтянуть его к себе. Потом бросил в дыру гранату, и дырка почти сразу закрылась. Я склонился над Бамбургером. На первый взгляд казалось, что никаких повреж-

дений нет. Сержант отряда может на специальном экране своего скафандра считывать данные о любом десантнике и отсортировывать тех, кому уже ничем не помочь, от тех, кто еще жив и кого нужно подобрать. Но, находясь рядом с человеком, можно сделать то же самое вручную, нажав на кнопку на поясе скафандра.

Бамбургер не отвечал, когда я пытался позвать его. Температура его тела равнялась девяноста девяти градусам. Показатели дыхания, сердцебиения и биотоков мозга на нуле. Безнадёжно, но, может быть, просто сломался его скафандр? По крайней мере, сначала я пытался себя в этом уверить, забыв, что индикатор температуры тоже показывал бы ноль, если бы мертв был только скафандр. Но я сорвал с пояса специальный ключ и стал упрямо раскрывать капральский скафандр, одновременно стараясь держать в поле зрения все, что происходит вокруг.

Вдруг мой шлем взорвался криком, которого я больше никогда не хотел бы услышать:

— Спасайтесь, кто может! Домой! Домой! По любому пеленгу, который только обнаружите. Шесть минут! Спасайте себя и своих товарищей. Домой по любому пеленгу! Спасайтесь, кто...

Я заторопился.

Наконец шлем раскрылся и показалась голова капрала. Мои руки невольно разжались, и я рванул отсюда чуть ли не на полной скорости. В трех последующих выбросах мне пришлось бы в голову взять хоть что-нибудь из его амуниции. Но тогда я был слишком растерян, чтобы соображать. Я просто бросился сломя голову, стараясь поточнее определить пеленг.

Ракета уже ушла. Меня охватило чувство жуткого одиночества, неминуемой гибели. Я снова услышал позывной, но не «Янки Дудль», как полагалось, если бы вызывала «Долина Фордж», а «Ленивый Буш», мелодии которого я тогда еще не знал. Но сомнений не было — это звучал позывной, самый настоящий позывной! Я помчался по пеленгу, тратя последнее горючее, и вполз в шлюпку, когда они уже готовы были нажать кнопку взлета. Спустя мгновение, как показалось мне, я оказался уже на корабле «Вуртрек» и был в таком глубо-

ком шоке, что долго не мог вспомнить свой личный номер.

Я слышал, эту битву называют «стратегической победой» Но я там был и помню, каким ужасом, каким развалом все окончилось.

Через шесть недель (чувствуя себя на шестьдесят лет старше) я был уже на базе Флота на Санкторе. Меня зачислили в команду корабля «Роджер Янг», и я уже доложил сержанту Джелалу. В моем левом ухе болтался золотой череп, а под ним одна золотая кость. Эл Дженкинс был со мной и носил точно такую же сережку. Котенок погиб, даже не успев выброситься из «Долины Фордж». Немногие оставшиеся в живых «дикие кошки» были разбросаны по кораблям Флота. Чуть ли не половина нашего состава погибла только от столкновения «Долины» с «Ипром». Восемьдесят процентов тех, кто выбросился, погибли на планете. Командование решило, что нет смысла восстанавливать роту на основе жалких остатков. Поэтому ее расформировали, бумаги сдали в архив и стали ждать, когда душевные раны затянутся и можно будет возродить роту К с новым составом, но старыми традициями.

Кроме того, на других кораблях оказалось множество вакантных мест.

Сержант Джелал тепло приветствовал нас, сказав, что мы присоединяемся к знаменитому подразделению, «лучшему на Флоте», и что корабль не уступает ему по своим достоинствам. Черепов в ухе он словно и не заметил. В тот же день он повел нас к лейтенанту, который оказался человеком с удивительно обаятельной улыбкой. Он разговаривал с нами, как хороший отец разговаривает с послушными детьми. Я заметил, что Эл свою сережку из уха успел вынуть. То же самое сделал и я, увидев, что никто из «Сорвиголов Расжака» подобными побрякушками не балуется.

Позже я понял, почему они не пользовались символикой. Им было неважно, сколько боевых выбросов ты сделал, где, с кем и когда. Просто ты или был «сорвиголовой», или не был. Если нет, ты их абсолютно не интересовал. Поскольку мы пришли к ним не новобранцами, а обстрелянными десантниками, они приняли нас уважительно, но с тем легким, едва заметным отчужде-

нием, которое неизбежно, когда хозяин встречает гостя, не входящего в круг родных и близких.

Но когда мы через неделю вместе совершили боевой выброс, вопрос о нашей «прописке» был решен. Мы сразу стали полноправными «сорвиголовами», членами семьи, которых можно звать уменьшительными именами, отчитывать по любому поводу, зная, что никакая ругань не помешает всем нам остаться кровными братьями. Теперь они могли свободно занимать у нас деньги, одалживать нам, обсуждать любые вопросы, спорить, позволяя нам свободно высказывать свое, часто глупое и наивное, мнение, и тут же разбивать наши доводы так, что у нас начинали гореть уши. Мы, в свою очередь, тоже получили право называть всех, даже малознакомых, по кличкам и уменьшительным именам. Исключение составляли редкие, сугубо служебные ситуации.

Только лейтенант всегда оставался просто лейтенантом. Никогда мистер Расжак или хотя бы лейтенант Расжак. Просто лейтенант и всегда в третьем лице. Нет бога, кроме лейтенанта, и сержант Джелал пророк его. Когда Джелал говорил «нет» от себя лично, с ним еще могли поспорить, по крайней мере сержанты. Но если он произносил: «Лейтенанту это не понравится», — вопрос больше не обсуждался. Никто и не старался проверить, понравится это лейтенанту или нет. Слово было сказано, и на этом все споры кончались.

Лейтенант был для нас отцом, он любил каждого из нас и каждого старался чем-нибудь порадовать. Но в то же время он никогда не держался с нами на равных — во всяком случае на корабле. В бою что-то неуловимо менялось. Невозможно представить, чтобы один офицер мог заботиться о каждом члене отряда, разбросанного по планете на сотни квадратных километров. Но он мог. Он действительно беспокоился о каждом из нас. Как лейтенанту удавалось держать всех нас в поле зрения, я просто не представляю, но в гуще боя, в самой жуткой неразберихе по командирскому каналу связи вдруг раздавался его голос:

— Джонсон! Посмотри за шестой группой! Смит в беде!

И самое интересное, он понимал это раньше, чем сам Смит, который еще только начинал подозревать, что попал в переделку.

Кроме того, можно было быть абсолютно уверенным, что, пока ты жив, лейтенант не зайдет без тебя в спасательную шлюпку. Естественно, некоторые ребята попадали в плен к багам, но из «сорвиголов» в плену не был никто.

Если лейтенант был нам отцом, то Джелал — матерью. Он всегда был рядом, помогал, но не баловал. И никогда не докладывал о наших проступках лейтенанту. У «сорвиголов» никогда не было трибуналов и тем более публичных экзекуций. Джелли даже наряды вне очереди раздавал нечасто: он находил другие пути воспитания. Мог, например, осмотреть тебя с ног до головы на дневной поверке и дружелюбно заметить:

— Что ж, во Флоте ты, наверное, будешь смотреться неплохо. Может, хочешь перевестись?

Такая фраза сразу оказывала надлежащее действие. В нашем неписаном кодексе чести считалось, что флотские привыкли спать в униформах, а воротнички они вообще меняют только раз в году.

Джелли сам не занимался рядовыми. Он спрашивал с сержантов и был уверен, что те, в свою очередь, спросят с нас. Командиром моей группы, когда я поступил к ним, был «Красный» Грин. После нескольких боевых выбросов мне понравилось быть «сорвиголовой». Я преисполнился глупой гордостью, стал пижонить и вести себя слегка надменно. И в один прекрасный момент я позволил себе пререкаться с Грином. Он не стал докладывать Джелли, а просто отвел в ванную комнату и устроил мне взбучку «второй степени». Потом мы с ним стали настоящими друзьями. Это он дал мне рекомендацию на повышение.

На самом деле мы не знали, действительно ли команда корабля спит, не раздеваясь. Мы обитали в своих отсеках, флотские — в своих, наверное, потому что, заходя к нам, они все же чувствовали нашу неприязнь или, лучше сказать, пренебрежение, когда мы общались с ними не в служебной обстановке. Может, это и нехорошо, но ведь могут же быть у человека социальные стандарты, предрассудки, наконец?

У лейтенанта был свой кабинет на половине флотских, но мы никогда не ходили туда, разве что при крайней необходимости. Мы сами несли караульную службу на корабле, потому что экипаж «Роджера Янга» был смешанный: многие посты занимали женщины, в том числе пост капитана и других офицеров-пилотов. На корабле существовал специальный женский отсек, возле дверей которого днем и ночью стояли два вооруженных десантника. В боевых кораблях на всех важных пунктах стоят часовые, а эти двери вели, помимо прочего, в головной отсек, где размещалась рубка управления.

Наши офицеры пользовались правом прохода в головные отсеки, все они, включая лейтенанта, обедали там вместе с женским персоналом. Но они никогда особенно не задерживались — ели и тут же возвращались к нам. Возможно, на других кораблях, к примеру на транспортных, водились другие порядки, но на «Роджере» все обстояло именно так. И лейтенант, и капитан Деладрие заботились о надежности «Роджера». И мне кажется, они своего добились.

На караульную службу мы смотрели как на привилегию. Во-первых, это был отдых — стоять, скрестив руки на груди, широко расставив ноги, думать — вроде и не спишь, а вроде что-то снится. Во-вторых, так приятно сознавать, что в любой момент ты можешь увидеть женщину, хотя не имеешь даже права заговорить с ней, кроме как по служебной необходимости. А однажды меня вызвали прямо в рубку капитана. Она взглянула мне в глаза и попросила:

— Отнесите это главному инженеру, пожалуйста.

В мои ежедневные обязанности кроме уборки входило обслуживание электронной аппаратуры под руководством падре Миглаччио, командира первой группы. Я делал почти то же самое, что и в детской лаборатории Карла. Боевые выбросы случались не так уж часто, но на корабле всем хватало работы. Если у человека не было особых талантов, он мог целыми днями убирать в отсеках, мыть переборки — сержант Джелал был просто помешан на чистоте. Мы следовали простому закону Мобильной Пехоты: все идут в бой и все работают в обычные дни. Шеф-поваром, причем очень хорошим, у

нас был Джонсон — сержант из второй группы, большой добродушный парень из Джорджии. У него запросто можно было выманить что-нибудь сверх нормы. Он сам ел в неположенное время и не понимал, почему этого же нельзя делать другим.

Но все же «Роджер Янг» был прежде всего боевым кораблем. Мы совершали боевые выбросы, причем каждый раз разные: принципы нового выброса намеренно отличались от предыдущего, чтобы баги не могли подготовиться к нападению. Однако на стратегические битвы мы больше не замахивались, наш корабль занимался патрулированием, одиночными набегами и рейдами. Секрет в том, что Земная Федерация тогда еще не была готова к крупным сражениям. Амбициозная операция «Дом багов» обошлась слишком дорого, мы потеряли много кораблей, погибло большое число воинов-профессионалов. Требовалось время для того, чтобы собрать новый флот, обучить людей.

Поэтому небольшие быстроходные звездные корабли, и среди них «Роджер Янг», старались быть сразу везде, держать противника в напряжении, нанося удар и тут же удирая. Мы несли потери, и каждый раз, прибывая на Санктор, требовали новых капсул, новых людей. Я продолжал дрожать перед каждым выбросом, хотя по-настоящему боевых операций проводилось не так уж много и на поверхности занятой противником планеты мы находились, как правило, недолго. Зато между выбросами тянулись дни нормальной жизни на корабле и в компании «сорвиголов».

Быть может, это был самый счастливый период в моей жизни (только я, конечно, тогда этого не знал). Жил как все и, как все, радовался, что жив.

Мы были счастливы, пока не погиб наш лейтенант.

Тот период вспоминается как худший в моей жизни. У меня была тяжелая депрессия: моя мама находилась в Буэнос-Айресе, когда баги до основания разрушили его.

Я узнал об этом, когда мы в очередной раз прибыли на Санктор за новыми капсулами. Там нас и догнала почта. Мне вручили письмо от тетки Элеоноры. Судя по всему, она забыла указать, что письмо срочное, и послание шло очень долго. Письмо было коротким и сумбур-

ным. В смерти мамы тетка, кажется, обвиняла меня: то ли я был виноват, потому что служил в армии, но не смог защитить Землю от врагов; то ли мама поехала в Буэнос-Айрес только потому, что меня не было дома. Не знаю. Так или иначе, тетка до всем обвиняла меня.

Я порвал письмо и некоторое время бесцельно бродил по знакомым отсекам корабля. Я был уверен, что погибли и мама, и отец — ведь он никогда не отпускал ее одну путешествовать. Тетка не писала об отце, но она вообще никогда не удостоивала его своим вниманием. Всю душевную привязанность она отдавал сестре. Потом я узнал, что был недалеко от истины: отец хотел ехать с мамой, но задержался из-за срочных дел. Он планировал выехать через день. Но тетка Элеонора ничего мне об этом тогда не писала.

Часа через два меня вызвал лейтенант. Он с необычной мягкостью спросил, не хочу ли я остаться на Санкторе, пока «Роджер Янг» отправится в очередной патрульный рейс. Он сказал, что у меня накопилось довольно много выходных и я могу их использовать. Не знаю, откуда ему стало известно о моем несчастье. Я отказался и поблагодарил. Мол, спасибо, сэр, но я предпочитаю отдохнуть вместе со всеми ребятами.

Теперь я радуюсь, что поступил именно так. Потому что если бы я остался, то не был бы там, где лейтенант получил свое. И это мучило бы меня потом всю жизнь... А случилось все очень быстро, прямо перед отлетом с планеты противника. Одного из парней в третьей группе ранило — не сильно, но он не мог двигаться. Помощник командира группы помчался к нему, но сам был ранен. Лейтенант, конечно, сразу все засек и двинулся к ним: у него были данные, что они оба живы, а значит, он не мог поступить иначе. Лейтенант привел их в чувство и потащил обоих к шлюпке.

Он действительно буквально тащил их последние двадцать футов, а потом впихнул в шлюпку. Все были на борту, щита вокруг шлюпки не оказалось, и в это самое мгновение противник нанес удар. Он умер сразу, в ту же секунду.

Я не упомянул имен тех ребят — рядового и помощника командира группы — не случайно. Лейтенант поспешил бы к любому из нас, и неважно, какое у тебя

было звание. В такие моменты для него не было рядовых, а он переставал быть для нас лейтенантом. Мы это остро почувствовали тогда: от нас ушел глава семьи. Семьи, которой он дал фамилию, отец, без которого мы никогда бы не стали такими, какие мы есть.

После того как погиб лейтенант, капитан Деладрие пригласила сержанта Джелала обедать с ними, то есть с начальниками всех служб корабля. Джелли долго извинялся, но не пошел. Вы когда-нибудь видели вдову с упрямым и твердым характером, которая старается сохранить семью, делая вид, что глава этой семьи просто вышел и скоро должен вернуться? Именно так и вел себя Джелли. Он стал строже, а его обычное «лейтенанту это не понравится» действовало теперь на нас, как удар плетки. Правда, Джелли старался произносить эту фразу как можно реже.

Джелли почти не делал перестановок в отряде. Только помощника командира второго отделения поставил на пост отрядного сержанта, а меня из помощника командира второй группы произвел в капралы, чтобы я мог выполнять обязанности помощника командира отделения. Сам же он, как я уже говорил, вел себя так, словно, как обычно, лишь выполняет приказания отлучившегося лейтенанта.

Может быть, именно это нас и спасало.

10

Мне нечего вам предложить, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота.

У. Черчилль, солдат и государственный деятель XX века

Мы вернулись на корабль из рейда против скиннов — рейда, который оказался последним для Диззи Флореса. Сержант Джелал первый раз командовал нами как командир отряда. Наверное, поэтому один из корабельных артиллеристов, который нас встречал, спросил меня:

— Ну, как все прошло?

— Нормально. Как всегда, — ответил я коротко.

Вполне возможно, что он задал вопрос из дружеских чувств. Но мне было не до разговоров, слишком противоречивые чувства одолевали: тоска по погибшему Диззи, глупая гордость, что мне так хорошо удалось подобрать раненого, и в то же время стыд, что все усилия ни к чему не привели и Диззи никогда больше не будет с нами. Но глубоко шевелилось уже знакомое чувство, которому каждый раз стараешься не дать воли — радость, что снова на корабле, что жив, можешь двигать руками и ногами, что вернулся целым и невредимым. А кроме того, как можно рассказать о десанте человеку, не участвовавшему ни в одном боевом выбросе.

— Да? — отозвался этот парень. — Вы не так уж плохо устроились, ребята. Тридцать дней балдежа, тридцать минут работы.

— Ага, — согласился я и повернулся, чтобы уйти. — Некоторые из нас просто в рубашке родились.

И все же в словах флотского было много правды. Наверное, мы, современные десантники, напоминали летчиков давних войн: долгие, заполненные ежедневным трудом военные будни и всего несколько часов реального боя с врагом в небе. А остальное — обучение, подготовка к вылету, вылет, прилет, отдых, опять подготовка к следующему вылету и учеба, учеба каждый день.

Следующий выброс мы совершили только через три недели — на другую планету, вращающуюся возле другой звезды. Колония багов. Даже пространство Черенкова не делает звезды ближе, чем они есть.

За это время я получил капральские нашивки. Назначение утвердили Джелли и капитан Деладрие. Теоретически я не считался капралом, пока наверху, в штабе, меня не переводили на имеющуюся вакантную должность. Однако всем было ясно, что вакантных мест всегда больше, чем живых людей, готовых их заполнить. Я стал капралом с того момента, как Джелли сказал мне, что я капрал. А все остальное было пустой формальностью.

Но, с другой стороны, этот флотский был неправ, когда говорил о безделье и балдеже. В наши обязанности входили проверка, ремонт и обслуживание пятиде-

сяти трех скафандров, не говоря уже о вооружении и специальной амуниции. От этой работы зависела наша жизнь. Изредка Миглаччио после очередного выброса и проверки разводил руками, показывая, что тому или иному скафандру уже ничем не поможешь. Если Джелли подтверждал его заключение, скафандр передавался корабельному оружейнику лейтенанту Фарлею. Если и он считал, что не хватит средств для починки, с базы запрашивали новый скафандр, который после доставки нужно было приводить из «холодного» состояния в «горячее». Этот процесс отнимал более суток, не говоря уже о том, сколько времени уходило на обкатку скафандра у его хозяина.

Но мы были не прочь и развлечься. Между экипажами кораблей почти все время шли соревнования. У нас, например, был лучший в округе, то есть на расстоянии нескольких кубических световых лет, джаз. А после удивительного спасения, когда нас выручило только исключительное мастерство капитана, наш лучший механик Арчи Кэмпбелл смастерил точную копию «Роджера Янга» и все на ней расписались (Арчи выгравировал подписи на металлопластике модели), а на специальной табличке было выведено: «Первоклассному пилоту Иветте Деладрие с благодарностью от "Сорвиголов Расжака"».

Потом мы пригласили ее к себе на ужин, и все время пока праздновали, играла наша джаз-банда. В конце ужина самый молодой из наших рядовых подарил капитану копию корабля. На глазах Деладрие показались слезы, и она поцеловала счастливого, а потом и Джелли, который так покраснел, что все покатались со смеху.

После того как на моей форме официально стали красоваться капральские нашивки, я понял, что нужно окончательно выяснить отношения с Эйсом. Джелли хотел, чтобы я выполнял обязанности помощника командира отделения, а мне казалось, что это слишком. Когда шагаешь через ступеньку, всегда возникают сложности.

Мне нужно было сначала показать себя командиром группы, а потом уже лезть наверх. Я знал, что Джелли тоже все прекрасно понимает, но его главной заботой

было сохранить иерархию отряда как можно ближе к той, что была при лейтенанте. Поэтому он не тронул никого из командиров отделений и групп.

Мне же предстояло решать свои проблемы. Все три командира групп были капралами, они получили это звание раньше меня, их авторитет был выше. Но если в следующем десанте сержант Джонсон получит свое, мы потеряем не только прекрасного повара, но и командира отделения, а мне придется управлять всем отделением — несколькими группами. В бою, когда я буду отдавать приказы, ни у кого не должно возникать ни тени сомнения. Поэтому все сомнения нужно было развеять сейчас, до того, как прозвучит сигнал к выбросу.

Главная проблема была с Эйсом. Из всех трех командиров отделений он был самым старым, опытным и уважаемым. Если меня примет Эйс, проблем с другими группами не возникнет.

Казалось, отношения у нас неплохие, по крайней мере пока мы находились на борту корабля. В последнем десанте вместе спасали Флореса, и я надеялся, что это должно на него повлиять. Но он оставался по-прежнему подчеркнуто вежливым.

На корабле столкновения между нами не происходило, но ведь и причин для них здесь не было: по своим обязанностям мы не сталкивались, разве что на караульной службе. Но я все же чувствовал: он относился ко мне не так, как к человеку, приказ которого был готов беспрекословно выполнить.

Поэтому однажды, когда наступило время отдыха, я отправился к нему. Он валялся на койке и читал «Космические рейнджеры против Галактики». Неплохая вещь, единственное, что меня в ней удивляло, как может военное подразделение выдерживать столько немислимых приключений и столько развлечений одновременно. Книжку он, конечно, взял в библиотеке корабля.

— Я к тебе пришел, Эйс.

Он поднял глаза:

— Да? Но я сейчас не принимаю. У меня отдых.

— Мне нужно поговорить с тобой сейчас.

— С чего такая спешка? Я хочу дочитать главу.

— Ну потом прочтешь, Эйс. Если тебе не терпится, могу рассказать, чем там дело кончилось.

— Попробуй только, — но он отложил книгу, сел и уставился на меня.

Я помолчал, а потом сказал:

— Эйс, я насчет организации командования в нашем отделении. Ты старше меня, опытнее. Ты должен быть заместителем командира.

— Э, ты опять об этом!

— Ага. Думаю, нам надо вместе пойти к Джонсону и сказать, чтобы он поговорил с Джелли.

— Ты так думаешь?

— Да. Так будет справедливо.

— Неужели? Давай-ка, малыш, я скажу тебе прямо. Я ничего против тебя не имею. Кстати, ты был на высоте, когда нужно было спасти Диззи. Упрекнуть тебя не в чем. Но вот что: если ты хочешь иметь свою группу, достань ее где-нибудь. А на мою нечего глазеть. Хм, мои ребята для тебя даже картошки не почистят.

— Это твое последнее слово?

— Это мое первое, последнее и единственное слово.

Я вздохнул.

— Что ж, я так и думал. Но хотел удостовериться. По крайней мере, теперь все ясно. Но есть еще одно дело. Я сейчас шел и случайно заметил, что в ванной комнате не убрано... я подумал, что, может быть, нам нужно наведаться туда. Так что брось свою книжку... Как говорит Джелли, у сержанта нет часов отдыха.

Какое-то мгновение он сидел не двигаясь. Потом сказал тихо:

— Ты уверен, что это необходимо, малыш? Ведь я уже сказал, что ничего против тебя не имею.

— И все же.

— А ты уверен в своих силах?

— Буду стараться.

— Ладно. Пошли.

Мы пошли в ванную комнату, выгнали оттуда салагу, который собирался было принять душ, и заперли дверь. Эйс сказал:

— Какие ограничения, малыш?

— Э-э... лично я не собираюсь тебя убивать.

— Принято. И давай без сломанных костей и прочей ерунды, которая может помешать участвовать в следующем десанте. Разве случайно что-то произойдет... Подходит?

— Подходит, — согласился я. — Постой-ка, хочу снять рубашку.

— Не хочешь пачкать рубашечку кровью, — он слегка расслабился.

Я начал снимать рубашку, когда он нанес удар, целясь в коленную чашечку. Спокойно, без напряжения, как профессионал.

Но моей ноги там, куда он метил, не оказалось. Новичком я уже не был.

Настоящий бой обычно длится считанные секунды — этого времени вполне достаточно, чтобы убить человека или просто вывести его из строя. Но мы договорились избегать сильнодействующих средств, и это многое меняло. Мы оба были молоды, находились в хорошей форме. Оба прошли соответствующую подготовку и привыкли терпеть боль. Эйс был крупнее, я, пожалуй, чуть быстрее. В таких условиях все дело сводилось, по сути, к ожиданию, кто быстрее устанет, у кого не хватит выносливости. Если, конечно, одному из нас не поможет случай.

Но в нашей схватке места для случайности не оставалось. Мы были профессионалами, а профессионалам свойственна осторожность.

Время то останавливалось и тянулось скучно и утомительно, то несло скачками и наполнялось болью. Подробности борьбы, думаю, описывать незачем — в них мало оригинальности. Кроме того, у меня не было времени для подробных записей.

Потом я лежал на спине, а Эйс поливал мне лицо водой. Он посмотрел на меня, рывком приподнял, поставил на ноги и, прислонив к переборке, сказал:

— Ударь меня!

— А? — мне показалось, что я не расслышал из-за шума в голове.

— Джонни... ударь.

Его лицо плавало в воздухе прямо передо мной. Я постарался сконцентрироваться и ударил, вложив в удар всю оставшуюся силу и вес моего едва стоящего

на ногах тела. Наверное, моего удара хватило бы, чтобы убить комара, у которого были давние нелады со здоровьем. Однако его глаза закрылись, и он шлепнулся на пол, а мне пришлось уцепиться за переборку, чтобы не последовать за ним.

Вскоре он потряс головой и медленно сел.

— О'кей, Джонни, — сказал он, продолжая трести головой. — Считаю, что урок ты мне преподал. Больше никакого занудства от меня не услышишь... и от моих ребят тоже. О'кей?

Я кивнул, и голову мою пронзила боль.

— Руку? — сказал он.

Мы пожали друг другу руки, хотя это тоже оказалось болезненной процедурой.

Наверное, любой другой гражданин Федерации знал тогда о ходе военных действий больше нас, хотя мы и находились в самой их гуще. Это был тот самый период, в который баги с помощью скиннов определили расположение Земли, напали на нее, разрушив Буэнос-Айрес и превратив «патрульные столкновения» в настоящую войну. А мы тогда еще не создали мощную боевую силу, скинны еще не перешли на нашу сторону и не стали нашими союзниками. Более или менее эффективную защиту Земли начали выстраивать, опираясь на Луну, однако по большому счету Земная Федерация тогда проигрывала войну.

Мы тоже находились в неведении. Не знали, например, что используются любые средства для того, чтобы развалить направленный против нас альянс и переманить скиннов на нашу сторону. Кое-какие выводы можно было делать только на основании инструкций, выданных нам перед рейдом, в котором погиб Флорес. Нам приказали не слишком давить на скиннов, разрушать как можно больше строений, но туземцев убивать лишь при крайней необходимости.

Секреты, которых человек не знает, он никогда не сможет выдать, попав в плен. Никакие препараты, пытки, промывания мозгов, бесконечные недосыпания не дадут результатов, если человек ничего не знает. Из этих соображений нам, вероятно, и давали только минимум необходимых сведений.

В далеком прошлом армии сдавались или терпели поражение потому, что их солдаты не знали, за что сражаются и почему. В результате они теряли волю к победе и переставали драться. Но в Мобильной Пехоте такого никогда не происходило каждый из нас с самого начала был добровольцем. Причины могли быть разными, романтическими или прагматическими, но дело обстояло именно так. Все мы дрались только потому, что были Мобильной Пехотой, профессионалами — со своими традициями и кодексом чести. А наш отряд звался «Сорвиголовами Расжака» и считался лучшим во всей пехоте. Мы садились в свои капсулы, потому что Джелли говорил нам: пришло время, пора. И мы спускались вниз и сражались там, как никто, потому что именно это является профессией «Сорвиголов Расжака».

А о том, что мы проигрываем войну, никто из нас действительно не знал.

Баги откладывают яйца. Причем откладывают так много, что делают запасы, а запасные яйца реактивируют по мере надобности. Если же убит один их солдат — или тысяча, или десять тысяч, — то не успеваем мы еще вернуться на базу, а на их место лезет столько же новых. При желании можно представить, как баг-начальник звонит в специальное подземное хранилище и говорит:

— Джо, подогрей, пожалуйста, десять тысяч рядовых и приготовь их к среде. И скажи инженерам, чтобы подготовили инкубаторы Н, О, П, Р. Они, наверное, тоже скоро понадобятся.

Не уверен, что все у них происходит именно так, но от результатов подобной биологической организации никуда не денешься. К тому же не надо думать, что баги действуют только в соответствии с инстинктом, как термиты или муравьи. Их поступки требуют такого же уровня интеллекта, как и наши. Не говоря уже о том, что муравьи никогда бы не смогли построить звездолеты. А в координации действий, как я уже говорил, баги даже нас превосходят. Примерно год обучают рядового землянина драться не просто в одиночку, а в команде, вместе со своими товарищами. У багов солдаты вылупляются из яиц уже готовыми к бою.

Каждый раз, когда мы уничтожали тысячу багов ценой гибели одного десантника, они могли праздновать победу. Нам приходилось на собственной шкуре узнавать, насколько эффективным может быть тоталитарный коммунизм, когда он используется существами, приспособленными к нему эволюцией. Военачальники багов заботились о жизни своих солдат не больше, чем мы о сохранности боеприпасов.

Но трудные уроки войны нас все же многому научили. Из каждого боя выносились крупницы ценного опыта. Этот опыт накапливали, обобщали, чтобы затем в виде инструкций и доктрин распространять его по всему Флоту. Мы научились отличать рабочих от солдат. Если не надо было спешить, мы опознавали бага по форме панциря. Для сложных ситуаций существовало совсем простое правило: если баг бежит на тебя, то это солдат, если пытается скрыться — можно повернуться к нему спиной. Мы даже научились не тратить особо боеприпасы на багов-солдат, разве что только для самозащиты. Теперь нас больше интересовали их норы. Находишь дыру, бросаешь туда сначала специальную газовую бомбу. Бомба тихо взрывается через несколько секунд, выпуская гадкую маслянистую жидкость, которая, в свою очередь, превращается в нервно-паралитический газ, смертельный для багов и безвредный для нас. А так как газ этот тяжелее атмосферы, то сам начинает ползти все дальше в глубь норы. Остается только небольшой гранатой завалить вход в подземный туннель.

Нам, правда, до сих пор неизвестно, достаточно ли глубоко проникает газ для того, чтобы убить их королеву, но то, что баги стали весьма болезненно реагировать на новую тактику — это точно. Разведка через скиннов получала довольно определенные сведения на этот счет. К тому же с помощью нового метода мы успели очистить от багов целую планету — их бывшую колонию Шэол. Хотя и там ни королей, ни представителей касты интеллектуалов мы так и не обнаружили. Наверное, их эвакуировали в первую очередь.

Так или иначе, мы учились и наносили багам все более ощутимые удары. Что касается «сорвиголов», то газовые бомбы были для нас лишь новым видом оружия,

который нужно применять в точном соответствии с инструкцией.

Время от времени мы вынуждены были возвращаться на Санктор за новой партией капсул. Капсулы расходовались очень быстро, и, когда они кончались, волей-неволей приходилось возвращаться на базу, даже если горючего еще хватало на то, чтобы два раза облететь вокруг Галактики. Как раз перед очередным возвращением на базу пришло официальное уведомление, что Джелли утвержден на должность лейтенанта вместо Расжака. Джелли поначалу старался сохранить это в тайне, но капитан Деладрие приказала оповестить весь личный состав и потребовала, чтобы Джелли ел вместе с остальными офицерами. Он подчинился, однако все остальное время проводил с нами.

К тому времени мы уже совершили несколько выбросов во главе с ним и начали постепенно свыкаться с мыслью об отсутствии лейтенанта. Рана еще саднила, но уже начала затягиваться. После назначения Джелала ребята все чаще стали поговаривать о том, чтобы сменить имя и назвать себя по имени командира, как делают все другие десантные части.

Джонсон был самым старшим, его и уполномочили пойти к Джелли. Для моральной поддержки он взял меня.

— Что такое? — зевнул Джелли.

— Гм, сержант... то есть я хотел сказать лейтенант... мы тут подумали...

— Ну, в чем дело?

— Э-э... ребята уже поговорили между собой... в общем, они хотят, чтобы мы назывались «Ягуары Джелли».

— Правда? И сколько ребят высказалось за эту идею?

— Да все говорят, — сказал Джонсон.

— Да? Значит, пятьдесят два за... и один против. Тому, кто против, придется уступить.

Дело было решено, и больше этот вопрос мы не поднимали.

Скоро мы прибыли на Санктор. Я радовался, потому что из-за неполадок псевдогравитационное поле корабля уже два дня было отключено, и главный инженер,

пользуясь случаем, решил провести ремонт. Так что нам устроили невесомость, которую я ненавижу. Нет, я никогда не был настоящим «космическим волком». Мне нравится чувствовать пол под ногами.

На базе нас разместили в казармах и дали всему отряду десять дней отдыха.

Я не знал, где расположен Санктор, какой номер в каталоге у его звезды. Как уже говорилось, чего не знаешь, того не разгласишь. Координаты баз относились к категории «совершенно секретно» и были известны только капитанам кораблей и некоторым пилотам-офицерам. Насколько я знал, каждый из них в соответствии с приказом (подкрепленным гипновнушением) обязан был покончить с собой в случае захвата противником. Понятное дело, мне никогда и не хотелось узнавать эти опасные координаты. Существовала теоретическая возможность того, что база на Луне может быть захвачена противником, а Земля оккупирована, и потому Федерация старалась как можно больше сил держать на Санкторе. Тогда катастрофа с Землей и Луной не означала бы полной капитуляции.

Ну да бог с ними, с координатами. Зато я могу рассказать, что это за планета. Санктор удивительно похож на Землю, только по сравнению с ней он напоминает умственно и физически отсталого ребенка. Ему требуется, к примеру, десять лет, чтобы научиться махать ладошкой в ответ на «до свидания», а уж делать из песка «куличики» он не научится никогда. Санктор похож на нашу Землю, насколько вообще могут быть похожи две планеты. Ученые утверждают, что у них одинаковый возраст и что звезда Санктора ровесница нашего Солнца.

Здесь пышные флора и фауна и такая же, как на Земле, атмосфера. Даже погода почти такая же. Но что уж совсем невероятно — у Санктора такая же крупная Луна, как у Земли.

Но, несмотря на свои прекрасные данные, Санктор дальше старта практически не продвинулся. Дело в том, что там нет условий для мутаций. Вот чем он отличается от Земли — низким уровнем естественной радиации.

Самая высшая форма растительной эволюции здесь — гигантский папоротник. Из животных организмов са-

мый высокоразвитый вид — протонасекомые, которые даже не умеют создавать колонии. На этом жалком фоне переведенные на Санктор земные насекомые и растения расцвели пышным цветом и расплодились, совсем забив местную флору и фауну.

Из-за отсутствия необходимого уровня радиации и как следствие отсутствия мутаций темпы развития жизни на Санкторе равнялись нулю. У жизни почти не было шансов на эволюцию, и ее формы не были приспособлены к борьбе, конкуренции.

Генотип живых существ на протяжении целых эпох практически не изменялся, жизнь не обладала способностью к адаптации, вынужденная год за годом и век за веком разыгрывать одну и ту же партию без всякой надежды на то, что когда-нибудь придут козыри.

Пока все эти доходяги соперничали между собой, все шло нормально. Но когда на Санктор попали формы жизни, являющейся результатом длительного отбора, местные флора и фауна сдали планету без боя. Все, о чем я рассказываю, похоже на школьную лекцию по биологии... Но один из высоколобых, с которым я разговорился на исследовательской станции, задал мне вопрос, до которого я сам никогда бы не додумался:

— А как насчет людей, приехавших колонизировать Санктор?

Он спрашивал не о транзитных пассажирах, вроде меня, а о колонистах, живущих на планете, родивших здесь детей. Как же насчет их потомков? Казалось бы, отсутствие естественной космической радиации не приносит вреда. Наоборот, это даже полезно: здесь почти нет случаев заболеваний лейкемией и раком. Да и с экономической точки зрения сплошной рай: если, например, колонистам приходит в голову засеять поле пшеницей (конечно, завезенной с Земли), то они могут не беспокоиться о вредителях или сорняках. Земная пшеница напрочь вытеснит хилых местных конкурентов.

Но вся штука в том, что потомки колонистов не смогут развиваться как вид «гомо сапиенс», у них не будет шанса на эволюцию. Ученый тип, с которым я разговорился, объяснил, что санкторская раса, конечно, сможет немного улучшиться за счет притока свежей

крови иммигрантов или путем перетасовки уже имеющих генотипов. Но эти факторы дадут очень низкий темп эволюции — гораздо ниже, чем на Земле или на другой планете земного типа.

И что же получится? Неужели они застынут на одном уровне, останутся навсегда такими же, пока вся человеческая раса будет двигаться вперед, изменяться? Неужели жители Санктора со временем станут живыми ископаемыми?

Или же будут заботиться о судьбе своих потомков, устраивая регулярные облучения жителей планеты? Или будут взрывать ядерные заряды, чтобы повысить радиационный уровень на планете (при этом, безусловно, подвергая себя опасности разных заболеваний)?

Мой новый знакомый предрекал, что никто ничего делать не будет. Представители нашей расы, говорил он, слишком эгоистичны и замкнуты на себе, чтобы думать о каких-то там будущих поколениях. А уж о такой вещи, как отсутствие никому не видимой радиации, об этом люди вообще не способны беспокоиться. К тому же опасность грозит колонистам только в далеком будущем. Даже на Земле эволюция происходит так медленно, что развитие новых качеств у человека — дело многих, многих тысячелетий.

Не берусь судить. Да и как, черт побери, я могу решать за других, если не знаю даже, что буду через неделю делать сам. Но в одном я уверен: Санктор уже в недалеком будущем заселят под завязку — или мы, или баги. Или еще кто. Санктор — осуществленная утопия, и если учесть, что в этой части Галактики вообще мало годных для проживания планет, то можно не сомневаться, что данное небесное тело не останется царством папоротников.

А сейчас здесь просто чудесно, многим нашим нравится отдыхать на Санкторе даже больше, чем на Земле. Быть может, мы чувствуем себя несколько свободнее, чем на родимой планете, из-за отношения к нам гражданского населения. Отношение хорошее не только потому, что идет война. Больше половины штатских тут работает на базе или в военной промышленности. Остальные занимаются сельским хозяйством и продают продукты Флоту. Вы можете сказать, что они прямо

заинтересованы в войне, но какая бы ни была причина, к людям в форме здесь отношение особое. Если пехотинец вваливается в какую-нибудь лавчонку, ее хозяин обращается к нему «сэр», и в его голосе слышится подлинное уважение (пусть даже он втайне мечтает продать ему дребедень за баснословные деньги).

Но это только одна из прелестей Санктора. Вторая заключается в том, что половину местного населения составляют... женщины.

Чтобы по-настоящему оценить эту достопримечательность Санктора, вам нужно долгое время колесить по Гадактике, выходя из корабля только в боевой десант. Нужно дойти до того, чтобы как счастья ожидать караульной службы и часами неподвижно стоять у рубки управления, ловя даже слабый намек на женский голос. Может, на более крупных кораблях с этим полегче... я ведь говорю о «Роджере Янге». Удивительно приятно чувствовать, что то, ради чего ты, собственно, и идешь в бой, реально существует, а не является плодом твоего воображения.

Добавлю, что процентов сорок всех санкторских женщин работало в организациях Федеральной Службы. Кто после этого посмеет утверждать, что Санктор — не лучшее место для отдыха Мобильной Пехоты?

А ведь помимо «естественных» преимуществ, немалые усилия прилагаются для того, чтобы ребята в форме на Санкторе не скучали. Иногда кажется, что у большинства санкторцев две работы, и синие круги под глазами говорят о том, что свои ночи они тратят в основном на то, чтобы доставить нам удовольствие. Черчилль-роуд, идущая от базы к городу, сплошь застроена заведениями, специально рассчитанными на то, чтобы безболезненно и незаметно освобождать человека от сбережений, которые на самом деле ему не очень-то и нужны. Сам процесс расставания с деньгами обставлен замечательно — все происходит весело, легко и под соответствующую музыку.

Если же удастся миновать все стоящие вдоль дороги ловушки и капканы и сохранить немножко денег, то уж в городе все равно никуда не деться — столько там способов облегчить бумажник.

И вся планета, и город Эспирито Санто настолько поразили меня и запали в душу, что я стал носиться с идеей остаться здесь после окончания службы. Как и полагается представителю эгоцентричной человеческой расы, я совершенно равнодушно относился к тому, что станет с моими потомками через двадцать пять тысяч лет. Этому профессору с исследовательской станции не удалось меня запутать. По крайней мере, когда я бродил по городу, меня не покидала мысль, что человечество переживает здесь пик своего развития.

Итак, возможностей для активного отдыха было хоть отбавляй. На «Роджере», например, любили вспоминать, как однажды в забегаловке «сорвиголовы» ввязались в дружескую дискуссию с компанией флотских (с другого корабля, разумеется), сидевшей за соседним столом. Дебаты происходили на высоких тонах и в непринужденной обстановке. В определенный момент, правда, стало немного шумно, так что примчавшейся с базы полиции пришлось прервать беседу и немного пострелять в воздух. Неприятных последствий, во всяком случае для нас, не было, кроме необходимости уплатить за сломанную мебель. Комендант базы резонно полагал, что десантникам должна предоставляться определенная степень свободы. Определенная, конечно.

Казармы, в которых мы обитали, были вполне комфортабельными, и кормили там на убой. Никаких правил внутреннего распорядка практически не существовало — можно было вообще туда не приходить. Я, тем не менее, всегда возвращался: казалось глупым тратить на отели, когда в твоём распоряжении уютное чистое жилье и возможность потратить свои деньги с гораздо большим толком.

Мы жили не хуже, чем в отеле. У нас с Эйсом был номер на двоих на «сержантском» этаже. Однажды утром, видимо после ночи активного отдыха, Эйс пытался меня растолкать.

— Подъем, солдат! Нас атакуют баги!

Я сказал ему, что нужно сделать с этими багами.

— Давай, давай, поднимайся, — настаивал он.

— Мне все равно нечего делать. Я пуст, — пробормотал я.

Как раз накануне вечером я познакомился со специалистом по химии (женщиной, естественно, и привлекательной) с исследовательской станции. Они работали вместе с Карлом на Плутоне, и Карл в письме просил ее найти, когда буду на Санкторе. У специалиста была стройная фигура, ослепительно рыжие волосы и весьма дорогостоящие привычки. Несомненно, Карл наговорил ей, что у меня на отдыхе должна быть сумма, слишком обременительная для одного человека. Из чего она уже сама сделала вывод, что всю ночь может купаться в местном шампанском. Я не стал подводить Карла, скрыл, что у меня на руках лишь скромный гонорар десантника, и всю ночь поил ее шампанским. Сам же я пил то, что они здесь называют «ананасовым крюшоном» (хотя даже следов ананаса ни в одном бокале не нашел). В результате после всех хождений по барам я вынужден был идти домой пешком — денег на такси уже не оставалось. Но я был доволен. В конце концов, для чего вообще существуют деньги? Я говорю о деньгах, заработанных на войне с багами, конечно.

— Не дури, — сказал Эйс. — Так и быть — угощаю. Мне как раз везло этой ночью. Ободрал одного флотского как липку.

Короче, пришлось встать, побриться и принять душ. Потом мы спустились вниз и набрали в столовой всякой всячины — от яиц и картошки до джема и замысловатых пирожным. Выйдя, мы оба почувствовали, что после такого количества пищи не сможем одолеть Черчилль-роуд. Поэтому завалились в первый попавшийся бар. Я и здесь сделал попытку найти крюшон из настоящих ананасов и опять потерпел неудачу. Крюшон был насквозь поддельным, зато холодным. Видно, никогда в жизни не удастся получить все сразу.

Мы лениво болтали о том о сем, Эйс заказал по второму кругу. Я попробовал его крюшон из земляники — то же самое. Эйс молча разглядывал свой стакан, потому вдруг спросил:

— Когда-нибудь думал о том, чтобы стать офицером?

— Чего? Ты спятил, — сказал я.

— Вовсе нет. Погляди сам, Джонни, этой войне не видно конца. Неважно, что твердят пропагандисты, ус-

покаявая штатских. Мы-то с тобой видим, что баги просто так не утихомируются. Так почему бы не попытаться спланировать свое будущее, посмотреть вперед? Знаешь, как шутят? Если ты решил играть в оркестре, то лучше махать дирижерской палочкой, чем стучать в большой барабан.

Беседа приняла неожиданный оборот, я был смущен и не знал, что ему ответить. Такое предложение, да еще от Эйса... Я спросил первое, что пришло в голову:

— А ты сам? Почему бы тебе не попробовать?

— Мне? — переспросил он. — Опомнись, сынок, о чем ты говоришь? У меня нет твоего образования, и я на десять лет старше. А у тебя подходящий интеллектуальный индекс, и я уверен, что ты проскочишь экзамены в Кадетский корпус. Точно говорю — если пойдешь в профессионалы, станешь сержантом раньше меня. А через день станешь кадетом...

— Теперь я знаю — ты точно спятил!

— Послушай человека, который годится тебе в отцы. Я не хотел говорить... ты в меру глупый, романтичный и честный человек. Будешь офицером, которого полюбят солдаты и за которым они пойдут. А что касается меня... что ж, я рожден быть сержантом. Я достаточно пессимистично смотрю на жизнь. Такие, как я, нужны, чтобы уравнивать энтузиазм таких, как ты. Что меня ждет? Ну, стану когда-нибудь сержантом... потом пройдет двадцать лет службы — уволюсь. Пойду на подходящую работенку — может быть, полицейским. Женюсь на простой хорошей женщине с такими же простыми вкусами, как и у меня. Буду болеть за какую-нибудь спортивную команду, ловить рыбу, а придет время — спокойно отойду в мир иной.

Эйс умолк и хлебнул из стакана.

— А ты, — продолжил он, — будешь воевать, дослужишься до больших чинов и героически погибнешь. А я прочту о твоей гибели и гордо скажу: «Я знал этого человека, когда...» Нет, я скажу, что часто одалживал тебе деньги — мы оба были капрами... Правда, здорово?

— Я никогда не думал об этом, — медленно сказал я. — Хотел только отслужить срок.

Он усмехнулся:

— О каком сроке ты говоришь! Ты слышал, чтобы кого-нибудь сейчас увольняли? Война идет, а ты все твердишь о двухлетнем сроке!

Он был прав. Пока идет такая страшная война, говорить о сроках службы бессмысленно. По крайней мере, нам. Я подумал, что сейчас разговор о сроке службы — это показатель отношения к ней. Тот, кто думает о «двух годах», знает, что рано или поздно уйдет из армии. В глубине души он чувствует себя гостем Службы. Он может говорить: «Когда эта треклятая война кончится...» Профессионал никогда так не скажет. Для него увольнение через двадцать лет — конец самого важного этапа жизни. Быть может, для профессионала равноценны два возможных исхода — увольнение и гибель в бою...

— Ну, может быть, и не два года, — признал я. — Но ведь война не может длиться вечно.

— Так уж и не может?

— А, по-твоему, она навечно?

— Господи, кабы я знал. Однако никто этих секретных данных не сообщает. Но ведь это не главное, что тебя тревожит, Джонни? У тебя есть девчонка, которая тебя ждет?

— Нет. Вернее, была, — сказал я медленно. — Но, по-моему, она решила со мной «просто дружить».

Я приврал только потому, что Эйс ожидал услышать что-то в этом роде. Кармен не была моей девушкой, она вообще никому ничего не обещала. Но я изредка получал от нее письма, всегда начинавшиеся словами «Дорогой Джонни...».

Эйс понимающе кивнул.

— С ними всегда так. Они предпочитают штатских — наверное, тех легче пилить. Ничего, сынок. Когда уволишься, они набросятся на тебя, шагу не дадут ступить... Хотя тебе тогда уже будет не до них, ха-ха... Брак — это катастрофа для молодого и комфорт для старика.

Он посмотрел на мой стакан.

— Меня мутит, когда вижу, как ты пьешь такую дрянь.

— Мне тоже тошно, когда смотрю на твою землянику, — сказал я.

Он пожал плечами:

— О вкусах не спорят. Подумай все-таки над тем, что я сказал.

— Я подумаю.

Вскоре Эйс занялся своим излюбленным спортом — сел за карточный столик. Я одолжил у него денег и пошел прогуляться. Мне действительно захотелось все обдумать.

Стать профессионалом? Дело, конечно, не в том, что нужно будет снова учиться и сдавать экзамены... Хочу ли я связать всю свою жизнь с армией? Я пошел на службу, чтобы получить гражданство, правильно? А если стану профессиональным военным, то буду снова так же далек от права голосовать и быть избранным, как и до начала службы. Потому что, пока носишь форму, у тебя нет права голосовать. Тут нечего спорить, так и должно быть. Я представил, как идиоты из Мобильной Пехоты собирают среди десантников голоса против очередной военной кампании.

Значит, я поступил на службу, чтобы потом иметь право голосовать.

Так ли это?

Действительно ли меня так волновала мысль о будущих привилегиях? Мне так хотелось принимать участие в выборах? Нет, скорее прельщал сам статус гражданина Федерации. Я бы гордился...

Я вдруг понял, что до конца жизни так и не смогу разобраться, почему я пошел на Службу.

Если задуматься, то ведь не право голоса делает из человека гражданина. Наш лейтенант был гражданином в лучшем смысле этого слова, хотя ему ни разу так и не пришлось опускать бюллетень в урну для голосования. Но он каждый раз «голосовал», идя в десант.

Но ведь то же самое можно сказать про меня.

Так почему бы мне не пойти в профессионалы?

Ну хорошо, хорошо. Но ведь опять придется проходить через комиссию, сдавать экзамены. Я вспомнил Эйса и представил себя через двадцать лет — с нашивками на груди и теплыми домашними тапочками у дивана. Или вечером в Доме ветеранов — в компании боевых друзей, вспоминающих былые десанты.

Значит, все-таки Кадетский корпус? Теперь я услышал голос Эла Дженкинса: «Да, я рядовой! Никто не ждет от тебя ничего сногшибательного, если ты просто рядовой! Кому охота быть офицером? Или сержантом? Они дышат тем же самым воздухом, что и мы, не так ли? Едят ту же пищу. Ходят развлекаться в те же заведения, выбрасываются в тех же капсулах. Но рядовой при этом еще и ни за что не отвечает. Никаких проблем».

По-своему Эл тоже был прав. Что с того, что у меня на рукаве шевроны? Только лишние неприятности.

И в то же время я прекрасно понимал, что стану сержантом, если только предложат. Не смогу отказаться: среди десантников не принято отлынивать. Тебе дают задание, ты берешься за него — вот и все. Например, сдаешь экзамены.

Неужели это осуществимо? Думал ли я, что могу стать таким же, каким был наш лейтенант Расжак?

Я очнулся от своих раздумий и увидел, что нахожусь возле здания Кадетского корпуса. Странно, ведь я и не думал сюда приходить. На плацу сержант гонял группу кадетов, и я сразу вспомнил лагерь Курье. Солнце припекало, и плац казался куда как менее заманчивым, чем кают-компания на «Роджере».

И без того взмокшие ребята перешли на рысь, сержант крикнул что-то грозное отстающим. Знакомое дело. Я тряхнул головой и пошел дальше.

Теперь ноги привели меня обратно к казарме. Я постучал в дверь номера, который единолично занимал Джелли.

Он был у себя: ноги на столе, в руках иллюстрированный журнал. Этот журнал поглощал все его внимание. Я опять постучал — по раскрытой двери. Он опустил журнал.

— Это ты?

— Серж... я хотел сказать, лейтенант...

— Ближе к делу!

— Сэр, я хочу перейти на профессиональную службу.

Он опустил ноги со стола.

— Подними правую руку.

Он привел меня к присяге, залез в один из ящиков стола и достал бумаги.

Бумаги, оказывается, были давно готовы, и он только ждал, когда я приду подписывать.

11

Одна хорошая военная подготовка ни в коей мере не может служить основанием для производства в офицеры... Офицер — это джентльмен, получивший либеральное образование, с аристократическими манерами и непоколебимым чувством собственного достоинства... Мне кажется, я достаточно ясно дал понять, какая огромная ответственность на вас возлагается... Мы обязаны добиться победы теми средствами, которые имеются у нас в распоряжении.

Джон Пол Джонс, 14 сентября 1755 г.

Из послания командованию флота
повстанцев Северной Америки

Наш «Роджер» снова вернулся на базу за пополнением капсул. И людей. Эл Дженкинс получил свое, прикрывая отход раненых. Погиб и наш падре. Но несмотря на это, я уходил из части. На мне красовались новенькие сержантские шевроны (вместо Миглаччио), но я знал, что точно такие же получит Эйс, как только я уйду с корабля. Производя меня в сержанты, Джелли придавал мне «дополнительное ускорение» для поступления в Кадетский корпус.

Но от себя я не мог скрыть, что глупо, как мальчишка, горжусь новыми шевронами. После прибытия на Санктор я вошел в двери космопорта, задрал нос, и, не глядя, сунул чиновнику бумаги. Я стоял и ждал, пока таможенник примеривался, куда лучше поставить свой никчемный штамп, — и в это время позади меня кто-то сказал:

— Извините, сержант. Эта шляпка с «Роджера Янга»?

Я повернулся к говорившему, скользнул взглядом по его рукаву — небольшого роста, сутуловатый капрал, — наверное, один из наших новых...

— Отец!

В следующее мгновение капрал уже сжимал меня в объятиях.

— Джонни! Джонни! Мой маленький Джонни!

Я обнял его, поцеловал и почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Представляю, как оторопели чиновники космопорта: сержант целуется с капралом. Потом мы отдышались, вытерли глаза и рассмотрели друг друга получше.

— Давай найдем уголок, сядем и спокойно поговорим. Я хочу знать... обо всем! — Я глубоко вздохнул. — Я был уверен, что ты погиб.

— Нет. Несколько раз был близок к этому, но обошлось. Но, сынок... сержант. Ведь мне нужна шляпка с «Роджера Янга». Понимаешь...

— Ну, конечно, она с «Роджера». Я только...

Он страшно огорчился.

— Тогда мне нужно спешить. Прямо сейчас. Я должен доложить о прибытии. — Тут он снова заулыбался: — Но ведь ты скоро вернешься на корабль, Джонни? Или у тебя отпуск?

— Нет, папа, — я стал быстро соображать, что делать. — Послушай, папа, я знаю расписание. У нас еще куча времени: эта шляпка уйдет только через час. Они будут заправляться, грузить почту, ждать ребят из увольнения...

Он колебался.

— Но у меня приказ сразу по прибытии доложить пилоту первой же шляпки с «Роджера Янга».

— Папа, папа! Ты все такой же пунктуальный. Девчонке, которая командует шляпкой, абсолютно все равно, когда ты объявишься — сейчас или перед самым стартом. Во всяком случае, за десять минут до отправления они объявят по радио свой причал и пригласят всех желающих. Не бойся, не опоздаешь.

Он позволил отвести себя к незанятой скамейке в углу зала ожидания. Когда мы устроились, он спросил:

— Ты полетишь на одной шляпке со мной или позже?

— Я... — не знал, что сказать, и просто показал ему свои бумаги.

Он прочел и опять прослезился, а я поспешил его успокоить:

— Послушай, отец! Я постараюсь в любом случае вернуться. Я хочу воевать со своими ребятами, мне никто не нужен, кроме «сорвиголов». А тем более теперь, когда и ты с нами... э-э... То есть я понимаю, тебе будет неловко... но...

— В этом нет ничего стыдного, Джонни.

— Да?

— Я буду только гордиться. Мой сын станет офицером. Мой маленький Джонни. Я долго ждал и подожду еще немного. — Он улыбнулся. — Ты вырос, сынок. И возмужал.

— Со стороны виднее. Но, отец, я ведь еще не офицер, и может так случиться, что всего через несколько дней вернусь обратно, к «сорвиголовам».

— Хватит об этом, Джонни.

— Ладно.

— Я уверен, что ты сделаешь все как надо. И не говори больше, что у тебя не получится. — Он вдруг улыбнулся. — Впервые в жизни команду сержантом. Да еще говорю ему, чтобы он заткнулся.

— Ладно, отец. Только знай, что я в любом случае постараюсь вернуться к «сорвиголовам». Единственное, что...

— Я понимаю. Твоя просьба ничего не будет значить, пока не будет вакансии. Не будем гадать. Если у нас в распоряжении всего час, давай используем его на полную катушку. Рассказывай о себе, Джонни.

— У меня все хорошо, — сказал я вроде бы ничего не значащую фразу, но тут же подумал, что мне действительно нравится моя жизнь. И еще я подумал, что это просто счастливый случай — отец попал к «сорвиголовам». Там мои друзья, и там ему будет лучше, чем где бы то ни было. Ребята позаботятся о нем, ограждая по мере сил от опасности. Надо послать телеграмму Эйсу. Отец такой человек, что не признается в нашем родстве... — Отец, как долго ты уже на службе?

— Чуть больше года.

— И уже капрал!

Он погрустнел.

— Сейчас в Мобильной Пехоте люди быстро растут.

Я понял, что он вспоминает тех, кто погиб, и попытался отвлечь его от мрачных мыслей:

— Но тебе не кажется, что ты... ну как бы это сказать... ну, не очень подходишь по возрасту к тому, чтобы воевать в пехоте? Ведь можно служить на флоте или заниматься математикой в отделе расчетов.

— Я хотел пойти в Мобильную Пехоту и добился своего! — сказал он гордо. — В конце концов, я не старше многих других капралов и сержантов. И вообще, сынок, тот факт, что я на двадцать два года старше тебя, вовсе не означает, что я должен кататься в инвалидной коляске. У возраста есть свои преимущества.

Я знал, о чем он говорит. Припомнил, как сержант Зим выдавал те самые «игрушечные» шевроны прежде всего тем, кто постарше. И с отцом наверняка обращались в лагере не так, как со мной. Его взяли на заметку как потенциального капрала еще до того, как он вышел из лагеря: армия всегда испытывала недостаток в опытных, солидных сержантах и капралах. Я вдруг подумал, что один из главных принципов строения армии — патернализм.

Я не стал спрашивать, почему он захотел именно в Мобильную Пехоту. И почему получил назначение на мой корабль. Я просто почувствовал себя счастливым — таким, каким никогда не был даже в детстве, когда отец меня хвалил. И я не спрашивал, почему он пошел на службу. Мне казалось, что причину я уже знаю. Мама. Никто из нас не касался этой темы.

Я резко сменил тему разговора.

— Расскажи, как ты жил все это время. Где был и что делал.

— Так... обучался в лагере Сан Мартин...

— Вот как? Значит, не в Курье?

— Нет. Мартин — новый лагерь. Правда, порядки, насколько я понимаю, те же, что и в старых. Только срок обучения у нас был на два месяца короче обычного — не было выходных. После лагеря сразу попросился на «Роджер Янг», но не получилось. Попал на другой корабль, к «Волонтерам Макслоттера». Хорошие ребята.

— Да, я слышал.

— Вернее, они были хорошими. Я совершил несколько выбросов с ними, многие из них погибли, и вот теперь я здесь... — Он посмотрел на свои шевроны. — Я уже был капралом, когда мы выбросились на Шэол...

— Ты был там?! Но ведь я тоже! — Непривычное теплое чувство охватило меня: никогда в жизни я не был ближе к отцу, чем сейчас.

— Я знаю. То есть я знал, что ваш отряд был там. Мы дрались примерно в пятидесяти милях от вас. Может, и ближе. Мы приняли на себя, наверное, их основной удар. Они вдруг полезли из-под земли десятками, а может, и сотнями — нам казалось, что земля кипит...

Отец пожал плечами:

— Так я и остался капралом без отделения. Наши «волонтеры» понесли такие потери, что отряд решили пока не восстанавливать. А меня наконец послали сюда. Правда, была вакансия у «Королевских медведей», но я шепнул словечко офицеру-распределителю, и, представь себе, именно в этот момент пришло сообщение о вакансии на «Роджере Янге». Вот так все и получилось.

— А когда ты пошел на службу? — спросил я и тут же понял, что не следовало задавать этот вопрос. Но мне хотелось уйти от разговора о несчастных «Волонтерах Макслоттера» — я слишком хорошо знал, что такое быть живой частицей погибшей команды.

Отец тихо сказал:

— Почти сразу после Буэнос-Айреса.

— Да. Я понимаю.

Отец несколько секунд молчал, потом сказал с необычной мягкой интонацией:

— Я не совсем уверен, что ты понимаешь, сынок.

— Что?

— Ммм... не так легко все объяснить. Конечно, гибель мамы сильно повлияла на мое решение. Но я пошел в армию не для того, чтобы отомстить за нее. Разве что отчасти. На меня больше повлиял ты.

— Я?

— Да, сынок. Ведь на самом деле я лучше твоей матери и даже лучше тебя самого понимал, зачем ты решил пойти на службу... Быть может, гнев мой был так силен оттого, что ты совершил поступок, который дол-

жен был сделать я. Я это чувствовал, но тогда не смел признаться даже себе... Но и ты не был главной причиной того, что я пошел на службу. Ты... как бы это сказать... только нажал на взведенный курок. И помог выбрать род войск.

Он помолчал.

— После того как ты ушел, меня все чаще охватывала беспричинная тоска, я даже был на грани депрессии, так что пришлось обратиться к гипнотерапевту. Но врачи не помогали, и меня спасала только работа... Смерть мамы словно освободила меня, и я понял, как должен поступить. Дело я передал Моралесу.

— Старику Моралесу? А он справится?

— Должен. У него нет другого выхода. Я передал ему изрядную долю акций. Остальные отложил для тебя — если когда-нибудь захочешь взяться за наше дело. Вот так... Короче, я наконец понял, в чем загвоздка.

Он снова помолчал и продолжил совсем тихо, будто шепотом:

— Мне нужно было доказать, что свою судьбу делаю я сам. Доказать себе, что я мужчина. Не производящее и потребляющее экономическое животное... а мужчина.

Мы оба замолчали, не зная, что сказать, и в этот момент запели громкоговорители космопорта:

— «Славься, славься имя Роджера Янга!»

Через секунду женский голос произнес:

— Личный состав корабля военного флота «Роджер Янг» может занять места в шлюпке. Причал Эйч. Девять минут.

Отец схватил сумку и вскочил на ноги.

— Это меня! Береги себя, сынок. И сдавай поскорей экзамены. Плохо сдашь — накажу и не посмотрю, что ты старше по званию.

— Я буду стараться, папа.

Он обнял меня.

— Когда вернемся на базу — увидимся!

И он убежал, как и полагается десантнику, — рысью.

В комендатуре я доложил о прибытии флотскому сержанту, удивительно похожему на сержанта Хо. У

него тоже не было руки, но не было и улыбки, которая так шла Хо. Я сказал:

— Сержант Рико. Поступил в ваше распоряжение.

Он бросил взгляд на часы.

— Ваша шляпка прибыла семьдесят три минуты назад. Так?

Я подтвердил. Он поджал губы и задумчиво посмотрел на меня. Я рассказал, как было дело. Он покачал головой.

— Мне казалось, что весь мыслимый реестр уважительных причин я уже знаю наизусть. Но вы вписали в него новую страницу. Ваш отец, ваш родной отец отправился на корабль, с которого вы только что уволились?

— Именно так, сержант. Вы можете проверить — капрал Эмилио Рико.

— Мы не занимаемся проверкой заявлений всех молодых джентльменов, которые к нам прибывают. Мы просто увольняем их, если выяснится, что они говорили неправду. О'кей. Парень, который не рискнет опоздать ради того, чтобы повидаться со своим стариком, ни на что не годится. Так что забудем об этом.

— Спасибо, сержант. Должен ли я теперь доложить о прибытии коменданту?

— Считайте, что уже доложили. — Он сделал пометку в бумагах. — Вот ваши документы. Можете срезать шевроны, но не выбрасывайте их. Они еще могут пригодиться. С этого момента вы «мистер», а не «сержант».

— Да, сэр.

Я не буду подробно описывать Кадетский корпус. Он во многом схож с лагерем, только здесь более мягкие порядки и всюду книги. По утрам, «вспоминая молодость», мы выполняли обязанности рядовых, и точно так же, как когда-то в лагере, нас за провинности и неряшливость отчитывали сержанты. После утренних занятий мы становились кадетами и джентльменами и слушали лекции по бесконечным спискам предметов: математике, галактографии, ксенологии, гипнопедии, логике, стратегии и тактике, теории коммуникаций, военному законодательству, специальным вооружениям, психологии управления. Короче, нас заставляли изучать все премудрости от земной до небесной, от специальных сведений,

как накормить и обогреть рядовых, до теоретических рассуждений, почему некий Ксеркс в забытом Богом месте проиграл когда-то важную битву.

Мы жили комфортно: в отдельных комнатах, с душем, с непривычно мягкими и удобными постелями. К четырем кадетам прикреплялся слуга: застилал постели, убирал в комнатах, чистил обувь и следил за формой. Это не было роскошью. Просто нас освободили от дел, которым мы научились еще новобранцами, чтобы больше времени оставалось для занятий.

И мы учились — все вечера и все выходные, пока не начинали болеть глаза. Потом засыпали, а под подушкой всю ночь напролет бубнил гипнопедический «преподаватель».

Но несчастным я себя не чувствовал. Может быть, слишком был занят. И потом здесь не было того психологического давления, которое каждый постоянно ощущал на себе в лагере. В корпусе нас скорее подстегивала страшная мысль об изгнании. Лично меня долгое время изводил страх перед математикой, которая еще со школы мне не давалась. Мой сосед — колонист с Гесперуса со странным именем Ангел — натаскивал меня ночи напролет.

Наверное, «пиком» моей кадетской карьеры стал визит младшего лейтенанта Флота Кармен Ибаннес — сияющего черными очами пилота транспортного корвета «Маннергейм».

Карменсита в парадной белой форме выглядела потрясающе. Она появилась в тот момент, когда нас выстроили перед ужином на поверку, и, ничуть не смутясь, прошла мимо всего строя к дежурному офицеру. Мне показалось, что я слышу, как скрипят глазные мышцы у ребят, провожающих ее взглядом. Она спросила у дежурного офицера, как найти меня, и ее голосок мелодично звенел над плацем.

Дежурным в тот вечер был капитан Чандар, который, по нашему общему мнению, вряд ли улыбнулся хоть раз даже собственной матери. Но сейчас, глядя на маленькую Кармен, он расплылся до ушей так, что его лицо изменилось до неузнаваемости. Он вежливо подтвердил, что нужный ей человек действительно здесь. Тогда Кармен взмахнула своими удивительными шелковыми

ресницами и грустно объяснила, что ее корабль скоро должен отправляться. Так не будет ли он так любезен отпустить кадета Рико с ней поужинать?

И вскоре, как по волшебству, я оказался обладателем беспрецедентной увольнительной на три часа. Я даже заподозрил, что флотских обучают специальной технике гипноза, которая еще не известна в других частях. Хотя, наверное, секретное оружие Кармен было несколько старше того, что обычно использовала Мобильная Пехота. Так или иначе, мы провели чудесный вечер, а мой престиж среди однокашников, до этого не поднимавшийся выше среднего уровня, достиг немыслимых высот.

Это был незабываемый вечер. Нашу встречу омрачала лишь новость о Карле, которую мы оба узнали недавно. Карл был убит при нападении багов на Плутон: они уничтожили всю исследовательскую станцию. Может быть, это и очень плохо, но грустили мы недолго — наверное, потому, что уже начали привыкать к таким новостям.

Помню, меня особенно поразила одна деталь. Кармен расслабилась и в ресторане сняла фуражку. Я знал, что большинству женщин на флоте делают короткую стрижку или вообще бреют голову. На войне совсем ни к чему длинные волосы, а пилоту в ответственный момент они могут сильно помешать. Я сам брил голову — так было удобнее и гигиеничнее. Но образ Кармен всегда ассоциировался у меня с черными блестящими длинными волосами.

Человек, наверное, ко всему привыкает. Я имею в виду, что если считаешь девчонку красивой, то она нравится тебе и тогда, когда ее голова обрита. К тому же для меня эта «прическа» служила признаком принадлежности к «армейскому ордену» и отличала «наших» девушек от штатских цыплят. Возможно, Кармен что-то и потеряла, но многое и приобрела: красота стала какой-то неземной, иррациональной, что ли. И еще я впервые почувствовал — она действительно офицер, воин, а не только удивительная девушка.

Я вернулся в корпус, ничего не соображая, преследуемый сладковатым запахом духов: прощаясь, она меня поцеловала.

Единственный предмет из курса подготовки, о котором хотелось бы рассказать — история и нравственная философия.

Я удивился, когда обнаружил, что нам придется его изучать. Мне казалось, что история с философией не имеют отношения к управлению отрядом десантников в боевой обстановке. Этот предмет, если он касается войны, в лучшем случае объясняет, почему ты должен драться — вопрос, который каждый решает для себя задолго до поступления в Кадетский корпус. Я уже говорил: Мобильная Пехота дерется потому, что она Мобильная Пехота.

Сначала я решил, что курс читают для тех, кто не проходил его в школе. К тому же почти четвертая часть кадетов не были землянами, а на других планетах Федерации преподавание истории не обязательно. Так что я уже надеялся, что пока те, кому не повезет, будут слушать этот курс, у меня освободится время для других, трудных, предметов.

Но я ошибся. Наравне со всеми я должен был прослушать курс целиком. Правда, экзаменов, как и в школе, не устраивали: в конце обучения — беседа с инструктором, без отметок. Главным было его мнение, годишься ли ты в офицеры.

Если он давал отрицательное заключение, по этому поводу устраивали целый консилиум, где решалось уже не то, можешь или не можешь ты быть офицером, а возможность твоего пребывания в армии вообще, неважно в каком звании. И они уже не смотрели, как лихо ты обращаешься с оружием... Лучшим исходом при этом было повторное прослушивание курса. А в худшем ты становился штатским человеком...

Так ради чего я все-таки дрался? Может, это своего рода сумасшествие — подставлять свое уязвимое тело нападающим и, мягко говоря, недружелюбным представителям инопланетной цивилизации? Тем более, что платили за все сущую ерунду (которую мы тут же при первой возможности тратили), да и чем можно заплатить за часы ужаса, за ожидание близкой смерти? А ведь я мог спокойно сидеть дома, в то время как войной занимались бы те, у кого толстая кожа, или те, кому нравится играть в эти игры.

Или опять хвататься за присказку, что надо драться потому, мол, что мы — Мобильная Пехота? Нет, ребята, это мысли на уровне подопытной павловской собачки. Прочь догмы! Надо попробовать подумать по-настоящему.

Наш инструктор по истории и нравственной философии майор Райд был слеп, но обладал жутковатой привычкой «смотреть» прямо в глаза и называть по имени. Мы анализировали события сразу после окончания войны между Русско-Англо-Американским альянсом и Китайской Гегемонией, то есть от 1987 года и дальше. В тот день перед занятиями мы узнали, что на Земле разрушен еще один большой город — на этот раз погиб Сан-Франциско. Я ожидал, что Райд скажет что-нибудь по этому поводу. В конце концов, и штатские теперь должны были понять: или баги, или мы. Или драться, или всем погибать.

Но майор ни словом не обмолвился о трагедии с Сан-Франциско. Он взялся мучить одного из нас договором в Нью-Дели, заострив внимание на проблеме военнопленных. Отпустив наконец свою первую жертву, майор задумался, кого бы избрать в качестве второй.

— Мистер Рико, — сказал он.

— Да, сэр.

— Можно ли отказ от освобождения тысячи военнопленных считать достаточно обоснованной причиной для возобновления войны? Учтите, что при возобновлении военных действий могут погибнуть миллионы ни в чем не повинных людей, вернее, почти наверняка погибнут.

Я ни минуты не колебался:

— Да, сэр. Этой причины более чем достаточно.

— «Более чем достаточно». Ладно. А один пленный, которого не хотят отпускать?

Я заколебался. Я знал ответ, но для Мобильной Пехоты. Не было уверенности, что именно это он хочет от меня услышать. Райд нетерпеливо сказал:

— Ну давайте, мистер! У нас есть верхний предел — тысяча. Я предложил вам обсудить низший предел — один человек. Прошу учесть, что дело серьезнее, чем, например, занятие бизнесом. Хотя и бизнес требует точного понимания ситуации. Вы же не можете выпи-

сать вексель на сумму «от одного до тысячи фунтов». А ведь разворачивание войны гораздо более серьезное дело, чем выдача пусть даже огромной суммы денег. Не будет ли преступлением — вовлечь страну (а на деле две страны) в войну ради спасения одного человека? А вдруг этот человек даже не заслуживает того? Или возьмет и помрет, когда сыр-бор уже разгорится? Тысячи человек погибают ежедневно в катастрофах и несчастных случаях... так стоит ли колебаться из-за одного? А теперь — ответ! Отвечайте «да» или «нет»... Не задерживайте класс.

Он взял меня за горло. И я ответил так, как ответил бы на моем месте любой десантник:

— Да, сэр!

— Что «да»?

— Неважно, тысяча человек или один. Нужно драться.

— Ага! Число пленных роли не играет. Почему?

Черт побери! Он меня поймал. Я знал, что ответ правильный. Но не знал почему. Райд с легкой иронией подбадривал меня:

— Давайте же, мистер Рико, доказывайте. Здесь мы имеем дело с точной наукой. Вы дали математический ответ, теперь должны его доказать. Ведь кто-нибудь начнет кричать, что ваше утверждение абсурдно, что по аналогии одна картофелина стоит столько же — ни больше, ни меньше, — сколько тысяча таких же. А?

— Нет, сэр.

— Что «нет»? Доказывайте, доказывайте.

— Людей нельзя сравнивать с картошкой.

— Ну хорошо, хорошо, мистер Рико. Я думаю, мы и так сегодня уже слишком напрягли ваши усталые мозги. Завтра принесите мне письменное доказательство. Так и быть, дам вам совет. Посмотрите ссылку номер семь к сегодняшней главе. Мистер Салмон! Как образовался нынешний политический порядок после Эпохи Смуты? И в чем его нравственное основание?

Салли начал рассказывать. В принципе никто не может толком объяснить, как сформировалась нынешняя Федерация. Словно она выросла сама собой. В конце XX века национальные правительства всех крупнейших государств полностью дискредитировали себя.

Что-то должно было заполнить вакуум, и в результате во многих странах к власти пришли вернувшиеся с войны ветераны. Они проиграли войну, у них не было работы, но они знали, как прийти к поставленной цели. Происшедшее не было революцией, события больше походили на 1917 год в России: система развалилась, образовался тот самый вакуум.

Как утверждают историки, движение ветеранов зародилось в Шотландии. Бывшие вояки собрались, чтобы прекратить волнения и беспорядки. Позже они решили никого, кроме ветеранов, в свой комитет не принимать: доверяли только друг другу. Постепенно чрезвычайная мера стала конституционной практикой.

Возможно, те самые шотландские ветераны и решили первыми, что не стоит подпускать к управлению государством слабых, продажных, алчных и тому подобных штатских. «Они вертятся, как флюгеры на ветру, а мы можем повернуть общественное развитие в нужную сторону», — так, наверное, говорили о штатских ветераны. Историки утверждают, что тогда антагонизм между штатскими людьми и вернувшимися с войны солдатами был гораздо глубже, чем можно сейчас себе представить.

Салли пересказывал все это, пока Райд его не остановил:

— К завтрашнему дню приготовьте краткое изложение событий, в три тысячи слов... Мистер Салмон, не могли бы вы мне назвать причину — не историческую, не теоретическую, а чисто практическую, — почему в наше время статус гражданства предоставляется только отслужившим в армии ветеранам?

— Э-э... потому, что эти люди прошли отбор, сэр. Они способнее.

— Это надо же!

— Сэр?

— Вам не понятно? Я хотел сказать, что вы сообщили нам абсолютно нелепую вещь. Армейцы отнюдь не умнее штатских. Часто штатские превосходят нас интеллектуально. Этот факт, кстати, лег в основу попытки переворота перед принятием Договора в Нью-Дели. Так называемое «восстание ученых»: дайте бразды правления интеллектуалам, и вы получите рай на земле. Пере-

ворот не удался. Развитие науки само по себе не есть благо, несмотря на все те импульсы, которые она придает движению общества по пути прогресса. Ученые — и теоретики, и практики — зачастую настолько эгоцентричны, что у них просто отсутствует чувство социальной ответственности. Ну, я дал подсказку, мистер.

Салли немного подумал, потом сказал:

— Значит, те, кто отслужил в армии, более дисциплинированы, сэр.

С третьей своей жертвой майор был мягок:

— Простите, но вашу теорию трудно подтвердить фактами. И вы, и я, пока мы находимся на службе, не имеем права голосовать. А когда человек увольняется, влияние армейской дисциплины явно ослабевает. Уровень преступности среди ветеранов почти такой же, как и среди штатских. К тому же вы забыли, что в мирное время большинство служит в небоевых видах войск, где весьма мягкие дисциплинарные обязательства...

Майор улыбнулся.

— Я задал вам коварный вопрос, мистер Салмон. На самом деле реальная причина столь продолжительной деятельности существующей системы та же, что у любой другой долгоиграющей структуры. Она хорошо работает. Все политические системы в истории человечества пытались добиться совершенного общественного порядка, предоставляя право управления ограниченному числу лиц. В надежде, что они будут достаточно мудры, чтобы пользоваться своим правом для общего блага. Даже так называемые «неограниченные демократии» отстраняли от голосования и управления более четверти своего населения — по возрасту, месту рождения, отношениям с полицией и т. д.

Майор саркастически ухмыльнулся:

— Я никогда не мог понять, почему тридцатилетний дурак проголосует лучше пятнадцатилетнего гения... Но так уж у них было устроено. И они за это заплатились.

И вот на протяжении очень долгого времени существует наша политическая система... и работает хорошо. Многие недовольны, но никто никогда всерьез не восставал против. Каждому обеспечена величайшая в истории личная свобода. Юридических ограничений мало, налоги низки, уровень жизни высок — насколько по-

зволяет уровень производства. Преступности почти нет. Почему? Не потому вовсе, что те, кто голосует, лучше остальных. Это мы уже выяснили. Мистер Тамману, не объясните ли вы нам, почему же нынешняя система политического устройства работает лучше, чем у наших предков?

Я не знал, откуда у Клайда Тамману такая странная фамилия. Кажется, он был из Индии.

— Э-э... насколько мне кажется, потому, что избиратели — сравнительно малая группа. Они отвечают за свои решения и стараются учесть возможные последствия...

— Не будем гадать, мы занимаемся точной наукой. К тому же вам кажется неправильно. Облеченных властью всегда было немного при всех предшествующих политических системах. Еще одно замечание: на разных планетах люди, получившие статус гражданина, составляют разный процент в общем числе населения — от восьмидесяти на Искандере до трех на некоторых других планетах Федерации. Так в чем разница между нашими избирателями и избирателями прошлого? Мы тут много думали да гадали, так что я позволю себе высказать суждение, которое, на мой взгляд, является очевидным и объективным. При нашей политической системе каждый голосующий и каждый государственный чиновник — это человек, который тяжелой добровольной службой доказал, что интересы группы, коллектива он ставит выше интересов собственных. Это чрезвычайно важное отличие. Человек может быть не таким уж умным, мудрым, он может ошибаться. Но в целом его деятельность будет во сто крат полезнее для общества, чем деятельность любого класса или правителя в прошлом.

Майор притронулся к специальным часам на руке.

— Может ли кто сказать, почему против нашей политической системы никогда не совершалось революций? Хотя раньше на Земле не было ни одного правительства, которое бы не сталкивалось с восстаниями. Ведь мы довольно часто слышим громкие жалобы тех или иных жителей Федерации?

Один из кадетов постарше решил ответить.

— Сэр, революции просто невозможны.

— Так. Но почему?

— Потому что революции, то есть вооруженные восстания, требуют не только недовольства, но и прямой агрессивности. Революционер (если он настоящий революционер) — это человек, который желает драться и даже умереть за свое дело. Но если вы отделите наиболее агрессивных и сделаете из них сторожевых псов, овечки никогда не доставят вам беспокойства.

— Неплохо сказано. Аналогии всегда условны, но эта близка к фактическому состоянию дел... Теперь время ваших вопросов. Кто хочет спросить?

— Гм... сэр, а почему бы не сделать... почему не отменить ограничения, сделать службу обязательной для всех? И тогда все смогут голосовать и избираться...

— Молодой человек, вы можете вернуть мне зрение?

— Что, сэр? Но... конечно, нет, сэр...

— Я думаю, что это было бы даже легче, чем внедрить какие-то моральные ценности — например, ответственность перед обществом — в сознание человека, который этих ценностей не признает, не хочет их знать и вообще не хочет нести никакой социальной ответственности. Именно поэтому так трудно поступить на Службу и так легко с нее уйти. Ответственность перед обществом — не перед семьей или какой-нибудь группой — требует воображения, потому что требует преданности некой идее, долгу и другим высоким ценностям. Если же все это впихивать в человека насильно, то его, извините за выражение, просто стошнит, и он окажется таким же пустым, как был до этого...

Майор Райд держал нас в черном теле, постоянно забрасывая срочными заданиями. Но неожиданно для себя я заинтересовался его предметом. Уже в конце курса решил записать свои размышления, и вот что у меня вышло.

Требуется доказать: войны и общественная мораль имеют в своей основе одни и те же генетические причины.

Краткое доказательство: причиной всех войн является демографическое давление.

В основе общественной морали, всех известных входящих в нее правил лежит инстинкт самосохранения.

Соответствие морали — залог выживания на неиндивидуальном уровне. Так отец жертвует своей жизнью, чтобы спасти своих детей. Но поскольку демографическое давление повышается в результате выживания все большего числа людей, постольку можно утверждать, что войны, порождаемые этим давлением, происходят из тех же глубинных человеческих инстинктов, что и общественная мораль.

Проверка доказательства: есть ли возможность избежать войн путем уничтожения демографического давления? Возможно ли снизить демографическое давление путем создания такого морального кодекса, который приводил бы численность населения в соответствие с имеющимися ресурсами?

Не обсуждая эффективность и нравственность планирования рождаемости, укажем сразу, что любая популяция, ограничивающая свой рост, рано или поздно вытеснялась и уничтожалась другим видом, который увеличивал численность и стремился занять новые территории.

Тем не менее предположим, что человеческой расе удалось создать баланс между уровнем рождаемости и смертности так, чтобы численность населения соответствовала территории занятых планет. Все ли будет тихо и спокойно?

Очень скоро на арене появятся баги, которые начнут безжалостно убивать не желающее больше воевать племя, и через некоторое время Вселенной придется о нас забыть. Кстати, этот вариант никто пока еще не отменял. Или мы будем размножаться и разрастаться и уничтожим багов, или они займут наше место. Потому что оба племени достаточно сообразительны, решительны и претендуют на одну и ту же территорию.

А если мы победим и не будем ограничивать рост населения? Как быстро демографическое давление заставит нас заселить всю Вселенную так, что и яблоку негде будет упасть? Ответ может многих удивить, но произойдет это очень быстро — за период, который можно считать мигом на фоне всей истории человеческой расы.

Но есть ли у человека право заселять Вселенную?

Человек есть то, что он есть, — дикое животное с могучим инстинктом выживания и самосохранения. К тому же довольно хитрое, способное успешно конкурировать с другими разумными видами. Если принять этот факт, то все разговоры о морали, войнах, политике кажутся чепухой. Истинная мораль проистекает из четкого сознания того, что собой представляет человек. Что он есть на самом деле, а не в воображении сюсюкающих о добродетели профанов.

Вселенная сама даст нам знать — имеем ли мы право на ее освоение или нет.

А пока Мобильная Пехота должна быть на своем месте — на переднем крае боя за выживание расы.

Накануне выпуска каждого из нас прикомандировали к боевому кораблю для прохождения короткого срока службы под надзором опытного офицера. Это была как бы промежуточная проверка перед тем, как допустить нас к последней экзаменационной сессии. Проверка считалась очень важной: офицер-инструктор имел полномочия «резать». Оставалось право подать на апелляцию и собрать комиссию из других инструкторов, но подобных случаев за всю историю Кадетского корпуса не бывало. Ребята, которых по той или иной причине «зарезали», больше в корпусе не появлялись.

Иногда они пропадали и по другой причине. Кадеты гибли не так уж редко — ведь нас прикрепляли к кораблям, которые готовились идти в бой. Однажды после ланча всем офицерам-кадетам из нашей роты приказали собрать вещи и через полчаса отбыть. Я не успел дообедать, как оказался командиром роты.

Как и капральские шевроны новобранцев, эта должность приносила только лишние хлопоты, но через два дня пришел и мой вызов.

Я прибежал к кабинету начальника корпуса с вещевым мешком за спиной, начиная чувствовать знакомое возбуждение. Я вдруг остро ощутил, как мне надоело до боли в глазах зубрить по ночам уроки, выглядит дурачком в классе при свете дня. Несколько недель в

компании боевых ребят, в бодрящей обстановке — вот что так не хватало Джонни!

Меня обогнал строй недавно набранных в корпус кадет с сержантом, бегущих рысью. Сплошь угрюмые лица — такое выражение появляется у каждого кадета примерно через неделю после прибытия в корпус, когда он понимает, что допустил ошибку, решив стать офицером. А я вдруг поймал себя на том, что напеваю веселый мотивчик, и оборвал мелодию только у дверей начальника.

Двое других были уже там — кадеты Хассан и Берд. Хассан считался у нас в классе самым старым, а я, глядя на него, всегда вспоминал древнюю сказку о волшебном (и, кажется, не очень добром) существе, выпущенном рыбаком из бутылки. Зато невысокий Берд походил на воробья — внушительности в нем не было никакой.

Мы наконец вошли в святая святых Кадетского корпуса. Начальник сидел в своей неизменной коляске, в которой обычно разъезжал по корпусу. Он вставал с нее только на субботних парадах, что, наверное, причиняло сильнейшую боль, но никак не отражалось на его лице.

Полковник Нельсон долго разглядывал нас, потом сказал:

— Доброе утро, джентльмены, устраивайтесь поудобнее.

Я уселся в одно из мягких кресел, но комфорта не почувствовал. Полковник подъехал к агрегату у стены, который оказался кофеваркой. Одну чашку он взял себе, остальные предложил нам. Кофе мне не хотелось, но не может же кадет нарушить традиции гостеприимства.

Прихлебывая из чашки, полковник завел неспешную беседу. Он что-то рассказывал сам, что-то спрашивал у нас. Оказывается, нам предстояло занять должности временно исполняющих обязанности лейтенантов третьего ранга. Звание, нужное нам как собаке пятая нога. В табели о рангах оно стояло где-то между сержантом флота и нормальным офицером. Если кто-нибудь когда-нибудь и отдавал честь третьему лейтенанту, то это всего-навсего означало, что в данном отсеке корабля не все в порядке с освещением.

— ...В вашем патенте будет значиться «третий лейтенант», — продолжил Нельсон, — но практически ваш статус не изменится. К вам будут обращаться «мистер», и единственной переменной в форме станут небольшие — даже немного меньше, чем у кадетов, — погоны со звездочкой. Вы полностью подчиняетесь инструктору...

...Максимум, что вы можете делать в бою, — выполнять приказы. Если погибнет командир отряда и вы решитесь отдать приказ рядовому, пусть даже прекрасный, разумный и нужный приказ, то совершите ошибку, и рядовой может быть потом наказан, если послушается вас. Кадет не только не имеет отношения к командованию, он как бы вообще не солдат. Он — студент, которому еще только предстоит стать солдатом — или в ранге офицера, или в звании, которое у него было до кадетского корпуса. Кадет подчиняется армейской дисциплине, но он не в армии. Вот почему...

Пустота. Пришедшая мне в голову мысль так потрясла меня, что я перестал его слушать. Если считается, что кадет вне армии, то...

— Полковник! — Я, кажется, перебил его, но мне было все равно.

— Э, говорите, молодой человек. Мистер Рико.

Удивляя самого себя, я продолжил:

— Но... если мы не в армии... значит, мы не принадлежим к Мобильной Пехоте? Сэр.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Это вас беспокоит?

— Ну... похоже, мне это не нравится, сэр. — На самом деле я просто не мог об этом подумать. Такое чувство, как будто тебя раздели.

— Я понимаю вас. — Мое трепыхание, кажется, его только порадовало. — Но вам лучше не утруждать себя, оставьте все на моей совести. В том числе и вопросы космического законодательства.

— Но...

— Это приказ. Формально вы не относитесь к Мобильной Пехоте, но она не забыла вас. В Мобильной Пехоте никогда не забывают своих, где бы они ни находились. Если вас прямо сейчас, в данный момент, настигнет смерть, вы умрете как второй лейтенант Джон

Рико, Мобильная Пехота... — Полковник остановился. — Мисс Хендрик, с какого корабля мистер Рико?

— С «Роджера Янга», — последовал немедленный ответ секретарши.

— Спасибо. — И он продолжил: — Боевой корабль «Роджер Янг», Второй отряд, Третий полк, Первая дивизия Мобильной Пехоты — «сорвиголовы»... Хорошие у вас там ребята, мистер Рико, гордые, и багам спуску не дают. В конце пути вас в любом случае припишут к этому подразделению, и таким образом ваше имя окажется среди их имен в Мемориальном Зале. Именно поэтому мы всегда производим погибшего в бою кадета в офицеры, чтобы отправить на вечный покой к своим...

Берд ждал меня на крыше здания в аэрокаре. Он бросил взгляд на мои книги и ухмыльнулся:

— Ничего себе. Ладно уж, если мы на один корабль, так и быть, помогу. Тебя на какой закинулу?

— «Сторожевой».

— Жаль. Меня на «Москву».

Я залез в кар, проверил программу маршрута, и мы взлетели. Берд продолжал:

— Ты у нас еще не самый загруженный. Хассан, кроме математики, взял учебники еще по двум предметам. Жалко, что ты не на «Москву», а то бы помог тебе с математикой.

Берд ничуть не пижонил, предлагая себя в репетиторы. Это был стопроцентный профессорский сынок, и только значки, шевроны и погоны говорили, что он к тому же еще солдат.

В корпусе Берд не изучал математику, а преподавал. Как Суцзуми, который обучал нас дзюдо в лагере Курье. Мобильная Пехота не дает пропасть талантам, точно так же поступают и в корпусе. Берд уже в восемнадцать лет имел ученую степень по математике, и совершенно естественно, что его в порядке исключения назначили на часы занятий по этому предмету инструктором. Что, правда, не мешало сержантам отчитывать его по утрам.

Но, надо признать, отчитывали его редко. Берд удивительно сочетал в себе высокий интеллект, солидное образование, здравый смысл, силу воли и мужество. Не

сомневаюсь, что в корпусе на него смотрели как на будущего генерала. Ребята прикидывали, что, если продолжится война, он к тридцати будет командовать бригадой.

Я и в мечтах не позволял себе забираться так высоко.

— Будет до жути обидно и стыдно, — сказал я, — если Хассана вышибут.

При этом я думал, как будет стыдно, если вышибут меня.

— Все с ним будет нормально, — бодро сказал Берд. — Они, конечно, заставят его попотеть и помучиться, ну да он тоже не лыком шит. В крайнем случае Хассан не так уж много потеряет, даже если его вышибут.

— Что-что?

— А ты не знал? Он уже перед корпусом служил в ранге первого лейтенанта. По «полевому патенту», естественно. Не сдаст экзамены, пойдет опять тем же первым полевым. Не веришь, можешь посмотреть в правилах...

Это правило я знал. Если я, например, завалю математику, то стану опять сержантом: это, наверное, будет так же приятно, как если бы хлопнули по лицу мокрой рыбиной... О Господи... Сколько раз я просыпался среди ночи в своей комнате от мысли, что мне придется уйти из Кадетского корпуса несолоно хлебавши...

Но с Хассаном мне было не все понятно.

— Погоди, — запротестовал я, — он отказался от первого лейтенанта, причем от постоянного патента... а теперь его сделают временным третьим... с тем, чтобы потом он стал вторым? Ты сумасшедший? Или он?

Берд улыбнулся:

— Ровно настолько, чтобы работать в Мобильной Пехоте.

— Но... нет, я не понимаю.

— Конечно. Дело в том, что у Хассана просто не хватает образования. Поэтому шансов продвинуться выше в пехоте у него не было. Я лично уверен, что он мог бы командовать в бою полком, если кто-то хорошо спланирует операцию. Но командование в бою — лишь часть того, что должен уметь делать офицер, тем более

офицер высокого ранга. Чтобы командовать штабом или только спланировать единичную операцию и провести её, необходимо знать теорию игр, операционный анализ, математическую логику, пессимистический синтез и дюжину других предметов. В принципе, ими можно овладеть и самому, если есть фундамент. Но и тогда не подняться выше капитана или, в крайнем случае, майора. Выходит, Хассан знает, что делает.

— Теперь понятно, — сказал я медленно. — Но, Берди, ведь полковник Нельсон должен был бы знать, что Хассан был офицером... что он в любом случае офицер.

— Что? А, да, конечно.

— Но Нельсон говорил с нами так, как будто между нами нет разницы. Он прочитал лекцию всем троим.

— Не совсем так. Ты заметил, что, когда полковник поднимал какой-нибудь практический вопрос, он всегда обращался к Хассану?

Я вспомнил, что так оно и было.

— Берди, а в каком ты звании?

Аэрокар приземлялся. Берд помедлил, сосредоточив внимание на посадке, потом улыбнулся:

— Рядовой. Поэтому я вовсе не хотел бы, чтобы меня вышибли.

Я фыркнул.

— Скажешь тоже. Тебе-то уж ничего не грозит!

Я поразился, что ему не дали хотя бы капрала, но потом подумал, что он, видимо, сразу проявил себя хорошо и его послали в Кадетский корпус. Ему не было и двадцати, вроде бы молодой, но ведь шла война...

Берд улыбнулся еще шире и сказал:

— Поглядим.

— У тебя все будет отлично. Это Хассан и я должны беспокоиться.

— Думаешь? А мне кажется, что мисс Хендрик, например, меня невзлюбила. — Он открыл дверцу кабра и насторожился. — Послушай, это же меня вызывают. Я побежал. Пока!

— До встречи, Берди.

Больше мы с ним не виделись. И экзаменов он не сдавал. Спустя две недели ему было присвоено звание

офицера. В корпус прислали его погоны и указали место последнего назначения — «Раненые львы», по-смертно.

12

Некоторые парни полагают, здесь у нас ясельки для новорожденных. Так вот. Это не так. Понятно?

Высказывание, приписываемое одному героическому капралу, командовавшему у стен Трои. 1194 г. до н. э.

«Роджера Янга» один отряд заполнял до отказа. «Сторожевой» мог нести шесть, и еще осталось бы место. Отсеки отстрела могли пропустить все шесть отрядов одновременно и тут же сделать второй выброс, если б на корабле находилось еще столько же десантников. В принципе это было возможно. Только при двойной загрузке нам пришлось бы пытаться в две смены, спать в гамаках, развешанных во всех помещениях, экономить воду и время от времени просить соседа убрать локоть с твоего лица. Поэтому я был рад, что во время моей стажировки «Сторожевой» не ходил на операции с двойной нагрузкой.

«Сторожевой» обладал хорошей скоростью для переброски больших соединений десантников почти в любое место освоенной багами Вселенной. Ныряя в пространство Черенкова, «Сторожевой» покрывал сорок шесть световых лет за шесть недель.

В то же время этот корабль, рассчитанный на шесть десантных отрядов, не шел ни в какое сравнение с пассажирским лайнером. Такие корабли, как «Сторожевой», стали компромиссом между боевыми частями, Мобильной Пехотой, с одной стороны, и Флотом — с другой. Пехота предпочла бы рассчитанные на один отряд корветы типа «Роджера Янга». Они давали возможность гибкого управления войсками. Но если бы армия пошла на поводу у Флота, то нас возили бы на транспорте, вмещающих по меньшей мере полк. Ведь

для того, чтобы обслужить маленький корвет, нужно почти столько же флотских, сколько и для огромного лайнера. На лайнере, конечно, потребуется больше хозяйственных работников, но этим могут заняться и солдаты — так считали флотские. Все равно, по мнению флотских, мы только и делаем, что спим, едим и любовно полируем оружие.

На самом деле флотские настроены еще более решительно. Они полагают, что армия устарела и вообще должна быть упразднена.

Флот никогда не выражал этого мнения официально. Но достаточно зайти в любой бар на Санкторе и поговорить с первым попавшимся флотским офицером, когда он уже немного поднабрался. Тогда вы и услышите все по полной программе. Они уверены, что сами могут вести любую войну и выиграть ее: Флот, мол, посылает своих людей, занимает планету, а дальше дело Дипломатического корпуса.

Я охотно признаю, что с помощью новейших бомб можно превратить любую планету в пар. Никогда не видел ничего подобного, но — верю. Что ж, пусть, по их мнению, я — пережиток прошлого. Но я себя таким не чувствую и твердо знаю, что наши ребята в состоянии сделать то, что ни одному самому распрекрасному кораблю не под силу. Если правительству наши услуги больше не понадобятся, оно нам сообщит.

Хотя, возможно, в этом споре нет абсолютно правой стороны. Нельзя, например, стать маршалом, не имея опыта командования полком пехоты и большим кораблем. Поэтому сначала надо делать карьеру в Мобильной Пехоте, а потом получить звание офицера Флота (думаю, маленький Берди мечтал именно об этом). Или сначала поработать астронавигатором, а потом пройти через лагерь Курье и так далее — кому как нравится. К мнению человека, проделавшего или то, или другое, я прислушиваюсь с предельным вниманием.

Как большинство транспортов, «Сторожевой» был кораблем со смешанным экипажем. Самым удивительным поначалу было то, что мне разрешалось теперь проходить в головные отсеки — севернее «переборки номер тридцать». Стенка, отгораживающая женские отсеки от мужских, не обязательно носила этот номер, но по древней традиции на всех смешанных кораблях

называлась «переборка номер тридцать». Сразу за этой переборкой располагалась кают-компания, и дальше шла вся «женская половина». На «Сторожевом» кают-компания служила для женщин также столовой и местом отдыха. Комната отдыха офицеров называлась «карточной» и располагалась к югу от «переборки номер тридцать».

Кроме очевидного факта, что для осуществления выбросов и возвращения десанта требуются отменные пилоты (читай — женщины), имелась и другая весьма веская причина назначения на транспорты женщин. Это способствовало укреплению духа десантников.

Попробуйте представить себе состояние человека, которого с родного корабля выбрасывают на незнакомую планету, а там в конце пути его не ждет ничего, кроме увечий да неожиданной смерти! Как сохранить в этом человеке веру и мужество? Как сделать, чтобы он от выброса к выбросу учился преодолевать себя? Единственный выход — чтобы он постоянно видел перед собой живой идеал, олицетворение той трепетной, требующей защиты жизни, ради которой идет в бой.

Последнее, что слышит десантник перед выбросом (и, может быть, последние слова, которые он в жизни слышит), — это голос женщины, желающей ему удачи. Того, кто скажет, что это не имеет никакого значения, по-моему, просто нельзя считать человеком.

На «Сторожевом» работало пятнадцать офицеров Флота — восемь женщин и семь мужчин. А также восемь офицеров Мобильной Пехоты, включая и меня. Не буду утверждать, что пошел в Кадетский корпус для того, чтобы проникнуть за «переборку номер тридцать», но возможность есть за одним столом с леди грела мое сердце куда больше любой прибавки жалованья. Президентом за обеденным столом была командир корабля, вице-президентом — мой босс. Такой статус капитана основывался не на звании: еще три флотских офицера были равны ему. Но в ударной группе ему обязаны были подчиняться все, кроме командира корабля.

Наши шесть отрядов составляли две роты и значились как отдельный батальон. Капитан Блэкстоун командовал ротой Д и одновременно всем батальоном. Но наш отдельный был только частью обычного большого

батальона. Официально его возглавлял майор Ксера, который в то время вместе с ротами А и Б находился на точно таком же, как «Сторожевой», корабле «Нормандия». Майор командовал нами, когда весь большой батальон соединялся для совместного выброса. Блэкстоун отсылал Ксере доклады и получал от него инструкции, но, по-моему, большую часть вопросов решал напрямую с командованием Флота, штабом дивизии Мобильной Пехоты и начальством базы на Санкторе.

В армии, состоящей из сотен кораблей, раскиданных по Вселенной на расстоянии многих световых лет, административное устройство не может быть простым и безупречным. И «Долина Фордж», и «Роджер Янг», и «Сторожевой» входили в состав одного подразделения — Третьего полка («Баловни судьбы») Первой дивизии («Поларис»), Мобильной Пехоты. При проведении операции «Дом багов» из разрозненных подразделений собрали два батальона и сформировали наш Третий полк. Но что такое «наш» полк, я тогда не почувствовал. Все, что я видел в тот день, — это бедный сержант Бамбургер и несметные полчища багов.

В Мобильной Пехоте в десант идут все десять тысяч.

Трудно поверить, но в мировых войнах XX века для того, чтобы обеспечить боевую активность десяти тысяч солдат, требовалось семьдесят тысяч человек!

Нельзя не признать, что нужен еще Флот, чтобы доставлять Мобильную Пехоту к месту назначения. Но даже на небольшом корвете личный состав пехоты в три раза превосходит количество флотских. Конечно, нас обслуживают и штатские: ведь процентов десять Мобильной Пехоты обычно находится на отдыхе. И наконец, небольшое число лучших офицеров и сержантов преподают в учебных лагерях и, естественно, не участвуют в боевых действиях.

Если кто-то из Мобильной Пехоты занялся канцелярской работой, можете быть уверены, что у него не хватает руки или ноги или есть другое увечье. Это люди, которые отказываются увольняться. Они никогда не допустят, чтобы здоровый десантник занимался бумажками или другой работой, требующей не столько физических, сколько духовных сил.

И все же Мобильная Пехота всегда испытывает недостаток в людях — тем более когда идет война. Поэтому у нас так бережно относятся к каждому, кто проявил себя солдатом на деле. Мобильная Пехота — самая маленькая в истории человечества армия, если судить по численности населения, которое она охраняет. Десантника нельзя затащить на службу силой, нельзя нанять на деньги, нельзя силой удержать на службе, если он хочет уйти.

Десантник никогда не старается заполучить безопасную, легкую работу. Любог салага, который уже начал понимать, что такое Мобильная Пехота, всегда подкинет начальству несколько причин, объясняющих, почему он не может в данный момент заниматься уборкой или помогать повару. Это древняя солдатская традиция, и начальство о ней тоже знает, хотя и не подает вида.

Зато ни один десантник не станет уваливать от опасной работы. Потому что любой рядовой, садясь в капсулу, знает, что в Мобильной Пехоте *каждый* — от генерала до рядового — в этот момент делает то же самое. На расстоянии многих парсеков, на следующий день или через несколько часов — неважно. Важно, что в десант идут все.

Именно потому, что дерется каждый, Мобильная Пехота обходится малым количеством офицеров.

В Мобильной Пехоте ни один офицер не сидит без дела. Каждый обязательно командует каким-нибудь подразделением. Офицеры составляют три процента личного состава — все, что нужно Мобильной Пехоте, тем более что она использует своих офицеров не совсем стандартным способом. На практике очень многие офицеры носят «несколько фуражек сразу»: война создает слишком много вакансий. Именно поэтому даже у командира отряда есть свой штаб — отрядный сержант.

Лейтенант в этой ситуации еще может обойтись без сержанта (как и сержант без него). Но для генерала штаб просто необходим: слишком много работы, чтобы уместить ее в одной голове. Генералу нужна большая группа планирования и небольшая группа боевой поддержки. Из-за нехватки офицеров командиры подразделений на генеральском флагмане составляют заодно и группу планирования. Поэтому их подбирают из луч-

ших специалистов по математической логике. А когда приходит время, они сражаются во главе своих подразделений.

Генерал идет в десант в окружении нескольких офицеров — это весь его оперативный штаб, помогающий ему командовать боем. Плюс небольшая команда отборных десантников — чтобы командующему не досаждали невежливые туземцы. Чаще всего этим ребятам действительно удается генерала защитить.

Начиная с роты все командиры имеют заместителей. Вернее, должны иметь. Потому что на деле приходится обходиться без них (и, тем самым, большая нагрузка, конечно, падает на сержантов).

Так Мобильная Пехота обходится всего тремя процентами офицеров, тогда как в древности их количество в армиях доходило до десяти, пятнадцати и даже двадцати процентов! Сейчас это кажется сказкой, но так было в XX веке. Остается лишь гадать: что это за армия, в которой офицеров было больше, чем капралов, а сержантов больше, чем рядовых?!

Хотя что тут гадать? Это были армии, обреченные на поражение — по крайней мере так учит история. Армии, больше похожие на гражданские организации. Сборище бюрократов, большая часть которых никогда не знала, что такое поле боя.

Чем занимались офицеры, которые не были обязаны поднимать солдат в атаку? Конечно, чепухой: работники офицерских клубов, офицеры-воспитатели, офицеры по физической подготовке, офицеры-политинформаторы, офицеры по транспорту, офицеры-юристы, офицеры-священники, помощники священников и т.д. и т.п. Короче, главное было выдумать должность — и на нее тут же брали офицера.

В Мобильной Пехоте всем этим занимаются боевые офицеры. А в одной из самых больших армий XX века дошло до того, что настоящие боевые офицеры носили специальные знаки отличия, чтобы отделать себя от орды тепло устроившихся бездельников.

Нехватка офицеров с течением войны все усиливалась. Ведь процент потерь среди них был самым высоким. А в Мобильной Пехоте офицерский патент не выдают лишь для заполнения имеющейся вакансии. В

среднем каждый полк новобранцев поставляет примерно одинаковое количество десантников, годных для дальнейшего продвижения по службе. И увеличение набора в Кадетский корпус означало бы снижение качества командования. Для руководства боевыми подразделениями на «Сторожевом» требовалось тринадцать офицеров: шесть командиров отрядов, два командира роты, два их заместителя и командир отдельного батальона с заместителем и адъютантом.

Но офицеров было только шесть. И еще я.

Я поступил в распоряжение лейтенанта Сильвы, но он отбыл в госпиталь как раз в тот день, когда я появился на корабле. Как мне сказали, лейтенанта одолела непонятная лихорадка. Но отсутствие командира вовсе не означало, что я должен принять командование его отрядом. Временного третьего лейтенанта не считают настоящим офицером. Капитан Блэкстоун мог перевести меня под начало лейтенанта Байонна, а отрядом Сильвы командовал бы его сержант. Или Блэкстоун при желании «надел бы третью фуражку».

На самом деле он сделал и то и другое. При этом, формально назначив меня командиром первого отряда, Блэкстоун сделал лучшего сержанта «пантер» и своим батальонным сержантом, а своего батальонного отправил в первый отряд. Затем капитан, не церемонясь, объяснил мне, что официально командиром отряда буду значиться я, а командовать будет он сам и сержант.

Но время шло, и я старался поставить себя более независимо. В конце концов мне разрешили идти в десант командиром отряда. Но я понимал, что одного слова сержанта было бы достаточно, чтобы от меня осталось мокрое место.

Все же меня это устраивало. Это был мой отряд — потому что я шел с ним в десант. Потому я сразу взял на себя максимум обязанностей: если бы у меня что-то не получилось, то чем раньше меня отчислили бы, тем лучше было бы для всех. Но, видно, из-за недостатка опыта я, вместо того чтобы рационально распределять обязанности, проводил с десантниками все свое время. Так продолжалось примерно с неделю, потом меня вызвал Блэкстоун. Разговор происходил у него в кабинете:

— Может, ты объяснишь мне, чем занимался всю эту неделю, сынок?

Я промямлил, что старался получше подготовить отряд к десанту.

— Да? Тогда должен тебя разочаровать: пока все получается наоборот. Неужели ты не чувствуешь, что лезешь не в свое дело? Ты их будоражишь, превращаешь в осиное гнездо! Для чего, спрашивается, я дал тебе лучшего на всем Флоте сержанта? Ступай в свою кабину и не высовывайся! Лучше всего привяжи себя к стулу... А когда прозвучит сигнал «приготовиться к операции», сержант передаст тебе отряд, отлаженный и настроенный, как концертный рояль. И еще одно. Мне не нужен на борту офицер, который напоминает застегнутого на все пуговицы кадета. Брось глупую привычку говорить обо мне в третьем лице. Оставь ее для генералов или, в крайнем случае, для капитана корабля. Офицер должен быть уверенным в себе без всех этих выкрутасов. Расслабься, сынок...

— Да, сэр...

— Чтоб я это твое «сэр» слышал в последний раз! И перестань все время козырять! А что за утрюмое выражение лица? Сразу вспоминаешь Кадетский корпус. Ну-ка, улыбнись!

— Да, с... то есть о'кей.

— Ну вот, уже лучше. Теперь прислонись к переборке. Почешись. Зевни. Почувствуй себя молоденьким рядовым.

Я попробовал...

Капитан Блэкстоун критически оглядел меня.

— Потренируйся, — сказал он. — Офицер не должен выглядеть испуганным или напряженным. Это плохо действует на подчиненных. А сейчас, Джонни, можешь сказать, в чем твой отряд нуждается. И не мелочись. Мне не интересно, у кого из стенного шкафа пропали носки...

Я лихорадочно соображал.

— Хм... может быть, вы уже знаете, что лейтенант Сильва собирался представить Брамби на сержанта...

— Да, знаю. Твое мнение?

— Ну... Судя по документам, он уже два месяца ходит в десант командиром группы. Его действия оцениваются очень хорошо.

— Я спрашиваю о ваших собственных рекомендациях, мистер.

— Но... прошу прощения, я ни разу не был с ним в деле, поэтому не могу иметь четкого мнения. На корабле каждый может быть хорошим солдатом. Однако, насколько я могу судить, он уже слишком долго выполняет функции сержанта, чтобы просто так убрать его, а над группой поставить кого-нибудь другого. Новый шеврон должен появиться у него до того, как мы пойдем в десант. Или его нужно перевести в другое подразделение, когда мы вернемся. В этом случае, чем скорее его переведут, тем лучше.

Блэки покачал головой:

— Уж больно ты щедр, как я погляжу, мистер третий лейтенант. Раздаешь моих «черных гвардейцев» налево и направо.

Я почувствовал, что краснею.

— Но я все же настаиваю. Это единственное слабое место в отряде. Брамби нужно повесить или перевести. Я не хочу, чтобы он возвращался к своим капральским обязанностям, а другой перепрыгнул через его голову. Он скиснет, и слабое место превратится в дыру. А вы сами знаете, чем это грозит в десанте. Если нельзя нашить еще один шеврон, лучше отдайте его в Департамент кадров на базе. Тогда он не будет унижен и получит шанс стать сержантом в другой команде. Вместо того чтобы загнуться здесь.

— Правда? — переспросил капитан, но, несмотря на тон, лицо его оставалось бесстрастным. — А теперь, после мастерски проведенного анализа, примени свои дедуктивные способности и объясни: почему же лейтенант Сильва не перевел Брамби три недели назад, когда мы спокойно сидели на Санкторе?

Я задумался. Наилучшее время для перевода десантника в другую часть — следующее же мгновение после того, как решил это сделать. По крайней мере, так говорят учебники. Я спросил:

— В то время лейтенант Сильва был уже болен, капитан?

— Нет.

Вдруг все встало на свои места.

— Капитан, я рекомендую немедленно представить Брамби к сержантскому званию.

Он поднял брови.

— Минуту назад ты считал его слабым местом...

— Не совсем так. Я сказал, что нужно поскорее выбирать — или одно, или другое. Я только не знал, что выбрать. Но теперь знаю.

— Продолжай.

— Я знал, что он прекрасный офицер, — не сдавался я, — ведь он оставил мне превосходный отряд. Теперь так. Хороший офицер, если даже и не желает чьего-либо повышения по причине — ну, в общем, по любой причине, — не обязательно доверяет свои сомнения бумаге. Но в этом случае, если он не хотел делать Брамби сержантом, то должен был избавиться от капрала при первой возможности. Однако Сильва этого не сделал. Поэтому я рекомендую Брамби... — Я помолчал и добавил: — И все-таки я не понимаю, почему нельзя было все сделать три недели назад. Брамби еще на отдыхе получил бы третий шеврон.

Капитан Блэкстоун ухмыльнулся.

— Ты подошел в своем следствии к самому главному, чего не обязательно знать стажеру. Но так и быть. Открою один из наших маленьких секретов. Запомни, сынок: пока идет война, никогда не представляй своего человека к повышению перед тем, как вернуться на базу.

— Но... почему, капитан?

— Ты сам сказал, что если бы мы не хотели повышать Брамби, то нужно было бы послать его в распоряжение Департамента кадров. Но именно туда он и попал бы, если бы его представили к сержантскому званию три недели назад. Ты просто не знаешь, как охочи эти ребята из Департамента до сержантов. Хороший сержант сейчас ценится не меньше офицера, а может быть и больше. Полистай для интереса запросы с базы и увидишь, что у нас давным-давно лежит требование на двух сержантов. Только потому, что прежний отрядный сержант был направлен в Кадетский корпус, а место

командира одной из групп уже давно пустует, я смог им отказать...

Блэкстоун соорудил пренебрежительную гримасу.

— У войны свои жестокие правила, сынок. Те ребята в Департаменте тоже вроде свои. Они хотят увести у меня сержанта, чтобы передать его такому же, как я, капитану Мобильной Пехоты. Но я должен думать о батальоне. И другого выхода нет...

Он вытащил из папки два листа бумаги.

— Вот...

Один листок был заявлением от лейтенанта Сильвы капитану. Сильва рекомендовал Брамби в сержанты. Заявление было написано месяц назад.

Другая бумага оказалась сержантским патентом, выписанным на имя Брамби на следующий день после того, как мы покинули Санктор.

— Это тебя устраивает?

— О да. Еще бы!

— Я ждал, что ты укажешь на это слабое место в твоём отряде. Я доволен, что ты попал в точку, хотя и не полностью: грамотный офицер мог бы понять, что к чему, и без моих подсказок. Для этого нужно было немножко порыться в бумагах и разобраться в общем состоянии дел в батальоне. Ну, ничего. Во всяком случае ты приобрел опыт. Теперь вот что сделаешь. Напиши мне точно такое же заявление, какое написал Сильва, но поставь вчерашнее число. Потом скажи сержанту отряда, чтобы он от твоего имени передал Брамби, что ты порекомендовал его к третьей нашивке. Когда Брамби придет ко мне, я скажу, что оба его офицера, независимо друг от друга, рекомендовали его в сержанты. Думаю, это пойдет ему только на пользу. О'кей.

Следующие две недели я был занят, как никогда в жизни. Даже в лагере Курье не испытывал таких нагрузок. Десять часов в день в оружейной на должности механика. Но от курса математики меня никто не избавлял, и после ланча я исправно отправлялся к капитану Йоргенсен, которая с течением времени не только не снижала, но, похоже, увеличивала требовательность. На еду — примерно полтора часа в день. Плюс необходимый уход за собой — побриться, принять душ, наконец, пришить пуговицу к форме...

Караульная служба, парады, инспекции, минимум работы с отрядом — час. Кроме того, я ведь еще был «Джорджем». В каждом подразделении есть свой «Джордж» — самый молодой из офицеров, на которого сваливают все так называемые второстепенные нагрузки — занятия гимнастикой, цензуру почты, судейство на спортивных соревнованиях, дежурства по столовой и так далее и тому подобное.

До меня «Джорджем» был Ржавый Грэхем. Затем он с радостью передал «должность» мне. Но улыбка сползла с его лица, когда я потребовал инвентаризации всего имущества, за которое должен был теперь отвечать. Он тут же полез в бутылку и ледяным тоном заявил, что если я не верю настоящему офицеру на слово, то мне придется подчиниться его приказу. Тогда я тоже уперся и сказал, чтобы он свой приказ изложил письменно. Причем в двух экземплярах: один — себе, а копию передам командиру.

Тут Ржавый отступил — даже второй лейтенант не настолько глуп, чтобы отдавать такой приказ в письменном виде. Стычка не доставила мне удовольствия: с Грэхемом я делил комнату, к тому же он был моим инструктором по математике. Но тем не менее инвентаризацию мы все же провели. Лейтенант Уоррен буркнул что-то насчет тупого педантизма, но свой сейф открыл и дал проверить документацию. Капитан Блэкстоун открыл сейф без комментариев, так что я не понял, одобряет он мою пунктуальность или нет. С документами все обстояло нормально, но вот кое-каких вещей не хватало. Бедный Грэхем! Он принял дела от своего предшественника, не пересчитывая, а спросить теперь было не с кого — тот парень давно погиб. Ржавый провел бессонную ночь (и, клянусь, я тоже), а утром пошел к Блэки и рассказал все.

Блэки для начала показал ему, где раки зимуют, а потом прошелся по реестру недостающего и большую часть списал как «утерянное в бою». В результате Ржавый отделался лишением недельного жалованья.

Конечно, не все заботы, выпадавшие на долю «Джорджа», такие тяжкие. Ни разу не собирали трибунал (где «Джордж» обычно выполнял обязанности обвинителя) — в хороших подразделениях их просто не бывает. Пока

корабль шел в пространстве Черенкова, не нужно было проверять почту — она не приходила. Гимнастику я передал Брамби. Кормежка всегда была отличной, я только утверждал меню и снимал пробу, лишь изредка заглядывая на кухню. Зато после бесконечной возни в оружейной приятно было сбегать к повару и получить для себя и других механиков сандвичи.

И все же нагрузки «Джорджа» отнимали до двух часов в день — уж очень их было много.

Теперь вы можете понять, как мне доставалось: десять часов в оружейной, три — на математику, полтора часа еда, один час на личные нужды, час работы с отрядом, два часа в качестве «Джорджа» и, наконец, восемь часов сна. Итого — двадцать шесть с половиной часов. К сожалению, расписание на корабле основывалось не на санкторских сутках, составляющих двадцать пять часов. Как только мы покидали базу, то сразу переходили на земной стандарт.

Единственным резервом времени, как всегда, оставался сон.

Однажды в час ночи, когда я сидел в карточной, пытаюсь пробиться сквозь дебри очередного задания по математике, туда вошел капитан Блэкстоун.

— Добрый вечер, капитан, — сказал я.

— Скорее, доброй ночи. Что это тебе не спится? Бессонница? Или, может, ты лунатик?

— Пока еще нет.

— Неужели твой сержант не может заняться бумажками? — Он взял со стола несколько листков. — А-а, понятно. Отправляйся в постель.

— Но капитан...

— Хотя нет, лучше присядь-ка. Мне нужно поговорить с тобой. Я ни разу не встречал тебя вечером в карточной, но, проходя мимо твоей комнаты, видел, как ты сидишь за столом. Когда же твои ложатся спать, переходишь сюда. Что происходит?

— Ну... мне никак не удается все успеть. Не справляюсь...

— Всем всегда не хватает времени. Как дела в оружейной?

— По-моему, хорошо. Думаю, успеем.

— Я тоже так думаю. Послушай, сынок. Дело у тебя много, но нужно выбирать наиболее важное. На мой взгляд, у тебя две главные задачи. Первая — подготовить к десанту снаряжение отряда, что ты и делаешь. (О самом отряде можешь не беспокоиться, я тебе уже говорил.) А вторая задача — не менее важная — подготовиться к десанту самому. И здесь, по-моему, не все в порядке.

— Я буду готов, капитан.

— Чепуха. Ты забросил физическую подготовку и все меньше спишь. И при этом утверждаешь, что будешь готов к выбросу. А ведь тебе придется отвечать в десанте не только за себя, а за весь отряд. Поверь, это ох как не просто! С завтрашнего утра займешься физподготовкой по усиленному комплексу. В полдвенадцатого — отбой, без всяких исключений. Если две ночи подряд будешь больше четверти часа лежать в постели без сна, обратишься к врачу. Это приказ.

— Да, сэр. — Я чувствовал себя так, будто попал в капкан. И все же выдавил: — Но я все-таки не уверен, капитан, что смогу ложиться в полдвенадцатого и при этом все успею.

— Значит, не будешь успевать. Я уже сказал: тебе нужно научиться выделять главное. Расскажи, на что у тебя уходит время.

Я рассказал.

Он хмыкнул.

— Так я и думал. — Он перебрал листки на столе. — Понятно, понятно... конечно, ты должен готовиться к экзаменам. Но так надрываться перед десантом...

— Да, но я думал...

— «Думал»! С этого момента ты освобождаешься и от прочей ерунды. Всю обратную дорогу будешь заниматься математикой. Если будем живы. И запомни: никогда ничего не добьешься, пока не научишься определять, что для тебя в данный момент главное. Марш в постель!

Через неделю мы вышли из пространства Черенкова в намеченном месте, затормозили и обменялись сигналами с другими, уже пришедшими туда кораблями. Нам передали краткий план боя, похожий на рукопись романа средней величины.

Итак, роли были распределены. Оказалось, что в десант нас доставят, как маменькиных сынков, в шлюпках. В этот раз мы могли обойтись без капсул: наши части уже заняли плацдарм на поверхности планеты. Подразделения Второй, Третьей и Пятой дивизий Мобильной Пехоты спустились на планету и взяли на себя подавление противовоздушной обороны багов.

Казалось, наша цель не стоит прилагаемых усилий. Планета была меньше Земли, сила тяготения составляла только 0,7 земной. Ее поверхность почти сплошь покрывали холодный арктический океан и скалы. Минимум флоры и фауны. Воздухом планеты нельзя было дышать долго — в нем содержалось слишком много озона и окиси азота. Единственный континент был не больше Австралии, а в океане торчали мелкие, усеянные скалами островки. В общем, эта планета потребовала бы, наверное, порядочных усилий, чтобы ее освоить.

Но, слава Богу, планета была нужна не для колонизации. Мы пришли потому, что сюда явились баги. А явились они, по мнению Генерального штаба, не просто так. Как считали в штабе, на планете П находилась еще недостроенная военная база противника.

Против кого она должна была действовать, думаю, объяснять не надо.

Поскольку планета сама по себе ценности не представляла, самым простым было бы использовать возможности одного Флота. Флотские могли б и без нашего участия сделать несчастный сфероид непригодным для обитания кого бы то ни было. Но у командования родилась другая идея.

Предстоящая операция квалифицировалась как рейд. Быть может, покажется странным называть рейдом операцию, в которой задействованы сотни кораблей и тысячи людей. Тем более что значительной части Флота приходилось в это время держать в напряжении другие силы багов, отвлекая их и не давая им возможности помочь планете П.

Но при всем том наше командование нельзя упрекнуть в нерасчетливости. Такой широкомасштабный рейд должен был во многом определить, кто выиграет войну — неважно, через год или лет через тридцать. Дело в принципе. Нам необходимо было узнать как можно

больше о психологии багов. Требовалось ли для победы уничтожить всех багов в Галактике? Или можно все-таки наладить контакт и установить мир? Мы не знали, так как понимали их не лучше, чем земных термитов.

Для того чтобы изучить их психологию, необходимо было общаться с ними, раскрыть мотивы их деятельности, понять, почему они дерутся и при каких условиях драться перестанут. Для этого корпусу военных психологов требовались пленные.

Легче всего было поймать рабочих багов. Но их рабочий, как оказалось, мало отличался от следующего инстинкту насекомого. При известной сноровке удавалось поймать и воина. Но выяснилось, что без дирижера эти воины такие же идиоты, как и рабочие. Благодаря поимке воинов, тем не менее, наши ученые узнали очень важные вещи. В результате, к примеру, был придуман тот самый тяжелый газ — безвредный для нас и смертельный для багов. Детальное изучение их биохимии позволяло в короткие сроки создавать разные виды нового оружия. Но для того, чтобы понять, почему баги дерутся, необходимы были представители касты интеллектуалов. К тому же мы надеялись, что таких пленных можно будет обменивать на наших ребят.

До сих пор ни один баг-интеллектуал не попадался нам живым. Или мы вычищали, как на Шэоле, всю планету до дна и на ней не оставалось ни одного живого бага. Или, что бывало чаще, ребята спускались за «дирижерами» в их дыры, но никто никогда обратно не возвращался. Многие лучшие десантники погибли именно так.

Еще больше пехоты погибло из-за невозможности подняться с планеты. Команда оставалась на планете потому, что ее корабль или корабли уничтожались противником на орбите. Какая судьба выпадала тогда на долю десанта? В большинстве случаев погибали все до единого. Ребята дрались до тех пор, пока в скафандрах сохранялась энергия. А потом баги брали уцелевших голыми руками.

От наших новых союзников скиннов мы узнали, что многие десантники находятся в плену — сотни, а может быть, тысячи ребят. Разведка утверждала, что пленных скорее всего перевезли на Клендату. Баги, безус-

ловно, были заинтересованы в пленных не меньше нашего. Судя по всему, они понимали нас еще меньше, чем мы их. Разделенная на индивидуальности раса, умеющая строить города, звездные корабли, умеющая воевать, была для муравьиного сообщества еще больше загадкой, чем муравьиное сообщество для нас.

Короче, мы хотели, если возможно, выручить наших ребят из плена.

По жестким, бездушным законам Вселенной именно в этом заключалась наша слабость. Вполне возможно, что раса, которая совершенно не заботится о спасении своего индивидуума, призвана освободить пространство Вселенной от более слабой, построенной на гуманных принципах цивилизации. У скиннов гуманность проявлялась в гораздо меньшей степени, а у багов такой «недостаток», похоже, отсутствовал совсем. Никто и никогда не видел, чтобы один бег пришел на помощь другому — даже раненому. Их подразделения были великолепно скоординированы, но они легко оставляли погибать любое скопление воинов, когда понимали, что в нем нет нужды.

Что говорить, мы вели себя совсем по-другому. Так уж, наверно, устроены люди. В газетах вы могли прочитать заголовки типа «Двое погибли, пытаюсь спасти утонувшего ребенка». Если человек потерялся в горах, сотни отправляются на поиски, и часто бывает, что некоторые из них гибнут сами.

Не блестящие, с точки зрения арифметики, результаты... Но как мы можем отречься от принципов гуманизма? Они пронизывают весь фольклор, все земные религии, всю литературу.

В основе нашей цивилизации лежит убеждение, что, если одному человеку нужна помощь, остальные никогда не будут высчитывать, во что эта помощь обойдется... Слабость? Нет, это единственная сила, хранящая нас на просторах Галактики.

Но слабость это или сила — баги жили по-другому. И шансы на обмен пленными были ничтожно малы.

Однако, с другой стороны, в муравьином сообществе некоторые касты ценились гораздо выше других. По крайней мере, на это надеялись наши психологи. Если

бы мы могли захватить бага-интеллектуала живым и невредимым, у нас появились бы шансы на обмен.

А если захватить королеву?

Какова обменная цена королевы? Полк Мобильной Пехоты? Никто не знал. План боя предписывал нам захватить именно «аристократию» багов — интеллектуалов и королев — и любой ценой.

У операции «Аристократия» имелась и третья цель: выработать метод, как спускаться в норы, как выковыривать оттуда багов, как побеждать, не применяя оружия тотального уничтожения. Десантники превосходили воинов-багов на поверхности планеты. Наш Флот тоже постепенно начинал добиваться превосходства. Но мы оказывались беспомощными, когда спускались в их туннели.

Даже если бы в последующем не удалось обменять «аристократию» багов на наших, для проведения подобной операции были, таким образом, веские причины. Планета П становилась тестом, проверкой в боевых условиях нашей способности найти средства для полной победы.

«Краткий план» был прочитан каждому десантнику и повторен во время гипнотической подготовки. Нам дали понять, что операция «Аристократия» может помочь вызволить друзей из ужасного плена. В то же время мы знали, что на планете П людей нет — она еще ни разу не подвергалась нападению. Поэтому даже самые ретивые не должны были рваться под землю, чтобы собственноручно спасти товарищей, а заодно заработать медаль. Намечалась очередная охота на багов. Но охота, подкрепленная на этот раз огромной концентрацией сил и новыми способами ведения боя. Мы собирались чистить планету, как луковицу, шкурка за шкуркой, пока не станет ясно, что ни одного бага на ней нет.

На первом этапе Флот прошелся по всем мелким островам и заодно по незаселенной части континента, превратив их в каток из радиоактивного стекла. Командование позаботилось и насчет нашего тыла: Флот организовал постоянный патруль на подступах к околопланетной орбите. Боевые корабли охраняли нас с тыла, эскортировали транспорты. Флотская разведка следила за тем, чтобы баги не вылезали из своих нор и не

тревожили нас. Такая возможность, пусть даже небольшая, существовала и после проведения операции «Каток».

Перед «Черной гвардией» Блэки план ставил сравнительно простую задачу: поддержка и охрана Главной миссии, контакт с соседними подразделениями Мобильной Пехоты и уничтожение любого бага, который осмелится показать свою мерзкую голову на поверхности. При более благоприятных условиях — углубление операции на занятой территории.

Приземление было необычно комфортным — с планеты не было никакого сопротивления. Я вывел отряд из шлюпки и повел к месту назначения рысью — то есть на пределе мощности скафандров. Блэки умчался вперед еще быстрее, чтобы встретиться с командиром роты, которого он должен был заменить, выяснить обстановку и точнее определить размеры занимаемой нами территории. Он скакал к горизонту, словно заяц с реактивными двигателями на задних лапах.

Я послал Кунха с его первой группой занять передние углы моей территории. Потом приказал отрядному сержанту отправиться к левым соседям, где должны были располагаться части Пятого полка. Наш Третий полк обязан был занять участок в триста миль длиной и восемьдесят шириной. Мне достался «огород» сорок на семнадцать на левом фланге полка. За нами стояли «пантеры», справа — отряд лейтенанта Корошэна, а за ним — Ржавый со своими ребятами.

Наш Первый полк уже заменил полк Пятой дивизии, встал слева и чуть впереди нас. «Впереди», «с тыла», «справа», «слева» — обозначения, конечно, очень условные, но план предусматривал очень жесткую регламентацию позиций. Данные по предусмотренному расположению частей вводились в программы компьютеров скафандров, что, безусловно, облегчало офицерам управление войсками и контроль за каждым своим человеком. Линии фронта как таковой не существовало — просто имелась территория, которую нужно было занять. Насколько я мог судить, боевые действия велись сейчас только на нашем правом фланге.

Недалеко, всего в двухстах милях, должен был располагаться Второй отряд роты Джи Второго батальона Третьего полка, более известный как «сорвиголовы».

Хотя с той же долей уверенности можно было утверждать, что «сорвиголовы» сейчас воюют на расстоянии сорока световых лет. По тактическим причинам размещение боевых подразделений никогда не совпадало с официальной схемой. Все, что я знал из плана, это несколько строк о некоем Втором батальоне справа от нас, в тылу ребят с «Нормандии». Но этот Второй батальон мог с тем же успехом быть из другой дивизии. Маршал играет с Генштабом в шахматы, не спрашивая у пешек, где им хотелось бы стоять.

Но раздумывать о «сорвиголовах» было некогда. Мне хватало забот и как лейтенанту «Черной гвардии». С отрядом все было пока нормально, он находился в целостности и сохранности, как на самой гостеприимной из планет. Но предстояло еще очень много сделать до того, как Кунха со своей группой доберется до самого дальнего угла моего участка.

Я обязан был:

Найти командира отряда, который занимал участок до меня. Застолбить углы «огорода» и идентифицировать их для командиров отделений и групп. Установить контакт с командирами восьми соседних отрядов, пять из которых уже должны были быть на месте (из Пятого и Первого полков), а три другие (Корошэн из «Черной гвардии» и Байонн с Сукарно из «пантер»), как и мой, в настоящее время только разворачивались. Наконец, как можно быстрее расставить своих людей по намеченным позициям.

Последнее нужно было проделать как раз в первую очередь. Вторая группа во главе с Брамби располагалась на левом фланге, Кунха — впереди и чуть левее. Остальные группы занимали территорию между ними.

Такое стандартное разворачивание на позиции мы не раз отрабатывали на корабле, все время пытаясь справиться с задачей побыстрее. Я приказал в микрофон:

— Кунха! Брамби! Разворачивайте своих. Используйте сержантский канал связи.

— Первый — принято! Второй — принято! — откликнулись они.

— Командиры отделений! Присматривайте за новичками. Здесь мог остаться кто-нибудь из «Херувимов», и я не хотел бы, чтоб наши невинные новобранцы погибали от рук своих же парней!

Я переключился на личный канал связи.

— Сержант, нащупал кого-нибудь слева?

— Да, сэр. Они видят меня, я вижу их.

— Хорошо. Я что-то не могу засечь сигнал от якорного маяка.

— Я тоже.

— Так. Предупреди командиров отделений. Кто там поближе? Хьюз? Пусть попробует установить новый маяк, если старого нет.

Я был встревожен: никто из Третьего и Пятого полков почему-то не позаботился о сигнальном маяке. Его нужно было установить в очень важной точке — в левом переднем углу моего участка, где сходились позиции трех полков.

Но гадать не было смысла. Я продолжал:

— В крайнем случае рванешь к маяку сам. Разберешься на месте.

— Да, сэр. По-моему, это недалеко от меня. Всего миль двенадцать.

— Отлично. Пока я отключаюсь — попытаюсь найти своего предшественника. От него тоже никаких сигналов, как всегда, все перепутали. Найду тебя позже.

— Удачи, мистер Рико.

Я помчался вперед на максимальной скорости, одновременно подключившись к офицерскому каналу связи:

— «Херувимы Чанга», ответьте. «Херувимы Чанга», ответьте. Вы слышите меня? Отвечайте!

Я все же хотел переговорить с командиром отряда, занимавшего участок до нас. И не для того, чтобы обменяться любезностями. Скорее, наоборот.

То, что я увидел, мне совсем не понравилось.

Похоже, первоначальный план о легком захвате превосходящими силами небольшой недостроенной базы багов был слишком оптимистичным, или же «Черной гвардии» Блэки достался самый трудный участок. Еще вылезая из шлюпки, я заметил с поддюжины валявшихся на земле скафандров. Пустых или с мертвыми десантниками внутри.

Во-вторых, дисплей моего тактического радара показывал весьма неприглядную картину: большинство моих ребят толпилось у места приземления, меньшая часть отряда продвигалась в глубь участка, но никакой системы в этом движении не было.

Я отвечал за 680 квадратных миль вражеской территории, и крайне важно было получить всю информацию об этой территории до того, как отряд полностью на ней развернется. План боя на этот раз предусматривал совсем новую тактическую доктрину, сулившую, по-моему, только лишние осложнения. Не подходить вплотную к туннелям багов. И не закрывать их, как мы привыкли, с помощью небольших бомб. Блэкстоун сообщил мне о новой доктрине так, будто это его самого осенила такая гениальная мысль. Но я сильно сомневался, что в самом деле она ему нравилась.

Тактика была простой и логичной, если только не жалеть потерь: позволить багам вылезать на поверхность и уничтожать их наверху. Не нужно бомбить их дыры, пускать в них газ — наоборот, пусть беспрепятственно лезут наверх. Зато через некоторое время — день, два, неделю, — если силы у нас действительно превосходящие, они перестанут вылезать. В Отделе планирования Генштаба подсчитали (разрази меня гром, если знаю как), что баги прекратят сопротивление на поверхности планеты после того, как потеряют от семидесяти до девяноста процентов своих воинов.

Тут мы и начнем сдирать шкурки с планеты, проникая все глубже вниз, уничтожая на своем пути уцелевших воинов и стараясь заполучить живьем кого-нибудь из «аристократов». Мы знали, как они выглядят — нам показывали фотографии мертвых представителей этой касты. Известно, что они почти не передвигаются: к здоровенным телам были приделаны декоративные ножки. А королеву никому пока увидеть не удавалось. Правда, ребята из Биологического корпуса набросали несколько предположительных «дружеских шаржей»: неприятные на вид монстры величиной с лошадь и, по заключению тех же биологов, совершенно неподвижные.

Кроме интеллектуалов и королев должны были существовать и другие «аристократы». Но нам было не до

нюансов. Так или иначе задача оставалась той же самой — выкуривать багов наружу, уничтожать их, а потом хватать живьем тех, кто останется.

Прекрасный план. И очень логичный. Жаль, только на бумаге. Для меня он означал, что отряду придется держать сотни квадратных километров территории с открытыми норами. И каждую такую нору, от которой можно ждать любой пакости, придется держать в поле зрения.

А если дырок окажется слишком много... Допустим, я могу как бы случайно засыпать несколько штук, чтобы ребята справились с остальными. Рядовой в обычном скафандре способен оборонять значительную площадь, но под специальным надзором он может держать только одну точку, не больше.

Я продвинулся на несколько миль, обогнав свою первую группу. Одновременно вызывал на связь командира «Херувимов», потом любого из офицеров, затем передавал позывные «Сторожевого»...

Никто не отзывался...

В конце концов ответил мой собственный начальник:

— Джонни! Что ты шумишь на всю Галактику! Умолкни и отвечай по общему переговорному каналу.

Я начал объяснять ситуацию, но Блэки оборвал меня и сказал, чтобы я больше не искал командира «Херувимов» в своем квадрате. И остальных офицеров тоже. Может быть, кто из сержантов и остался жив, но линия командования у «Херувимов» полностью разрушена. Кроме капитана Чанга в операции участвовало еще три его офицера. Из них пока нашли одного — моего одноклассника Мойса, и Блэки как раз пытался что-либо выудить из него. Но Абе Мойс не был ценным источником информации. Когда я присоединился к их разговору и назвал себя, Абе решил, что я — его батальонный командир, и стал, задыхаясь, докладывать, что успел увидеть. Рассказывал он с нудной дотошностью видеомagneтoфона, но проку в его информации не было ничуть.

Наконец Блэки прервал его и приказал мне действовать, исходя из обстановки.

— Забудь о плане. Ситуацию представляешь. Так что будь начеку и не мешкай!

— О'кей, босс!

И я рванул на максимальной скорости через весь свой «огород» к самому дальнему углу, где должен был стоять якорный маяк. На лету я движением головы включил свой канал связи:

— Сержант! Так что насчет этого чертова маяка?

— Здесь негде его ставить, сэр. Свеженький кратер, масштаб шесть единиц.

Я свистнул про себя. В таком кратере может затеряться наш «Сторожевой». Одной из любимых штучек багов, которую они использовали, когда сами находились под землей, были гигантские мины. (Ракеты они пускали только с кораблей.) Если кто находился рядом во время взрыва, то получал шок от сотрясения.

Взрывная волна настигала даже в воздухе, нарушая работу гироскопов и выводя из-под контроля скафандр.

Но я никогда не видел кратер больше четырех единиц. Теоретически считалось, что они не могут устраивать слишком больших взрывов из боязни повредить собственные подземные жилища. Вот тебе и теория.

— Попробуй установить временный маяк, — сказал я. — И сообщи командирам отделений и групп.

— Я уже сделал это, сэр. Угол один-один-ноль. Вы сможет поймать его, если возьмете три-три-пять с того места, где сейчас находитесь.

Его голос звучал спокойно, как сержанта-инструктора на учениях.

Я обнаружил сигнал на дисплее над левой бровью — один длинный, два коротких.

— О'кей. Я вижу, что Кунха с группой уже почти развернулись. Возьми их, пусть контролируют кратер. Брамби придется продвинуться на четыре мили вглубь, чтобы прикрыть их.

Я с тревогой подумал, что теперь на каждого моего человека придется по четырнадцать квадратных миль. А если намазывать масло еще тоньше, то и по семнадцать. А багу, чтобы вылезти на поверхность, нужна дырка всего в пять футов шириной.

— Кратер очень горячий? — спросил я.

— Дно желто-красное. Я не спускался в него, сэр.

— Держись подальше. Я сам проверю попозже.

Незащищенного человека желто-красный кратер, конечно, убьет, но десантник в скафандре может там некоторое время продержаться.

— Скажи Найд, что меня интересуют две вещи: движения в самом кратере... и шумы вокруг него...

(Мы никогда не пошлем людей в атаку туда, где они схватят убийственную дозу радиации. Но с багов станется. Если они признают это целесообразным.)

— И передай Найд, что еще. Пусть Малан и Вйорк подойдут к краю кратера и установят прослушиватели. И пусть Найд докладывает обо всем мне. Я имею в виду — тебе и мне.

— Да, сэр. — Сержант помолчал и добавил: — Могу я сделать предположение?

— Конечно. И не спрашивай каждый раз разрешения.

— Наваррес спокойно управится с остальной частью первого отделения. Сержант Кунха может с группой отправиться в кратер, а Найд тогда будет следить у его кромки.

Я понял, что он имеет в виду. Найд стал капралом совсем недавно и никогда еще не командовал группой в бою. В самом деле, неразумно посылать его в эпицентр, быть может, самого опасного места на нашем участке. Сержант хотел поручить Найд, дело полегче.

Меня заинтересовало, знает ли он, о чем я думаю? В его скафандре, как у сержанта батальона, в отличие от моего был еще один канал связи. Личная связь с капитаном Блэкстоуном.

Блэки мог быть уже в курсе всего, слушая нас через этот самый канал. Ясно, что сержант не согласен с моей диспозицией отряда. Если я сейчас не последую его совету, то через секунду вполне могу услышать в наушниках голос капитана Блэкстоуна: «Сержант, примите командование отрядом. Мистер Рико, вы освобождаетесь от командования».

Но... Черт побери, капрал, которому не дают командовать группой, не настоящий капрал. И командир отряда, который, как кукла чревовещателя, повторяет лишь

слова своего сержанта, — ноль. Пустой командирский скафандр!

Я не долго предавался мучительным размышлениям. Эти мысли промелькнули в моей голове за одно мгновение, и я почти без паузы ответил:

— Я не собираюсь посылать капрала заниматься ерундой, годной для новобранца. А сержанта делать наседкой над четырьмя рядовыми.

— Но...

— Я, кажется, ясно сказал. Нужно, чтобы дежурные в кратере менялись через час. И еще. Необходимо как можно скорее осуществить патрульный осмотр всего участка. Командиры групп должны засечь каждый туннель багов и подавать от него сигнал командиру отделения. Так, чтобы у командиров отделений, сержанта отряда и командира отряда сложилась карта местонахождения всех дыр на нашей территории. Если их не так много, будем смотреть за каждой. Но это я решу позже...

— Да, сэр.

— Потом второй этап — более медленный и тщательный патрульный обход участка. Поиск дыр, пропущенных в первый раз. Помощники командиров групп на этом этапе пусть используют радары, инфравидение и прочую технику. Командиры групп должны получить сигналы о расположении каждого своего человека. Не пропускайте и чужие сигналы — на участке могут быть раненные из «Херувимов». Но никому не помогать без моего приказа. Прежде всего мы должны прояснить ситуацию с багами.

— Да, сэр.

— Еще что-нибудь?

— Только одно, — ответил он. — Я думаю, что в группах можно использовать технику уже при первом осмотре.

— Ладно, пусть так.

В его предложении был смысл: температура на поверхности планеты была намного ниже той, что поддерживали баги в своих туннелях. Поэтому на экране инфравизора даже закамуфлированная нора будет вы-

глядеть настоящим гейзером. Я бросил взгляд на дисплей.

- Кунха с ребятами почти у цели. Начинайте парад.
- Хорошо, сэр!
- Отбой.

Я переключился на общий канал связи и, продолжая двигаться к кратеру, слушал, как сержант осуществляет наш план. Одну группу он послал в кратер, а две оставшиеся раскидал так, чтобы худо-бедно, но заполнить положенную площадь. Второе отделение уже начало патрульный осмотр участка.

Сержант проделал все с завидной четкостью и без лишних слов. У меня бы наверняка так не вышло.

Подслушивал я неспроста: хотел узнать, возникнут ли при перестановке трения в группах. Но никаких разногласий не обнаружилось. Кунха и Брамби, получив приказание, молча его выполняли. Капралы вмешивались только тогда, когда группам действительно нужно было произвести новый маневр. Помощники командиров передавали уточняющие координаты. Рядовые и вовсе молчали.

Я слышал тяжелое дыхание пятидесяти человек. И оно вдруг напомнило мне шум морского прибоя. Блэки был прав. Отряд «играл, как концертный рояль».

Они не нуждались во мне. Я мог спокойно отправляться восвояси, а отряд работал бы как часы.

Я не был до конца уверен, что оказался прав в споре с сержантом и не отправил Кунха сторожить кратер сверху. Если что случится, а двое новобранцев у кромки ямы ничего не смогут сделать, все оправдания, что я поступил по инструкции, не будут стоить и ломаного гроша. Разве скажешь: да, я отправил людей на гибель, но зато по всем правилам?

Мне захотелось узнать, нет ли случайно у «сорвиголов» вакантного места сержанта.

Почти весь мой участок был ровным, как степь вокруг лагеря Курье. Судьба давала нам шанс первыми замечать вылезающих из-под земли багов и уничтожать, не давая им сориентироваться. Отряд развернулся широко: четырехмильные интервалы между людьми и шестиминутные — между патрульными обходами. Я пре-

красно понимал, что сил для настоящего контроля не хватает. По три-четыре минуты, по крайней мере, одна дырка оставалась без надзора, а за такое время из нее могла появиться целая армия багов. Радар, конечно, видит дальше, чем глаз человека, но, к сожалению, не так часто, так что особых надежд на него не было.

Вдобавок мы могли пользоваться только оружием избирательного и короткого радиуса действия: слишком много вокруг Мобильной Пехоты. Появись из ближайшей норы баг, я не смог бы ударить по нему чем-нибудь солидным: потом наверняка оказалось бы, что недалеко от бага находился свой брат десантник. Это обстоятельство сильно ограничивало нашу мощь и отчасти лишало уверенности в себе. В операции «Аристократия» только офицеры и отрядные сержанты были вооружены ракетами, но и они, судя по всему, их не применяли. Если ракета не находит своей цели сразу, то по присущей ей отвратительной привычке продолжает искать до тех пор, пока не найдет что-то подходящее. А свой или баг — ей безразлично. Мозги небольших ракет мало отличаются от куриных.

С какой радостью я обменял бы патрулирование небольшого «огорода», окруженного тысячами десантников, на обычный бой, когда точно знаешь, где свои, а где чужие. Но делать нечего, и я продолжал продвигаться к кратеру, появившемуся в столь неподходящем, стратегически важном месте. Я наблюдал за территорией, над которой летел, и одновременно следил за дисплеями радаров. Ни одной норы пока не обнаружил, но зато перепрыгнул через длинный сухой овраг, почти каньон. Исследовать его времени не было. Я передал координаты оврага отрядному сержанту и приказал кого-нибудь туда направить.

Кратер оказался еще больше, чем я представлял. «Сторожевой» действительно мог затеряться в этой яме. Счетчик радиоактивного излучения зашкаливал почти везде. Небезопасно даже для человека в скафандре. Я засек координаты кратера, измерил его ширину и глубину, а затем начал шарить вокруг, пытаясь найти все те же чертовы норы. Я не нашел ни одной, зато столкнулся с патрулями Пятого и Первого полков. Мы быст-

ро договорились поделить кратер на секторы наблюдения, чтобы каждая из групп могла в случае чего позвать на помощь две другие. Координатором выбрали Дю Кампо из «Охотников за головами» — лейтенанта наших соседей слева. Затем я отослал Найда с половиной его группы назад и доложил обо всем боссу и отрядному сержанту.

— Капитан, — сказал я Блэки, — никаких вибраций почвы не наблюдается. Хорошо бы мне слазить вниз и поискать дырки. Судя по счетчику, я не получу большой дозы, так что...

— Сынок, держись подальше от этого кратера.

— Но, капитан, я ведь...

— Заткнись. Ничего полезного ты там не найдешь. Я же сказал — держись подальше!

— Да, сэр.

Следующие девять часов были скучными и томительными. Нас готовили к сорока часам десанта (два витка планеты вокруг своего солнца) при помощи насильственного сна, гипноподготовки и введения специальных питательных веществ в кровь. Скафандры обеспечивали нас всем необходимым. Обычно они не рассчитаны на такое долгое действие, но сейчас у каждого из нас были дополнительные системы энергоснабжения и кислородной реактивации. И все же однообразное патрулирование неизбежно снижало бдительность десантников.

Я назначил Кунха и Брамби патрульными сержантами, оставив за собой и отрядным сержантом свободный осмотр территории. Потом приказал патрулям меняться составами, чтобы люди всякий раз осматривали новую для них территорию. Кроме того, мы с отрядным сержантом решили объявить премии и награды тому, кто первым найдет важный туннель, первым убьет бага и так далее. Уловки, годные для новобранцев в учебном лагере, но они хоть как-то помогали поддерживать в людях активность, что было жизненно важно прежде всего для них самих.

Неожиданно нам нанесло визит специальное подразделение: три военных инженера составляли почетный эскорт некоему светилу — пространственному экстра-

сенсу. За минуту до их прилета меня предупредил Блэки:

— Храни их как зеницу ока и делай все, что попросят.

— Да, сэр. А что им нужно?

— Откуда я знаю? Если майор Лэндри захочет, чтобы ты голым танцевал вокруг норы багов — танцуй...

Я отключился и приказал сержанту подтянуть ребят к месту предполагаемого прибытия гостей. Я решил сам встретить их, так как сгорал от любопытства: никогда не доводилось видеть такого типа за работой. Они приземлились чуть правее, чем ожидалось, и один за другим вылезли из аэрокара. Майор Лэндри и два других офицера были в скафандрах, с портативными огнеметами на поясе. Зато на гении не было ни оружия, ни скафандра — только кислородная маска и обычная форма без знаков различия. Казалось, его очень занимало все вокруг, он больше напоминал наивного и любопытного шестнадцатилетнего паренька, чем военного специалиста...

Меня ему не представили. Но я сам подошел поближе, и первое впечатление рассеялось, когда я увидел вокруг его глаз сеть глубоких морщин.

Экстрасенс повертел головой и вдруг сдернул кислородную маску. Я ужаснулся и, прислонив свой шлем к шлему майора, сказал, не включая связи:

— Майор... здесь очень горячий воздух. Кроме того, нас предупредили, что...

— Увянь, — сказал майор, — он сам все знает.

Я увял. Экстрасенс отошел на несколько шагов и замер. Потом закрыл глаза, оттопырил нижнюю губу и, казалось, полностью погрузился в себя.

Внезапно он открыл глаза и спросил капризно:

— Как можно ждать от человека результатов, когда вокруг него прыгают все время какие-то глупцы. Как блохи!

Майор Лэндри буркнул в мою сторону:

— Приземлите свой отряд.

— Майор, могу ли я разрешить моим людям передвигаться по земле?

— Нет. И заткнитесь наконец.

Экстрасенс надел кислородную маску и двинулся к аэрокару. Места для пятого в каре не предполагалось, но мне разрешили (вернее, приказали) уцепиться и повиснуть на подножке. Мы поднялись и пролетели пару миль. Здесь наш гений снова снял маску и стал, на первый взгляд, бесцельно бродить по окрестностям. Время от времени он обращался то к одному, то к другому инженеру, которые кивали и делали пометки в блокнотах.

Потом мы опять забрались в аэрокар и опять перелетели на новое место. Так повторялось много раз, я даже сбился со счета. Всего, по-моему, мы посетили не менее дюжины точек на моем участке, и всюду повторялось одно и то же. Потом они решили перебраться на территорию Пятого полка. Перед отбытием один из инженеров вытянул из блокнота лист и протянул мне:

— Карта, вернее, субкарта вашего участка. Эта широкая красная линия — единственный туннель багов на вашем «огороде». С правого края он проходит на глубине около тысячи футов, но к левому флангу постепенно повышается и покидает вашу территорию на глубине футов в четыреста. Может быть, четыреста пятьдесят. Вот эта голубая сетка возле туннеля — их колония. Самая высокая точка — сто футов от поверхности. Я ее пометил. Вам лучше поставить здесь прослушиватели до того, как мы вернемся и займемся этой колонией.

Я уставился на карту.

— Она надежна?..

Инженер быстро оглянулся на гения и еле слышно прошипел:

— Конечно, надежна, а вот вы — идиот! Вы что, хотите вывести его из равновесия?

Они улетели, а я все продолжал разглядывать карту. Инженер, следуя указаниям экстрасенса, сделал два наброска. Специальное устройство соединило их и нарисовало стереокартинку всего подземного царства у нас под ногами. Тысяча футов! Я был так потрясен, что даже забыл отменить команду «замри». Наконец я очнулся, приказал забрать прослушиватели из кратера и поставил двух ребят с ними в соответствии с удивитель-

ной картой — теперь мы прослушивали шумы вдоль их бульвара и над городом.

Я доложил обо всем Блэки. Когда начал объяснять координаты туннеля, он меня прервал:

— Майор Лэндри передал копию субкарты мне. Лучше скажи, где ты установил прослушиватели.

Я сказал.

— Не так плохо, Джонни, — пробурчал он. — Но не совсем то, чего бы хотелось мне. Ты установил слишком много ушей над туннелем. Нужно наоборот — четыре поставить над городом. А над бульваром у тебя останется еще четыре.

— Да, сэр, — сказал я и добавил: — Капитан, мы можем полагаться на эту карту?

— А что тебя не устраивает?

— Но... Это похоже скорее на магию. Черную магию!

— Сынок, у меня тут есть послание маршала, адресованное специально тебе. Он просил передать, что эта карта утверждена официально... и что он позаботится обо всем сам. Так что можешь спокойно заниматься своим отрядом. Все понятно?

— Да, сэр.

— И не забывай, что баги умеют быстро прокапывать ходы. Удели особое внимание прослушиванию не только туннеля, но и всей своей территории. Если пропорхнет бабочка, ты должен засечь шелест ее крыльев в любом углу твоего «огорода». И немедленно докладывать мне — что бы ни услышал!

— Да, сэр.

— Ты когда-нибудь слышал, как они роют?

— Не приходилось, сэр.

— Можешь представить, как жарится бекон? Так вот, по звуку похоже... Отмени патрульные обходы. Одного человека оставь у кратера. Половину отряда отправь спать на два часа. Остальные пусть не барахтаются, а внимательно слушают.

— Да, сэр.

— К тебе могут вернуться инженеры. Только что прислали новый план боя: саперы будут взрывать и затыкать главный туннель багов там, где он ближе всего

подходит к поверхности. Это слева от тебя, у «Охотников за головами». Другая саперная рота проделает то же в месте, где туннель разветвляется. Это миль за тридцать справа от тебя, на территории Первого. Они заткнут бульвар с двух сторон и отрежут самую большую их колонию. Интересно, что такую же штуку устроят и в других местах. Далее — по ситуации. Или баги начнут прорываться наружу, и нам придется организовать бойню. Или затаятся внизу, и тогда придется спускаться самим.

— Понятно, сэр.

Я не был уверен, что понял абсолютно все, но задачу, кажется, уяснил.

— Пусть твои ребята на фланге войдут в контакт с саперами, когда те придут, и помогут, если понадобится.

— Хорошо, капитан.

Просьба о помощи саперам меня не огорчила. Военные инженеры почти равны Мобильной Пехоте. С ними приятно работать. Когда становится жарко, они мигом бросают свои дела и дерутся — может быть, не так профессионально, но не менее храбро, чем мы. Или работают на переднем крае, в самой гуще сражения.

— Ну, держись, сынок...

Двенадцать ушей. Это означало, что на каждый пост я могу поставить только полгруппы. Капрала и трех рядовых. А половину отряда отправить спать. Перегруппировка отряда заняла не более десяти минут: я детализировал план, довел все координаты до сведения сержантов и предупредил насчет возможного прибытия инженеров. Как только отделения доложили о включении новых постов прослушивания, я перешел на общий канал:

— Нечетные номера! Ложись. Вам два часа на сон. Один... два... три... четыре... пять — спать!

Скафандр, конечно, не пуховая перина, но спать в нем можно. В гипнотическую подготовку перед боем, кроме всего прочего, включается удивительный трюк, позволяющий в редкие минуты отдыха десанта единственной командой заставить людей моментально заснуть.

Причем команду может дать и не гипнотизер. Затем в нужный момент можно точно так же разбудить ребят, и они будут свежи, бодры и готовы к драке. Этот трюк часто выручал нас, если не сказать — спасал: измученному, измотанному человеку очень трудно заснуть, он еще больше изматывается и в конце концов оказывается не в состоянии драться.

Сам я спать пока не собирался. Правда, никто и не приказывал, а я не запрашивался. Мысль о том, что на глубине нескольких сотен футов засели тысячи багов, прогоняла сон начисто. А вдруг экстрасенс не все услышал? Или вдруг баги смогут подкрасться, минуя посты прослушивания?

Пусть все это плод моего воображения, но я не хотел оставлять багам ни одного шанса.

Я включил личный канал связи:

— Сержант! Можете отдохнуть с ребятами. Я пригляжу за всем. Ложитесь. Даю два часа на сон. Один... два...

— Прошу прощения, сэр.

— Да?

— Если я правильно понял новый план боя, в ближайшие четыре часа не предполагается никаких действий. Вы могли бы отдохнуть сейчас, а потом...

— Забудьте об этом! Я хочу проверить посты прослушивания и дождаться саперов.

— Хорошо, сэр.

— Сейчас я рвану к номеру третьему, вы останетесь с Брамби и отдохнете. А я...

— Джонни!

Я мигом переключил канал.

— Да, капитан? — Неужели Блэки нас слушал?

— Ты установил все посты?

— Да, капитан. А все нечетные уже спят. Я как раз собираюсь пройтись по всем постам. И...

— Пусть это сделает сержант. Я хочу, чтобы ты отдохнул.

— Но, капитан...

— Ложись. Это приказ. Тебе дается два часа на сон. Один... два... три...

— Капитан, с вашего позволения, я хотел бы сначала проверить посты. А потом отдохну, если вы так хотите. Но лучше бы мне оставаться на ногах...

От неожиданно громкого хохота Блэкстоуна у меня даже заложило уши.

— Очнись, сынок. Ты проспал час с лишним! Глянь на часы...

Я посмотрел и почувствовал себя круглым дураком.

— Ну что, проснулся, сынок?

— Да, сэр. Кажется, да, сэр.

— Судя по всему, становится жарче. Поднимай нечетных — пусть четные немного поспят. Если повезет, в их распоряжении будет целый час.

Я делал все, не говоря ни слова отрядному сержанту. Я был зол на него. И на Блэки тоже. На Блэки — за то, что против моей воли отправил спать. А на сержанта — за то, что со мной никогда не проделали бы такой штуки, не будь он настоящим командиром, а я — подставным.

Но после проверки третьего и первого постов (все оказалось тихо) я остыл. В конце концов, злиться на сержанта за то, что сделал капитан, просто глупо.

— Сержант...

— Да, мистер Рико?

— Вы не хотели бы отдохнуть с четными? Я подниму вас на несколько минут раньше.

Он замялся.

— Сэр, я хотел бы еще проверить посты прослушивания.

— Разве вы еще этого не сделали?

— Нет, сэр. Весь последний час я спал.

— Вот что. Поддайте-ка жару капралам, пусть подтянутся. Сейчас будить никого не станем, но, когда придется это сделать, секунды могут решить все. И тогда многое будет зависеть от них.

— Понял, сэр.

Я проверил еще один пост, потом перешел к тем четверем, что были расположены над городом багов. Требовалось некоторое усилие воли, чтобы подключиться к прослушивателю: с помощью уха я действительно слышал их — где-то на невообразимой глубине

раздавался шелест. Наверное, баги переговаривались друг с другом. Мне ужасно хотелось все бросить и сбежать как можно дальше от зловещего уха, но единственное, что оставалось, — это не показывать своих чувств.

Я подумал, что прилетевший к нам экстрасенс — просто человек с гипертрофированным слухом. Но баги находились там, где он сказал. В Кадетском корпусе мы специально прослушивали записи с болтовней багов, и я мог различать эти звуки. Четыре поста на нашем участке передавали шумы, характерные для большого города. Шелест мог быть речью (хотя зачем им речь, если всех на расстоянии контролирует каста интеллектуалов?). Хруст хвороста, шелест сухих листьев, изредка вой на высокой ноте, который фиксировался только над городом. Этот звук явно был механического происхождения. Может быть, вентиляция?

Характерного шипения и треска, означавших, что баги прокапывают новый ход, пока не появлялось.

Звуки над их бульваром были другими. Тяжелое громохание, временами доходящее до рева, словно проезжал мощный транспорт. При проверке пятого поста у меня появилась идея. Я приказал людям у четырех постов над туннелем кричать каждый раз, когда шум на бульваре будет возрастать. После нескольких экспериментов я счел нужным доложить капитану Блэкстоуну.

— Капитан...

— Джонни?

— Движение по туннелю одностороннее — от меня к вам. Скорость — примерно сто десять миль в час. Транспорт проходит примерно раз в минуту.

— Примерно так, — согласился он. — По моим расчетам, скорость составляет сто восемь миль в час, а интервал — пятьдесят восемь секунд.

— Понятно... — Я был страшно разочарован и сменил тему. — Что-то пока не видно саперов.

— И не должно быть. Они сообщили, что выбрали место у «охотников». Извини, что сразу тебе не сказал. Что-нибудь еще?

— Нет, сэр.

Он отключился, а мое настроение несколько улучшилось. Даже Блэки может что-то забыть... да и мысль моя оказалась правильной. Я покинул зону туннеля и направился к двенадцатому посту.

Как и везде, двое здесь спали, один слушал, а один стоял на часах. Я обратился к часовому:

— Как дела?

— Все тихо, сэр.

Один из новобранцев, дежуривший у уха, поднял голову:

— Мистер Рико, мне кажется, что они тут устроили базар.

— Давай послушаем.

Он подвинулся, чтобы я тоже мог подключиться.

Внизу, казалось, жарили бекон, да так громко, что, кажется, можно было почувствовать его вкус.

Я мотнул головой и заорал по общему каналу:

— Первый отряд! Подъем! Пересчитаться и доложить!

И сразу — на канал офицерской связи:

— Капитан! Капитан Блэкстоун! Срочно!

— Спокойно, Джонни. Докладывай.

— Они жарят бекон, сэр, — крикнул я, чувствуя, что не могу совладать с голосом. — Пост двенадцать.

— Принято, — сказал он. — Децибелы?

Я бросил взгляд на приборы.

— Не знаю, капитан. Прибор зашкалило. Похоже, они прямо под ногами!

— Прекрасно! — обрадовался он. — Лучшая новость за весь этот день. Теперь слушай, сынок. Подними своих ребят...

— Уже сделано, сэр!

— Отлично. Поставь еще двух прослушивателей вокруг поста двенадцать. Попробуй узнать поточнее, где они хотят вылезти. Но сам держись подальше от этого места! Понял меня?

— Слышу вас, сэр, — сказал я осторожно, — но не очень понимаю.

Он вздохнул.

— Джонни, ты заставишь меня поседеть раньше времени. Послушай, сынок. Мы хотим, чтобы они вы-

лезли. Чем больше, тем лучше. У тебя почти нет огневой мощи, тебе их нечем сдержать — останется только завалить дырку, из которой они полезут. А этого как раз ни в коем случае делать нельзя! Если навалятся всей силой, их и полк не сможет удержать. Но наш генерал это прекрасно понимает, потому на орбите крутится целая бригада с тяжелым вооружением, ждем, когда они полезут. Поэтому обозначь место, а сам держись подальше, только наблюдай. Если повезет и на твоём участке баги пойдут в главный прорыв, то данные разведки передадут на самый верх. Поэтому хватай удачу за хвост, но постарайся при этом остаться живым. Понял?

— Да, сэр. Обозначить место прорыва. Отступить и избегать контакта. Наблюдать и докладывать.

— Давай!

Я отозвал прослушивателей с девятого и десятого постов над туннелем и приказал им приближаться к посту двенадцать, каждые полмили прослушивая багов. Одновременно я снял двенадцатый и отослал ребят в наш тыл. По мере удаления они тоже должны были сообщить, как затухает звук.

Тем временем отрядный сержант занимался перегруппировкой. Всех, кроме двенадцати слушающих, перевели на территорию между городом багов и кратером. Поскольку был приказ в драку не ввязываться, нам не хотелось распылять силы. Сержант расположил ребят линией длиной всего в пять миль. На левом фланге, возле города, расположилось отделение Брамби. Интервал между людьми был всего ярдов триста; для десантника это все равно что плечом к плечу. Вдоль линии установили свои девять постов прослушивания. Теперь только я и еще трое находились вдали от отряда.

Я связался с Байонном и Дю Кампо, объяснил ситуацию и сообщил, что прекращено патрулирование. Потом доложил о перегруппировке отряда Блэкстоуну.

Наши действия он одобрил.

— Исходите из обстановки. Где может произойти прорыв?

— Похоже, в центре квадрата восток-десять, капитан. Точнее сказать пока еще трудно. Звук очень гром-

кий на участке примерно в три квадратные мили, и, сдается мне, он становится шире... Могут ли они перейти на прокладывание горизонтальных туннелей под самой поверхностью?

Вопрос, похоже, застал его врасплох.

— Возможно. Но я надеюсь, что они все же вылезут наружу. — Он сделал паузу, что-то обдумывая. —ложишь, если центр шума начнет перемещаться. Будь внимательней.

— Да, сэр. Капитан...

— Что еще? Говори, не задерживай.

— Вы сказали, чтобы мы не трогали багов, когда они полезут наверх. Но если они действительно попрут... Что нам тогда делать? Неужели только наблюдать?

На этот раз пауза затянулась секунд на двадцать. Я подумал, что за такое время капитан, наверное, проконсультировался с кем-нибудь наверху. Наконец он ответил:

— Мистер Рико, вы не должны атаковать в квадрате восток-десять или вблизи него. На другой территории разрешаю охоту.

— Да, сэр, — гаркнул я удовлетворенно, — будем охотиться.

— Джонни! — оборвал он. — Если будешь гоняться больше за медалями, чем за багами, и я это обнаружу, — не удивляйся тогда отзыву в Кадетский!

— Капитан, — сказал я честно, — при чем здесь медали, с меня вполне достаточно багов.

— Ну и хорошо. Постарайся не беспокоить меня из-за всякой ерунды.

Я связался с отрядным сержантом и объяснил ему наши новые задачи.

— Доведите до сведения всех наших. И как там состояние скафандров? Проследите за надежностью систем энергоснабжения и воздушки.

— Уже проверили все, сэр. Я думаю, сэр, что можно сменить тех, кто сейчас работает с вами. — И он предложил трех сменщиков.

В этом предложении был здравый смысл, так как ребята работали давно и без отдыха. Но почему все, кого он назвал, — разведчики?

В следующую секунду понял. И обрубал себя последними словами. Скафандры разведчиков, как и командирские, были в два раза быстрее обычных. Если бы сейчас земля разверзлась и из нее полезли баги, я оказался бы перед неразрешимой проблемой: мои спутники не смогли передвигаться так же быстро, как я...

Следующие тридцать семь минут прошли спокойно. Мы с Хьюзом исходили вдоль и поперек квадрат восток-десять, останавливаясь, прислушиваясь, опять переходя и не задерживаясь на одном месте дольше, чем требуется, чтобы воткнуть в грунт микрофон. Где бы я ни останавливался, всюду отчетливо слышался характерный звук. Участок шума понемногу расширялся, но его центр оставался прежним. Один раз я вызвал капитана Блэкстоуна — сообщить, что звук внезапно оборвался. И еще — через три минуты — объявить, что шум возобновился. Время от времени я переговаривался с сержантом. В отряде все было спокойно.

Истекли тридцать семь минут, и на нас обрушилась лавина событий.

Внезапно зазвучал канал связи разведчиков:

— Жареный бекон! Квадрат Альберт-два!

Я переключился на офицерский:

— Капитан! Жареный бекон в квадрате Альберт-два! — Затем вышел на связь с соседними отрядами: — Срочное сообщение! Жареный бекон — квадрат Альберт-два!

И тут же услышал голос Дю Кампо:

— Звуки жареного бекона в квадрате Адольф-три!

Едва успел передать эту новость Блэки, как по каналу разведчиков раздалось:

— Баги! Баги! Помогите!

— Где?!

Молчание. Я сменил канал.

— Сержант! Кто сообщил о багах?

Он торопливо ответил:

— Вылезли над своим городом. Около Бангкок-шесть.

— Бейте их! — Я переключился на Блэки: — Баги около Бангкок-шесть. Я атакую!

— Я слышал твой приказ, — ответил он спокойно. — А что в квадрате восток-десять?

— Восток-десять...

Тут земля ушла у меня из-под ног, и я провалился в наполненную багами яму. Я никак не мог понять, что случилось. Никто не атаковал. Словно я упал на крону большого дерева с живыми ветками, которые скреблись, качали меня, как будто хотели вытолкнуть из ямы. Я упал на глубину десять-пятнадцать футов. Было сумрачно, так как свет почти не проникал сюда.

Принять вертикальное положение и прыгнуть я не мог — гироскопы пока не действовали. Но неожиданно заметил, что багов в яме не становится больше. Довольно скоро эти ребята, словно волна морская, вытолкнули меня на твердую почву. Я снова стоял на ногах живой, невредимый, готовый драться. Сразу включил связь:

— Прорыв на восток-десять!.. Вернее, восток-одиннадцать, где я сейчас нахожусь. Здоровенная дырка и фонтан багов! Сотни!!

У меня было два ручных огнемета, и оба уже работали.

— Сматывайся оттуда, Джонни!

— Понял! — сказал я, приготовился подпрыгнуть, но остановился и еще раз хорошенько осмотрелся. Потому что внезапно понял, что давно уже должен был быть мертв. — Поправка, — сказал я, озираясь, все еще не веря глазам. — Прорыв на восток-одиннадцать ложный! Ни одного воина.

— Повтори.

— Восток-одиннадцать. В прорыве участвуют только рабочие. Я со всех сторон окружен, баги все прибывают, но никто из них не вооружен и, судя по панцирям, это рабочие. Меня никто не атакует.

Я помолчал.

— Капитан, а если это отвлекающий маневр? Тогда где-то готовится настоящий прорыв!

— Вероятно, — согласился он. — Твое сообщение передано прямо в штаб дивизии, так что пусть они там думают. А ты присмотришься получше и еще раз проверь информацию. Не расслабляйся — возможны сюрпризы.

— Хорошо, капитан.

Я подпрыгнул — высоко и в сторону, чтобы приземлиться за пределами широко растекающегося, безвредного, но омерзительного моря багов.

Плато, насколько хватало глаз, было покрыто черными шевелящимися панцирями. Я прямо с воздуха взял еще выше и включил общий канал:

— Хьюз! Докладывай!

— Баги, мистер Рико! Просто миллион багов! Пытаюсь жечь их.

— Хьюз, посмотри повнимательней. Кто-нибудь из них пытается отстреливаться? Или все рабочие?

— Уфф... — Я тем временем приземлился и снова подпрыгнул. Хьюз продолжал: — Так и есть, сэр. Откуда вы узнали?

— Присоединяйся к своей группе, Хьюз, — я отключился. — Капитан, здесь вылезло уже несколько тысяч багов. Число нор установить трудно. Меня не атакуют. Повторяю, меня никто ни разу не атаковал. Если там и есть воины, то они не стреляют. Может быть, прячутся и используют рабочих как прикрытие.

Капитан не отвечал.

Вдали, слева от меня, полыхнула ослепительно яркая вспышка, и сразу такая же, но только справа и еще дальше, почти у горизонта. Я автоматически засек координаты и время.

— Капитан Блэкстоун, ответьте!..

Я переключился на другой канал.

— Сержант! Вы можете связаться с капитаном, чтобы...

В это мгновение сигнал сержанта на дисплее мигнул и пропал.

Определив примерное направление, я помчался туда на предельной скорости моего командирского скафандра. До этого момента я не следил за расположением отряда. Им занимался сержант, я же увлекся прослушиванием, а последние минуты, можно сказать, тесно общался с багами. Теперь медлить было нельзя, и я пригасил сигналы рядовых, чтобы увидеть, где находятся капралы и сержанты.

Несколько секунд я изучал картинку и наконец решил остановиться на Брамби, Кунха и командирах групп их отделений.

— Кунха! Где отрядный?

— Он пошел на разведку, сэр. Полез в одну из дырок, сэр.

— Передай ему, что я на пути к вам.

Не дожидаясь ответа, я переключился на другой канал:

— «Черная гвардия» Первый отряд! Ответьте Второму!

— Чего тебе нужно? — это ворчал лейтенант Корошэн.

— Я не могу найти капитана.

— Конечно, не можешь. Он вне игры.

— Убит?

— Нет. Отключилась энергия в скафандре. Так что он пока вне игры.

— Значит, теперь командир роты вы?

— Да, командир. Тебе нужна помощь?

— Э-э... нет. Нет, сэр.

— Тогда заткнись, — сказал спокойно Корошэн. — И не возникай. Мы здесь сами еле справляемся.

Не могу сказать, что запаниковал, но я вдруг ясно почувствовал, как тяжел груз, падающий на мои плечи. Разговаривая с Корошэном, я повторно включил картинку расположения отряда и вдруг увидел, как один за другим исчезают сигналы первого отделения. Первым пропал сигнал Брамби.

— Кунха! Что там с первым отделением?

— Они спустились вслед за отрядным, — голос Кунха звучал напряженно.

Может быть, в каком-то учебнике подобная ситуация и описана, только мне его читать не довелось. Могли Брамби действовать без приказа, на свой страх и риск? Или он получил приказ, который я не услышал? Так или иначе, Брамби в данный момент уже под землей, вне видимости и слышимости — так время ли сейчас неукоснительно следовать инструкциям? Во всем разберемся завтра. Если, конечно, оно для нас наступит...

— Ладно, — сказал я, — сейчас буду.

Последний прыжок — и я над ними. Справа заметил бага и уничтожил его еще до того, как приземлился. То, что это не рабочий, я определил не по форме панциря — баг был вооружен.

— Я потерял уже троих, — Кунха тяжело дышал. — Не знаю, что Брамби нужно внизу. Они прорвались сразу в трех местах, там и погибли ребята. Но мы им тоже дали прикурить...

Пока он говорил, я поднялся в воздух, но тут же невероятной силы воздушная волна подхватила меня и швырнула в сторону. Я успел только засечь время. Три с лишним минуты — значит, меня несло миль тридцать. Неужели саперы так вставляют пробки в туннеле? Наконец удалось кое-как скоординировать движение.

— Первое отделение! Приготовиться! Возможна вторая ударная волна!

Я плюхнулся прямо на группу из трех или четырех багов. Они не погибли, но драться явно не могли — только еле шевелились. Я подпрыгнул, оставив им на прощание небольшую гранату.

— Бейте их прямо сейчас, ребята! — крикнул я по общему каналу. — Они полудохлые. И будьте готовы...

Мои слова были прерваны второй волной. Но эта была послабее.

— Кунха! Пересчитай отделение! Немедленно возьмитесь за багов, но будьте начеку.

Переключка тянулась долго: концы никак не сходились с концами, слишком много было потерь. Зато за багов взялись лихо. Я и сам успел найти и уничтожить двенадцать воинов — последний неожиданно ожил и попытался атаковать меня за мгновение до того, как я его сжег. Почему взрывная волна действует на них сильнее? Может быть, из-за того, что у них нет скафандров? Или сотрясение сильно действует на спрятанных под землей «дирижеров»?

Переключка показала, что девятнадцать человек целы и невредимы, двое погибли, двое ранены, а трое вне игры из-за поломок в скафандрах. Двумя скафандрами уже занимался Наваррес, заимствуя необходимые детали из скафандров убитых и раненых. У третьего десан-

тника вышла из строя система радарного наведения, а такой ремонт не для полевых условий. Его приставили к раненым.

К этому времени я вместе с сержантом Кунха обследовал три точки, в которых баги осуществили прорыв. При первом же взгляде на субкарту стало ясно, что новые дыры появились там, где туннели ближе всего подходили к поверхности планеты.

Одна нора уже закрыта: над ней красовался целый курган из обломков скал. Вторая — открыта, но активности там баги не проявляли. Я приказал Кунха поставить возле нее капрала с рядовым. Они обязаны были отстреливать одиночных багов и завалить дыру в случае массового прорыва. Маршалу хорошо сидеть вдали и рассуждать о том, что нужно держать все норы открытыми. Нам с ребятами было не до теорий.

Потом я добрался до дыры, поглотившей моего сержанта и половину отряда в придачу.

Здесь коридор багов проходил всего в нескольких десятках футах от поверхности, и багам, чтобы пробиться наверх, нужно было только убрать слой скалистой породы — потолок туннеля. Когда они проделывали это, мы слышали звук бекона на сковородке. Я удивился, что нигде не видно кусков твердой породы. Бросил взгляд на карту и понял, что произошло. Две дырки, у которых я уже был, баги проделали из небольших боковых туннелей. Но эта вела в их главный лабиринт, так что две другие были сделаны для отвлекающего маневра. Главный прорыв намечался именно здесь.

Интересно, умеют ли баги слушать нас через слой почвы?

Яма сужалась книзу, образуя воронку, на дне которой не было видно ни людей, ни багов. Кунха показал, куда ушли ребята из второго отделения. С того момента, как вниз прыгнул отрядный сержант, прошло семь минут и около восьми с тех пор, как за ним последовал Брамби. Я вгляделся в темноту и несколько раз сглотнул, пытаясь унять поднимавшуюся тошноту.

— Гляди за своим отделением, сержант, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал бодро. —

Если понадобится помощь, обращайся к лейтенанту Корошэну.

— Какие будут приказания, сэр?

— Никаких. Действуй по-прежнему, пока не получишь новую команду сверху... Я собираюсь спуститься и поискать второе отделение. Так что со мной некоторое время не будет связи...

Не дожидаясь ответа, я прыгнул — нервы и так были на пределе.

Я приказал Кунха оставить двух человек у дырки для прикрытия тыла — одного наверху, у края воронки, другого в туннеле. Затем мы двинулись вниз по коридору вслед за вторым отделением. Старались продвигаться как можно быстрее, но ползли, как мухи — потолок туннеля проходил над самой головой. Скафандры предусматривали режим движения как бы на коньках, в котором можно быстро катиться вперед, не поднимая ног. Но в этом жутком низком коридоре, когда не ясно, что ждет через несколько шагов, так двигаться было рискованно. Мы просто быстро шагали вперед.

Кроме того, пришлось воспользоваться инфравизорами. Спустившись, мы сразу поняли, что наши биологи правы: баги видели в инфракрасной части спектра. Как только мы включили инфравизоры, оказалось, что туннель ярко освещен. Правда, ничего интересного пока не было — стены из оплавленной скальной породы и удивительно ровный пол.

Спустя некоторое время мы пошли к перекрестку — ход поменьше пересекал наш туннель под прямым углом. Я дал знак остановиться. Нашими стратегами была разработана целая доктрина ведения боевых действий под землей, имелось множество инструкций. Но был ли в них прок? Уверенно можно было сказать только одно: тот, кто эти инструкции писал, ни разу не опробовал их на деле... Потому что пока никто еще не возвращался из-под земли, чтобы рассказать, насколько эти инструкции хороши.

Одна из штабных разработок предписывала, в частности, охрану любого встречающегося на пути перекрестка. Вроде того, перед которым мы стояли. Выставить здесь охрану? Но ведь я уже оставил часовых у дырки,

два человека должны обеспечивать возможность отхода. Если каждый перекресток будет отнимать у меня по десять процентов личного состава, шансы выбраться отсюда будут уменьшаться в той же пропорции.

Я решил, что мы должны держаться вместе. И еще решил, что никого не дадим захватить в плен. Обычная операция по захвату территории, только под землей... И когда я себя в этом убедил, будто гора свалилась с плеч. Удивительно, но я успокоился.

Я осторожно заглянул за угол, потом вышел на перекресток и посмотрел по сторонам. Никого. Ни наших, ни багов. Позвал по сержантскому каналу связи:

— Брамби!

Результат был ошеломляющим. Когда разговариваешь по радио, то собственного голоса, естественно, не слышишь. Но здесь, в лабиринте подземных туннелей, мой голос вернулся мощной, как будто физически ощущимой звуковой волной:

— БРРРАММБИ!

У меня даже заложило уши.

Но тут на меня с еще большей силой налетела новая волна звука:

— МИСТЕРРР РРИККО!

— Не так громко, — сказал я, перейдя на шепот, — где ты?

На этот раз Брамби ответил значительно тише:

— Я не знаю, сэр. Мы заблудились.

— Ладно. Не дергайся, все нормально. Мы как раз пришли за вами. Сдается мне, вы где-то недалеко. Отрядный с вами?

— Нет, сэр. Мы...

— Погоди, — я переключил канал связи, — сержант...

— Слышу вас, сэр, — его голос звучал спокойно и тихо: наверное, он тоже шептал. — Мы с Брамби держали контакт по радио, но никак не могли встретиться.

— Где вы?

Он заколебался.

— Сэр, я бы посоветовал вам найти Брамби и выбираться двумя отделениями навстречу...

— Отвечайте на мой вопрос.

— Мистер Рико, вы можете целую неделю бродить по этому лабиринту, но так меня и не найти... и к тому же я не могу двигаться. Вы должны...

— Хватит об этом! Вы ранены?

— Нет, сэр. Но...

— Так почему не можете двигаться? Баги?

— Их здесь полно. Но достать меня не могут... а я тоже не могу вылезти. Думаю, вам лучше...

— Сержант, вы тратите драгоценное время. Уверен, что вы знаете, где находитесь. Сейчас возьму карту, а вы скажете координаты. И включите направленный сигнал. Это приказ. Докладывайте.

Он доложил четко и коротко. Я убрал инфравизор, включил лампу на шлеме и проложил дорогу на карте.

— Прекрасно, — сказал я, кончив рисовать. — Вы находитесь почти под нами. На два уровня ниже. Мы примчимся к вам, как только соединимся со вторым отделением. Держитесь. — Я переключился на общий канал.

— Брамби.

— Здесь, сэр.

— Куда вы направились после первого перекрестка — направо, налево или вперед?

— Прямо вперед, сэр.

— О'кей. Кунха, идем к ним. Брамби, баги вас атакуют?

— Сейчас нет. Но из-за них мы и заблудились. Они набросились на нас, мы отбивались, а потом оказалось, что не знаем, как выбраться.

Я хотел было расспросить его о потерях, но потом решил, что не это сейчас главное. Нужно собрать всех ребят и вывести наружу. Там поговорим.

Пустой, вымерший подземный город угнетал и пугал — уж лучше бы здесь бегали баги. Драку под землей мы, по крайней мере, могли представить, а пустые и тихие коридоры таили в себе неясную угрозу. Мы прошли еще несколько перекрестков. Брамби говорил нам, куда сворачивать. В туннели, которые мы миновали, я бросил липучки. Изобретенные недавно бомбы содержали газ, похожий на тот, которым мы

уничтожали багов раньше. Но липучки багов не убивали, а вызывали лишь временный паралич. Перед операцией нам выдали уйму бомб, и я, не жалея, разбрасывал их направо и налево. В какой-то степени они могли защитить от нападения с флангов.

В одном из больших туннелей мы не смогли наладить с Брамби нормальный контакт из-за необъяснимого отражения радиоволн в этом месте. Связь восстановилась только на следующем перекрестке.

Правда, здесь он уже не смог сказать, куда надо сворачивать. Тут или где-то поблизости их атаковали баги.

Здесь же они напали на нас.

Не знаю, откуда они взялись. Вначале все было тихо. Потом я услышал крики «баги! баги!» из хвоста колонны. Едва успел повернуться, как баги заполнили весь туннель. Я подумал, что гладкие стенки коридоров не так уж непроницаемы, как кажется. Иначе как могли баги появиться сразу и везде, вокруг нас и между нами?

Мы не пускали в ход огнеметы, не использовали бомбы и гранаты: слишком велика была вероятность задеть своего. Но баги не стеснялись в средствах, если знали, что попадут в десантника. Нам же оставалось отбиваться от них руками и ногами. Но и это оружие было действенным — багам доставались удары мощной мускулатуры скафандров.

Драка длилась не больше минуты. Потом вдруг все баги исчезли, на полу туннеля валялись только дохлые... но, увы, там же лежали и четыре наших парня. Среди них был сержант Брамби. Его отделение присоединилось к нам во время боя. Они тихо, буквально держась друг за друга, чтобы не потеряться, стояли в соседнем туннеле — и вдруг слышали шум драки. Они направились прямо на шум и вышли к нам.

Кунха и я удостоверились, что четверо десантников мертвы. Потом мы сформировали из двух отделений одно, состоящее из четырех групп. Затем я определился по карте, и весь отряд начал спускаться еще глубже под землю. Очень скоро мы обнаружили багов, окруживших нашего отрядного.

Бой был еще короче первого — от сержанта мы знали, чего ожидать, так что преимущество было на нашей стороне. Сержанту удалось захватить бага-интеллектуала. Он прикрывался им, как щитом, а воины не могли ничего сделать, не подвергая опасности жизнь своего «дирижера». Правда, сержант тоже был лишен возможности двигаться.

Зато мы двигались, как хотели, и нанесли по багам удар с тыла по всем правилам военной науки.

Потом я рассмотрел здоровенную тушу интеллектуала, которого держал сержант, и, несмотря на усталость и потери в отряде, воодушевился.

Но в этот момент прямо над нами послышался характерный звук, и на наших глазах потолок туннеля покрылся трещинами и развалился. Огромный кусок породы накрыл меня, и мое участие в операции «Аристократия» закончилось...

Я проснулся в постели и подумал, что нахожусь в Кадетском корпусе и что до сих пор мне ни разу не снились такие продолжительные и такие сложные кошмары на военные темы. Но это был больничный отсек транспорта «Аргонн». Я действительно дрался с багами под землей и действительно целых двенадцать часов командовал отрядом.

Но теперь я был лишь одним из пациентов корабельного лазарета и, как многие другие, лечился от отравления ядовитой атмосферой планеты П, а также от весьма порядочной дозы радиации: я слишком долго провалялся на поверхности планеты без скафандра, пока не подхватила спасательная шлюпка. Кроме того, у меня обнаружили несколько переломов ребер и легкое сотрясение мозга, которое и вывело меня из строя.

Очень не скоро удалось узнать подробности завершения операции «Аристократия» и более или менее восстановить общую картину действий. Многое, конечно, навсегда останется тайной, похороненной в подземных туннелях багов. Погиб Брамби. Получил свое Найд. И мне оставалось радоваться тому, что оба получили перед десантом шевроны и чувствовали себя людьми в той ужасной неразберихе, когда никто уже не вспоминал о плане боя на планете П.

Я узнал, почему мой отрядный сержант решил спуститься в город багов. Он слышал, как я докладывал капитану Блэкстоуну о том, что главный прорыв оказался фикцией, что они просто пустили рабочих на убой. Когда из образовавшейся рядом с ним дыры полезли настоящие воины, сержант пришел к выводу (на несколько минут опередив заключение Генерального штаба), что никакой отвлекающей атаки не было — баги вылезали наружу от отчаяния и безысходности.

Сержант отметил, что контратака, предпринятая из их города, оказалась слабенькой, а это означало, что сил у них немного. И тогда он почувствовал, что наступил тот миг, который редко выпадает на долю десантника. Золотой миг — стечение обстоятельств, когда один человек может выполнить главную задачу операции. Сержант, не колеблясь, решил использовать свой шанс и в одиночку попробовать захватить кого-нибудь из королевской семейки. Он прыгнул в воронку, уводящую в лабиринты багов — и выиграл.

Благодаря ему действия Первого отряда «Черной гвардии» получили официальную оценку «миссия выполнена». На планете П в тот день дрались сотни отрядов Мобильной Пехоты, но тех, кто мог потом похвастаться такой оценкой, можно пересчитать по пальцам. Ни одной королевы захвачено не было — баги убили их сами, когда поняли, что положение безвыходно. Удалось взять живьем интеллектуалов — но всего шесть штук. Ни одного из них, кстати, так и не смогли обменять на своих: «дирижеры» прожили в плену очень недолго. Но психологам все же удалось кое-что выведать, так что операцию можно было считать успешной.

Мой отрядный сержант прошел полевую аттестацию и стал офицером. Эта новость меня не удивила. Капитан Блэкстоун частенько говаривал, что я заполучил лучшего на Флоте сержанта, в чем я, кстати, ни на миг не сомневался. Ведь я знал своего отрядного раньше. Не думаю, что кто-нибудь в «Черной гвардии» об этом догадывался — я никому не рассказывал, а уж он-то издавна. Сомневаюсь, что даже Блэки был в курсе. А

ведь я знал своего отрядного с самого первого дня в Мобильной Пехоте.

Это был Зим.

Я понимал, что во время операции «Аристократия» действовал отнюдь не блестяще. Проведя месяц не «Аргонне», я в числе других выздоровевших прибыл на Санктор. Времени для размышлений оказалось неприлично много. Я перебирал в уме детали, пытался с разных сторон смотреть на свое поведение в качестве командира отряда. Чувствовал, что действовал не совсем так, как полагалось Лейтенанту с большой буквы: позволил этому дурацкому куску скальной породы упасть мне на голову, не смог после ранения продолжать командовать отрядом...

А главное — потери. Я до сих пор не знал числа погибших. Помнил только, что при последней переключке из шести групп оставалось четыре. А сколько отряд потерял потом, когда Зим выводил всех наверх и когда ждали шлюпку? Об этом можно только догадываться.

К тому времени я даже не знал, жив ли капитан Блэкстоун (на самом деле он был в полном порядке, даже снова взял на себя командование ротой, когда мы спустились под землю). Я же, находясь в неведении, размышлял, как обычно выходят из положения, когда экзаменующийся жив, а экзаменатор мертв. Не оставляла мысль, что после всех промашек даже на сержантскую должность меня не возьмут. Поэтому наплевать, что все учебники по математике остались на другом корабле.

Тем не менее, как только мне разрешили вставать и ходить по кораблю, я позаимствовал кое-какие книжки у одного из младших офицеров и засел за учебу. Математика для меня — тяжкий труд, занятия не оставляли места для неприятных мыслей, к тому же я утешал себя тем, что математика всегда пригодится — независимо от звания и должности.

По прибытии на Санктор выяснилось, что, несмотря на все мрачные предчувствия, я снова кадет. Видимо, Блэки выдал положительное заключение как аванс.

Мой сосед Ангел сидел в нашей комнате — ноги на столе. Возле него лежала аккуратно упакованная стопка моих книг по математике. Когда я вошел, он чуть не свалился со стула.

— Хай, Джонни! А мы думали, ты — того!

— Я? Нет, я не пришелся им по вкусу. А когда тебе на стажировку?

— Ничего себе, — иронично протянул он. — Да я уже давно отсменировался. Я отбыл через день после тебя, сделал три выброса и уже через неделю был тут. А почему ты так задержался?

— На обратном пути. Целый месяц был простым пассажиром.

— Везет же некоторым. А сколько выбросов ты сделал?

— Ни одного, — признался я.

Он присвистнул:

— Уж если некоторым везет, так на полную катушку!

Наверное, Ангел был в чем-то прав. В положенный срок я успешно сдал все экзамены и получил диплом. Однако, на мой взгляд, мне всегда везло в другом — меня окружали хорошие и талантливые люди. И сам Ангел, и сержант Джелли, и лейтенант Расжак, и Карл, и полковник Дюбуа, и Блэки, и Брамби... и, конечно, сержант Зим. Первый лейтенант Зим уже занимал капитанскую должность. Все правильно. Я знал, что мне глупо с ним тягаться.

Через день после выпуска я и мой одноклассник Бенни Монтец стояли в зале космопорта, ожидая прибытия своих кораблей. Я чувствовал себя непривычно в новенькой лейтенантской форме и неловко отвечал на приветствия рядовых и сержантов. Чтобы скрыть смущение, я отвернулся к стене и стал читать висевшую на ней таблицу. Это был список кораблей, находящихся в данный момент на орбите Санктора. Длиннющий перечень — как будто против Санктора готовилась операция невиданного размаха. Я глазел на таблицу и думал, что у меня сейчас два желания: вернуться в родной отряд и встретить там отца.

Но я старался не думать об этом — боялся спугнуть предстоящую радость. Стоял, просматривал перечень,

стараясь сосредоточиться именно на нем. Сколько кораблей! Я попытался выискать десантные транспортники, то есть те корабли, которые имели непосредственное отношение к Мобильной Пехоте.

Вот «Маннергейм»! Есть шанс увидеться с Кармен? Скорее всего, нет, но можно навести справки.

Вот большие корабли: новая «Долина Фордж» и новый «Ипр», «Марафон», «Галлиполис», «Ватерлоо» и множество других. Громкие имена. Они связаны с победами, в которых топчущая грязь пехота прославилась своим именем.

Корабли поменьше. Они названы именами рядовых, сержантов и офицеров: «Горацио», «Альвин Йорк», «Свэмп Фокс», вот и мой «Роджер Янг», «Полковник Боуи», «Ксенофонт» и бесконечный список других.

— Смотри, — сказал я Бенни, — какие имена. За каждым — история. Ты изучал историю в школе?

— Конечно, — сказал Бенни, — я, например, помню, что Симон Боливар построил пирамиды, разгромил «Непобедимую армаду» и совершил первый полет на Луну.

— Ты не упомянул, что он женился на Клеопатре.

— Ах это. Да, конечно. Я думаю, что вообще у каждой страны своя версия истории.

— Я просто уверен в этом, — сказал я и добавил кое-что так, чтобы он не расслышал.

— Что ты говоришь? — спросил Бенни.

— Извини, Бернардо. Просто одна старая поговорка на моем родном языке. Я думаю, ее можно перевести примерно так: твой дом там, где твое сердце.

— А какой у тебя родной язык?

— Тагалогский.

— А разве вы не говорите на обычном английском?

— Конечно, говорим. В деловой жизни, в школе и так далее. Но дома позволяем себе иногда разговаривать на родном старинном. Традиции. Сам понимаешь.

— Да. Мои старики, например, тоже любят поболтать по-испански. Но где ты...

Громкоговорители космопорта пропели мелодию «Страна лугов». Бенни широко улыбнулся.

— Вот он, мой родимый! Береги себя, друг! Увидимся!

— Держи багов на мушке! — Он убежал, а я снова повернулся к таблице. «Поль Молетер», «Монтгомери», «Геронимо»...

И тут раздалась самая чарующая мелодия в мире:

«Да прославится имя, да прославится имя Роджера Янга!»

Я схватил вещи и бросился на позывные. Твой дом там, где твое сердце.

13

Разве я сторож брату своему?

Бытие IV, 9

Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?

Евангелие от Матфея XVIII, 12

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного... кто спасает жизнь одного, спасает жизнь всех живущих.

Коран, сутра V, 32

Шли годы, мы постепенно склоняли чашу весов на нашу сторону. В каждом деле нужно соблюдать меру.

— Уже время, сэр, — у двери стоял мой стажер, он же третий лейтенант Бирпоу. Он выглядел таким неловким и таким молодым, что я с трудом сдерживал улыбку. Похоже, он был так же безобиден, как и его древние предки — охотники за скальпами.

— Точно, Джимми, — я уже был в скафандре. Мы прошли к корме, к отсеку отстрела. — И вот что. Будь рядом, но не путайся под ногами. Чувствуй себя свобод-

ным, используй амуницию на полную катушку. Если со мной что случится, командиром становишься ты. Но лучше бы тебе при этом довериться своему отрядному сержанту.

— Да, сэр.

Мы вошли в отсек, и отрядный сержант крикнул «Внимание!» и отдал честь. Я сделал то же самое и сказал:

— Вольно.

Я сразу приступил к осмотру первого отделения, а Джимми проверял второе. Потом и я вслед за ним осмотрел второе отделение. Никаких нарушений я не обнаружил. И никогда не обнаруживал — мой отрядный был педантичнее меня самого. Но я знал, что ребятам спокойнее, когда их Старик самолично осмотрит снаряжение каждого. Кроме того, это входило в мои прямые обязанности. Я снова вышел на середину отсека.

— Еще одна охота на багов, ребята. Но она будет отличаться от прошлых, как вы уже знаете. Мы не можем использовать планетные бомбы, потому что они держат на Клендату наших пленных. Мы спустимся на планету, останемся на ней и выкурим оттуда багов. Всех до единого. Шлюпок, чтобы вернуться, не будет. Разве что нам доставят боеприпасы и питание. Если попадете в плен, не дергайтесь, держитесь спокойно: за вами мы, за вами вся Федерация. Так или иначе вас вызволят. И помните, что этого ждут от нас ребята с «Монтгомери» и «Свэмп Фокс». Те, кто еще жив, ждут нас. Они знают, что мы обязательно придем. И вот мы идем. Мы не оставим их в беде.

Помните, что вокруг будет много наших. Большие силы сосредоточены и на орбите. Нам же нужно позаботиться только о своем маленьком «огороде». Как это сделать — мы разучивали не раз на корабле.

И последнее. Как раз перед самым отбытием я получил письмо от капитана Джелала. Он пишет, что его новые ноги отлично работают. Но он также просил передать, что он всегда помнит о вас... и надеется, что вы прославите свои имена!

А я постараюсь от вас не отстать. Пять минут, падре.

Я почувствовал, что начинаю дрожать. Дрожь немного отпустила, когда я давал последние наставления и наконец скомандовал:

— По отделениям... левый и правый борт... приготовиться к выбросу!

Все было нормально, когда я осматривал ребят в капсулах, в то время как Джимми и сержант проверяли капсулы по другому борту. Потом мы усадили Джимми в третий по счету кокон. Когда его лицо скрылось, я опять начал дрожать как в лихорадке.

Мой отрядный положил руку на плечо моего скафандра.

— Как на учениях, сынок.

— Да, отец, — я сразу перестал дрожать. — Со мной всегда так, пока я жду.

— Я знаю... Все в порядке, сэр?

— По-моему, да, папа.

Я легонько ударил его в бок, потом ребята из команды флотских усадили нас в капсулы. Дрожь больше не возобновлялась, я доложил.

— «Сорвиголовы» Рико готовы к выбросу!

— Тридцать одна секунда, лейтенант. — Пауза. Потом она добавила: — Желаю удачи, ребята! В этот раз мы зададим им жару!

— Обязательно, капитан.

— Приготовиться. Немного музыки, пока ждете? — Она включила запись:

«Во имя вечной славы пехоты...»

Содержание

Туннель в небе, роман, <i>перевод с английского А. Корженевского</i>	5
Звездная пехота, роман, <i>перевод с английского А. Дмитриева</i>	257

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

В двадцати пяти книгах

Книга третья

Составитель В. Быстров

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы Т. Корженевская, Л. Усачева

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Е. Новикова, Е. Ошуркова

Оператор компьютерной верстки Н. Амосова

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление: А. Сергуниш, А. Кириллов

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.10.94.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

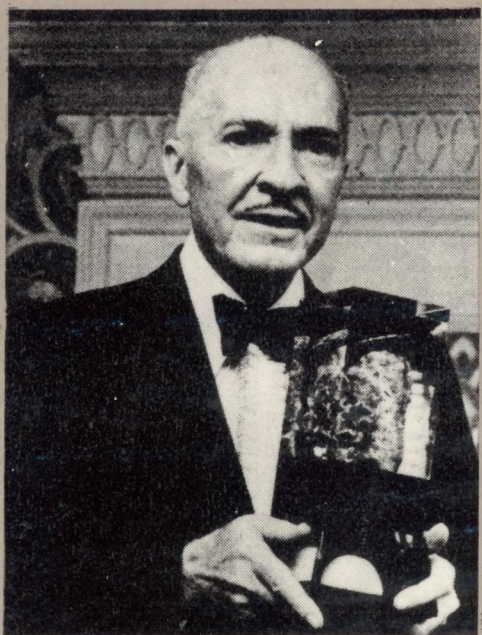
Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 26,2. Уч.-изд. л. 26,9.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 4-380.

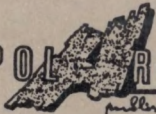
**Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV, 1039, Рига, а/я 22.**

**Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POL RIS
publishers